

ISSN 2221-9331

Литературно-художественный журнал
Харьковского отделения Союза писателей России

Том 21
2014

ХАРЬКОВ

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

Ганичев В.Н. — председатель Правления Союза писателей России, член Общественной палаты Российской Федерации, заместитель главы Всемирного русского народного собора, вице-президент Международной славянской академии, доктор исторических наук, профессор.

Котькало С.И. — сопредседатель Союза писателей России и Духовно-просветительского центра имени святого праведного Феодора Ушакова. Член бюро Президиума Всемирного русского народного собора.

Скворцов К.В. — секретарь правления Союза писателей России, действительный член Петровской академии наук и искусств.

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Председатель — А. Г. Романовский

Главный редактор — Л. И. Мачулин

Редакция не ведёт полемику на страницах издания.
Переписка с читателями по усмотрению редакции.
Рукописи не рецензируются и не возвращаются.

Адрес для писем: а/я 9127, Харьков, 61057, Украина.

e-mail: editor01@list.ru
<http://slvn.org/>
тел./факс +38 (057) 700-40-25

ПОЭЗИЯ

Юлия КОПЫЧКО

**«Ты слышишь? Я тебя люблю...
Ты чуешь? Я тебе кохаю...»**

* * *

Мир бахвалится неистовством,
мир в глаза пылит безбрежностью...
Мне ж, дай Бог, с тобой не выспаться,
тихо в ночь пролившись нежностью,
где луна свивает косами
свет серебряно-фисташковый,
а земля, потея росами,
молча пьёт дурман ромашковый,
ну а мы — вновь стали юными,
озорными, настоящими
да легли аккорды струнные
в души углями горящими,
где мгновенья — истуканами
замерли пред бесконечностью,
где прошепчут губы — странное
и оно сольётся с вечностью,
где нам сеть сплетут касания,
и мы в ней от мира спрячемся,
и не будем знать заранее,
стоит ли судьбе артачиться,
сколько ею лет отмеряно,
но, сложив свои дыхания,
сможем мы сказать уверенно,
что бессильны расстояния...
Я хочу, чтоб губы истоиво
в час ночной ласкались свежестью...
Я — хочу с тобой не выспаться,
захлебнувшись в полночь нежностью...

* * *

Мне снились с сумасшедшинкой глаза,
горящие желаньем и надеждой...
И комната с разбросанной одеждой,
которая вдруг стала не нужна...

Мне снились губы, сладкие, как мёд,
в прикосновеньях трепетных и томных,
а в омутах забвения бездонных —
волос твоих неудержимый лёт...

Но краток был мне столь желанный сон...
Мучительно бесцветным — пробужденье
в стенах, где нет тебя... Лишь отраженье

в прицелах окон — тени и времён...
Блужданием надежды утомлён,
жду возрождения в твоём прикосновенье...

* * *

Молчание горчит,
когда встаёт стеной...
Молчание — молчит...
Молчание — немой...
Холодный телефон
и скрипы половиц...
Заползший в угол стон
и строй ненужных лиц...
Молчание — кричит,
щеря в ухмылке рот...
Молчание — в ночи
изъевший душу крот...
Несокрушимый щит,
покинутый погост...
Молчаньем я прошит.
секрет молчанья — прост...
Разорванная связь,
расколотый эфир...
Дожди, сомненья, грязь
и сумасбродный мир,

и пустота — вокруг,
и тишина — кругом,
и недоступность — вдруг
осиротевший дом...
И будущего — нет,
и только грусть — венец...
Молчание — билет...
Билет в один конец...

* * *

Печаль останется со мной,
я ей уехать не позволю...
Печаль мне дарит цель и долю,
надежду, веру, рабство, волю,
тропу по скошенному полю,
домой ведущую порой ...

Печаль ты заберешь с собой,
не позволяя ей остаться,
ты с ней не в силах не считаться...
Устав бежать, устав скитаться,
с печалью легче возвращаться
туда, где ждут... К себе домой...

* * *

Обними меня, обними...
Прикоснись к щеке невзначай,
задержав дыханье на миг...
Обещай, молю, обещай
что-нибудь: я ведь этим дышу,
по извечному праву любви...
Я ведь, в общем, не много прошу —
обними меня, обними...

Успокой меня, успокой,
расскажи, что годы — пустяк,
просто день вот выпал такой,
да с погодой что-то не так...

Я ведь это под сердцем ношу,
а без этого — стану рекой...
Я ведь, в общем, не много прошу —
успокой меня, успокой...

* * *

Природа плакала навзрыд,
вода на землю изливалась —
я уезжал... Ты — оставалась...
Как трудно было делать вид,
что всё идёт как надлежит...

Любовь не спрашивает нас,
входя с размаху в наши души,
как в тело — нож... Былое рушит,
не выбирая день и час,
в последний раз ли, в первый раз...

Наивно было бы искать
нам в мире этом справедливость...
Но почему, скажи на милость,
Господь не дал нам осознать,
что от себя не убежать?...

Как птица, раненым крылом
дорогу грусти подметаю...
Я ничего уже не знаю,
всё это кажется мне сном:
Кто я? Где я? И где мой дом?...

За горизонт уходит дождь,
как старец, тучей сгорбив плечи...
Дожить бы нам до новой встречи,
чтоб погасить в объятьях дрожь...
Ты слышишь? — шепелявит рожь,

но я не стану отвечать:
Рожь — значит пропасть где-то рядом...
Я вдаль гляжу туманным взглядом:
терпеть, молчать, терпеть, молчать...
И жжёт прощания печать...

* * *

Свеча, роняя восковые слёзы,
загадочно подмигивала нам...
А мы делили мир напополам:
тут — прошлое, там — будущего грёзы...
Но настоящее, размытой тенью прозы,
уже стучалось в перекрестья рам...

То, что в себе так долго мы хранили,
взорвало рамки и сожгло мосты...
Сжимая мир до призрачной черты
извечного: любили — не любили,
мы, покорясь неодолимой силе,
плели объятья всласть, до хрипоты...

Привычка жить наивна и жестока...
Теперь я лишь вычеркиваю дни,
которые меж нами... А они
тягучи, словно проповедь пророка...
Я буду ждать отмеренного срока,
я буду ждать, Господь тебя храни...

Листая дни, вычёркивая ночи,
я буду ждать, как ждёт огня свеча
и, может быть, надежда, горяча,
не даст мне захлебнуться пеной строчек,
чтобы однажды льда разлук кусочек
истаял у любимого плеча...

* * *

Скажи, любимая, куда
уходят сны, цветы и звуки,
нам оставляя боль разлуки
на дни, недели и года?
Скажи, любимая, куда?...
Как больно с этим просто жить,
бесцельно вглядываясь в лица,
к недостижимому стремиться
и ненавидеть слово «быть»...

Как больно с этим просто жить...
Скажи, любимая, зачем
нас гонит по свету недоля?
Что нам надежда, вера, воля,
когда любовь попала в плен?
Скажи, любимая, зачем?...
В плену земного бытия
любовь влачит свои оковы,
а мы... Мы просто не готовы
ей руки протянуть, любя...
В плену земного бытия...

* * *

Там, за краем облака — небо чистое...
Там, за краем облака — дивный свет...
Там, за краем облака — даль лучистая...
Там, за краем облака счастья нет...
Не за краем облака ты, любимая —
в стороне неласковой да чужой...
А любовь — как нищенка, в даль гонимая
голодом, надеждою да тоской...
Я живу надеждою, что мы встретимся...
Я и жив — надеждою, а пока
неуютно дышится, неуклюже терпится...
И за краем облака — облака...

* * *

Ты — жажда... Я тебя не в силах утолить...
Как пьяница, вину отдавшийся однажды,
я пересохшими губами жажду: пить! —
дабы очнуться вновь в объятьях жажды...
Ты — жажда, что на части душу рвёт...
Ни ливень ласк, ни поцелуев влага
не в силах напоить меня... И жжёт
своею грешной чистотой бумага...
Ты — просто жажда, посланная мне,
из прошлого, вдогон, как пуля в спину,
когда я улетаю в забытом сне
в июнь — навстречу юности и сплину...

Ты – жажда... Жадно ждущая огня,
хранящая в себе его тепло живое...
И я молю: не оставляй меня
наедине с судьбой на водопое...
Ты – жажда... Я тебя не в силах утолить...
Как пьяница, вину отдавшийся навечно,
я жажду, я твержу упрямо: пить!...
Мне нравится, что жажда – бесконечна...

* * *

Ты слышишь? Я тебя люблю...
Ты чувствуешь? Я тебе кохаю..
Я с именем твоим встречаю
рассвет... И с ним я ночь делю...
Как не хватает мне тебя,
как нужно мне твой голос слышать ...
Я жду звонка. Но горбит крыши
мой город, в тишину скользя...
Мой Бог, зачем ты далеко?
Что остаётся нам, смириться?
Покоя нет... В душе творится
любовь... А с нею – нелегко...
Я эти дни – перетерплю,
я эти ночи – пролистаю...
Ты чувствуешь? Я тебе кохаю..
Ты слышишь? Я тебя люблю...

* * *

Я теряю чувство меры,
я теряю чувство веры...
Торопясь, не успеваю –
я теряю, я – теряю...
Я теряю ощущение,
я теряю отношенье...
Я бреду, скользя, по краю –
я теряю, я – теряю...
Я теряю сны и звуки,
я твои теряю руки...
Боже! Небу боль вверяю –

я теряю, я – теряю...
Я теряю оправданье,
я теряю обладанье...
Не витаю, не летаю:
я – теряю. Вновь теряю...
Я теряю...
Ты теряешь...
Мы теряем...

Анатолій МИРОНЕНКО
МОЄ СВЯТОГІР'Я

Вінок сонетів
Валерію Сиротинку

1

Мов дуб, я вріс у Святогір'я, –
в ліси й поля, луги й траву.
І тут мій дім, моє подвір'я,
тут я працюю і живу.

Та чи живу, чи виживаю,
як ненька Україна-Русь?
Бува, натщесерце співаю,
бува, натщесерце борюсь,

здираю грим з чужого бога.
І хижо шкіриться епоха,
аби моє не відбулось.

Я в скирті гною розібрався,
у шати вольності убрався
і вже здичавів, наче лось.

2

І вже здичавів, наче лось.
Пірнаю думкою в Трипілля,
де зустрічали хлібом-сіллю,
як зроду-віку там велось.

Там наше вічне безначало
і з безконечністю межа.
Там наша пісня прозвучала,
коли прорізалась душа.

Там пращур сів і орав,
орав і сів, а не крав
у неба зорі і сузір'я.
А час ішов не навпаки,
і гладили круті віки

моє легке орлине пір'я.

3

Моє легке орлине пір'я
не терпить марев і примар
і розриває на ганчір'я
синяво-чорні згустки хмар.

Дивився Кий, як на прелюд,
на Родом дане володіння,
аби піднявся рідний люд
до живота від животіння.

Душі великої веління
нові всмоктали покоління,
і все задумане збулось.

А у Царграді зле розтління,
а у Царграді і сумління
корою грубою взялось.

4

Корою грубою взялось,
націлившись у наші межі.
Але були недремні вежі,
і поле гнівом налилось.

І стали вої супроти,
і два світи звелись супроти.
І прибивалися щити
на тричі хрещені ворота.

І я в дубовому гаю,
як воїн справдішній, стою,
держу од вітру оборону.

і, щоб до неба дорости
і в інші зазирнуть світи,
тягну до сонця буйну крону.

5

Тягну до сонця буйну крону,
люблю берізоньку гнучку
і лиховісницю ворону

терплю на власному сучку.
І вже престольний маніяк,
хрестивши Русь мечем байдужих,
пустив біблійний порожняк
гулять по наших щирих душах.

І вже чуже і хиже небо
в ім'я всевишньої потреби
ронило кров'яну росу.

І я, щоб марно не гнівितись
і щоб добряче похмелитись,
спиваю зір нічних ясу.

6

Спиваю зір нічних ясу,
милуюсь, наче раєм, гаєм.
І Святогор оцю красу
споконвіків оберігаю.

Тут все пішло від Святогора:
і луки, й верби, і Дінець,
і ці святі правічні гори –
землі тутешньої вінець.

Тут я також добру учивсь
і на зненависті точивсь,
бо звідав смак і перцю, й хрону.

Та Святогор лиш на добро
вручив мені святе перо
і мідну лосячу корону.

7

І мідну лосячу корону
здіймаю до високих віт
і теж беру під охорону
увесь оцей стражденний світ.

А руські хрещені князі
у хрещені погрузли чвари
і, мов довірливі в'язі,
клювали на попівські чари.

Та кровожерливі монголи
плювали на святі глаголи

і Русь трощили, як лозу.
І я, як свідчення погрому,
уламки блискавок і грому
на голові своїй несу.

8

На голові своїй несу
і знак негласної любові,
яка завжди напоготові
устать за правду і красу.

І знов життям бурлили доби,
і зорі квітнули в траві.
Та це було не до вподоби
усякій різній татарві.

І зріли з височин орли,
як люд наш зоряний тягли
на работоржище аркани.

І як на тім себе ловлю,
що від безсилля і жалю
в мені киплять німі вулкани.

9

В мені киплять німі вулкани
в своїй глибинній боротьбі,
бо ми усе ж не могікани
на нашій праведній тропі.

І встала Січ натужно й важко
над кровомісивом віків.
Але біблійна кішка Машка
покрила славних козаків,

а Січ німкені віддала.
такі от, бачите, діла,
такі от, бачите, капкани.

Тремтить напружено мій лист,
повз мене куль незримих свист,

об мене плющатся жакани.

10

Об мене плющатся жакани,
крізь мене знов ідуть віки,
і осавули – як полкани,
і наче тіні – кріпаки.

І тут, і там, і де не раз
за волю затухала битва,
постав розгніваний Тарас
з пером наточеним, як бритва.

І тігнулись царі й царята,
і гончі, і псарі, й псаряга,
і заіскрилася сльоза.

Бо там, де встали правда й воля,
там розпадається недоля
і розбивається гроза.

11

І розбивається гроза,
і небо підійма веселку,
і усміхається краса,
і лжа тремтить у закапелку.

Та з дурману партійні роти
бадьоро йшли на зміну лжі,
і опинилися народи
на ще примарнішій межі.

І вже динаміки гудуть,
і нас ізнов кудись ведуть
вожді партійні і прелати.

Але при безлічі ідей
ми живемо серед людей
і не для срібла, й не для злата.

12

І не для срібла, й не для злата,
не для нардепівських зарплат
на світ нас випустила мати.
Але настав новітній лад.

Той лад, що рідний людожерам
і всім людяям, що іже з ним –
маститим злодіям, блатним,
хапугам, вбивцям, мародерам.

І хитрий Лис чи геній зла
уже місив слизькі діла
з братвою в банкових палатах.

А довершив його двійник.
Та наші зорі не для них,
а для літаючих, крилатих.

13

А для літаючих, крилатих
цвілий сухар в своїх пенатах
та дивний колір померанця
з чужого ранчо а чи ранця.

І ось, дивуючи ворон,
після жорстокого компосту
піднявся на державний трон
новий, Тринадцятий апостол.

І вчора перейшло в сьогодні,
і в словеса богоугодні,
і в різні інші чудеса,

і всеосяжну бездіяльність.
А я, пробачте за лояльність,
держу тутешні небеса.

14

Держу тутешні небеса,
як стелю, щоб, бува, не впала
і щоб, бува, не запалала
чиясь розплетена коса.

А на Верховному Наряді,
неначе в Арктиці торос,
при ясновидій, повній зраді
і в поетичному наряді
тремтить від холоду мороз.

А навкруги лише утиль,
словесний шторм і дійсний штиль
і недовір'я і зневір'я.

Та у витійському диму
не можна жити, і тому,
мов дуб, я вріс у Святогір'я.

15

Мов дуб, я вріс у Святогір'я
і вже здичавів, наче лось.
Моє легке орлине пір'я
корою грубою взялось.

Тягну до сонця буйну крону,
спиваю зір нічних ясу
і мідну лосячу корону
на голові своїй несу.

В мені киплять німі вулкани,
об мене плющатся жакани
і розбивається гроза.

І не для срібла й не для злата,
а для літаючих, крилатих
держу тутешні небеса.

Инна МЕЛЬНИЦКАЯ
МЕЛОДИЯ ДЛЯ ФЛЕЙТЫ

ПРЕЗЕНТАЦИЯ КНИГИ

Нарядную книгу листаю, листаю, —
Светло и упруго мелькают страницы,
И с каждой страницы взлетают и тают
Слова и созвучья, как вешние птицы.
В биенье строки воскресают мгновенья
Нелёгкой и яркой, стремительной жизни:
Страх боли — и мужество преодоления,
И гордость, и трудность служенья Отчизне,
И радость открытий, и горечь сомнений,
Тревога творца за судьбу поколений,
Что спать не даёт — а уснёшь, так приснится!
Всё в этих тревожных и светлых страницах
Так живо и близко...

Ну что ж — неспроста
Всё это, как ноты, читаю с листа!

ПОМИНАЛЬНЫЙ ДОЖДЬ

Сегодня вновь, как в мае сорок пятого,
Пошел печальный, тихий, тёплый дождь:
Природа плачет под вечер девятого
О тех, кого давно уж не вернёшь,
Тех, чьё давно уже истёрлось имя,
Кого давно уже никто не ждёт.
Они ушли из жизни молодыми —
Тому уже идёт который год.
Состарились их молодые вдовы,
А может — и за ними вслед ушли,
И этот ИТР — далёкий, чуждый, новый —
Им не узнать теперь из-под земли!
И всё-таки — пусть вытекают годы,
Но каждый раз девятого числа
О них заплачет к вечеру природа,
Какой бы днём погода ни была!

ПАМЯТЬ

*Светлой памяти
Галины Татаринцевой*

Ах, девичьи ножки, солдатские битые ноги!
Из туфельек школьных — в тяжёлый кирзовый сапог!
Вы сами избрали суровые ваши дороги,
Вы сами шагнули в огонь — за родимый порог.
В окопную слякоть, в морозные жгучие ночи
Вы верно служили отважной хозяйке своей:
Упрямо месили кровавое тесто обочин
Сквозь мёртвые вёрсты — обугленный строй тополей...
Вы вровень с мужчинами дерзко и твёрдо шагали,
Топча кирзачами пудовую вязкую грязь.
Ах, Галя-Галина, ах, милая Галочка-Галя,
Солдатское Солнышко — ваша хозяйка звалась!
Откуда, скажите, в девчужке бралась эта сила,
Когда под огнём, надрываясь, хрипя, чуть жива,
Из ада сражений, бывало, бойцов выносила,
Шепча им, быть может, последние в жизни слова...
Вы шли с ней в атаку, бежали из вражьего плена,
Под грохот салютов кружили немислимый вальс...
Вас пули щадили — а нынче настигла гангрена:
Змеёй подколодной в усталое тело впилась,
Окопную стынью весёлые губы свела...
Вот так, через годы, Галину война догнала.
Походы закончились.

Галя под камнем молчит —

Но сердца комочек,

будя мою память,
стучит!

ПРЕДВЕЧЕРНЕЕ

Подожгло облака незакатное жёлтое солнце,
Заструился, звеня, золотой, несмолкающий свет.
Протянулись по небу сияющие волоконца,
Словно вспыхнул — на Западе! — вдруг
небывалый рассвет...
Ты скептически шуришься — думаешь, мне показалось?
Только в этом. Поверь, ничего небывалого нет.
Вспомни Гёте хотя бы —
когда им написан был Фауст,

И Шагал набросал
                                ослепительно юный букет?
Так порой,
                                перед тем, как сознание окутает тьма,
Ярко вспыхнет,
                                прощаясь,
                                                высокое солнце ума.

ПАРАДОКС

Мои ученики стремительно взрослеют:
Нырют, торопясь, в безудержный поток —
От будничных забот походка тяжелеет,
Трезвеет жесткий взгляд, черствеет кожа щёк.
Их прагматичный век несёт куда-то мимо,
Я отстаю от них — не мешкай, догоняй!
Но время их влечёт, влечёт неудержимо,
И кажется — они уже взрослей меня!
Я просто не пойму, как это происходит,
И мне не объяснит бесхитростный мой стих:
Своих учеников я не глупее вроде —
Но, как ни странно, я как будто младше их!
Я, видно, им не всё передала в наследство.
Мне, верно, потому и в хмурый день светло,
Что где-то в глубине тихонько дремлет детство.
Во мне оно живёт — а вот от них ушло.
И почему-то жаль солидных и довольных:
Вот я о них скорблю — а им уже не больно!

К ВОПРОСУ О ВОЗРАСТЕ

Мне не двадцать и даже не тридцать —
От наивности излечилась.
Всё, что в жизни могло случиться,
К сожаленью, уже случилось.
Было всё: обиды, утраты,
И предательства тоже были:
Пожила и клятой, и мятой —
Устояла не без усилий.
Только как бы ни было тошно —
На душе всё равно светлеет,

Если вдруг под моим окошком
Горихвосточка заалеет.
Ни с того, ни с сего как будто
Вдруг далёкий Байкал приснится,
Или вдруг, ранним-ранним утром
Постучится в окно синица.
И душа — не боюсь признаться! —
Запоёт, как трубач на марше:
Мне — ещё надолго! — семнадцать,
И не знаю, стану ли старше!

ДУШ

Десятки шаловливых струй,
На тёплый летний дождь похожи,
Затеяв звонкую игру,
Стекают по атласной коже.
Так, с невеликой высоты,
Журча, бежит вода живая
И грязь житейской суеты
С души замызганной смывает!
Блаженно, не отжав волос,
Выныриваю из-под душа —
Как будто счастье пролилось
В мою намыленную душу,
Как будто магия воды,
Как облегченье покаяньем,
Настраивает на звучанье
Её заглушенные лады!

ВОСХОД

Бегу трусцой по сонным ранним улицам —
И мне навстречу из разрыва туч
Разбуженное мною солнце щурится
И расправляет занемевший луч.
А я ему кричу: вставай, пора!
Сто тысяч дел нас ждут уже с утра!
И дворники выходят из ворот.
И впрямь пора — раз я зажгла восход!

МЕЛОДИЯ ДЛЯ ФЛЕЙТЫ

Барабанят по листве дожди,
Яблоки по крыше барабанят...
Утро занимается в тумане —
Нынче солнце не взойдёт, не жди!
Запиши мелодию дождя
И попробуй ей на флейте вторить.
Хрипло каркнет, за тобой следя,
Мокрая ворона на заборе,
Клюв почистит, тяжело вспорхнёт —
И тебя вдвоём с дождём оставит:
Чёрным камнем в облачной оправе
Небо пополам перечеркнёт.
Улыбнись — и помаши ей вслед:
Видно, у вороны слуха нет!

ПОСЛЕ ДОЖДЯ

Рвёт ветер облачную муть,
Роняют дождь деревьев кроны...
Ещё не высохли перроны,
Отсвечивает влагой путь —
А рельсов узкие ручьи
Уже зовут, зовут в дорогу,
И месяц, тоненько-двурогий,
На тучках пробует лучи.
Куда тебе в такую рань
С пресветлым солнышком тягаться!
Тебе бы сил чуток набраться,
Пока оно уйдёт за грань
И загустеет небосвод,
Сырой закат погасит тучи, —
А ты спешишь, на всякий случай,
Зачем-то вырваться вперёд,
Сквозя в небесной польнье,
Нырять и плыть, теряя вёсла, —
Прозрачный, слабенький, невзрослый —
Совсем не родственник Луне!
Ну что ж, дерзай! Плыви, малыш!
Авось и впрямь достанет силы —
Вперегонки с дневным светилом
Свой путь достойно завершишь!

Константин САВЕЛЬЕВ

«И сердце мечется в гортани...»

***

Счастлив тот, кто юности поверил,
пошатался в шапке набекрень,
заходил в распахнутые двери,
на крыльцо взлетев через ступень.

Счастлив тот, кто в юности ни разу
скучные не слушал голоса,
кто чудил, любил зеленоглазых,
пятерней взъерошив небеса.

Счастлив тот, кто за науку эту
с жизнью рассчитавшись наперед,
цедит на ступеньке сигарету
и к двери, пожалуй, не пойдет.

***

Видать, пора настала,
гордыню смяв в горсти,
из профессионалов
в любители уйти.

По счастью не ново
ждать солнечных чудес
и не мурьжить слово
по поводу и без.

Что истине колючей
до нашенских причуд?
Спесив гуляка-случай,
скуласт кандальник-труд.

И сожаленья нету,
что истина твоя —
случайный штрих к портрету
иного бытия.

***

В конце концов гордиться нечем,
что ты еще немного жив,
где быт скворечен изувечен
и сдан на свалку, как в архив.

Каков был мир! Его спесивый
нрав принимался без труда,
ведь молодость была красива,
а старость — изредка — мудра.

А ты уже почуял силу,
уже глядел поверх голов,
и горло радостно саднило
от продирающихся слов.

Поэт живет в разливах света
и знает: ангел у плеча...
И шествует по жизни этой,
чуть стеклотарою бренча.

И пусть окольной дорогой
ты брел, немного любя,
но мудрость... мудрость — слава Богу —
не про тебя. Не про тебя.

***

Огрубевший до срока,
чуть подпорченный злом,
я пришел издалека
в пиджачке гулевом.

Там ценила эпоха
лишь святых да пройдох.
Там был выдох — без вдоха
и без выдоха — вдох.

Ни пучин соглядатай,
ни высот метроном
не очнутся заплатай
над колючим рядом.

Жаль, что клятым да мятым
колдунам красоты
времена узковаты
и постыдно просты.

***

Как часто в юности спесивой,
да и в разумные года,
мы любим безнадежно-лживых,
наивно-чистых обходя.

Когда с души сползает камень,
оконце плавится под лбом,
и сердце мечется в гортани,
и властелином, и рабом.

И пастыри склоняют выи,
бессилья отряхая прах,
и мир рождается впервые...
С грехом и верой на губах.

***

Я забредаю, в ус не дуя,
в эпоху влюбчивых годин,
туда, где шубами торгует
неговорливый господин.

Где рай земной лукаво даден
красотке, что издалека,
и норку стриженую гладит
по спинке жесткая рука.

И побурчав про то да это,
тот господин возьмет коньяк
и юность с длинной сигаретой
пошлет на утренний сквозняк.

Французский бог вздохнет в стакане,
перевернется в голове,
и мне в лицо, прищурясь, глянет
скуластый снайпер ВДВ.

Но мы о прошлом — ни полслова,
ведь жизнь — не та наверняка —
из-за окна в шубейке новой,
хитря, следит исподтишка.

***

Ущербно разума зерно:
ему даровано в награду
ценить лишь то, что не дано,
влюбляться в тех, в кого не надо.

Но разве безнадежно плох
не слишком верящий в простое
комедиант-чертополох
среди фиалок и левкоев?

Уставший невпопад дерзать,
он верит солнышку и тучам...
Хоть может странное сказать
на языке своем колючем.

Но что любимчикам — нельзя,
прощает пасынку природа,
ведь, может, вся его стезя —
каприз чудного садовода.

***

Равнодушному доннику,
как приятелю рад,
ты с холма или с холмика
погляди на закат.

Что рядиться да каяться —
из эпохи чудес
долгий день опускается
за взъерошенный лес.

Пусть изящные, праздные
по весне соловьи
здесь отсвищут — отпразднуют
все победы свои.

Жизнь прожив разудалую,
подавившись ершом,
сердцу хочется малого,
отболев о большом.

***

Не кичься, беззаботно-смел,
здесь ни лачугой, ни чертогом,
ведь твой единственный удел
дан не властителем, а Богом.

Пускай струится благодать,
пусть ураган почует волю,
и кесарь может отобрать
лишь то, что может. И не боле.

И шалых вывертов игры
вернее правило простое:
пока смешны царей дары,
цари не властны над тобою.

***

Испанским рестораторам

Здесь время нипочем
не справится с буяном,
забавно восседать
у времени в седле,
где римский акведук —
из окон ресторана,
и режут поросят
тарелкой на столе.

Здесь время — хрупкий круг,
в фаянс тарелки сжатый,
что смачно разобьют
о пола кирпичи...
Здесь триста тихих лет
всё те же поросята,
и царственен их путь
от дровяной печи.

А ты ещё себе
такое напороочишь,
такое учудишь
на жизненном холсте...
А римский акведук
стоит: скуласт и прочен —
империи привет
потомкам в суете.

Из хмурых городов,
где вьюга жжёт колени,
где массы и вожди
выравнивают ряд,
как хочется сюда,
где укротили время,
где нынче и всегда
вкушают поросят.

***

Господи, как скучно делать дело.
Не гордиться, что душа болела
и ты запил с горя и тоски...
По плечу сооружая драмы,
не пенять на царственного хама,
не корить весь мир из-под руки.

Господи, как скучно жить в ответе
за своё. За малое. Коль дети
топчутся, не находя пути, —
отодвинуть кухонные муки,
взять в ладони маленькие руки
и чуть-чуть по жизни провести.

Там, где путь загадочно-особый,
чистя тропки, мечем снег в сугробы,
с хитрецей поглядывая в высь...
А что тропки попрямей не стали —
так скучать картографы устали
и за философию взялись.

***

А молния падет пунктиром,
шарахнет пушечным ядром,
и сотрясёт основы мира
весенний первобытный гром.
И ветер пробую короткой
рванет, перекорежит твердь,
и даже на звенящей лодке
сухим до дома — не успеть.

Но где-нибудь на середине
пути, где хлябь небес черна,
где дождь прижег рубахи к спинам,
остановись. Налей вина.
Что стоим мы, что судьбы наши
без сумасброднейших из дней?
Так пей за дождь, за близость каши,
за дух копченых окуней.

***

А боги — немые. Холодны и немые.
Что им века, воспрявшие в тщете?
Трескучий быт: лишь с печенью проблемы
да с головой, что белкой — в суете.

Так бей зарю, подтягивай подпругу,
в шуге земной не стой перед ценой,
скакун и всадник: принадлежность круга
и ржавый гвоздь, хрустящий шестернёй.

Пустые игры затевают дети —
простым умам смешны поводыри...
Будь не за всё — за свой урок в ответе.
И суетность в себе перебори.

и центром мироздания.
Родник, живительный исток.
Кто изменить ему не смог,
обетов не нарушил,
над тем лишь и горит звезда,
не угасает никогда,
до смерти греет душу.

***

Надобно страхи изжить,
боль унять.
Всех возлюбить без лжи
и тебя обнять
приголубить.
Успеть!
до Успения
мысли стожить.
Напрячься в сто жил –
одолеет
путь.
Подытожить.
Дитё обиходить: одеть,
обуть,
выпестовать.
Страстей ушат
вышлескать.
Надышаться душистым днём.
Дерзнём?
Хоть бы ты, хоть бы я...
Раз подвернулся шанс
бытия.

***

Мелкий дождик у Лавры бомжует,
затяжной, надоедливый, редкий.
Если в лужу обронишь монетку,
все со временем будет в ажуре.

Всё со временем будет путём,
утрясётся в судьбе непутёвой
только надо поладить с дождём,
простоять с ним до самых потёмок.

Беспольный, а всё же не зол ведь,
дождь бомжует, на жизнь не обижен.
Хоть убогий, а к Богу поближе,
может вовремя слово замолвить.

Он бомжует весь день напролёт.
Из ладони окоченелой
я, в надежде, что мне повезет
неслучайно просыпала мелочь.

***

какой сюжет вчера мы разыграли
какой сюжет
забавный
с поцелуями в финале
где каждый жест
где каждое случайное касание
имело смысл
и поезд отошёл по расписанию
и дождь омыл
перроны опустевшего вокзала
и неба глубь
покуда боль под рёбрышко вонзала
свою иглу.

***

Ломтик Луны — лакомство для сладён.
Пробуй лимонную дольку любви на вкус!
В патоке звёздной даже обычный стёб —
это нежнейший лепет, слетевший с уст.
Дай напоить паузы тишиной,
разворошить дотлевающих дней золу...
Так мармеладен полночью поцелуй!
Ломтик Луны, видно, тому виной.

***

Юрию Каплану

Мы с тобою на птичьих правах:
беспризорны, свободны, как птицы.
Вольный ветер у нас в головах,
вольный ветер по лицам струится.

Обминая прикорма навал
и блага мошкаринной запруды,
собираем по крохам слова,
где придётся-случится — повсюду.

Не занятие, не ремесло,
а какая-то тайная сила.
Как немислимо нам повезло,
как нечаянно нам подфартило:

не имея особых заслуг,
лишь за преданность небу и роще
быть приписанными к числу
тех, кто песнями горло полощет!

Не имея особых заслуг,
над обыденностью парить и
различать, проверяя на слух,
цвет созвучий и привкус наитий.

Не впервой бобылём, на бобах.
Но плохое забудется, минет.
Мы с тобою на птичьих правах,
и никто их у нас не отнимет!

ИЗ ЦИКЛА «ВСТРЕЧИ С ПИТЕРОМ»

1.

Возможно, кто-то из другого теста,
а мне не вытерпеть:
подсяду на иглу Адмиралтейства —
наркотик Питера.

И если перекинусь над Невой
пролётом грусти,
уколет Петропавловской иглой
и не отпустит.

Кто перебудет с горем пополам,
но мне-то надо
воочию — аркады, купола
и колоннады.

Мне проще снести, как в камень плещет день,
и, без пощады,
пощёчины холодных площадей,
их счёт брусчатый.

Распятую — удержит под пятой
отпетый Питер.
Отхлёбываю воздух испитой,
пока вы спите,

легко влетаю в лестничный пролёт ?
преддверье транса.
Меня обнимет город, обернёт
в свои пространства.

Во мгле обломок облака свинцов
и ливня нити.
Подставлю ветру мокрое лицо,
чтоб капли вытер.

Немыслимое детище Петра,
проклятье, морок,
зачем-то мне до самого нутра,
до дрожи дорог.

Другим с рожденья данный задарма
весь, до детали.
А мне — внаём казённые дома
на день ли, два ли...

2.

В колодце петербургского двора,
открытого щедротам и дарам,
где небо плещется в окно мансарды,
а тени проливаются на дно,
мы пили с Ченом* красное вино,
французское, а может, из Массандры.
И я молчала тонко и умно.
Какими судьбами, каким путём

---

* Чен — архитектор Вячеслав Бухаев, автор памятника Чижиху-Пыжику, который не раз похищали.

** Алексей Штерн — петербургский художник.

мы оказались в мастерской у Штерна**
Об этом я не знала достоверно:
зачем явились и когда уйдём?
Свидетельница встречи двух творцов,
возможно, дружбы славного начала,
я, чтобы не ударить в грязь лицом,
из вежливости в тряпочку молчала,
потягивая красное винцо.
А Чижик-Пыжик тоже водку пил,
спасенье обмывая на Фонтанке.
Он в курсе дел, он знает жизнь с изнанки.
Хлебнул немало и своё отбыл.
Мы поминали бедолагу всуе.
И, лакомясь «сухариком» втихую,
я погружалась в сладкую рутину:
заёдывала терпкое ватрушкой,
глазела на хозяйские картины
и славила случайную пирушку.
А мэтры — каждый лыжи наострил,
засобирались — кто в Нью-Йорк, кто в Лондон.
И мне был Питер напоследок отдан —
весь, целиком, от шпилей до перил.
Однако, был ещё один герой,
кто пользовался их расположеньем,
до сей поры не оплошав ни разу.
И он с портрета наблюдал за мной,
сверкая из-под шляпы синим глазом.
Известных чувств опасное броженье
неволью между нами возникало,
дойдя до напряженья, до накала,
до стройного биения сердец.
И выгибался потолок, как свод...
Лишь нам вдвоём открылось, наконец,
что означал нежданный мой приход,
что было там, на самом дне бокала.

3.

Мы прогавили главные главы,
пролистали уже:
миновали на Гаванской гавань
на шестом этаже.

Наш роман... Или только новелла?
Или пара ночей?
Но плыла по волнам каравелла!
А куда и зачем?

Раздувал паруса-занавески
феерический бриз.
Иногда забредали на Невский,
по Литейному — вниз.

Изумлял завитками орнамент,
балюстрады овал.
И летела, летала за нами
золотая листва!

А в ночи — обожанье, тревога,
вожделения муть,
обнажение. Два полубога
обжигались о тьму.

И томился в объятьях залива
неуёмный прибой.
И была непомерно счастливой
и короткой любовь.

4.

Сержу, Ирине, Капитолине

В тот вечер на балкончике мансарды
старинный патефон играл нетленку,
плыла под нами стая крыш покатых,
вскипала нежная малиновая пенка
заката.
Мы пили тёплый воздух Петрограда,
чаёвничали с августом вприкуску,
легко шутили, хохотали до упада.
И в узком
пространстве между небом и фасадом,
окном овальным и карниза кромкой,
в тот дивный вечер на балкончике мансарды,
в сторонке
от бурь житейских, будничности серой,
сердечных мук, привязанностей трудных,
любуюсь городом, за дружеской беседой

АТАМАНША

Повесть

— Да нешто эта девка, это же кикимора. Ну, подумай ты своей глупой башкой, кто ее замуж возьмет? Ох, дурачок ты у меня, ох, дурачок. А я и вправду думала — чего доброе. Ну как же ты не дурачок, золотой ты мой, брильянтовый? Ох, дурачок ты, Левушка, хоть и царь зверей... Лапу, лапу убери, ишь разлакомился. Всему свое время.

Лев Акимыч смотрел на свою возлюбленную нежными и грустными глазами. Хороша Феклуша — темные глазки словно звездочки сияют, хоть и невелики. Белая, румяная, веселая. И не глупая она, а вот не поймет...

— Не пойму, хоть убей не пойму. Я же думала, у тебя там царевна выросла, в твоём тереме. Умница, красавица, глаза уж больно хороши. Да не глаза у нее, а буркалы страшные, и вправду что кикимора. К языкам способная, кому они на дьявол сдались твои языки? Ну, ответь, ты мне правдиво, хоть один жених уже посватался?

— Да куда ж к ней свататься, — ответил Лев Акимыч. — Ей всего пятнадцатый годок, еще девочка.

— Этакая дылда вымахала в четырнадцать лет? Ну и ну. Она у тебя знаешь кто? — Феклуша залилась рассыпчатым хохотом. — Великанша, видал, чай, на ярмарке? Это она в четырнадцать лет такая вот орясина! А в шестнадцать подолговязей тебя будет.

«Нельзя жениться, — озабоченно думал Лев Акимыч. — Заест, совсем заест девчонку. Будет ей долдонить, что она уродина. Но нравилась ему Феклушка несказанно. Такая вроде толстенная, мяконецкая, увалистая, раскисла от вина, как кисель, а глазки черные так и посверкивают — веселые, озорные злые глазки. А уж быстра, уж поворотлива, какой тебе кисель.

Лев Акимыч снова протянул руку к покрытой легкой косыночкой белоснежной, полной — и надо же такому быть — стройной и красивой Феклушиной шейке. Протянул, и сразу по руке хлопок.

— Да я косыночку поправить, — пробормотал он.

— Знаю я твою косыночку. Руки не распускай.

Он смотрел перед собою грустными глазами — серыми, большими, тоже, небось, как у кикиморы, от кого, как не от родного батюшки, у Настеньки такие глаза?

«Заманивает, мучает нарочно», — думал он. Ну что же это — даже не дает притронуться? Жили, жили, третий год живем и вдруг пошли такие строгости. Замуж надумала. Про повышение по службе мог бы и помолчать — посольский дьяк. Сболтнул спьяну,

и не спяну даже, просто нравится она ему, от нее, Феклуши он пьян. Хороша бабенка, но ведь стерва и Настю заест.

Ах, тяжело мужскому сердцу двух женщин любить. Дочку сиротиночку, сколько лет растит ее без матери. Скончалась родами покойная жена. Десятилетний годок ей шел, всего-то навсего. Стройная, как елочка, красавица, спокойная, добрая, тихая. Поминает ее каждый год только с Настенькой да с Емельяном, лучшим своим другом.

Лев вдруг подумал со страхом: не любил он жену так жарко, так страстно, как говорунью эту черноглазую. А жениться нельзя, нельзя, со свету она сведет Настеньку. А не женюсь, подумал он, ведь не допустит до себя. Жена прелестная, жена лукавая. Слаб и глуп перед ней мудрый ученый дьяк, столь уважаемый в посольском приказе.

Игра в горелки

Девочка брела по улице, тоненькая, высокая не по летам, и оттого, что вымахала так не вовремя, казалась уж вовсе худой. Большие синие глаза ее были полны любопытства. Вон кибитка проехала, разукрашенная, богатая, а кучер в лохмотьях. В кибиточке старик с окладистой бородой, сидит прямо, глядит гордо, по сторонам не поглядывает. Он что ли такой скупой, что кучеру новую справу пожалел или жена в их доме верховодит, а старик молчит и пыжится, словно индюк.

Нехорошо это. Папенька говорит, каждый должен соблюдать свое сословие, а старик этот ведь видно же — богатый, важный барин, а кучера в отрепьях держит, и на запятках нет слуги.

Девочке все было интересно. И кибитки, и люди, и даже забор. Длинный, решетчатый забор — идешь, идешь, а ему ни конца, ни краю. За забором сад фруктовый, богатые, видно, люди живут, может, купцы, а скорее дворяне. Большая красивая решеточка затейливого черного литья ограждает сад. Нет, конечно, не кущцы, а знатные люди — князь какой или боярин. Купец, небось, поставил бы простой забор и вся недолга.

— Девочка, а девочка, подойди-ка сюда, — услышала она негромкий женский голос.

Девочка обернулась. За красивой оградой стояла беленькая девушка в голубом красивом сарафане. Поодаль за деревьями виднелась еще одна стройная, высокая девичья фигурка.

— Девочка, да подойди ты поближе, не бойся.

— А я и не боюсь, — сказала худенькая девочка. И, сделав несколько шагов, очутилась у самой ограды.

— Ну вот, умница какая, — одобрила ее обитательница сада. У нее были толстые светлые косы, озорная добрая улыбка и веселые глаза. Хорошенькая, светлая, веселая, если уж ее бояться, кого же тогда не бояться?

— Вот и умница, — сказала беленькая девушка. — Хочешь пирожка с брусникой?

— Нет, я сладкого не буду. Я домой иду, будем с папенькой

обедать. У нас все есть, — смутившись и обидевшись, что ее приняли за бродяжку, сказала девочка.

Но собеседница не заметила смущения. Она настолько редко смущалась сама, что ей и в голову не приходило, будто кто-то может обидеться от того, что его угощают вкусным, сладким пирожком.

— Как ты сказала — с папенькой будешь обедать? А маменька твоя где?

— Маменька умерла.

У девушки в голубом сарафане даже глаза повлажнели.

— Сиротинка ты моя, бедняжечка. Нет уж, я тебя не отпускаю. Тебе, чай, скучно дома с отцом? Со старыми людьми какое веселье?

— Нет, мне с папенькой не скучно, папенька умный и много знает и в разных краях побывал.

— Коробейник, что ли?

Девочка улыбнулась и, ничего не ответив, покачала головой.

— Все равно, нельзя все время со стариками сидеть. Как тебя зовут-то?

— Настей.

— Хорошее имя. А меня Дуняшей зовут. Вот и познакомились. Наталья Кирилловна, — закричала она, обращаясь к той, второй, что виднелась среди деревьев. — Наталья Кирилловна, Наташа, да иди же ты сюда. Я подружку тут нам новую нашла. Хоть в горелки сможем поиграть. А то у барыни сенные девушки все старые да строгие, я их сенные старушки зову. С ними не то, чтобы в саду побегать, они и рта почти не открывают, а откроют — только, чтоб ворчать. Все бы вам петь, все бы вам стрекотать, а Наталье Кирилловне еще и ходить быстро нельзя, она вроде как боярышня, пусть, мол, ходит плавно, словно утица.

Наталья Кирилловна тем временем приблизилась к ограде. Она и в самом деле двигалась плавно, но на утицу не походила. Какая уж там утица, скорей райская птица. Настя в жизни не видела такой красоты. Большие черные глаза, и длинные ресницы, и личико точеное. Она и вся была точеная, как заморская статуэтка. Тоненькая, стройная, высокая. Стеснявшаяся своего роста Настя с удовольствием подумала: вот ведь, ничуть не портит, а даже украшает девушку высокий рост.

Боярышню она видела так близко первый раз в жизни, неужели они все такие красивые? Ну уж нет, пусть и не так близко, боярынь и боярышень Настя увидалась, живя в Москве. Еще какие безобразные бывают.

— Ну вот, нас и трое. В горелки худо-бедно втроем уже можно играть.

— Так ведь калитка заперта, — негромким голосом впервые заговорила Наталья Кирилловна. — А у ворот сторож стоит. Он ее не впустит да еще тетушке нажалуется. Или собаку натравит.

— Ой-ой-ой! — весело перебила ее Дуняша. — Тетку натравит, собаке нажалуется. Тебя послушать, нам никогда и не играть. Через ограду можешь перелезть? — деловито обратилась она к Насте.

– Ну, Дуня, Бог с тобой, что ты такое говоришь? – изумилась Наталья Кирилловна.

– Могу, – спокойно ответила Настя.

Она в такие сады лазивала, где и забор каменный, сплошной, высокий, да еще с шипами. А через эту-то решеточку... Минуты не прошло, как она уже стояла в саду.

– На полянку, на полянку у малинника, если выйдет кто из дома, сразу спрячемся в кусты, – весело кричала Дуняша.

– Да не кричи ты, а то сразу же выйдут, – останавливала ее боярышня.

После того, как Настя перепрыгнула через забор, Наталья Кирилловна смотрела на нее с задумчивым любопытством. Настя чувствовала себя слегка неловко под этим взглядом. Дуняша эта, видно, родственница небогатая или горничная, вон она все боярышню по имени и отчеству зовет. А сама боярышня Настю в сад не приглашала. Да сейчас еще этак глядит.

Но через несколько мгновений все забылось. Дуняша быстро рассчитала, кому из трех догнать, и пошла игра, и глаза разгорелись, и боярышня мчалась во весь дух за Настей и не могла никак ее догнать.

И Настя, чувствуя свою легкость, неуловимость, этой легкостью щеголяла и, увертываясь от Наташи, свернула на полном бегу да так и замерла.

Перед ней внезапно, словно из земли вдруг вырос, стоял высокий, красивый собою то ли царевич, то ли князь. Черные шелковистые кудри падали волною, из-под черных ресниц глядели синие глаза. Появился он внезапно, словно в сказке, и на сказочного царевича был похож Кожа белая, румянец, как у девушки. Не бывает в грешной нашей жизни таких людей. Тем более, царевичей Настя несколько раз видела – ни какой в них нет особой красоты.

Сказочный же царевич, так поразивший ее полудетское воображение, повел себя самым обыденным и несколько огорчительным для Насти образом. Сделав неопределенное движение головою – то ли кивнул ей, то ли просто кудрями потрянул – он спокойно обошел ее и, остановившись перед Натальей Кирилловной, низко и почтительно ей поклонился.

– Здравствуй, Наталья Кирилловна, не чаял такой радости, давно не доводилось встречать тебя.

– Здравствуй, Федор Васильевич, – зазвеневшим голоском, как не старалась она держаться спокойно, отозвалась Наташа.

Сказка обернулась будничной и не столь уж прелестной былью. Сказочный царевич, скорей всего самый обычный дворянин, хотя, возможно, и князь несомненно был влюблен в красавицу Наташу, в чем ничего чрезвычайного не было, ибо эти двое представляли собой вполне подходящую друг для друга, красивую, богато одетую пару.

Бывший сказочный царевич явился не один, с ним был спутник, невысокий, худощавый, беловолосый, этот уж точно самый обыкновенный московский дворянин, каких Настя не раз встречала

на улице.

Он был в красном кафтане, и Настя почему-то решила, что он стрелецкий сотник, хотя не разбирала чинов да и вообще не вглядывалась в этого второго, с какой-то даже досадой отмахнулась от него, подтвердившего своим присутствием всю заурядность этой встречи - двое молодых приятелей зашли в сад в надежде встретить там двоих знакомых им девиц.

— Что ты, Феденька, плетешь? — со смехом сказал «сотник» — Виделись мы с Натальей Кирилловной третьего дня и с Авдотьей Николаевной тоже, — он с улыбкой повернулся к Дуняше, которая так и просияла всем лицом ему в ответ. — Виделись, мы, друг мой, Федя, с этими девицами совсем недавно, да и сейчас не случайно оказались в саду. Артамон Сергеевич повел князя глядеть какие-то старинные книги, — полагаю, о чем-то тайном без нас хотят поговорить, а мы, не будь дураки, сразу в сад, да к знакомой полянке.

Полянка, как оказалось, и впрямь была обжита. Красные девицы тут же опустили на пенечки, добрые молодцы уселись прямо на траву, Федор около Наташи, «сотник» возле Дуни. Настя скромно пристроилась на большом, выступающем из земли корне росшего поодаль дуба.

— Ох, Мишка, — не без досады сказал синеглазый красавец. — Слова не дашь спокойно вымолвить, при тебе хоть рта не раскрывай.

— А ты и не раскрывай, — немедля отозвался Мишка, которого Настя окрестила сотником. — Тебе, Федюня, самое сейчас милое дело помолчать да повздыхать.

Настя со спокойным видом наблюдала за двумя парами и даже чуточку улыбалась, но на душе у нее почему-то кошки скребли.

Белокурый Миша оживленно разговаривал с Дуняшей и смешил ее чуть не до слез. А Наталья Кирилловна и Федор, словно следуя Мишиному совету, сидели тихо, изредка перебрасываясь какими-то фразами, вполголоса, так что Настя и услышать их не могла.

Странная, непонятная досада росла все сильнее в ее сердце. Кто я им такая, успокаивала она себя. Они взрослые, они давно друг друга знают, а я девочка чужая, никому из них не нужна. Шла по улице, позвали, я и полезла через забор, как дура. Была бы сейчас уже дома, обедали бы с батюшкой, он, чай, заждался... Как бы мне от них уйти?

Собственно богатых и красивых было тут только двое, с них, с молчаливой этой пары она и не спускала глаз. Но невидный, невысокий Миша и несомненно небогатая Дуняша тоже огорчали ее. Все тут на своем месте, всем весело, чего я сюда затесалась?

Федор вдруг проговорил негромко, но так горячо, внятно, что Настя услышала:

— Погляди на меня.

Наташа подняла ресницы и посмотрела ему прямо в очи. Что это было, Настя не поняла, но у нее замерло сердце. Два взгляда

встретились — ничего более — но, казалось, что-то очень важное случилось. Что-то прекрасное, величайшее из чудес.

И вдруг она почувствовала на себе чей-то взгляд. Быстро оглянулась — на нее глядел Миша, пристально, внимательно прищурив светлые свои глаза. Что он так глядит? А глаза какие — прямо оцарапал. Отчего это он так уставился на нее? А ведь он красивый, как она не заметила сразу. А глаза его, прищуренные серые глаза, словно нож, вонзились.

Она покосилась на Дуню. Притихшая, как будто растерявшись, Дуня поглядывала то на своего воздыхателя, то на Настю.

И тут вдруг раздались спокойные громкие голоса двух пожилых людей, которые беседуют, гуляя, и вовсе не стараются свою беседу от кого-то утаить.

Молодежь торопливо вскочила. По широкой садовой тропинке к ним приближались хозяин дома и гость, высокий, худой старик. Хозяйина Настя вскоре припомнила: да это Артамон Матвеев, хоть и не боярин, но весьма известный в Москве вельможа.

Старика же она узнала сразу, ей нередко доводилось его видеть.

— Федор Васильевич, — сурово произнес Матвеев. — Ты, чай, не мальчик. Неужели тебе до сих пор нянька нужна, чтобы не забегал куда не след?

Федор вспыхнул, хотел что-то ответить, но промолчал, и опустил глаза.

— И ты, Авдотья, для чего тебя тут держат? — Матвеев говорил не громко, но в голосе его слышались грозные раскаты. — У тебя есть обязанность, ты для этого и в дом взята. В каком обществе застаю я Наталью Кирилловну? — Дуняша чуть не плакала. — Да и ты, Наташа, — уже не так сурово продолжал Матвеев. — Ты сама ведь должна понимать, что тебе прилично, а что — нет.

— В моем обществе Наталье Кирилловне быть неприлично? — неожиданно спросил Михаил. — Люди мы давно знакомые, я этого до сих пор не знал. Ты уж разъясни нам все, Артамон Сергеевич, чтобы нам хотя бы впредь не довелось стоять перед тобой, как будто мы нашкодившие дети.

— Не о тебе речь, Михаил, — хмуро промолвил боярин.

И, как видно, досадуя, что он спасовал перед молодым в невысоких чинах дворянином, грозно обвел взором стоявшую перед ним молодежь.

«Мой черед пришел, — подумала Настя. — Выгонит меня сейчас за ворота. Плакать не стану, но до чего ж противно». Она стояла, опустив глаза и чувствовала, что ее заполняет тяжелая, отчаянная злость. «Сама не знаю, что сделаю, но он меня не унизит».

— Здравствуй, Настенька, — вдруг прозвучал приветливый старческий голос. — Позволь, Артамон Сергеевич представить тебе мою добрую знакомую, весьма достойную и образованную девушку. Анастасия Львовна Пригожина, дочь Льва Пригожина — слышал, я думаю — в Посольском приказе не последний человек.

— Слышал, — угрюмо пробормотал Матвеев.

Гордый и самолюбивый Артамон Матвеев не часто попадал в

такой оборот. Мишка Каширин, сопляк, которого он столь усердно продвигал по службе — молод, но толковый, не Федору чета — надерзил, а он не нашел, что ответить. Хотел прогнать эту девчонку, князь Татиевский помешал. Главное же и самое удивительное, он не смог с резким окриком сразу обрушиться на девчонку, что-то его сковало, а что — понять нельзя. Как бы не сама эта девчонка каким-то непонятным образом сдержала нараставший взрыв.

Князь Татиевский, стараясь скрадывать усмешку, так и просившуюся из глаз, говорил:

— С Настенькиным батюшкой мы во Францию ездили, весьма успешно и с тех пор большие с ним друзья. Я думаю, далеко не всякий полководец на поле брани принес столько пользы России, сколько Лев Акимович Пригожин на своем поприще. Очень рад я, Наталья Кирилловна, что вы с Настенькой подружились. Очень рад, Артамон Сергеевич, очень рад.

Артамон Сергеевич вдруг весело рассмеялся.

— Вот ведь сидит во мне дедовская Русь. Сам слежу, чтобы бабы не прятались на своей половине, а увидел их в саду с мужчинами — осерчал.

Не прост был Артамон Матвеев и очень даже не прост. Не так уж по сердцу была ему дедовская Русь, чтобы он столь сильно разгневался. Скорей не по сердцу пришелся ему синеглазый красавец Федор, не спускавший глаз с Натальи Кирилловны. Артамон Сергеевич полагал, что племянница его заслуживает много лучшего.

Настя стала заходить к своим новым подружкам. Через забор она теперь не лазала, чинно входила в ворота.

Шла мощенной каменными плитами дорожкой к дому, сворачивала к тем дверям, что вели на женскую половину. Там почитай всегда ей говорили, что подружки ее в саду, и Настенька шла в сад.

Почему, проникнув в этот сад через забор при их первом знакомстве, она теперь неизменно сначала заходила в дом, Настя не могла бы объяснить, просто чувствовала, что идти сразу в сад негоже.

Отец ей редко объяснял: «Делай так», «А вот так не надобно», зато часто, очень часто повторял: «Приглядывайся, дочка, что и как люди делают. Приглядывайся да на носу зарубай: это вот высокого сословия человек, этот попроще, этот — низкого». И имевшая много воли, набегавшая вместе с соседскими мальчишками на чужие сады Настенька почти всегда не умом, а внутри себя чувствовала, как повела бы себя на ее месте девушка высокого сословия. Чувствовала это очень хорошо, но не всегда так поступала, вовсе не всегда, а только когда ей хотелось.

Батюшкиных наставлений она теперь почти не слышала. Что уж там за служба у него особая, Настя не ведала, только редко какой вечер удавалось ей поужинать вместе с отцом.

Стал он необычно ласков с ней, все поглаживал по головке, а

разговаривал мало, и это тоже было непривычно. В прежние времена батюшка любил с Настей поговорить, и про ее дела расспросит, что нынче делала, что прочитала, кого видела, и сам начнет рассказывать — заслушаешься. А сейчас — ну, не диво ли? — батюшка даже не знает, что Настя подружилась с воспитанницей Артамона Матвеева Натальей Кирилловной Нарышкиной и дальней родственницей ее, бедной дворяночкой Дуней.

Дуняша, простодушная, незлопамятная, открытая, встретила Настю дружески, как старую знакомую, хоть и поглядывала на нее порой пристально и с любопытством, а неделю спустя доверительно ей призналась: «Ты подумай только, я ведь Михайлу приревновала к тебе. До каких только глупостей женская ревность не доходит — ты же девочка совсем. Как-то мне тогда показалось, что он чудно на тебя поглядел».

Настя смотрела в ее голубенькие глазки большими светлыми глазами внимательно и неподвижно, чинно сложив руки на коленях. Девочка, конечно, девочка... А ей ведь тоже тогда показалось, показалось — померещилось, забыть об этом надо. Да и не нужен он ей этот Михаил. Федор — вот кто ослепил ее с первого взгляда. Но и Федор почему-то ушпыл вдаль, как и совсем ненужный Михаил, никого она, слава Богу ни к кому не ревновала, радовалась первой в ее жизни девичьей дружбе и лишь какие-то котятка, легонько и совсем не больно царапали тоненькими коготочками ее детское сердце.

Очень чуткая, она поняла почти сразу, что Дуня искренне к ней привязалась, невзирая на ту странную ревность, а Наталья Кирилловна, сама того не сознавая, словно бы возводит постоянно между ними некую невидимую стенку.

Но ходила она к ним все чаще. Дома было пусто и тревожно. Особенно тревожила почему-то непривычная отцовская ласка.

Один раз наведаясь к ним в гости князь Татиевский. Подъехал к их дому в большой нарядной карете, запряженной шестеркой, и батюшку с собой привез. Тот выскочил первым и помог выйти князю.

Настя обрадовалась было — старые времена вернулись. Вовсе они не вернулись. Князь был грустен, мрачноват и словно бы сердит на батюшку, а отец шутил как-то неловко и тоже глядел грустно, будто и впрямь был он в чем виноват.

Князь Владимир Андреевич спросил, прочитала ли Настя пьесы господина де Молиера и понравились ли они ей. Так об этих французских пьесах они весь вечер и проговорили, словно обрадовались, что есть о чем поговорить. Уезжая, князь велел Насте попробовать переложить одну из Молиеровых пьес на русский язык да постараться, чтобы персоны изъяснялись между собою ясно и непринужденно. «Вот, как ты мне пересказывала «Гартюфа» своими словами, так своими словами и на бумаге пиши».

Кто бы мог подумать! Настя и впрямь засела за Молиера. На бумаге непринужденно не получалось, Настя стучала по бумаге кулачком, запрокидывая голову, вслух произносила

неподдающиеся перекладу речения героев, потом записывала, что сказалось вслух.

Дело шло медленно, но не так уж плохо. Перечитывая исписанные листы, Настя сама удивлялась, как складно порой выходило, а что не вышло — способ известен: голову откинуть, глаза в потолок и думать, и стараться, дожидаться, когда нелепые слова станут складными и обретут ясность. Дело двигалось. Настя переложила первое действие и принялась за второе.

Отец делался все чуднее, по головке гладить ее перестал и совсем не ужинал дома.

Закончив очередное явление второго действия, Настенька убрала в шкатулку свои листы и книгу, помыла руки, запачканные чернилами, — маленькие пятнышки на двух пальцах так и не смогла оттереть — и пошла к зеркалу причесывать косу.

Зеркало в их доме было чудесное, из чистого и яркого стекла, привезено из города Венеции, и в отличие от зеркал всех их знакомых, отражало Настино лицо весьма отчетливо и делало его красивым. Просто на удивление была она нынче пригожа, с нежным румянцем на смугловатых щеках, чуть вздернутый носик, шелковые брови и синевато-серые глаза.

Неужели я и вправду так хороша, с надеждой думала Настя. Если так вот хороша, то меня не только соседский Кузя, а и кто-то взрослый сможет полюбить. Федор... или этот вот Михаил. Господи, да зачем они мне, спохватившись, оборвала она свои мысли.

Они взрослые, у них есть кого любить, небось, женятся скоро — один на Наташе, другой на Дуне. И чего они мне в голову пришли, я ведь их не видела чуть ли месяц. Уложив красиво толстую русую косу на затылке, Настенька накинула легкую шальку и пошла со двора, не сказавшись домоправительнице Дарье, как уходила она почти всегда, не сказываясь никому из домочадцев. Никому она не сказывалась — разве что наткнется на кого — ни перед кем не отчитывалась, кроме батюшки.

Гадалка

Догадливому читателю уже должно быть ясно, куда Настя держала путь. Перед воротами Матвеевского подворья стояли две запряженные повозки и несколько верховых лошадей.

Настя прошла на женскую половину. К удивлению, подружки ее оказались там, а не в саду. Все собрались в одной большой приемной горнице, кроме черной прислуги, конечно.

Барыня сидела на деревянном стуле с высокой резной спинкой и резными подлокотниками. Она была уже не молода, но еще стройна и хороша, высокая, с густыми черными бровями. С Натальей Кирилловной никакого сходства у них не было да и не приходились они друг другу родней, но одна особенность объединяла их. Барыня, так же, как Наташа, при виде Насти выставляла эту невидимую стенку. Разница лишь в том, что Наташина стенка была проходима, и она, не сознавая, выставляла

ее, а барыня ясно давала понять, что стенка есть да и не может ее не быть между женой Артамона Матвеева и безвестной, не самым пристойным путем прибившейся к их дому девчонкой.

В комнате была женщина, которой Настя раньше не видела, сразу приковавшая к себе ее внимание — средних лет, белолицая, с живыми темными глазами. В каждом движении ее была сила и изящество, в черных глазах пряталась усмешка, а когда она встала и прошла по горнице, Настя подумала, что, наверное, так ходит тигрица, которую она видела у отца в книжке на картинке и о повадках которой в той же книжке прочла.

— Аксинья, голубушка, — просила Дуня, — ну погадай, ведь все же тебя просим.

Насмешливо сверкнув на Дуняшу глазами, гостья покачала головой.

— На Крещение да на Рождество гадать, а в иные дни не положено, — твердо сказала она.

— Но ведь день какой сегодня, — не унималась Дуняша. — Ну, ради Бога, в такой день и правило нарушить не беда.

— В такой день грешить тем более не гоже, — сказала Аксинья. А барыня добавила:

— Имя Господа всуе не поминай.

Наташа смотрела на гостью умоляющими глазами и слегка притронулась к ее руке рукой.

«Что за день такой, — подумала Настя. Никаких особенных Святых сегодня нет. Наверно, в доме что-нибудь случилось. Вон они как все всполошились, и на мужской половине, небось, много гостей — сколько лошадей возле ворот привязано».

— Вот пристали, право слово, — покачала головой Аксинья. Потом в блестящих ее черных глазах сверкнула искорка. — Гадать не буду, а по карте каждая пусть вытащит.

Из какого-то потайного кармана она вынула коробочку с картами, быстрыми крепкими пальцами тщательно перетасовала их и протянула Наталье Кирилловне:

— Сними к себе левой рукой.

Тоненькие белые пальчики медленно потянулись к колоде и сдвинули карты. Сверкнул красиво граненный алмаз.

Аксинья переложила карты.

— Теперь вынь из середики одну карту, только сама не гляди — дай сразу мне.

Все примолкли и глядели с ожиданием. Тоненькие пальчики с бирюзовым перстеньком, с алмазом, так же медленно и нерешительно, как в первый раз, пробрались в колоду и вытащили карту. Слегка даже отстранившись от нее, Наташа отдала карту Аксинье.

Та положила карту на ладонь и, согнув кисть, взглянула на нее. Женщины так иной раз украдкой глядят в спрятанное в руке маленькое зеркальце.

Стало вдруг очень тихо. Аксинья в изумлении глядела на карту. Усмешки словно не бывало на ее лице. Она покачала головой,

недоверчиво перевела взгляд на Наташу, потом снова на карту и сказала наконец:

— А большой, однако, будет в твой жизни поворот. Высоко взлетишь, пожалуй выше некуда.

— Королевич заморский посватается! — выпалила Дуняша и разбила напряженную тишину.

Все зашевелились, заговорили. Евфалия, нестарая еще вдова из дворянок, разносившая по богатым домам кружева, поджав губы, вымолвила:

— Слишком высоко взлетать не больно-то хорошо — расшибешься, когда падать станешь.

Барыня сурово повела густыми черными бровями:

— Как это падать... почему падать? Ты зачем о воспитаннице нашей такое говоришь? — и вздохнув, добавила: — За ровню надо идти, не дворянское это дело — летать да падать.

Наталья Кирилловна повела на них обеих взглядом чудных своих черных глаз. Что в нем было, в этом взгляде? Да, казалось, ничего, как ничего не бывало в тех ее взглядах, что ловила на себе порою Настя — легкий холодок и боле ничего.

Сенные девушки, приживалки, богомолки, всегда тут бывавшие, шушукались между собой.

— Мне, Аксиньюшка, мне погадай, ты же всем нам обещала, — возбужденно молила Дуняша.

Аксинья снова стасовала карты. Стало потише, но не так тихо, как, когда гадалка удивленно разглядывала карту Натальи Кирилловны.

Дуня с радостным волнением вытасила свою и во все глаза глядела на Аксинью. Та на этот раз разглядывала карту не с ошеломленными, со скучным лицом. Дуня покраснела. Наконец, Аксинья жалостливо на нее взглянула.

— Особенно плохого ничего как будто нет... Королевич тебя не посватает, ни заморский, ни наш. — Нахмурившись, она задумалась, потом добавила: — Крепись, девонька, узнаешь ты предательство от своих близких. Впрочем, свет не без добрых людей. Замуж выйдешь. Дети будут у вас.

— А муж какой, хороший, Аксиньюшка? Счастлива я буду с ним? — шепотом спросила Дуняша.

— Счастье нынче одно, а завтра — другое, — уклончиво отозвалась Аксинья. — Ничего, спокойно, тихо будешь жить.

И Дуняша затихла, словно бы гаданье уже начало сказываться на ней.

— Ну а ты что ж, Настя, — внезапно повернулась к ней Аксинья. — Тут молоденьких уж не осталось окромя тебя. Будешь тянуть карту?

Настя почему-то оробела. Гаданье, сперва показавшееся ей веселой игрой, на деле выглядело страшноватым.

— Буду, — кивнула она.

Взяв в руки Настину карту, Аксинья усмехнулась и тряхнула головой.

— Ну, девица, у тебя не один поворот, у тебя, голубушка, вся жизнь в поворотах. Да в каких еще поворотах. — Она положила Настину карту вверх рубашкой на стол и к всеобщему удивлению сама вытащила из колоды еще две карты, приговаривая: — Больно все мудрено у тебя выходит, дай-ка я маленько разберусь.

Взяла первую карту со стола и, сложив все три веером, некоторое время изучала их. Потом сказала:

— Много у тебя, девица, будет в жизни всякого. Но начнется со скверного. Будь готова к тому и не падай духом. Жизнь твоя не один, ох, не один раз повернется. — И засмеялась. — Держись, девушка — одна беда для тебя — не конец.

— А для меня конец? — грустно спросила Дуня.

— И для тебя не конец. Я же тебе сказала: будешь жить спокойно, со своей семьей. — Она сложила карты и спрятала их в коробочку. — Хватит. Трудное было гаданье. Устала я.

И в самом деле, заметила Настя, Аксинья не была сейчас похожа на тигрицу, разве что на тигрицу только что вернувшуюся после длинной и опасной охоты.

В дверь, постучавшись, вошел казачок.

— Барин просит к себе вашу милость, — сказал он, чинно кланяясь барыне.

Матвеева встала и поплыла к дверям, взяв за руку Наташу. За ними последовали Дуня, ближние дворянки, приживалки, даже одна из сенных девушек, немолодая уже, бывшая няня Наташи.

Комната заметно опустела. В углу шуршали старухи, за столом остались только Настя и Аксинья.

— И что же это за напасть меня такая ожидает? — задумчиво не Аксинью, а себя спросила Настя.

— Скоро узнаешь, — откликнулась Аксинья, хоть и не ей был задан вопрос. И спросила, усмехаясь: — А ты что, нетерпелива?

— Не знаю. Смотря что терпеть.

— Ну, не вытерпишь, ко мне приходи, — предложила Аксинья. — Я у Рогожской заставы живу. Спросишь Аксинью огородницу, тебе всякий покажет. Да и сама найдешь, от заставы полверсты по дороге отшагаешь и увидишь: старая часовенка, разрушенная, по правой стороне, а за ней шагах в двадцати — два дерева высокие рядом — дуб да сосна, и сразу от них дорожка вбок уходит, иди по ней и прямо к дому она тебя выведет. Не высок домишко мой, зато просторен, многих может приютить. Он один там, не спутаешь, на отшибе стоит.

— Спасибо, — вежливо сказала Настя. И добавила, улыбаясь глазами: — Чего не вытерплю — того, что случится или ждать, когда оно случится?

Аксинья усмеялась, но ответила серьезно:

— Ждать тебе долго не придется, говорю. Не успеешь оглянуться, свалится тебе такое счастьеце на голову. Вот не вытерпишь его, тогда ко мне и приходи.

— Ну что ж, — добавила она совсем уж по другому, — пора, наверное, и мне попрощаться сходить.

И пошла, не к тем дверям, куда ушли все остальные, пошла к черному ходу. Настя двинулась за ней.

Они вышли в черную дверь, потом в калитку и, обогнув угол сада, оказались почти у ворот.

Там по-прежнему стояли и лошади, и повозки да еще толпились несколько человек. Какие-то мужики подправляли упряжь, а в воротах стоял плечистый с черными усами стрелецкий десятник и еще какой-то, совсем молодой, а с ними сам Матвеев, князь Татиевский и красавец Федор, и Михаил – эти оба одеты были по дорожному, вот кого все вышли провожать!

Женщины стояли чуть поодаль, притихшие, поглядывали на мужчин. Наталья Кирилловна изредка бросала взгляд на дружка своего Федю. Дуня, раскрасневшаяся, улыбалась сквозь слезы и махала платочком, и не сводила с Михаила влюбленных глаз. И у него был вид какой-то озабоченный.

Аксинья подошла к усатому: «Ну что ж, пора прощаться...» Они обнялись.

Дуня вспыхнула и засуетилась еще пуще. Слезы градом покатались из глаз.

– Евдокия Николаевна, – громко сказал Михаил. – Отойдем-ка в сторонку. Надо мне на прощанье с тобой поговорить.

Дуня бросилась к нему стремительно.

Настя повернулась и, не оглядываясь, пошла к подъездной дороге.

День был светленький, но холодный и дождливый, солнышко проглядывало из-за туч и золотило сыпавшиеся из тех туч дождевые капли, остренькие холодные, противные. И день, и дождик были на одно лицо – притворялись по-летнему безобидными, прикрывались ласковыми солнечными бликами, а на деле были совсем не ласковы, а неприятно холодны.

Настя стояла под навесом, поеживаясь от залетающих к ней студеных капель, но не торопилась в дом. Она разглядывала пожелтевшую мокрую траву, белесые дождевые струйки, небо, по которому плыли, меняясь, преображаясь, облака. Прямо над сараем, где она стояла у поленницы, медленно покачивалась диковинного вида туча, похожая на толстую бабу, укутанную большим платком.

Ах, как хотелось бы и самой Насте закутаться в платок. Бегала она теперь, словно холопка, в одной сорочке. И не только холопкой одета, но и холопкой в отчем доме стала. Только и слышишь: прибери, постирай. Книжку, не помнит, когда в руках держала.

«Вот посмотрю, чем эта баба обернется, тогда и в дом пойду», – думала Настя. В дом спешить ни малейшего резону не было. В доме сидела мачеха, злоехидная тварь, донимавшая Настеньку обидными речами и придирками и с каждым днем все более и более отнимавшая у нее отца.

После свадьбы батюшка, казалось, и совсем почти не изменился, только времени для дочки мало находил. А дальше – хуже. Насте

стало не до разговоров. Был дом родной и она в нем любимая дочь, а теперь их дом — тюрьма, а она в той тюрьме колодница. Что не скажет — глупо, что не сделает — нескладно, всегда во всем виновата. Фекла — мачеха — поедом ее ест, а отец молчит. И лишь изредка, оставшись с дочкой наедине, молча, по голове погладит.

Фекла же покамест потихоньку начала от злоехидных слов к делам переходить. То ущипнет падчерицу на ходу, то пальцем ткнет меж ребрами. Да еще и хохочет, бесстыжая ее душа, вроде это так, мол, шутки! Но ведь пребольно, а батюшке невдомек. Или он нарочно не приглядывается, иногда и сам хихикнет, да неловко так! Видно, сразу видно, совсем ему не смешно!

Чем же это кончится, думала Настя. Вот я буду все терпеть, терпеть, а она примется меня в открытую колотить, а батюшке все будет невдомек? Нет, так больше нельзя. Она к тетке на днях собралась, вот я и поговорю с батюшкой.

Придя наконец-то к решению, Настя тут же призналась себе, что стоять и мерзнуть в одной сорочке во дворе больше нет сил. Торопливо хватая поленья, она мигом набрала большущую охапку и побежала домой. У крыльца оглянулась на небо. Толстой бабы в платке и след простыл. На ее месте было что-то черное, мохнатое, бесформенное, в нем посверкивало и погромыхивало.

Слегка запыхавшись от тяжелой ноши, Настя взбежала по ступенькам на крыльцо, приоткрыла ногой дверь и вошла в сени. Мачехи в сенях не оказалось, но из горницы тотчас же раздался ее голосок:

— Головой! Башкой дверь отворяй! Что ж ногой — то лупишь, не в кабак приперлась!

Настя аккуратно сложила дрова в уголке.

* * *

Задумано — сделано. Настя вела себя тише воды, ниже травы, а когда в ближайшую субботу мачеха, нарядившись, набелившись, насурьмивши брови, нарумянившись, стала прощаться с мужем и все просила его потерпеть до вечера, не скучать, хотя как же не скучать, если в доме не с кем словом перемолвиться, разве что с кривой стряпухой, Настя не только ни словом, ни вздохом на эти речи не отозвалась, но и вообще каким-то образом стала совсем незаметной, словно ее и в доме не было.

Отгремели колеса повозки, она по-прежнему не подходила к отцу. Сердце билось, словно бешеное, но она выдерживала время — пусть отстоит в горнице тишина, пусть батюшка от всех этих шумливых каверз, вскриков, хохота передохнет.

Время шло, бой сердца становился тише, тишина наступала в доме, и в людях наступала тишина. И лишь полностью почувствовав душою эту благодетельную, нелукавую тишину, Настя решила.

Она подошла к столу, где батюшка склонился над какой-то книгой. Остановилась и глядела, тихо и грустно, и с любовью; с

жалостью к себе и с жалостью к нему. Он поднял голову, рассеянно улыбнулся, совсем такой, как в прежние времена. И головой потряс, как прежде — устал, замаялся.

— Что дочка?

И слезы хлынули потоком — Настя даже испугалась — она не знала, что может так плакать.

Но ведь три месяца уже они живут в одном доме, и ни разу не взглянул он ей с лаской в лицо ни разу не спросил таким вот добрым голосом: «Что дочка?».

— Настя, дочка, доченька...

— Тятенька! — крикнула Настя, словно посадская малая девчонка, и вся затряслась от плача, всхлипывая и согнувшись в три погибели.

Лев Акимыч вскочил, бросился к дочке, обнял, вытирал рукой ее глаза, целовал поникшую русую головку.

— Настя, доченька моя, кровинушка, не плачь. Виноват я перед тобою. Успокойся, дитяtko, все будет хорошо.

— Да как же... оно... будет? — прерывисто проговорила Настя, растаявшая от отцовской ласки, от сладких этих благотворных слез.

— Ну, уж как-нибудь да будет... Что ж я зверь какой... не могу я терпеть, чтоб моя доченька так убивалась. Что-нибудь придумаю. Я виноват, я и поправлю. Поверь, доченька, больше не будет так.

— Так больше не будет, это ты верно сказал, Лев Акимович, — раздался рядом ледяной от ненависти голос.

И как вернулась, змея подколодная, как догадалась, и как минутку эту улучила, неслышно ведь подобралась. И правда что — змея.

— Виноват ты, это тоже правду ты сказал, — продолжала мачеха. — Только не перед девкой этой поганой, какой ты сопли перстами подтираешь — опосля этого не смей прикоснуться ко мне — передо мной ты виноват, свинья негожая, и долго будешь у меня прощения просить.

Отец и дочь стояли, как окаменелые.

— Ступай вон, в чулане будешь жить, мерзавка, — крикнула она Насте. — Болото в моих горницах не разводи. И она больно ткнула Настю кулаком в плечо. Отец не шелохнулся. — Вон, говорю, пошла, в чулане на подстилке будешь спать, — Фекла разъярялась все больше от их безответности. — Ох, зелье, ох, кикимора.

— Одной породы с тобой, сударыня, — звонко и спокойно откликнулась Настя, словно не исходила она горячими слезами несколько минут назад. — Ты ведь, я чаю, не иначе, как в ступе, столь удачно здесь очутилась?

— Настя, Настя, что ж ты делаешь, плохо тебе будет, — крикнул с отчаяньем отец.

Плохо, — подтвердила Фекла. — В сто крат хуже тебе учиню, нежели собиралась.

И учинила. Настя сидит уже три дня в драной рубашке, в

чулане, на голом полу, так и спит на полу, в худой своей рубашке. Есть дают ей за весь день кусок черного хлеба да кружку воды. Но не это самое скверное. Насте холодно, Насте голодно, но не только холодом и голодом наказала Феклушка непокорную падчерицу. Руки у Насти связаны. На шее веревка. Она сидит привязанная, как коза. Ни встать, ни лечь, ни шагу сделать. Спит она сидя, и если иной раз крепче уснет, удавка врежется в шею, и Настя тотчас просыпается, обмирая от страха. Батюшка к двери не подходит, за все эти три дня не слышала она его голоса. Иной раз подумаешь, может, и не надо просыпаться. Удавит веревка во сне и помрешь во сне, хоть и наглой смертью, а все ж не то, чтобы самой лишить себя жизни.

День этот, третий по счету день ее заточения выдался шумный. Скрипели двери, шуршали шаги, переговаривались голоса. Голосов Настя не узнавала — не слышно издали, да и не вслушивалась она. Не о гостях были мысли — мало ли кого там Фекла принимает — мысли были горькие и страшные. Но вот последний раз протопали, загомонили, хлопнула тяжелая передняя дверь. Разошлись, как видно, гостюшки, и вот тут-то оказалось, что не так уж безразличны были несчастной колоднице эти чужие шаги да голоса. На что-то она надеялась. И как только шум затих, охватила ее такая жуть, что и вздохнуть боязно.

Наступала четвертая ночь заточения, и после надежды, пусть неосознанной, была она особенно страшна.

Заскрипел засов, дверь открылась. «Видно, Авдотья воду принесла», не поднимая головы, подумала Настя. В чулан, однако, никто не входил, а из двери падал яркий свет свечи, а не тусклый отблеск каганца, с каким приходила Авдотья.

Настя обернулась. В дверях стояла Фекла со свечой в руке.

— Проснулась, ледащая? — осведомилась она. — Подержи-ка свечку.

Сунув падчерице свечку, она принялась распускать узел на веревке. Веревка дергалась и натягивалась столь туго, что Настя высоко подняла голову, вытянув шею и напряженно застыв, — как бы мачеха в торопливости своей ненароком не задавила. Но вот отвязанный конец хлопнулся на пол, и девушка, облегченно вздохнув, опустила голову.

Мачеха быстро, сквозь зубы прострекотала:

— Ну, вставай, чего расселась, ступай. Умоешься, причешешься, спать постелишь на своем обычном месте, все там приготовлено тебе. — И уже уходя, в дверях добавила: — Завтра рано утром лекарь будет тебя смотреть, князь Татиевский собственного своего лекаря ни свет, ни заря посылает. Уж так обеспокоился твоим здоровьем, спасу нет. У-у, бесстыжие твои гляделки, старика прельщать не постыдилась. Ну, чего расселась, умой, говорю, рожу.

Как хорошо было лежать в своей теплой постели под одеялом, слышать буйство ветра — прихожую, которую при мачехе ей отвели для сна, отделяли от входных дверей только сени. Там, на улице ветер, мороз, здесь покойно, тепло. Завтра лекарь придет.

Князь Татиевский, значит, был сегодня, его принимали, и он расспрашивал, тревожился о ней. А папеньку Настя так и не увидела и даже голоса его не услышала, где-то затаился он в самой глубине дома, не столь уж большого, по правде сказать.

Ночью Лев Акимович проснулся от истошного пронзительного крика Феклы: «Воры! Спасите, люди добрые! Ой, смерть моя! Воры! Воры!» Крики эти всполошили весь дом.

Не робкого десятка была Фекла. Не боялась ни родни, ни мужа, ни даже князя Татиевского. По чести говоря, многие ее саму побаивались, но вся ее горячая, жадная до жизни плоть замирала от ужаса перед ворами, людьми, которые могут тайком пробраться в дом и унести принадлежащее тебе добро, да и убить ведь могут.

— Да откуда ты взяла, что воры? — сонно спросил супруг.

— Ой, погибель наша, нешто ты, болван, не чуешь? Ветром так и тянет по полу. Ох, пришли по нашу душеньку ироды, разомкнули дверь и по горницам шарят. Воры! Рагуйте! Воры!

По дому и впрямь гулял крепкий ноябрьский мороз.

На хозяйкин крик сбегались люди — сенная девка, истопник, стряпуха, домоправительница, потом конюх подоспел с топором.

— Молодец, Евсей, — одобрил хозяин. — Ну, что, слуги мои верные, чужого в доме никого не повстречали?

Домочадцы затрясли головами.

— Надо горницы обойти, — распорядился Лев Акимович и стал зажигать свечи. — Хватайте бабы, что потяжелее. Кочергу — самое милое дело. Зря ты, Авдотья, медный пестик с кухни не захватила. Берите свечки, обойдите все углы. С Богом.

Сам он взял стеклянную лампу, пицаль и торопливым шагом направился к выходу. Фекла стонала, спрятав голову под подушку.

В прихожей комнате было студено, в сенях еще холодней. Входная дверь металась на ветру, как бешеная, громко хлопала по стене. Он вышел во двор, огляделся. Зима пришла, зимнего месяца декабря чуть-чуть не дождавшись. Снегу не было, но мороз стоял крепкий — расквашенную дождем землю вмиг, как железом, сковал.

Лев Акимович поглядел по сторонам задумчиво, потом столь же задумчиво вернулся в дом. Поймал сбесившуюся дверь, притянул к притолоке, задвинул засовы, накиннул крюки. Не торопясь, прошел в прихожую, где положили с вечера Настю. Тихо в комнатке, всякая вещь на своем месте и стеганое одеяльце на Настиной кровати так ровненько, так опрятно лежит. Он поежился с морозу.

В доме перекликались слуги. Лев Акимович глядел на дочкину постель, прислушиваясь к странной, невероятной даже, мысли. Убежала, доченька, спаслась. Как спаслась? Куда убежала? В Москву, морозную, черную, пустую, где на улицах одни тати ночные да кабацкая пьянь, где не вступится никто. И откуда же, — из отцовского дома? Лев Акимович ничего про все это не думал. «Убежала, спаслась дочка» — одна была простая мысль.

Настя летела во весь дух по черной морозной Москве, гремела по гулкой железной земле чужими, Бог весть, чьими сапожищами. Подхватила в сенях, не глядя, сапоги эти гремячие и тулуп. Тулуп был на нее широк и длинный чуть не до земли, как бы не конюхов. Сапоги оказались худые, в дырья дуло холодом, старые, бугристые, а уж твердые, словно и впрямь из железа кованы. Гром от Настинной пробежки стоял отчаянный, только не слышал никто. Пуста Москва ночная, черная, еще бесснежная.

Один лишь огонек мерцает впереди. За версту бы обойти его девушке из хорошего дома, ничего доброго не знаменует сей огонь — кабак! Кто гуляет там средь ночи, самая пакость людская, самое отребье. Но Настя мчит туда, прямехонько на огонек. Ей ведь все равно бежать в ту сторону, а на свету она легче выберет дорогу. Авань, не заметит никто.

Бухают с грохотом сапоги, земля грохочет, отзывается. Вот уже почти и добежала, только надежда ее не сбылась: прямо навстречу выкатила из дверей развеселая компания, человек пять.

— Братцы, баба! Стой! Какая шустрая. Нет, шалишь, с нами пойдешь, не удирай!

Окружили Настеньку, расставили руки.

— Глянь-ка, девка! Да молоденькая еще какая! Нет, голубушка, от меня не уйдешь!

Мерзкий, с вытянутой щучьей мордой и мутными глазами бросился к ней рывком, откуда только прыть взялась, и ухватил за рукав. Настя ударила его ногой и угодила в коленку. Выпивоха взвыл от боли, а вслед за ним завыла, разъярившись, и вся шатя.

— Так ты лягаться! Обогреть ее хотели, а ты — ишь, стерва! Карачун тебе!

Видно было, что убить человека для них все равно, что блоху прищелкнуть. Они мигом окружили Настю — сивухой несло тошнотворно — надвинулись, словно волки, и, как волки, завыли и скалились. Вот нож блеснул!

Увидев этот нож, Настя вдруг почувствовала, что отчаянная, бездумная ярость подхватила ее, как волна, и несет, а страха нет. Одна лишь ярость и уверенная нетерпеливая жажда разделаться с этим отребьем. Как? А неведомо как!

Она не думала, не прикидывала ничего в уме, лишь отдалась на волю несущей ее бесстрашной волне.

— Ты? С ножом? На кого? — Она вскинула руки и в широченном своем тулупе вдруг показалась громадной. — Как ты смеешь, тварь? Да я только взгляну и насквозь тебя пробуравлю. — И глаза этой огромной, страшной девки вдруг загорелись синим пламенем — это видела вся шайка, а одному даже почудились два стремительных синих луча.

Они ринулись в кабак, подальше от беды, залить сивухой страх.

— Она ведьма? — все спрашивал самый молоденький из душегубцев, почти мальчик, тот, которому примерещились голубые лучи. — Ведьма она? Братцы, мы чтоль вправду ведьму

повстречали?

— Да какая она ведьма, — успокоил его, наконец, пострадавший негодяй со щучьим рылом, утирая вспотевшую грязную лысину.
— Нешто ведьмы ходят в таких сапогах?

А Настя летела к заставе, и сердце только сейчас встало комом где-то возле горла, и сапоги гремели, гремели по твердой, как камень, земле. Сзади послышался стук колес, и вскоре ее обогнала телега, а потом какая-то кибитка. Настя замедлила бег — ворота близко; утро близко.

Сенная девушка доложила Фекле, что ее спрашивает незнакомый человек.

— Что еще за человек, какого звания?

— Не поймешь, барыня, какого он звания. Вроде бы посадский человек, простой. Бедовый, этакий, молоденький еще и из себя пригожий.

Фекла слегка оживилась, блеснули черные глазки.

— Мне с его лица воды не пить, — сказала сухо. — Да он, может, не ко мне, а к мужу пришел?

— Никак нет. Хозяйку спрашивал, Феклу Лаврентьевну.

Фекла сделала скучное лицо, вздохнула.

— Проси.

Вошел молодой мужчина, одетый просто в темное, но совсем не бедно — хорошего сукна кафтан — в этом быстро разобрались любопытные черные глазки. Одежда сидела на госте ловко, да и сам он был складный, красивый, белокурый да кудрявый, лицо продолговатое, губы твердые — ох, любила Фекла такие губы — светлые глаза прозрачны, как холодный чистый ручей.

Фекла кивнула гостю на поклон.

— Вроде я тебя впервые вижу. Кто таков? Какие могут быть ко мне дела? Тебе, верно, к мужу надобно. Не перепутал?

Гость, слегка склонив голову, отвечал негромко и почтительно.

— Не извольте беспокоиться, сударыня; все без ошибочки. Не хозяин, а хозяйка мне надобна Фекла Лаврентьевна Пригожина. С вашей милостью имею честь говорить?

— Да, это я, — ответствовала Фекла, смягченная почтительностью незнакомца. — Как тебя звать-то, кто таков?

— Звать Иваном Творожком, мы посадские люди. А до вас у меня, Фекла Лаврентьевна, большой важности разговор. — Он глянул ей в глаза и Фекле показалось, что она тонет в этих прозрачных, бездонных глазах.

— Что ж за дело такое может быть между нами? — спросила она с равнодушным видом и с досадой ощутила, что голос как бы не слушается ее.

— Дело весьма тонкого свойства, об коем можно говорить только с особой женского полу и притом с хозяйкой дома, — торжественно и чуть ли не напевно произнес загадочный Иван.

Фекла все больше оживлялась и крикливый ее голосок сменился хоть и не напевным, но горловым, приглушенным.

— Из суконщиков будете? Али портные? Творожок твое прозвище? Ты в какой же улице живешь?

— Далече, — туманно откликнулся посетитель. И, помолчав, добавил: — Нет, мы не по одежной части. А вот дело мое, Фекла Лаврентьевна, до вас, оно как раз будет по этой части.

— Погоди ты, — запутал совсем — по части, не по части. Ты сам чем занимаешься?

— Чем занимаюсь, про то сам и знаю. Не спрашивайте меня, ваша милость, я ответить никак не смогу.

— Да ты дерзости мне...

Иван благостно взмахнул руками.

— Что вы, что вы, сударыня, как могли такое даже подумать, чтобы я вам дерзость сказал. Об моих занятиях нам с вами разговаривать не нужно. А насчет дела, для которого я к вам пришел, так это я сейчас же все подробно расскажу.

Фекла нахмурилась. В живых, обычно пронизательных ее глазах была растерянность.

— Дело очень даже простое, — вежливо и бойко принялся объяснять удивительный гость. — Тому назад три дня внезапно выехала со двора падчерица ваша, Настасья Львовна. При столь внезапном отъезде не захватила она с собой никаких вещей — ни одежды, ни обуви. А времена стоят, изволите видеть, холодные, не говоря уж о том, что в Москве да и на всей Руси нагишом ходить не положено. Так что будьте столь любезны, уважаемая Фекла Лаврентьевна, вручить мне вашей падчерицы имущество в ее собственном сундучке, все по описи.

Фекла обрела, наконец, голос и воркующих звуков в нем не было.

— По какой там еще описи? — гаркнула она. — Будет всякое ворье тут шляться да из дому сундуки таскать. — И она грозно приподнялась, чтобы позвать людей, но тут же торопливо села. — Что ты, Бог с тобой, ты что же это, а? — тихим шепотом спросила она.

Иван быстро шагнул к ней и посмотрел ей в глазки своими светлыми прозрачными глазами. Была прозрачность эта необычна, бездонна и вселяла она неслыханный страх.

Фекла пошевелила губами, но не смогла произнести ни звука.

— Вставай, хозяйка, — деловито произнес Иван. — Где у вас тут сундуки? И запомни: пока я тут, только слово кому из прислуги пикнешь...

Торопливо кивая, Фекла прошла в комнату, где среди прочих стоял немалый сундук с Настиным добром, еще и не разобранным. Фекле недосуг было пока им заниматься, да и куда спешить, кто ж знал, что Иван вдрут придет.

Путаясь пальцами, Фекла отделила ключ из связки. Дотошный гость отпер сундук и сноровисто перебрал лежащее там добро, поглядывая в какую-то бумажку. Не иначе, опись окаянная.

— Вещи вроде все, — сказал он, заперев сундук. — Ну а украшения всяческие, перлы да самоцветы, кроме тех, что на одежу

нашиты? Девушка, чай, должна и украшения иметь.

— Нет у нее украшений, — просипела Фекла. — Нет и не было. Сошла она еще перлами украшаться. Нос не дорос.

Иван открыл в улыбке ровные белые зубы, сказал негромко: «Подавился» и, взвалив сундук на плечо, зашагал к выходу. Фекла шла за ним, как старая гусыня, удивляясь самой себе. И, только заперевав на все засовы дверь, вошла в прихожую, плюхнулась на колени, перекрестилась на пустой угол и сказала: «Пронесло».

Славный дом, гостеприимный дом

Выпал снег, и побелело за окном. И в домах стало светлей, тепло, уютно. В печи трещат поленья, пахнет смолой.

У Аксины с Настей самые веселые дела — разбирают Настины наряды, смотрят, где поуже сделать, где подлиннее, где для красоты что переставить. То и дело слышно: «Летник этот надень. Так... Отойди, посмотрю... еще отойди подальше. Бирюзу отсюда мы сюда перешьем, а по рукавам вот этот жемчуг пустим. Чудо будет... Молодец Иван, вовремя поспел.

— А я всегда вовремя попеваю.

Дверь горницы приоткрывается, в нее заглядывает, улыбаясь, Иван.

— Пошел, пошел, — кричит Аксиныя. — Вот сейчас уж точно нехстати поспел. Девушка в одной исподнице. Кыш, глазастый.

Иван делает большие испуганные глаза и исчезает за дверью.

Славный дом, гостеприимный дом, то ли постоянный двор, то ли приют всех нуждающихся. Приют-то он, конечно, приют, да не для всех. Вчера Настя видела: отрок, одетый в худую рванину, от мороза хрипит, кашляет, уж так просился посидеть хоть часок, нет — и весь разговор. «У нас тут не кабак и не постоянный двор, чужих не пускаем. Ступай, малый, поскорей в Москву, там устроишься, а то на таком морозе как бы не перекинулся».

Вечером, чуть не ночью, появился неведомо откуда старик-лесовик совсем дикого вида старец, лохматый да кряжистый — Аксиныя, как родного приняла — уж так хлопотала, чем только не угаживала, горницу теплую, покойную отвела. «Как тебя величать прикажешь?» Страхovitый старец задумался, потом безразлично сказал: «Зови хоть Захарией». Вот тебе и не пускают неведомых людей.

Утром Настя спросила:

— Почто мальчика промерзшего в дом не пустила?

Аксиныя покачала головой.

— Все тебе знать надобно. Любопытна больно, — и, блеснув глазами, добавила: — Вот и он не в меру любопытен, тот малец. Ушки на макушке, глаза так и шастают. Соглядатай подосланный.

— Как Иван? — спросила Настя, удивив вопросом не только Аксиныю, но и себя.

— Чего выдумала? При чем тут Иван?

— А он за каким делом каждый день в Москву бегаёт? —

выпала Настя давно уж назревший вопрос.

Аксинья пожала плечами.

— Дела у него, видно, вот он и ходит.

Настя не отступалась:

— Какие дела? Он ведь станишник с Волги. Не купец, не приказный. Какие у него в Москве дела?

— Не знаю. Я-то не из любопытных. А ты что привязалась к спасителю своему?

Настя смущенно пожала плечами. От смерти Иван ее не спасал. Спас от боли. Когда Настенька, ступив с дороги на тропинку, и с трудом переставляя сбитые в кровь, ооченевшие ноги, думала: «Дойду, вот теперь-то уж беспременно дойду. Да где же он, этот дом-то?», и каждый ее неуклюжий, словно на ходулях, шаг отдавался болью, тропинка вильнула за густые голые кусты, и внизу, под уклоном показался низенький просторный дом, дом Аксиньи, куда Настю пригласила хозяйка, дом, где ее приютят. Девушка заковыляла, стиснув зубы, чуть не вскрикивая от боли. И вот тут-то уже у самой ограды выскочил из боковой калитки человек, бросился к Насте, схватил ее на руки и понес к дверям. Настя увидела очень близко светлые прозрачные глаза, и не единой мысли в голове ее не мелькнуло, одно лишь радостное облегчение от боли.

— Спаситель... ты уж скажешь, — протянула она с усмешкой.

— От какой такой погибели он меня спас? Пять шагов мне до калитки оставалось. Неужели я их без него бы не прошла?

— Может и прошла бы, — холодно отозвалась Аксинья. — А может, и калекою осталась — на культяпках да на костылях. Мы ведь пальцы тебе отрезать хотели. Да Иван не дал. Жаль, говорит, девочку, такая славная. Лечи знахарка. С Божьей помощью отходили тебя с ним вдвоем. Все терли попеременно. Уж так старались. А то, быть может, и ступню бы оттяпать пришлось.

Настя съежилась.

— Вот то-то, ишь, как тебя повело. А увидела бы ты свои ножки, до колен в кровь сбитые, синие, холодные, как вода в январской проруби, небось, смекнула бы, что спасена ты была не от одной лишь боли. Ну, чего глаза-то выпучила? Пелерину примеряй.

Настя и в самом дела удивилась. Уже не в первый раз замечала она, что Аксинья угадывает ее невысказанные мысли. Ведь не говорила же она, что Иван спас ее только от боли. Подумала, а вслух не говорила.

Удивительны были обычаи Аксиньиного дома. В трапезной ели немногие, больше — всяк на своем месте. Как кто молится, Насте редко случалось увидеть. Зато вечером собирались чуть не все в большой горнице, рассаживались по широким белым, выскобленным лавкам и пели.

Песни были все по большей части незнакомые — донские да волжские, и Настя не могла надивиться их красоте. Были грустные, протяжные, и лихие, веселые, а Иван свистел пронзительно, и

сидевшей с ним рядом Насте так и хотелось пуститься в пляс. Завел обычай держать для Насти место, никого не пускал с собой рядом и, чуть завидев девушку, кричал: «Сюда, сюда, сестренка, я уж тут жду не дождусь». Настя усмехалась чуть насмешливо, но от припасенного места не отказывалась. Привыкла ловить ненароком быстрый, текучий взгляд, к мимолетному прикосновению руки его привыкла — то он голову ей погладит, то тронет за плечо. И к свисту этому разбойному привыкла, чем-то он даже нравился ей.

А Иван все больше приучал к себе молоденькую «сестричку». Входя в дом, искал ее глазами, а увидев, радостно улыбался, шел здороваться «Вот ты где, хорошая моя», ласково клал руки на плечи, целовал головку.

Кровь кипела в Насте от возмущения: да как он смеет, да кто я ему? Кровь кипела и от нетерпения: вот он, вот он, сейчас подойдет. Вскоре она уже не улыбалась насмешливо. Разговаривали они и вправду, словно брат с сестрой, оживленно, доверительно. Настя рассказывала про мачеху, и как папенька ей покорился, не вступался за дочь.

Иван слушал внимательно, смотрел такими добрыми глазами, что сердце таяло. Он и сам рассказывал о своем донском житье, все больше о детских годах, и Настя уже ясно себе представляла широкую бескрайнюю реку, и неоседланных огромных лошадей, и ребятишек, вцепившихся в их нечесанные гривы.

— Врешь, небось? — смеялась она. — Виданное ли дело, чтобы, ходить не научившись, ездили верхом.

— А только так и можно научиться, — отвечал он. — Вашим-то, московским... — Он вдруг замолчал и внимательно заглянул ей в глаза. — Хочешь, выучу по-казацки ездить? У нас, бывает, бабы верхом скачут не хуже казаков.

— Так мне уж поздно.

— Я учить буду.

Сказал так твердо, что она поверила: научит, взрослую московскую девицу, не хуже тех беспшанных казачат.

На другой день вывел из конюшни невысокую крепенькую лошадку.

— Кобылка смиренная. В самый раз тебе.

На крыльцо вышла Аксинья в накинутом на плечи тулупе, одобрительно кивнула головой.

— Дело не лишнее. Времена такие — может, и придется сломя голову скакать от какого-либо супостата. Я тебе портки мужские сошью, — добавила, помолчав, — будешь ездить по всем правилам. И учитель у тебя знаменитый.

Настя выучилась верховой езде на редкость быстро. Шибкой езды она не боялась, Иван сменил ей коня, привел откуда-то рыжего жеребца, повыше ростом и порезвее. Почитай, каждый день выезжали они на прогулку, то неслись наметом, то ехали шагом, разговаривая. И о чем, казалось бы, им, говорить? Но привыкли они к разговорам, с каждым днем все больше привыкали.

Молчаливые жители дома улыбались, глядя, как Настя ловко

управляется с конем, они, как видно, хорошо к ней относились.

Аксинья хвалила способную ученицу и толкового наставника.

Да вот беда: неугомонный Иван верховой ездой не удовольствовался и в один прекрасный день принялся учить Настю еще одной не женской науке. Увидев саблю в нежных ручках Насти, Аксинья вышла из себя.

— А это еще зачем? К чему ты ее готовить вздумал?

— На всякий случай пригодится, — усмехался Иван. — Сама ведь сказывала: времена лихие.

— Выходит, я и виновата? — вскипела Аксинья. — Уж не я ли тебя подбила легонькую сабельку сыскать, чтобы девице бряцать было сподручней?

Иван молчал и озабоченно хмурился — неуступчивый хозяйкин нрав был ему известен.

Но Настя уговорила Аксинью. Приласкалась, приголубилась. Да и то сказать: запрети им, эти неслухи ускачут на прогулку и станут саблями махать в трех верстах от дома, как бы кто чужой не заметил. Во дворе, за высоким амбаром их с дороги не видно — Иван хорошо выбрал место.

Выучил, всему выучил, сукин сын, и на саблях биться и стрелять из пищали. В Москву редко теперь ездил — Аксинья пасмурно качала головой.

— Связался черт с младенцем, — буркнула она как-то Ивану.

— Ну, какой же она младенец, Ксюша? Самый возраст, шестнадцатый год.

— А тебе семнадцатый? — отозвалась Аксинья.

Иван вспыхнул, нахмурился, не говоря ни слова, круто повернулся и ушел. Она глядела ему вслед, прищурясь, усмехаясь. Ничего не скажешь — красив мужик: складный, ладный и с лица как писанный, кудри темно-золотые, глаза — утопнуть можно. И на вид ему двадцать с небольшим, ну, двадцать пять, от силы. А ведь они с Аксиньей почти ровесники. Ее рано выдали замуж, еще на Дону, в станице, а он большой уже был мальчик, подросток, и Аксиньина подружка на него заглядывалась. Нет, совсем он не намного ее младше, на гулянки вместе бегали.

С чего бы это красота его прямо в глаза шибает? Всегда пригож был, но не думала она о нем. И внезапно поняла: похорошел. Влюбился, право слово, влюбился, от этого всегда хорошеют.

Да и Настю не узнать. Замученная, бледная, как подбитая птичка, лежала она на руках Ивана, когда он внес ее в дверь, подхватив у калитки. А сейчас, намахавшись саблями да наездившись в волюшку, входит в горницу, словно царевна из сказки, щеки нежным румянцем пылают, звездами сияют синие глаза.

Тоже небось... ох, горяшко, пара ли она ему!

Настя ходила, как в тумане. Что-то с ней творилось. Вечерами запиралась у себя в светелке. Гасила свечку, не спалось ей и не читалось, хотя в доме были любопытные книги. Лежала тихо в темноте, глядела, как вспыхивают красными и синими огоньками

догоравшие в печке дрова. Не от печки, невесть откуда, наплывал легкий, радостный жар, сердце замирало в предвкушении... чего — неведомо. Шел час за часом и давно погасла печь, дом уснул и только Настя раскрытыми глазами вглядывалась в темноту, окутанная тревожным и блаженным жаром.

— И чего так рано запирается стала? — волновался Иван, расхаживая быстрым шагом по большой общей горнице. — Меня боится? Ей-то что меня бояться?

«Кому уж, как не ей, тебя бояться! — мысленно отозвалась Аксинья. Она сидела там же, на расписном табурете и вязала чулок. — Только не боится, глупенькая девочка. Сидит в темноте и млеет».

Иван, не способный слышать чужие мысли, все так же беспокойно метался из угла в угол.

На второй неделе Великого поста приехала к Аксинье в гости кума Евфалия, шустрая, еще не старая, из бедных дворянок, приторговывавшая в хороших домах кружевами и все сплетни о знатных особах узнававшая одной из первых. Кума Евфалия привезла новостей целый ворох, да каких еще новостей!

Государь Алексей Михайлович, года не прошло, как овдовевший, надумал вновь жениться и еще осенью, — Настя, замученная мачехой, и не слыхала — устроен был смотр невест. Одни девицы, опечаленные, вернулись домой с подарками, другие же с надеждой ожидали вторичных смотрин, сразу после Святой.

Кума Евфалия, женщина осведомленная, имевшая знакомства даже во дворце, умела держать язык за зубами, однако новости были столь поразительны, а разглашение их столь опасно, что кума не выдержала, села в кибиточку и поехала в этот упрятанный в сугробах дом, где хозяйка и впрямь умела хранить тайны, а постояльцы — люди пришлые, не от мира сего, во всяком случае, от дворцовых дел далекие.

Гостья рассказывала, что хотя на вторичные смотрины съедется порядочно девиц, невеста уже выбрана. Правда, люди сказывают, что путь в царские палаты будет для нее не прост.

— И как ты думаешь, кто эта избранница? — обратилась Аксинья к вошедшей уже во время разговора Насте. — Твоя подружка, Наташа Нарышкина. Пока ты тут оружием бряцаешь на удивленье благочестивым старцам, она, можно сказать, российскую корону примерила, хотя в конные войска ее, конечно, не возьмут. Да и не надобно это девице. Ох, молодец Аксинья! Никто не хвалит, так хоть сама себя похвалю.

— А тебя-то за что хвалить? — удивилась кума. — Ведь не к тебе государь сватается.

— Есть за что, — отрезала Аксинья. И повернулась к Насте. — Гаданье мое помнишь?

Настя помнила. И про свои крутые повороты, приведшие ее пока в этот странный дом. И про великий взлет, предсказанный Наташе. Ей вдруг стало тоскливо и беспокойно. Кума Евфалия между тем рассказывала, что у Наташи есть все же одна соперница,

Ивана Шихирева племянница, девица красоты неопикуемой. Да куда Ваньке Шихиреву с Артамоном Матвеевым тягаться?

«Что за Шихирев, какой там еще Шихирев, — думала Настя. — Мы с Наташей в горелки играли, за одним столом у Артамона Сергеевича сживали. И вот как нас судьба раскидала. Ее в царские палаты, а меня в притгон. К ней государь сватается, а я уж готова к станишному вору на шею повеситься, — с внезапным прозреньем разгадала она свои жаркие мечты о неведомом счастье.

Лицо ее стало суровым и замкнутым. Когда вечером Иван вернулся из Москвы, Настя спряталась в своей светелке, едва заслышав его голос. Она плакала беззвучными, холодными слезами, и радостный жар сердца не посетил ее и не утешил.

На другой день она сухо, с неприязнью сказала Ивану, что ездить на лошадке и играть в детские игры у нее нет охоты. Иван так же сухо заметил: «Ну, что ж», быстро собрался и ушел.

Полдня она ходила в тяжком раздумье. Где они, ее крутые повороты? Неужели так и просидит всю жизнь, как мышь в муке, в этом уединенном доме? К отцу вернуться? Мачеха... Ох, нет! С князем Татиевским повидаться? Да пустят ли ее на княжеский двор? Беглая из отчего дома девица, полгода где-то пропадала. Князь все поймет, если она к нему пробьется, но чем он ей поможет? В Москве одна у ней дорога — вернуться к отцу. Она вдруг вспомнила смешной рассказ Ивана о том, как он забирал ее вещи, и мачеха с ним заигрывала, и неожиданно улыбнулась... Был март, темнело теперь поздно. А Иван все не шел и не шел. Зачем он ей, он темный человек, с ним и говорить-то не о чем. А сколько они говорили? Жильцы собрались в горнице, принялись петь. И она пошла вместе со всеми. Пели, как всегда красиво. И ей вдруг стало грустно, показалось, Иван ушел и не вернется. Не дурак ведь он, все понял. Да зачем он ей? Ушел и хорошо. Аксинья-то какая гадалка! Наташе нагадала — чудеса! Ну что ж! Значит будут и у Насти крутые повороты. Но чего-то нехватает нынче песням. Нет Ивана, нет его лихого свиста.

Напелись вволю, потом бродили по дому. Потом мало помалу разошлись. Настя сидела одетая в своей горенке, и не сладостный жар, а тревога не давала ей заснуть.

Глубокой ночью она услышала стук в дверь. Сонная служанка заскрипела засовами. Настя сразу же вздула свечу, быстро вышла, радуясь, что одета. «А вдруг не Иван? — испугалась она. — Может, новый гость приехал среди ночи?»

В сенях стоял Иван и стряхивал с полушубка снег. Увидев Настю, он замер. «Ты что ж не спишь?» — спросил он, наконец. Голос его звучал хрипло. «Волнуется», — подумала она. И радостно ответила: «Тебя дожидалась. Не могла заснуть, тревожилась о тебе».

Он хотел улыбнуться, но у него задрожали губы. Скинул на пол шапку и тулуп, подошел к ней и нежно поцеловал. «Не думай худого, милая. Я так легко не уйду». Взял ее за руку и проводил до горницы. «Спи спокойно, моя хорошая. Сладких тебе снов». «И тебе покойной ночи, Ваня».

Не тревожность, не жар крови, а прекрасная, тихая нежность наполнила ее. Она уснула мгновенно крепким, счастливым сном.

А потом со дня на день, казалось бы, жизнь вернулась в свою колею. Они ездили верхом, устраивали поединки за амбаром и, разогретые игрой, блестя глазами, весело вбегали в дом. Но не выкинешь уже из памяти того, что было. Если Настя раньше подсмеивалась над собой, — вот, связалась с разбойником, то теперь она боялась: смутный, непонятный человек, скорей всего и впрямь станишник, хоть и одевается по городскому. Что же будет с ней? Она старалась, чтобы все продолжалось, как прежде, и в то же время ждала перемен: что случится, когда, как? И не сбежать ли ей, пока не поздно, хоть и к мачехе? Ведь не навеки, выйдет же она когда-нибудь замуж.

Она холодела от страха и не замечала, что опять вернулся прежний жар, и забурлила кровь. Она не замечала, что они ищут друг друга, все больше времени проводят вместе, хотя все вокруг это видели, даже старики староверы.

Как-то вечером она вышла на боковое крыльцо. Кончался март, днем звенела капель.

Долгая зима давно уж надоела, сердце просило весны. Но под вечер выпал легкий пушистый снежок, и двор сразу посветлел. Деревянные сарайчики отчетливо чернели на свежем снегу. «Небось, последний», — подумала Настя, и ей захотелось попрощаться с зимой. Она стояла на крыльечке, жадно вдыхая морозный воздух.

Четверо мужчин остановились у калитки: Иван и трое станишников. Они о чем-то тихо говорили, потом разошлись. Иван направился к большому крыльцу, а те трое зашагали было прочь, как вдруг один из них бегом вернулся и крикнул: «Атаман!» «Что еще?» — спросил Иван и пошел ему навстречу.

Настя, загороженная столбиком, прижалась к стене на своем боковом крыльечке. Когда Иван, ответив казаку, вошел в дом, Настя мигом проскользнула в боковую дверцу и скрылась в своей горнице, благо была недалеко.

Атаман! Не какой-то станишник. У Разина, говорят, целая армия, жестокая и сильная. Они захватывают корабли, сражаются с войсками. Атаман... казацкий воевода. Что он делал здесь в Москве всю зиму? Разведывал? Сманивал на свою сторону стрельцов? Молодой, веселый, нестрашный Иван, который называл ее сестренкой, а в последнее время все чаще обнимал ее и целовал, этот ласковый, ручной Иван — один из Разинских атаманов?

Странная отчаянная гордость шевельнулась в ней. Битая мачехой, в детстве лазавшая с мальчишками по чужим садам, она не помышляла о царских палатах, о богатом, знатном женихе. Почему-то знала: не про нее все это, но душа ее восставала. Она чувствовала свою силу, свою прелесть, свою необычность, и обида точила ее. Нет, она не будет жить в царских палатах. Но ее полюбил человек, который, может быть, войдет в эти палаты, и страшно станет тем, кто там сидит.

Ей и на мгновение не пришло в голову, что в мелких шайках вроде той, что вылезла тогда из кабака, тоже есть свои атаманы. Разве Иван ровня им?

Она вдруг подумала, что они встретились не случайно. Ведь они похожи. Природа щедро наградила их необычностью, обаятельной силой, а судьба швырнула на обочину. Вот они и нашли друг друга.

Утром дерзко, весело, внезапно нагрязнула весна. От вчерашнего снежка и следа не осталось. Серые оледеневшие сугробы разваливались и подтаивали, открывая прогалины влажной земли.

– Хорошо! – сказал Иван. – Ишь как припекает. А грязища! – столь же одобрительно добавил он.

Стоявшая рядом Настя в мужских портках и сапожках, уже готова была сбежать с крыльца и по сугробам пробраться к конюшне, но Иван вдруг неожиданно решил:

– Нет! Оно, конечно, очень даже прекрасно под ясным солнышком и по первой грязи, да только я не свинья. И коней загваздаем и сами хороши будем. Посидим уж лучше дома в чистоте. Правильно я говорю?

– Да ведь дальше еще пуще развезет, – возразила Настя. – Что ж нам три недели дома сидеть?

– Три недели мы сидеть не будем, успеем еще заляпаться, – ответил он. – А нынче погодим.

У Насти гулко бухало сердце, обмякли ноги. Спорила она для порядка, на самом же деле после его слов ее так и потянуло в теплую горницу Ивана, в его крепкие объятия, к его жарким губам.

Боялась и ждала внезапных перемен и лишь сегодня почему-то поняла: перемены подобрались незаметно. Много ли времени прошло с тех пор, когда он звал ее сестренкой и, здороваясь, при всех клал ей руки на плечи, и она смущалась.

А сейчас они то у него, то у нее и с каждым днем их ласки все смелей, все горячее, и она уже сама его целует и нежно ворошит его мягкие золотистые кудри, и нет ей дела, что люди думают о них.

Кто они – любовники? Да уж совсем чуть-чуть осталось, чтобы можно было так их назвать. А после вчерашних мыслей, что они быть может суждены друг другу, что-то новое открылось в ней.

Закрыта занавеска, в горнице полутемно, что же это с ней творится?

– Какая ты сегодня... – шепчет он.

– Какая? Ну, скажи, какая?

– Хорошая... ласковая моя, жаркая, как огонь. Люблю тебя, глаза твои люблю, милые, твои, горячие губы.

Он вдруг взял ее за плечи и отодвинул. Они сидели постепенно приходя в себя. Иван встал и пересел на сундучок. Настя застыла, опустив глаза. Голова у нее кружилась.

– Настенька, милая, послушай меня, – заговорил он медленно и негромко. Она подняла голову. Он сидел на сундучке, слегка опустив плечи и глядел на нее такими глазами, каких она ни разу

у него не видала. Серьезные, ни искорки, ни смешинки. — Нам с тобой надо это кончать, — сказал он, и она с испугом вскинула на него взгляд. — Такого больше между нами не будет. Я портить тебя не хочу.

— Честный? — усмехнулась Настя.

— А ты думала, совсем без чести? Я со многими честный.

— Но не со всеми?

— Нет, — сказал он твердо, будто гордясь этим. — Обо всех не стоит говорить. Я не святой. Я грешный человек, очень грешный. И с молодыми девушками был нечестным. Но тебя я полюбил.

Настя вдруг почувствовала: отпустило. Как же ей было стыдно, что не она, а он, ее соблазнитель, прервал это безумство.

— Не думал я, что сумею так полюбить, — продолжал он. — Ты не отвечай мне сразу, сперва в сердце своем разберись. И если поймешь, что тоже меня любишь, нам надо повенчаться. Ежели ты никоновской веры, нас повенчают в Москве. Есть у меня знакомый поп, все сделает по закону.

— А ты старой веры? — насторожилась Настя.

Он усмехнулся.

— Мне это все равно. Я к тому, что была бы ты староверкой, нас бы прямо в доме окрутили, среди здешних постояльцев этого народу пруд пруди.

— А ты в Бога веруешь? Почему тебе все равно?

— Верую, успокойся. Побольше в жизни повидал, чем бы в свои пятнадцать лет. И с католиками, и с магометанами знался. Все люди. Я православный, ты не бойся, но чтобы ради этой чепухи с ума сходить и смерти себя предавать... Это и Господь не одобряет. Лучше уж купца зарезать на большой дороге.

— А купца зарезать, Господь одобряет? — не удержалась Настя.

— Простить может, ежели покаешься.

— А ты каешься?

— Что мне каяться? Я не грабитель. А врага, плохого человека пришибить не грех. Я ведь мачеху твою чуть не кокнул, когда за одежкой твоей заходил.

Сколько раз пыталась Настя узнать, как он выцарапал ее сундучок у Феклы. А он все отшучивался: «Зверь-баба. Но я уж как-то сумел».

Окажись здесь сейчас Аксинья, она бы очень удивилась, узнав, что у Ивана не было случая каяться в грабежах. Из богатой семьи был мальчик, умненький, толковый, учителя ему нашли. Но парнишку с самого детства так и тянуло на разбой. Сейчас, когда он вышел в такие козыри, на большую дорогу ходить ему ни к чему. Но душа его разбойничья, как была, так и осталась.

— Ты Разина знаешь? — вдруг спросила Настя.

— Степана Тимофеича? — Он усмехнулся. — Стеньку мало кто знает, как я. Таких раз два и обчелся.

— Это он тебя сюда прислал?

Иван нахмурился.

— Зачем это тебе? Ты пока еще даже не решила, пойдешь ли за меня.

Она покачала головой.

– Сдается мне, мы оба решили. Ты вон даже попа приискал.

– Поп здесь ни при чем. Мы с ним старые знакомцы. А ты все-таки не торопись. Сиди и слушай. Мало знаешь ты про меня.

Настя притихла. Что он расскажет? К сердцу подступил холодок.

– Я много старше тебя. – начал он. – Мог бы отцом тебе быть.

– Тебе сорок лет? – испуганно спросила Настя.

– Это отцу твоему сорок. Мне тридцать пять. Ты не перебивай. Я женат был. Теперь вдовый. Сын у меня на Дону, вырастает у тетки, у ее сестры. Не на много тебя младше. Так что не такой уж я молоденький парнишка, как тебе казался. И не такой уж добрый. Ты вон аж побелела, когда я про мачеху сказал. Я ведь пальцем ее не тронул, просто она поняла, что я могу убить. В моей жизни это пустяк, а не случай. Он мне даже в заслугу. Злую бабу припугнул, вступился за сироту. Ну да, что о пустяках толковать, а я вот что тебе скажу: на счету у меня много жизней. Очень много, невозможно счесть. Ну, конечно, не всех же своею рукой.

Она старалась не показать свою растерянность и страх и сказала спокойно:

– Ну, конечно, ты же атаман. У тебя большое войско?

– Кто тебе разболтал? – спросил он хмуро.

– Да никто. Я слышала сама. Ты вечером к дому шел, а тебя окликнул твой станишник.

– А ты где была? Почему я тебя не видал?

– Я на боковом крыльце стояла.

– И чего тебя на ночь глядя туда понесло?

Как нехорошо он с ней говорит. Где он прежний Иван, ласковый и беспечный. Стараясь не показать обиды, она сказала:

– Снег выпал красивый. Я подумала: в последний раз. И вышла с зимой попрощаться.

– Нашла с кем прощаться. Я уж не чаял, когда она сдохнет, московская ваша зима. Совсем ты еще дитя – с зимой ходишь прощаться. Да и я тут размяк. Это ж надо, к дому подходить и не заметить на крыльце человека.

– А если бы заметил, ты б меня убил?

– Настя!

Он будто проснулся. Что он наделал? Как с ней говорил? Хотел по-честному, хотел ее предупредить. Сказать правду о себе и своей жизни. И вдруг будто в трясину полез, чем дальше, тем глубже. Он ведь замечал ее растерянность, испуг. Но его какой-то бес толкал. Он становился все злее, грубее. А под конец совсем озверел: стал допрашивать ее, как пленную лазутчицу. Что за одурь завладела им!

– Настенька! Любимая! Прости... – он бросился перед ней на колени. Слезы покатались по ее лицу.

– Милая моя, хорошая, прости, если можешь. Сам не понимаю, что на меня нашло. Наваждение какое-то.

– А может быть, предупреждение, – сказала она тихо.

Он посмотрел на нее с ужасом. Схватил себя за голову и застонал.

— Ты меня разлюбила?

— Я ничего не знаю, — еле слышно проговорила она. — Ты был совсем другой, того я любила. Тот, который только что со мной говорил и жалел, что не заметил на крыльце человека — что он сделал бы этому человеку? — я боюсь его. Мне страшно, всегда будет страшно, что этот оборотень вернется.

— Да какой же я оборотень, Господь с тобою? Девонька моя милая, — взмолился он, — ты подумай, легко ли мне было все дурное про себя рассказывать — и что стар я для тебя и что руки в крови. Ведь меня всего корежило, но я давно решил. Я виноват, я напугал тебя, только и ты меня уразумей.

Настя молчала и непонятно было, слышит ли она хоть слово.

Внезапно в дверь забарабанили кулаки:

— Вы там не поумирали? — кричала Аксинья. — Ты мою Настю не зарезал, станишник? От тебя дождешься. Настенька, отзовись!

Настя встала, подошла к дверям, откинула крючок.

— Господи Владыко! — придушенным голосом простонала Аксинья, торопливо оглядываясь, не стоит ли кто. — Что же он с тобою натворил! Лишил чести, мерзавец?

Настя отрицательно затрясла головой.

Аксинья перекрестилась.

— Ну, гора с плеч, и на том спасибо. Чем же он, аспид, тебя довел? Пойди умойся, рожица-то вся в слезах. Лохмы причеши, застегнись, оденься поприличней. У нас гости скоро будут, да какие! Экая ты распатланная, я сама тебя причешу. У, идол! — погрозила она в полураскрытую дверь.

К вечеру прибыли гости. Из глубины дома доносились громкие мужские голоса: «Аксинья, так чем же ты удивить нас хотела?» Настя в нарядном платье с жемчугами, уложенной вокруг головы косой, тоже перевитой жемчугом — Иван подарил к Рождеству — нарумяненная с потухшими глазами, подошла к дверям, приоткрыла, прислушалась и твердо сказала:

— Я к гостям не выйду, захворала.

— Да ты что? — возмутилась Аксинья. — Ты хоть слышишь, кто пришел?

— Потому и не выйду. — И зазвеневшим голосом произнесла:

— Да ты взгляни на меня, тетя Ксюша!

Та посмотрела в ее тусклые, серые глаза, покачала головой и сказала:

— Все равно надо идти.

И тут Настя рухнула на пол, как столб. Аксинья встревожено к ней наклонилась и встретила упрямый взгляд слегка даже поголубевших глаз. «Ванькина выучка! — смекнула Аксинья — он там за амбаром зря время не терял. Выучил, подлец, приемам. Ну что с ней делать? Не силком же тащить».

— Объяснишь, что я ослабла от поста и молитвы, — ровным голосом сказала Настя. От этой наглости Аксинья только тряхнула

головой. — Передай мой поклон и скажи, что я весьма сожалею и очень бы желала их на той неделе видеть. Они знают, что это я?

— Нет, — сердито буркнула Аксинья. — Я сказала, что хочу их удивить.

— Так придумай что-нибудь. Пусть удивятся попозже. Тетя Ксюша, — произнесла она мягко, — ты же сама понимаешь, не могу я ни сегодня, ни завтра встречать таких гостей. Не могу им на глаза показаться.

— Баловство, — проворчала Аксинья, в глубине души согласная с Настей. — В грех лжесвидетельства меня ввергаешь о Великом посту.

— Так ведь, наверно в первый раз, — проговорила Настя. — Небось, простится.

«До чего дерзкая девчонка стала, — подумала Аксинья. — Была такая скромница. От Ивана набралась. Слава Богу, что приехали хорошие женихи. Уж сумею как-нибудь пригласить их вторично».

Болезнь

Внезапный прилив сил, когда Настя решила, что вся ее судьба висит на волоске, схлынул, столь же быстро, сколь прихлынул. Полчаса не прошло, как она прилегла на лежанку, малость передохнуть, но встать уже не смогла. Аксинья заглянула в дверь и что-то ее, как кольнуло. Она быстро подошла к лежанке и в глазах ее вспыхнул страх. «Лихоманка... Лихорадка по-ученому, да еще из самых плохих. Молоденькие девочки вроде нашей Настены от этого как мухи мрут. А иные хворают неделями и остаются на всю жизнь квелыми и золотушными. Правда, можно вылечить сразу и все будет ладно, только есть в этом лечение свой риск.

Она взглянула еще раз на Настю и, махнув рукой, удалилась в каморку, которую всегда держала на замке. Иван прозвал эту комнату «чародейная». Аксинья бешено разгневалась тогда и, вопреки своему же обычаю, силком подтащила к запретной двери Ивана и Настю и прошипела:

— Темные вы люди! Больных что ли никогда не видали? Чем их лечат? Травами, пользуют, травами! Отварами из того, что в лесу и на лугах растет. И чародейство тут, ну, вовсе ни к чему.

«Чародейная» не понравилась Насте. Лохматые пучки по стенам, словно бороды леших, на столе в шкатулках всякая страсть, поди догадайся, что этот сморщенный черный комок был когда-то зеленой березовой почкой.

«Иван умный вроде мужик, а такое брякнул: «чародейная», ворчала яростно Аксинья. И слово, как приклеилось. «А то вам неизвестно, голубки, что за чародейные дела могут на костре спалить?»

Вот в этой жуткой комнате и шуровала весь вечер Аксинья, толкла в ступке, кипятила на самодельном маленьком очажке — ведерке, выложенном изнутри глиной с решеточкой наверху, — студила, сцеживала, смешивала, заглядывая иной раз в огромную

растрепанную книгу.

В полночь она вошла к Насте. Девушка металась, стонала во сне. Аксинья протянула руку, от Настиного лица так и пыхнуло жаром.

— Кто это? Что тебе? — вскрикнула, проснувшись, Настя.

Аксинья обняла ее за плечи и усадила на постели.

— Лекарство тебе принесла. Пей.

Настя послушно осушила поднесенную к ее губам чашку. Аксинья бережно ее уложила, закутала, погладила по голове: «Спи». Густые волосы взмокли от пота и вся горит, бедняжка, жарким сухим огнем.

В шесть утра минута в минуту Аксинья снова вошла к больной. Девушка спала спокойно, дышала ровно. Аксинья разбудила ее и снова поднесла к губам чашечку со снадобьем. Настя казалась совсем здоровой, только спать ей хотелось, но Аксинья заставила ее выпить все до дна.

Когда выходила из комнаты, к ней метнулся Иван.

— Что она захворала? Опасно?

— Да вот лечу, — кратко ответила она.

Уверенный этот ответ никак не соответствовал тому, что творилось в душе лекарки. Но Ивана он успокоил. В этот день ему позарез надо было в Москву, и надеясь пораньше вернуться, он сразу же ушел.

Спрашивали Аксинью и другие, она всем отвечала так же коротко и просто, скрывая тревогу, все сильней подступавшую к ней. Несколько раз Аксинья отворяла дверь и подходила к Насте, и все думали, что так и надо, а смятение все сильней охватывало ее.

За несколько минут до двенадцати Аксинья твердой рукой наполнила чашечку и отправилась к Насте. Та спала очень крепко, лицо бледненькое, дыхания почти на слышно. Настя никак не хотела проснуться, и Аксинья силком усадила ее, раздвинула губы и влила ей в рот все до капли постылое варево.

Казалось бы, чего проще, еще утром, когда Настя выглядела совсем здоровой, здоровее, чем сейчас, оставить ее в покое. Девушка выспалась бы и была бы днем весела и благополучна. Но и знахарка, которая учила Аксинью, утверждала, и во всех книгах было писано: «Не менее трех раз». То, что не более, Аксинье было ясно, выплеснуть эту дрянь на помойку и не вспоминать о ней, но почему «не менее»? Она спрашивала, ей отвечали: «Выпитое менее трех раз не исцеляет. Лихоманка воротится вспять».

Иван явился засветло и бросился к Аксинье:

— Плохо? Как она? Не помогло твое питье?

Аксинья хмуро отмахнулась:

— Помогло.

— Ну а что ж тогда? Я что ль не вижу?

— Сильное очень снадобье, — ответила она сквозь зубы.

— Перелечила?!

— Не знаю я. Все делала по правилам. Не менее трех раз, — повторила она надоевшее наставление.

– Трех раз... А почему меньше нельзя? Ей после второго раза стало хоть малость легче?

– Ей после первого стало лучше, – ответила Аксинья. – Еще утром, в шесть часов.

– Так какого же ты хрена...

– Не лайся на Святой неделе.

– Да пошла ты к чертовой матери со своими колдунами и попами. Пусти!

Он оттолкнул ее от двери и вошел к Насте. Постоял возле постели, вглядываясь в бледное, без кровинки, лицо, вслушиваясь и не слыша дыхания. Вырвал из кудрей своих волосок и поднес к синеватым ее губам. Волосок зашевелился. «Все же дышит», подумал он и вдруг с ужасом: «дышит пока».

Он снова бросился бесшумными своими шагами к Аксинье

– На кой дьявол ты ее травмила?

– Сказано тебе: не менее трех раз. Иначе не исцелится. Во всех книгах прописано.

– Книжки твои... – он вдруг замолчал, задумался, потом спросил:

– Что значит не исцелится?

– Ну, лихоманка снова воротится.

– Так могла бы и пройти потом.

– Наверяд ли. Слабенькая она еще. Совсем девочка.

– А не говорили твои знахарки, сейчас умереть она может, после того, как снадобье пила?

– Бывали случаи, – неохотно призналась Аксинья.

Он так и впился в нее взглядом:

– Ксюшка, ты что? От лихоманки ведь выздоравливают почаще чем от твоего пойла. Что ж ты за баба безжалостная? На такое решиться. Жизнью человеческой играть.

«Уж кто бы говорил», подумала Аксинья. И буркнула:

– Лихоманка лихоманке рознь. Те кто от этой вылечиваются квелые всю жизнь. И золотухой болеют.

Он вдруг как-то всхлипнул.

– Была бы жива.

И ушел, опустив голову, бесшумно ступая.

* * *

Все в доме знали: Настя помирает, и только чудо может ее спасти. Молились многие, все больше старым иконам. Стоя перед образом, Аксинья слезно умоляла Владимирскую Божью Матерь: спаси и сохрани. В горницу к Насте навевывались только она и Иван, и когда оттуда выходили, им вопросительно заглядывали в лицо. Но они молчали и по глазам было видно: плохи дела.

Старец Захария, все бродивший по углам и шептавший многочисленным ведомым ему молитвам по канонам древнего благочестия, заметил, что молится и Иван. Стоя в темном закутке, он держал в руках маленький образок еретического никонианского изделия и что-то бормотал. Ивану, как известно, было все равно,

старому или новому Богу молиться, но бывая то и дело в Москве и встречаясь там с разными людьми, скорыми на расправу, только дурак навесил бы себе на шею Аввакумовскую икону.

«Пожалей ее, — бурчал он. — Ты, сказывают, добрый. Уж кого и пожалеть, как не ее. Сирота ведь. Что она в жизни видала? Шестнадцать годов не сравнялось. Разбойника пожалел. Неужли ее не пожалеешь?». Слова выдавливались трудно.

К ночи стало тихо, но по шорохам, свету под дверями, запаху свечей, было ясно: не спят еще люди, и тут не спят, и там.

Словно тень ночной птицы промелькнула Аксинья, из чьих-то каморок раздался храп. «Угомонились, — подумал Иван. — И Аксинья только что ушла».

Он встал и уверенно пошел в темноте, своим мягким бесшумным шагом. Шел он попрощаться с ней? Да Боже упаси! Он шел побыть со своей милой в тишине и покое, без снующих вокруг людей, пытливых глаз. Он шел посидеть с ней рядом, послушать, как она дышит. А может быть, ей станет лучше, столько людей за нее молилось, и даже он молился, грешный человек. Впрочем, дело которое они с товарищами затевают, возможно, угодно Богу, но из всех своих товарищей Иван сомневался в этом более других.

Он вошел из темноты в полумрак, освещенный лампадой. Совсем тихо. Склонился к ней и уловил еле слышное дыхание. Как она дышала в прошлый раз? Кажется, так же. Трудно понять.

Он присел на край постели. Ручки какие холодные. Он однажды уже спасал ее от холода. Тогда тоже он боялся за нее. Но тогда все было по-другому. Он знал, что может ей помочь и усердно растирал ее руки и ноги то снегом, то какой-то Аксиньиной мазью, крепко пахнущей хвоей. А что может он сейчас? Обогреть ее своим живым теплом, просто погреть хоть немного, защитит от холода.

Он отбросил край одеяла, приподнял ее с подушки и обнял крепкими, теплыми руками, прижал к теплой своей груди. Как лед, холодная. Этот внутренний холод страшнее, чем лютый мороз.

«Девонька моя бедная, что же мне делать? Как мне тебя обогреть?» Он баюкал ее, как ребенка, прижимал к себе нежно и крепко, его ласковые жаркие руки прикрывали, кутали ее. Холодная, как ледышка, она лежала в его объятиях, так уютно пристроившись на жаркой его груди. Ей, наверное, хорошо, вон, как славно спит, словно дитя, притулившись к его плечу головенкой.

Жаркие губы целовали ее холодное личико — согреть ее, отдать свое тепло, спасти — жарким сердцем, руками, губами. Он прижался к ее холодным губам в долгом поцелуе. В первый миг он испугался. «Кончается», решил, ощутив ее холодные, безжизненные губы. Но не мог же он опустить ее головку, так доверчиво прижавшуюся к нему, на холодную, как лед, подушку. И он продолжал целовать ее безжизненные губы, все так же кутая ее в своих объятиях и прижимая к себе.

И вдруг — не показалось ли ему? — случилось чудо. Ее губы ожили, он чувствовал: по-прежнему холодные и неподвижные, но

живые, нежные. Она не отвечала на его поцелуй, но целовал он ласковые, нежные, живые губы.

А когда кончился, наконец, этот долгий поцелуй, она, неожиданно шевельнувшись, пристроилась в его объятьях как-то по-новому. Сомкнутые веки дрогнули, она открыла глаза и, глядя на него из полутьмы, легко вздохнула и сказала: «Иванушка». Протянула руку, словно хотела дотронуться до его волос, но рука упала. Она закрыла глаза и уснула.

Он сидел неподвижно, прижимая ее к себе, слушая ее тихое, ровное дыхание. Тихое, но уже не то, почти беззвучное, которое он с таким трудом улавливал.

И тело ее потеплело. Он уже не обнимал ледышку.

Долго, долго сидел он, ощущая ее тепло, слушая ровное, спокойное дыхание.

Наконец, он выпустил ее из рук и уложил в постель, теплую, мягкую постель, которая не казалась уже ледяной и страшной. Но он не мог отойти от нее и остался с ней рядом.

Он обессилел. У него дрожали руки.

И только очень нескоро он пересел на лавку, прислонился к стене, боясь уйти: а вдруг опять ей станет худо.

Время от времени он вставал, подходил к ней. Похоже, ей становилось лучше.

— Чудо, — изумленно сказал он. И насмешливо добавил: — Как не чудо — новый Иван царевич сыскался.

Очень долго он сидел. Потом, когда уж начало светать, в комнату вошла Аксинья.

— Проспала, — сказала она виновато. — Вторую ночь не сплю. — И вдруг ахнула. — Давно ей получшалось?

— Давно, — сказал Иван. — Я зашел она совсем плоха была.

— Ну и как же оно случилось?

— Да помаленьку. Подхожу к ней слышу: дышит. Руку потрогал — вроде потеплее стала.

Аксинья пристально на него посмотрела.

— А скажи-ка, друг любезный, ты помочь ей как-нибудь старался?

Ивану сделалось не по себе: чужой глаз заглянул ему в душу. Он вдруг вспомнил, как рассказывали про Аксинью: человек ничего не скажет, а она знает, что у него на уме. Да, кажется, что-то такое бывало и при нем. Ее побаивались, ведьма, не ведьма, но наделена какой-то силой. Не дай Бог, она как-то подсмотрит то, что случилось в нынешнюю ночь. «Молиться надо», быстро решил он. «Господи Иисусе...», «Богородица Дево радуйся...», «Пресвятая Троица...»

Черные блестящие глаза глядели на него недоверчиво.

— Чего молчишь? Рассказывай, что тут было. Так вот лежала, помирала, а потом: раз и ожила?

— Ну да, — ответил он. — Перелом в болезни ее случился. Нешто ты такого никогда не видала, лекарка?

— Видала, — сухо сказала она. — Что-то не так. Чудно. Ты

хоть Богу за нее молился?

— За нее весь дом молился.

— Да, конечно. Общая молитва, может, и дошла. Ну ступай, ступай, неразговорчивый, поспать тебе надо. Осовел от радости.

— И выходя, он слышал: — Ничего не пойму. Темно.

* * *

На другой день в горнице раздвинули занавески, стало солнечно и весело. Настя, опираясь на высоко взбитые подушки, сидела на лежанке в бархатной гранатового цвета шубейке, на ноги Аксинья ей накинула большой теплый платок.

Иван сел тут же на лавку, на какой сидел ночью, и не мог нарадоваться на свою милую. Глаза веселые, губы улыбаются и легкий румянец проступил на щеках.

Она ничего не помнила о своей болезни, только самое начало: жар, огонь, костер — расспрашивала Ивана, ахала, ужасалась, испуганно глядя ему в глаза.

Он видел, что она не притворяется — и впрямь забыла, как он вытащил ее из смертельного холода. Но он видел и другое: сердцем она помнит все. И тот скверный разговор растаял без следа, она смотрит на него доверчиво, с любовью, как на милого своего друга и защитника.

Днем Иван ушел. Он каждый день теперь ходил куда-то в Москву. А назавтра они уже гуляли по двору. Настя первым делом побежала в конюшню — предусмотрительный Иван еще с вечера вымостил туда дорожку из досок. Двор был весь в досках, но пока болела Настя в конюшню никто не ходил, кроме конюха Фадея, в таких грязных сапогах, что странно было бы стелить ему доски. Рыжик почуял ее издали, заржал тонко и пронзительно и бил копытами в стенку стойла, и Настя так растрогалась, что заплакала от радости и умиления, и гладила его, и целовала в нос и кормила хлебушком.

В этот день много молились, приближалась Пасха, староверы — все скопом в молельне, но несколько человек, в том числе Аксинья, не пожелали обнаружить свою веру и остались в горницах. К Насте пришла молоденькая черноглазая стряпуха Таня, дочь старосты из подмосковной деревни, и девушки истово помолились вместе, крестясь тремя перстами. А потом пошли девичьи разговоры, они ведь были в доме самыми молодыми. Тане нравился молодой мельник и она всем сердцем сочувствовала Насте, за сердечными делами которой давно уж наблюдала. Говорить прямо она стеснялась, но они и намеками наговорились всласть, и Настя почувствовала, как не хватало ей все время подружки, вспомнила Дуняшу — как-то она там, небось уж замужем. Аксинья в наперсницы никак не годилась, она сурово осуждала их любовь с Иваном, хотя Насте иногда казалось, что Иван для Аксиньи во всем доме самый близкий человек.

* * *

Весна пришла во всем разгаре, в синем безоблачном небе сияло солнце, то здесь, то там проглядывала тоненькая ярко-зеленая трава. Во всем чувствовалось приближение праздника.

Иван, правда, ухитрялся и в эти дни целовать Настю, она сердилась, называла безбожником, но он умел ее рассмешить и этим пользовался. Случалось это обычно в конюшне. «Что ж четвероногому можно, а я стало быть хуже?» Или делал большие глаза и назидательно говорил: «Не грехи, девица. Здесь единственное место в доме, куда староверы не ходят. Без высшей воли ничего не случается. Послан тебе случай, грех его пропускать».

Настя корила себя. Но и в ней ведь кровь кипела. «Скажу на исповеди, — решила она. — Он же скоро будет мой муж». И от этой мысли делалось радостно и страшно.

В последние дни в доме часто ночевали станишники. В мире что-то творилось. Поглощенная любовью Настя не могла все же этого совсем не замечать. Иван все время исчезает, о чем-то хлопочет. И постоянно к нему ходят какие-то люди – загорелые, крепкие, за версту видно, не здешние мужики. О чем они толкуют, Иван не говорит. «Большие дела затеваются, девонька. Все тебе потом расскажу. Разговор этот не простой, долгий. Наскоро не хочу говорить».

Но вот и праздник, наконец наступил. Настю с Таней к службе отвезли на телеге в большое село Покровское, сыскался среди постояльцев новой веры мужик. Наутро все друг друга поздравляли, староверы говорили грешникам-еретикам: «Христос воскрес!» и поднимали два перста.

Иван облобызался с Настей сдержанно, чуть коснувшись устами. Потом сказал: «Ну, милая, собирай свои вещички, самое нужное, много не бери. Нам с тобой венчаться пора».

Настя охнула:

– На Фоминой?

– Да уж не позже.

Что он хотел сказать? Неужели раньше, чем через неделю?

Аксинья как коршун следила за ними: «Так и жди, возьмет он, наконец, то, чего давно добивался. Глаз не спущу. Хоть бы уехал скорей».

И вдруг ясная и простая мысль ее осенила. Она схватилась за голову: «Дура я, дура! Как раньше не догадалась? Вон как христосовались и меж собой что-то тихонько лопотали. Не соблазнить он ее хочет, а жениться и увезти к своим кромешникам. Зря, что ли, он ее на саблях учил? Да еще стрелять! Что делать, что делать, уж не к отцу ли ее бежать? Нет нельзя, отец — тюфяк, замучают там девку. Переправить ее куда, к сватье в Тулу отвезти? Так воспротивится, чай, шум подымет».

Совсем растерялась Аксинья, умная, решительная баба. И как же она обрадовалась, увидев через денек въезжающих в ворота

всадников.

— Федор Васильич! Михаил Никитич! — с не совсем понятным им восторгом приветствовала она гостей. — Заждалась, ну, право, заждалась.

Михаил обомлел, увидев Настю. Повзрослела. Похорошела, чудо! И какая-то совсем другая стала эта девочка, которая при первой встрече робко села в сторонку, боясь помешать.

— Анастасия Львовна! Какой сюрприз. А мы уж не чаяли тебя увидеть! — Михаил на радостях бросился к ней, обнял и поцеловал, в чем ничего особенного никто не нашел — все христосовались в эти дни. Федор живости такой не обнаружил, был он сонный, хмурый и держался, как деревянный. Отвесил Насте малый поклон и что-то пробормотал.

— Что за сюрприз такой? — спросила Аксинья. — Что-то не знаю я такого слова.

— А это на французском диалекте, — пояснил Михайло. — Неожиданность. Нежданный случай. Ты же хотела нас удивить.

— Ну ладно, — проворчала Аксинья. — Сюрприз, так сюрприз, коли не нашлось на этот случай русского слова.

Настя с Михаилом так и забрасывали друг друга вопросами.

— Так где ж ты пропадала Настасья Львовна? И почему ушла из дому?

— Расскажу, все потом расскажу. Ты мне лучше скажи: что Наташа? Правда ли, за государя замуж выходит?

— Ну, это одним словом не ответишь. Соперница у нее есть, такая же красавица, а дядюшка ее некий Иван Шихирев, просто землю роет. Извольте, наверно знать, позавчера был смотр невест, а когда девицы разъехались по домам, прямо ночью во дворец доставили для вторичного смотра Беляеву...

— Кто это, Беляева?

— Да Шихирева племянница. Удивительный человек ее дядюшка, в любую щель пробьется и невесту втащит за собой.

— Ах, ты батюшки, так Наташа, может быть, и не сумеет...

— Артамон Сергеевич многое сумеет.

— Да, конечно. Князь Татиевский в добром ли здравии?

— Здоров. Очень огорчается твоим исчезновением. Опасается, что ты в бреду ушла.

— Да в каком бреду, ведь я была здорова. Что батюшка мой?

— Видел мельком. Поседел, постарел малость. Жена у него молодая, любезная такая, веселая барыня, глаз не сводит с нее.

Настя покраснела и опустила взгляд.

— Анастасия Львовна, мы ведь старые друзья с тобой, не сочти за дерзость...

«Это когда же мы были друзьями? — удивилась Настя. — Поглядывал иной раз с любопытством, вот и вся дружба». Да, но сейчас они и впрямь болтают как старинные друзья. Какое это все же удовольствие, находясь среди людей, чужих тебе по рождению, по всем привычкам и обычаям, внезапно встретить «своего».

Иван ни разу не видел такую Настю. Видел он ее и грустной и

веселой, смешливой, испуганной и обиженной, полной нежности и любовного пыла. Казалось бы, он знал ее, как никто. Но он не представлял себе что она может быть такой. Радостно оживленная и в то же время спокойная, уверенная, как-то удивительно свободная. Птица, вылетевшая из клетки, рыбка пущенная в реку. «Своего встретила», — подумал он.

— Так что же ты хотел спросить, Миша?

«О, уже и Миша».

— Благодарю. Так я уж тоже, Настенька, — если позволишь ... люди-то сказывали, что накануне ты была тяжело больна, и князь Тагиевский рано утром прислал своего лекаря, коему родители твои сообщили, что ночью ты ушла из дома, как видно, в бреду.

— Это ложь! — вспыхнула Настя, и слезы заблестели в ее глазах.

— Я была здорова, только очень измучена издевательствами мачехи, которая так пленила тебя своею любезностью и веселым нравом. Эта любезная барыня обращалась со мной, как с провинившейся крепостной девкой. Вот добрые люди приютили.

И Настя пододвинулась к Аксинье.

— Прости, Настасья Львовна, прости не знал. — И Михаил обвел благожелательным взором всех сидящих за столом.

«Что, нравятся тебе мои сотрапезники?», — насмешливо подумала Настя и тоже обвела взглядом стол, где ради праздника и московских гостей собралось немало народу. Строгие старцы, молчуньи монахини с поджатыми губами и загорелые чубатые волгари.

«Кто это? Какое нехорошее лицо», — подумала она, когда ей на глаза попало и в самом деле очень неприятное лицо, угрюмое, с тоскливыми и злыми глазами и плотно сжатым, безгубым ртом.

Она быстро отвела взгляд, но чувствовала: человек этот на нее смотрит, и опять взглянула на него. Что-то знакомое проглянуло в нем, так лица близких искажаются в кошмарном сне. И вдруг: Боже! Золотые волосы. Лишь они не изменились. Иван!

Бедный, бедный Иван, как он тяжело ревнует. Но как все же он мог стать таким? Надо что-то сделать, чем-то его успокоить. Прекратить эту болтовню о московских делах. А ведь не спросила еще о Дуняше.

— Федор Васильич, что нынче невеселый? — обратилась Аксинья ко второму гостю. Тот рта не успел раскрыть, как опять вмешался Михаил:

— Феденька у нас седьмое чудо света, — объявил он, улыбаясь.

— Прошу любить и жаловать. Многосторонний человек. С одной стороны ревнует Наталью Кирилловну к государю. И в то же время ненавидит Шихиревых, которые стараются ее браку помешать.

— Ну и что? — сердито огрызнулся Федор. — Ничего тут странного нет. Я ей добра хочу и возвышения.

— Нет, — резко сказал Иван, и лицо его снова стало мужественным и красивым. — Если любишь женщину, нельзя желать, чтобы она досталась другому.

Михаил посмотрел на него с любопытством.

— Твердо сказано. Ну, а если ей с другим будет лучше?

Иван пожал плечами. Холодно ответил:

— Не убивать же ее. Пусть будет счастлива с другим. Но желать этого любящий мужчина не может.

— Не убивать, — повторил Михаил. — Ясное дело не убивать. Так пол-Москвы прикончить можно. А скажи мне, милый человек, ты московский али пришлый?

— Много лет в Москве живу, — не шевельнув бровью солгал Иван. — А что говор нездешний остался?

— Есть маленько. Где-то я тебя встречал, — произнес Михаил и хотел уже было спросить, не в стрелецкой ли слободе, но вдруг вспомнил предупреждение Аксиньи, что в ее доме жильцам лишних вопросов не задают, особенно о том, кто ты, да откуда и зачем здесь на отшибе прятешься.

— Может и встречал, — хладнокровно ответил Иван. — Я тебя не помню.

— А я в отъезде был, — сказал Михаил. — Вряд ли мы с тобой встречались, я, небось, перепутал. — И подумал: «А хорошо все же, что здесь вопросов не задают. Вот бы он в меня вцепился: «где был в отъезде?»»

Гости засиделись допоздна. Михайло так и загорелся, узнав, что здесь по вечерам поют волжские и донские песни. Удивления достойно — Федор и тот оживился. Настя села рядом с Михаилом, они все время были вместе. С Иваном она за весь вечер не обменялась ни единым словом, Михаил ведь сразу что-то заподозрит, а ему не надо знать. Почему — она толком не понимала, но при одной лишь мысли холодела от страха. Пели старую донскую песню, очень ею любимую. Чудное раздолье, удаль, печаль, словно околдовали ее, сердце таяло, слезы подступали к глазам. Федор сидел, слегка понутив кудрявую черную голову, неизбывная тупая тоска светилась в его синих, как васильки, глазах. Грустные пели долго, одну за другой.

Потом низенький, плотный казачок зачастил лихую походную. Иван свистнул пронзительно и жутко. Казалось, что с языческих времен на Руси так свистал один лишь Соловей разбойник.

Михаил вскочил, как обожженный, и пустился в пляс. Насте и в голову не приходило, что спокойный, сдержанный, Михайло, может так самозабвенно плясать. Все замерли и не сводили с него глаз. Он вдруг подлетел к ней, упал на одно колено и поклонился до земли. Ее всегда тянуло в пляс от Ванькиного свиста. И не выдержала — встала, поплыла, стремительно и плавно, радуясь своей легкости, огненной скользящей пляске, внезапным поворотам. «Лебедушка, ну истая лебедушка», — умилялись старики.

Поздно вечером она вошла в свою горницу, уставшая, взволнованная, переполненная до краев. Спать, спать, ни о чем не думать. Боже милостивый, почему над ней всегда это висит — тяжкие раздумья, роковые решения? Она не хочет больше решать и думать, пусть все идет, как идет.

Иван ушел из дому затемно и вскоре после полудня уже возвращался, по грязноватой, не вполне просохшей дороге. Смутно было у него на душе. Вчерашний вечер так и стоял перед глазами. Настя счастливая, освобожденная, как птица, вылетевшая из клетки. От кого освобожденная? От него? Да глупость ему в голову лезет. Что зря на девку взъелся? Встретила московских знакомых ей конечно любопытно и про батюшку разузнать, — дал бы я плетей такому батюшке, — и про подружек и про разных друзей да князей. И друзья же у нее — одна царская невеста, другой князь. С Матвеевым сидела за столом. Что ж никто не вступился за сироту, когда ее, как скотину, на веревке держали и кормили на полу? Один Ванька лиходей пожалел. Но и она ведь меня полюбила.

Навстречу ему ехало двое конных. Погруженный в свои мысли, он не сразу их заметил, потом взгляделся и скрипнул зубами. «Совет да любовь», — буркнул он, и вся черная муть поднялась со дна его неблагоприятной души. «Михаил Никитич с утра пожаловал. Я со двора, а он тут, как тут. Как она ему обрадовалась-то. Свой приехал. Он свой, я чужой. Ну, ничего, будет вам еще сюрприз, покажут казаки, почем фунт лиха. — Они были уже совсем близко, у самых ворот и придержали лошадей, пропуская его. Михаил поклонился, и Настя наклонила голову. Он кивнул им и вошел в ворота. — Настенька, милая, голубка. Неужели покинешь меня?»

На крыльце, как все последние дни, подстерегали его станишники. Ну, сейчас опять начнется. «Чего не едешь? Наступление начинается. Атаман ты или баба? Тебя войско ждет, а ты тут прохлаждаешься».

«И откуда он свалился этот Михаил? Парень, видно, не промах. Меня сразу заметил. В Москву теперь ходу нет. Как же нам обвенчаться? Надо поискать по подмосковным селам».

— Зачем пожаловали, голуби? — обратился он к станишникам. — Сегодня не поедем. Все, кончен разговор! Сидите по своим местам. Сам приеду и дам знать. Когда, когда? Скоро.

Он услышал Настенькин смех и глянул исподлобья. Они сидели с Михаилом на лавочке, и Михаил рассказывал как видно что-то смешное. А она ведь смешливая. Так и заливается.

— Расходитесь, братцы. Ничего вам тут делать. Я сейчас уеду допоздна. Что? Отчет я вам буду давать? А ну, пошли... Без разговоров!

Они встали и ворча поплелись со двора.

«Настя, Настя, что ты со мной делаешь? Я с ног сбился. Я товарищей подвожу. У меня сердце разрывается. Ведь человек я. Неужли я эти муки терплю, чтобы ты тут с князьями осталась?»

Возьму Москву, дойдем мы до Москвы. Никого не пожалею, но ты моя будешь. — Он вдруг сморщился, как от боли, поник головой. — Нет! Не хочу силой!»

Иван наскоро перекусил, оседлал коня и ускакал, ни с кем не попрощавшись.

А Михаил, как появился с утра, так и просидел до самого вечера. Сперва он развлекал Настю, рассказывал, как ездил в Польшу. Ляхи

народ вспыльчивый, чуть что хватаются за саблю и устраивают поединок. Живут однако весело, любят гулянку, хорошую шутку, а женщинам у них раздолье. Не сидят по теремам с рукоделием да за молитвой, ездят на пиры-балы, и танцуют превосходно, и кавалеров завлекают, а кавалеры чуть что, так за саблю.

Очень смешно рассказывал Миша, как его вызвал на поединок князь Есень-Осенецкий, громадного роста мужчина чуть не вдвое выше Михаила, и согнувшись в поясе, орудовал саблей, словно за мышом гонялся. Кончилось, однако, тем, что Миша ранил его в плечо, а князь признал, что пан Михал настоящий рыцарь и в знак примирения предложил ему выпить по чарочке, ох, и упились они тогда зверски.

– За что дрались-то? – спросила Настя.

– Да за некую пани Анелю, очень красивую и любезную госпожу.

– Она что любовница его?

– Да у них не разберешь, – махнул рукой Михаил. – Все поклонников имеют. Есть у них там такой пан Маринич, личность темная, но с ним не заскучаешь, наговорил что-то про Анельку князю.

Насте понравилась Польша. Надо бы туда поехать. «А Иван?» – вдруг вспомнила, будто проснулась. Ее война ждет, а не гулянки. И помрачнела, нахмурилась.

Вечером, Мише вроде бы и уезжать давно пора, затеял он серьезный разговор.

– Ты, Настя, прожила тяжелый год. Я не знал про мачеху, прости меня. Но помочь бы тебе не смог, ведь когда твой отец женился, я уже был в Польше.

– С Анелькой? – усмехнулась Настя.

– С Анелькой, с Есенем, с Мариничем со всеми развеселыми панами. Но не одной гульбой занимался, с заправилами государства беседовал, у короля на аудиенциях бывал. Не обо мне сейчас разговор, впрочем, – сказал он строго, и у Насти стало скучное лицо.

– Не обижайся на меня, красавица, поступила ты легкомысленно. Вместо того, чтобы дожидаться княжеского лекаря и известить о твоих бедствиях князя, ты, рискуя жизнью, сбежала в этот дом, где почти всем обитателям место в тюрьме, либо на плахе.

– Это почему же? – сердито спросила Настя.

– Будто ты не знаешь. Хозяйка в ведьмовстве подозревается и дает приют преступникам. Старцы эти – заядлые староверы, им в лучшем случае яма положена, земляная тюрьма, как Федосье Морозовой. Но это еще цветочки – двоеперстие, троеперстие и сколькими буквами Иисус пишется. Есть беда пострашней.

Живя в этом доме, ты, я думаю, знаешь, что на Дону и на Волге давно уже поднимается бунт, подобного которому никогда не бывало. Еще немного и начнется настоящая война. Разбойничья война против Москвы. Люди эти страшные, зверообразные, ничего

человеческого в душе у них нет. И сомневаюсь, есть ли у них души. — Настя стиснула зубы и лицо ее стало упрямым. — Я правду говорю, Настенька, поют они красиво, но это жестокие и бесчеловечные люди.

Ваш дом кишмя ими кишит. Не сегодня, завтра их схватят и отвезут в тюрьму. Думаю, что среди этого улова окажется и очень крупная добыча.

Настины глаза вспыхнули синим пламенем, она бросила на него быстрый взгляд.

— Кто этот Иван и насколько ты его знаешь?

— Немного, — сказала Настя. — Он часто уходит из дома.

— Уходит из дома, потому что целыми днями ошивается в стрелецких слободах и вербует себе сторонников. Он давно замечен, хотя ведет себя очень ловко. Есть подозрение, что он правая рука Разина и прислан им сюда, чтобы готовить Москву к сдаче.

— Его сегодня заберут? — спросила Настя.

— Нет, мы хотим за ним еще немного последить. В Москве он сейчас не показывается, рыщет по Подмосковию, а подмосковные деревни полны станишников.

«Рыщет, ишь словечко, — подумала Настя. — Рыщет, словно волк затравленный». — И снова на лице ее появилось упрямое выражение Михаил внимательно на нее посмотрел.

— Настя, тебе надобно в ближайшие дни уйти отсюда. Я поговорю с Матвеевым и князем Татиевским. К отцу ты не вернешься. Тебя, я думаю, пристроят при дворце. А если Наталья Кирилловна станет царицей, ты будешь у нее придворной.

— Нет, — отрезала Настя. — Я не стану прислуживать Наташке. Мы с ней друг дружку не любим.

— Как так? — удивился Михаил. — Вот уж в голову не приходило.

— Тебе многое не приходило, — сказала Настя.

Он посмотрел на нее очень пристально.

— Думаю, что да. Ну скажи мне правду: что этот Иван знаком тебе хоть немного? Он бросает на тебя порой такие взгляды, что меня ужас охватывает.

— Чего же ты боишься? — усмехнулась Настя.

— Я боюсь, что он тебя похитит.

— Здесь не похитишь, — спокойно ответила Настя. — Закричу, весь дом поднимется.

— Если он тот, кого я подозреваю, для него это не преграда. Это страшный человек и изворотлив, как дьявол.

— Да чего ты к нему прицепилась? — недовольно сказала Настя.

— Не знаю я его. Мы никогда почти не говорили. Дались тебе, какие-то его взгляды.

— Настя, Настя, неужели ты не понимаешь? Как мне за тебя не бояться? Этот человек — чудовище, а мне твоя судьба небезразлична, мы ведь старые знакомые, и ты мне всегда нравилась. А дом этот — зачумленный, и в нем опасно жить. Бежать

из него надо, чем скорее, тем лучше.

— Что ты все пугаешь меня, Миша? Я полгода живу в этом доме, приняли меня здесь, как родную, и от смерти спасли, когда болела, и молились за меня.

— Настя, послушай, этот дом, где тебя так тепло приняли, доживает последние дни. Ты должна немедленно бежать. Завтра утром я приеду, собери необходимые вещи, — тут Настя неожиданно улыбнулась, и Михаил посмотрел на нее удивленно. — Я здесь буду утром, и опять, как нынче мы с тобой поедem на прогулку. Только в другую сторону, в Москву. Ты временно поселишься у Дуняши, с ней, я чаю, ты не враждуешь? Вот и прекрасно. Муж ее человек смирный и тебя примет по моей просьбе. А потом я расскажу все князю Татиевскому, и он пристроит тебя придворной девицей к кому-нибудь из сестер государя или к царевнам в терем. Будешь жить спокойно, мачеха тебя не тронет. А я буду тебя навещать и, может быть, ты наконец заметишь, что не в одном этом гадюшнике у тебя есть друзья.

«И что вы все так торопите меня, — думала Настя. — Этот завтра утром увезет, и тот, небось, рад бы завтра. Я ведь не игрушка, такие решения принимать».

Она встала и Михаил вслед за нею. Настя проводила его до ворот и они молча поклонились друг другу.. «Ну, до завтра», — сказал Михаил. Он принял ее молчание за согласие и был уверен, что завтра утром она покинет этот злосчастный дом.

Ночью Настя проснулась. За дверью раздавались мягкие упругие шаги. «Иван, — догадалась она. — Что ж он бродит у меня за дверью? Постучать не смеет или ждет, что я к нему выйду? Нет уж, хватит с меня. Прямо в осаду взяли. Моя судьба решается, а я ничего не решила. Ничего я им не отвечу. И с Мишкой завтра не поеду, и этому дверь не отворю». Шаги за дверью вдруг затихли. Она прислушалась. Да, затихли.

Утро было туманное, и капал мелкий дождик. Иван ушел рано. Михаил не приехал. Настя бродила по дому без всякого дела, то к окошку подойдет, то на минутку присядет и опять пошла ходить.

Даже вышла во двор, прикрывшись плотной телогреей, капельки стучали по твердой ткани. Тихо, дождик, хорошо. И ни о чем не надо думать. Потом воротилась в дом и снова принялась бродить.

Аксинья наконец не выдержала:

— Что ты слоняешься, как неприкаянная, места себе не находишь? — спросила она сердито. — Тяжкие раздумья заели — за кого замуж идти, за благородного дворянина или за душегубца?

Настя вспыхнула, ушла в свою горницу, взяла вышиванье. Склонив голову, старательно втыкала тонкую иголку, тянула розовую нитку, вот он уже лепесток обозначается, большой и нежный.

Аксинья подошла, постояла рядом и вдруг засмеялась.

— Вот уж никак не ожидала, что ты к какому-то женскому делу

способна. Красиво получается. А там, глядишь, и пользу принесет.

— Какую пользу? — удивилась Настя. — Польза известная — будет красивая скатерка на маленький столик.

— Мысли суетливые успокоятся. В лад придут, — усмехаясь сказала Аксинья. — И головка прояснится. Бабы ведь не зря придумали себе такое занятие. Им и мужчины не брезгают.

Мысли. А ведь и вправду суетливые ее мысли, так метавшиеся в голове, что Настя предпочла не замечать их, потихоньку приходили в лад. Вспомнилась темная улица, по которой она бежала ночью, гремя сапогами по мерзлой земле. Могла ли она вообразить себе тогда, что все так славно образуется.

И от мачехи ее оградят, и в дворце на службу пристроят. И Миша — он ведь тоже ей давно понравился — будет ждать.

Правда, он в одном ошибся. Прибегни она тогда к помощи князя, запуганная, взволнованная девочка, никто б ее из дому не забрал и во дворец бы не определил. Это она здесь такая стала, что годится во дворец.

Что ж Михайло нынче не приехал? Государственные дела? И Иван все ходит по своим делам. Хмурый стал, осунулся. Глаза тоскливые, лицо вроде постарело, скушное. Не освещает его уже давно белозубая улыбка-солнце. Надо с ним поговорить, объяснить. Попрощаться по-хорошему. Повиниться!

И предупредить, что через несколько дней придут... стрельцы, небось, и не останется их теплого, доброго дома, где столько пережито. Аксинью тоже надо предупредить. Пусть спасается всяк, кто может.

А если Мишу попросить? Чем этот тихий дом на огородах кому мешает? И тут же посмеялась над собой. Довышивалась. Обрела женский разум. Мишка, небось, в Сыскных дел приказе служит. Главное его занятие — изводить такие дома. Как он про Ивана-то все вызнал! И какое слово безобразное сказал — чудовище! Нет, не чудовище он, не знает его Михайло. И никогда не узнает.

В ворота въехала кибитка. Из нее, шустрая не по годам, выскочила Аксинья кума Евфалия и скорым шагом заторопилась к крыльцу.

Боже милостивый, какое смятение во дворце! Теперь ясно, почему Михаил не явился. Евфалия угощается — грибочки, полоток, сбитень горячий прихлебывает и тараторит, тараторит. Все успеваает разом.

Настя слушает и как бы видит воочию. Раннее утро, все спят, одни старушки творят молитву перед иконами. По дворцовым сеням и разным палатам ходит и позвякивает печными дверцами истопник, здоровенный, бородатый. Ходит, исполняет свою службу, и вдруг... что это на полу у Грановитой палаты белеется? Э, письмо какое-то подметное. Подобрать его. И надо же, к дверям Шатерной палаты, что выходят на Постельное крыльцо, еще одно подметное письмо прилеплено. Истопник и его отлепил. Письма истопник отнес дворецкому, боярину Хитрово, а Богдан Матвеевич их тотчас поднес государю.

Что в письмах писано, кума не знала, и никто, окромя читавших, не знал, но Евфалия быстрым шепотком повторяла чьи-то слова, что «непристойно писаны и такого воровства при прежних государях не бывало». Еще слушок прошел, что в воровских этих подметных письмах сказано во вред Наталье Кирилловне Нарышкиной.

— Тут и думать нечего, — с торжеством утверждала кума. — Иваном Шихиревым они писаны — его племяннице Нарышкина главная соперница и помеха, кто ж это мог написать, как не он?

Захлебываясь от возбуждения, Евфалия сообщила, что Шихирева уже взяли, обыскали, и во дворе его какие-то травы нашли. Аксинья и Настя переглянулись. «Государь поручил расспросить Шихирева боярам, и его уж к пытке привели», — закончила весьма довольная собою Евфалия и оглядела своих слушательниц — какво? Но слушательницы вели себя странно, сидели скушные и никакого удовольствия не выражали.

— Да, — сказала Аксинья, взглянув на Настю. — Похоже быть твоей подружке государыней.

Настя сперва промолчала, а потом вскипела и разделала рабу Божию Евфалию под орех.

— Никаких писем Шихирев не писал, — сказала она резко. — Мне сказывали, что он человек умный и ловкий, что ж ему на рожон лезть? Траву на дворе нашли — чем люди лечатся, как не травой? И сразу — к пытке. А ты, Евфалия Патрикеевна, чему обрадовалась? Вон Аксинью, куму твою могут обвинить в ведовстве, а она ведь умная и добрая и людей лечит. Ты, небось, и есть то самое чудовище, которыми нас страшат приезжие из Москвы. Человека мучают, пытаются, а ты рада!

Евфалия встала, губы поджала в нитку.

— Прощай, кума, — сказала она, — благодарю на угощении и на приятной беседе. Ты у себя эту девчонку спрятала — я ее у Матвеевых видела, быстро узнаю, кто она. Распустилась тут среди станишников, говорят, любовника завела. Как бы ее первую и не уволокли в тюрьму, а там найдут, откуда она сбежала. Ты — крепостная девка! Хозяевам возвращут.

— Не завидую я твоим крепостным, — сказала Настя и вышла, гордо подняв голову.

«Жестокая наша жизнь, — печально думала Настя. — Всюду жестокость, и на большой дороге, и во дворце. Один князь Татиевский добрый, никого не обижает и всем помогает. Богадельню и больницу для бедных людей построил, людей из плена выкупает, деньги раздает.

Что об этом думать? Людей добрых мало, большинство же добры лишь к своим. А бывает — от своих отступаются. Батюшка уж куда, кажется, добрей, а ее предал. И святая, как говорят, Федосья Морозова сына предала. «Выведите моего сына на пожар* и отдайте на растерзание псам, — сказала, — не помыслию отступить от благочестия, хоть и видела красоту, псами растерзанную».

Настя тоже видела его, как-то в церкви показали ей Федосьино

сына. Чудный отрок, лицо доброе, красивое. И тоже Иваном зовут.

Ладно, что об этом думать, о жестокости людской? Всю жизнь она ее не знала, и вдруг мачеха... Ну, теперь за этот год она ученая стала. Хорошо, что все так складно повернулось. Одного не понять: почему так тяжело на душе, отчего так тоскливо и скушно? Не из-за Шихирева ведь, нет. Эта тоска с утра ее заедает, еще до приезда московской сплетницы.

И вдруг ее словно толкнуло. Что с ней было? Затмение нашло? Весь день она бродит по дому и не может понять эту тяжесть, тоску, скуку.

Он уйдет, и она больше его никогда не увидит. Да ведь она жить без него не может. Зачем ей дворец, и придворная должность и занимательные разговоры? Зачем ей все это без него? Она весь день только о нем и думает.

Это Мишка приехал и голову ей задурил. Конечно, она обрадовалась, и весело ей было. Но разве можно ей без Ивана, без его улыбки, его ласки? Куда угодно, на войну, так на войну, к разбойникам, так к разбойникам, хоть в курную избу, хоть в болото. «Скорей в тюрьму», — мелькнула зловредная мысль. Но не пойдут они в тюрьму, они уедут, нынче же уедут! Какая легкость пришла вдруг к ней. Словно тяжелый камень с плеч свалился.

Кому-то отпирали дверь, слышался голос Аксиньи. Потом Аксинья постучалась к ней:

— Выходи! К тебе гости. — И повела ее в трапезную.

Федор сидел, как изваяние, и нельзя было понять, что он чувствует. Мишка вцепился в свои прямые, светлые волосы, в серых глазах была смертельная тоска. Они поздоровались молчаливым поклоном.

— Что ты Миша?

— Чертова страна! Комедийные действия устраиваем! За Европой, не угодно ли, хотим угнаться. Азиаты! Дикари! Мамаево племя!

Тишайшего, мудрого нашего царя батюшку любой охламон может толкнуть на зверство.

— Шихирев на пытке умер? — испугалась Настя.

— А ты уже знаешь? Иван доложил? Он теперь в Москву вроде не ходит.

— Да не видела я твоего Ивана. Что пристал с ним? Женщина тут из Москвы была.

— Шихирев жив пока. Может, и оклемается, на весь век калекой. Целый день в застенке. И огнем жгли много раз, и били — уж там умеют — и на дыбу два раза поднимали. А он все свое твердит: «Не виновен». Поверили. Отпустили. Огрызок остался от человека. Трава его — слыхала про траву? — Настя кивнула, — обыкновенный зверобой оказался. От раны пользовался, в бою был ранен, за матушку Русь воевал.

— Ну, ты потише, — пророкотал Федор, — что все на царя да на Русь? И какое мы Мамаево племя?

Михаил неожиданно вспыхнул:

– Заткни хлебало, Федька, не то так дам по роже, половины зубов недосчитаешь.

– Ты одурел что ли? Кто тебе этот Шихирев – дядя?

– Это тебе Матвеев чуть не стал дядя, а теперь будет дядя Алексея Михайловича. Дураков не люблю, вот и захотелось врезать.

– Дураков и я не люблю, – резонно сказал Федор. – Ну, чего ты распетушился? В первый раз что ли человека пыгают в застенке?

– В том и дело, что не в первый. Да как все шустро. Ни розыска, ни допроса. Пять минут поговорили и на дыбу. Пять минут подумать не могли, что лишь безумный поступил бы так на его месте. Шихирева мне жалко, а за Русь больно. Ездим в Европу, посылаем посольства, слова там разные произносим. Как эта Европа на нас глянет? Царская свадьба и такое зверство.

– У них тоже зверства хватает, – вмешалась Настя. – Когда резня была эта знаменитая в ночь святого Бартоломея, в их парижской речке, пишут, вода была красна от крови.

– Ну, когда это было? – отмахнулся Михаил.

– Было и осталось. Отец ездил во Францию, сказывал: и тюрьмы полны и пытки, крестьяне с голоду мрут, как мухи.

– А наши?

Постепенно успокоились, разговорились. Кто бы мог и впрямь подметнуть эти письма? Поговорили про Матвеева, про Наташу, Аксинья с гордостью вспомнила свое гаданье. Настя покосилась на Михаила. Лицо его не выражало ничего.

Когда прощались, он отвел ее в сторонку.

– Завтра днем я за тобой заеду. Сиди дома. Будь готова.

Настя посмотрела на него загадочными синими глазами.

– Пока не знаю. Завтра будет видно.

Ее тревожило, что Иван не вернулся.

– Что за глупости? Я же сказал тебе – этому дому жить недолго.

– Ну, не на завтра же назначена его кончина.

– Ты странно разговариваешь. Что с тобой?

– Я привыкла к этому дому. Мне хорошо здесь было. Не хочется бежать первой, как крысе. А сколько ему дней еще осталось?

– Слишком уж ты привязана к этому притону. Ну, скажем, неделю. Но запомни: ежели ты не уедешь со мной завтра, послезавтра я приду за тобой со стрельцами. Твоя чувствительность очень мила, но надо все-таки знать меру. Незачем тянуть до последнего дня.

– Ладно, – согласилась Настя. – Послезавтра. И стрельцов не надобно. С тобой поеду.

– Обещаешь, что не позже послезавтра?

Она подумала, потом кивнула.

Друзья ехали, не говоря ни слова. Михаил нет-нет да искоса поглядывал на Федора и чувствовал невольное уважение. Все же есть в них нечто, в этих родовитых. В Польше, где Михаил вел все переговоры, на коих Федор лишь безмолвно присутствовал, Михаил еще больше привык свысока относиться к приятелю.

Что поделать, таков ритуал. Возглавлять такого рода посольства может только титулованная особа, а в отличие от Миши Федор был боярином.

«Ну и выдержка у тебя, однако, братец, — думал Михаил. — Я из-за постороннего человека чуть на стенку не лез, а у тебя в этом безобразном деле замешана любимая девушка, бывшая, можно сказать, невеста, которая теперь уж наверно выйдет замуж за царя». Выросший в среде мелкого поместного дворянства и пробивавший себе дорогу в жизни самостоятельно, Михаил никак не мог поверить, что Федор не ревнует Наталью к царю. И был не прав — среди придворной знати попадаются люди, у которых царский титул вызывает особое чувство. И Наташа уже переставала быть в глазах Федора обыкновенной девушкой, из плоти и крови, которая могла бы принадлежать ему.

— Послушай, Федя, — заговорил Михаил. — Я нынче погорячился, наговорил тебе всякого. Ты уж на меня не сердчай.

— Что на глупого человека сердиться? — безмятежно ответил Федор.

— А я глуп? — с любопытством спросил Михаил.

— Ну, не от большого же ума ты у них раскричался. Бабу эту, небось, вскорости возьмут к пытке, станут допрашивать. Она и оговорит тебя, что ты про государя да про Русь орал.

— Это даже не оговор, я и правда орал.

— Тем боле.

Они ехали теперь по дороге и Михаил вдруг почувствовал на себе чей-то взгляд.

— Кто тут? Стой! — он подскакал к кустам, раздвинул ветки. Тишина. Ни шороха. — Почудилось что ли? — пробормотал он и вернулся на дорогу. Странная вещь: ему казалось, что из кустов на него глядел Иван. Ох, этот Иван, схватить бы его! Неужто ускользнет?

«Настя тоже какая-то чудная сегодня. Далекая, почти враждебная. Странно все. Тяжелый день». Тем временем они подъехали к заставе.

Проводив гостей, Настя пошла разыскивать Аксиныю. Та оказалась на кухне, где что-то объясняла Тане, и Настя, остановившись в дверях, поманила ее к себе.

— Ну чего тебе? — подойдя, спросила Аксиныя.

— Важное дело. Поговорить с тобой надо немедленно.

— У тебя на дню сорок важных дел.

— Нет, вправду, тетя Ксюша, пойдем, ну пойдем же.

Настя говорила так настойчиво и так была бледна, что Аксиныя, озабоченно покачав головой, повела ее в свою горницу.

Там Настя пересказала ей свои последние разговоры с Михаилом.

— Он в приказе Сыскных дел служит, тут сомнений нет. И в дом твой он вторично приехал не потому, что ты посулила ему какой-то сурприз, он просто ищет такие дома и устраивает облаву, расправляется и с хозяевами, и с жильцами. Тетя Ксюша, упреди

всех, пусть бегут. И сама беги.

— А Иван? — спросила Аксинья.

— Я буду ждать его. Я очень боюсь, что он сегодня не придет ночевать. Ведь за ним охотятся.

— А может, он уже на Дон подался?

— Как же так? — чуть не плача, проговорила Настя. — Мы с ним вместе должны были ехать.

— Так и знала! — хлопнула себя по боку Аксинья. — Что тебе там, дурочка, делать на войне? Да среди станишников, ты же их еще большой гурьбой не видала. Померещится, что в пекло угодила к чертям. За тобой приедет завтра Михаил? Вот и езжай с ним в Москву.

— Нет, я буду ждать Ивана. Я потому и сказала Михайле, что не смогу завтра уехать.

— А послезавтра тебя со стрельцами уволочут?

— Нет, мы уговорились, что он приедет один.

— Не пойму я тебя, девка. С кем ты все же уезжаешь?

— С Иваном, если дождусь его сегодня или завтра.

— А если не дождешься?

— Не дождусь, тогда завтра в ночь я уйду.

— Еще и в ночь! Привыкла по ночам из дома бегать. И куда же ты отправишься, девица?

— Ивана искать.

— Ищи ветра в поле. Он уже небось во всю прыть к Дону чешет.

— Не дай Бог! Но я все же надеюсь, он вернется. Вчера ночью он хотел поговорить со мной, ходил под дверью.

Аксинья всплеснула руками:

— Так какого же ты ляда не стала с ним говорить?

— Ох, не спрашивай! Дура была. Я думала, еще есть время.

— Любишь же ты, девка, себя и мужчин изводить!

— Себя я совсем извела, — дрожащими губами еле выговорила Настя. — Но, тетя Ксюша, ты такая умная все понимаешь. Неужели ты не видишь, почему у меня так выходит?

Она заплакала. Жалобно, горько. Аксинья обняла ее и гладила по голове.

— Вижу, вижу все, — ласково говорила она. — Ты боишься. И не войны даже, а страшно тебе в чужую жизнь войти. Ты ученая, московская, нежного воспитания. Если можешь, на коленях тебя прошу: уйди с Мишей. — Настя захлебнулась слезами. — Ну, вижу, вижу, понимаю я все. А сейчас ступай в свою горницу да поспи. Этой ночью все равно ничего не случится. Разве только Иван придет. Вон, как поздно уже! — сказала она, отодвинув ставень и выглянув в окно.

— Послушай, — вдруг заговорила Настя, ясным, твердым голосом, без слез. — Михаил сказал, что наш дом будут захватывать через неделю. Я не верю этому. Они придут сюда раньше.

— Почему ты думаешь? — вскинулась Аксинья. — По-твоему — когда?

— Михаил говорил, что послезавтра — для меня крайний срок.

Вот я и думаю, что на следующий день после этого «крайнего срока» будут захватывать дом.

— Умна девица, — сказала Аксинья. — Ясное дело, он целую неделю посулил, чтобы мы не торопились разбежаться. Нынче среда, пошел уже четверг. Они в субботу придут. Уходить надо в пятницу, а лучше — завтра. Подожди уж своего Ваньку до вечера, а потом мы с тобой вместе уедем. Ну, спокойной ночи, моя умница. Поспи, сколько успеешь. А на рассвете я всех стану будить... — Аксинья поцеловала Настю и, как ни странно, перекрестила ее трехперстным крестом.

Настя, одетая, легла на лежанку. И заплакала тихо и горестно. Где Иван? Неужели уехал? Как мне жить без него, как мне жить!

* * *

Иван, увидев Мишку из кустов, сделал несколько шагов и спрятался за большим деревом. А потом он пошел в лес, где был привязан его конь. Сел на пенек, задумался. Паршивые его дела. Михаил этот повадился каждый день ездить. Настя ходит счастливая, как невеста с женихом. А с ним даже говорить перестала. Вчера он топал под ее дверь, как медведь. Не отозвалась и дверь не открыла. Нет уж, нынче он топтаться под ее дверь не будет. «Приеду, справу свою соберем и айда! Там человек пять сейчас у Аксиньи. На Дон надо ехать, скорее на Дон. Захватчу ребят и в деревню Федосьино, до утра там будем. Днем поспим, а ночью в путь. Не сегодня — завтра стрельцы нагрянут.

Аксинью надо предупредить, а она предупредит жильцов. А Настю? Да чего там! Михаил ее не тронет, он для себя ее присмотрел, — подумал он горько, — ходит, облизывается, как кот на сало».

Сутки без малого он на ногах. И все последние дни, как затравленный волк мечется. Устал. Войну надо начинать, а он устал. Ну, вставай, казачок, конь донесет.

Настя услышала, как он пришел, и задохнулась от волнения. Она слышала его шаги, но к ее дверям он не приблизился. В доме поднялась какая-то возня, кто-то ходил в сенях, скрипели двери. Вот открылась входная дверь, и несколько мужчин вышли во двор. Она прижалась лицом к окну и видела их смутные тени. К конюшне пошли. Это станишники, Иван их поднял. А сам он тоже с ними? Ночь безлунная, фонарь далеко, ничего не разглядеть.

Что же ей делать? И если он увел из дома станишников, почему к Аксинье не зашел? А, может, он у нее? Где он? В доме или ушел с казаками? Она вскочила, выбежала из дверей и в темноте, натыкаясь на стены, быстро прошла к его горнице. Там горел свет, она толкнула дверь. Иван сидел на лежанке, опершись на суму с пожитками, усталый, до смерти усталый. Он поднял на нее глаза.

— Ты пришла, — проговорил он. — Ты все же пришла. Ну, что ты мне скажешь, девонька?

— Я пришла насовсем, — сказала Настя. — Я всегда теперь буду с тобой. Я люблю тебя.

Его усталые глаза зажглись мягким светом, и открылась их живая, теплая глубина.

— Настенька моя пришла, — сказал он. — Девонька моя, милая. Птаха моя.

Они долго сидели, обнявшись, переполненные тихой нежностью, усталые.

— Не расплетай мне косу, милый. Нам скоро в дорогу. За тобой охотятся, как за диким зверем.

— Я и прячусь, как зверь. Уезжать надо, на Дон.

— Неужто ты мог без меня уехать?

— Нет, наверно. Почему ты мне вчера не отворила? Выбирала из двоих?

— Я из двоих не выбирала. Ну, куда ты ушел? Сама не понимаю. Была минутка — в Москву потянуло. Мишка сказывал: «К мачехе не вернешься. При дворце будешь жить».

— При дворце... Значит, вот что тебя соблазнило. Что тебе там делать, во дворце? Прислуживать твоей подружке? Ты вольная птаха, прислуживать не твои дела. Да и не любишь ты ее, свою подружку. По глазам видно. А тихий Дон не тянет? Войны боишься? — спросил он участливо.

— Я о ней не думаю почему-то. Знаешь, когда мне было по-настоящему страшно? Когда казаки твои вышли из дома, и я подумала, что ты ушел вместе с ними, и я больше никогда тебя не увижу. А ведь сулился: «Я легко не уйду».

— Я и не ушел; сидел и думал: «Вот случилось бы такое чудо — дверь отворится, и она войдет».

— Правда, думал так?

— Правда.

И опять они умолкли.

— На Дону у нас и впрямь народ отчаянный, — сказал он. — Только ты не бойся. Я тоже мальчик не из смиренных, сумею тебя уберечь.

— Аксинья сказывала: «Как черти».

— Ну уж, право, — протянул он с обидой. — Ей видней, конечно, она ведьма, про чертей все знает лучше нас.

— Не надо так про Аксинью. Она добрая и никакая не ведьма.

— Вон она проснулась, твоя добрая. В двери кому-то стучится.

— Жильцов будит. Им бежать нужно сегодня, крайний срок — завтра.

— А почему ты знаешь? Мишка проболтался?

Она кивнула.

— Ну, заплетай, заплетай свою косу, нам с тобой бежать надо первыми. Тебе еще собираться?

— Нет, я вчера днем собралась.

Вчера днем он бродил в лесу почти уверенный, что она от него отказалась.

Дверь открылась, вошла Аксинья.

— Ну, милые мои! Вам уж давно пора быть в дороге.

— Едем, едем, уже выходим, — сказал Иван. — Да, вот что,

Ксюша, когда за нами из Москвы нагрянут, ты скажи, что мы с Настей еще с вечера уехали, с остальными.

— Это ты верно придумал. Скажу.

— В час добрый, станишница.

Они обнялись, и Настя с удивлением увидела слезы в черных глазах Аксиньи.

Через несколько минут они верхом быстро выехали из ворот и помчались по проселку.

Конец дома

Михаил приехал вскоре после полудня. При выезде с проселка на него чуть не налетела телега. В ней сидела заплаканнаястряпуха Таня, облокотившись на сундучок. Правил телегой черноглазый, красивый мужик, еще не старый и очень похожий на Таню. Отец, наверно, догадался встревоженный Михаил. Что такое, почему она уезжает?

— Ты куда это, Танюша, собралась с сундуком?

— Уезжаю я, совсем уезжаю. — Она всхлинула.

— С Аксиньей не поладила? Обидела она тебя?

— Да нешто она может обидеть? — плачущим голосом отозвалась Таня. — Лучше ее во всем свете нету.

— Что же случилось, почему ты ее покидаешь?

— Все разъезжаются. Что ж я одна останусь?

— Как все? И сама хозяйка?

— Не знаю. — Из Таниных глаз посыпались слезы. — Дом бы надо продать, да, небось, не успеют. Торопятя очень.

— А почему все так поспешно уезжают? Кто велел вам?

— Нас хозяйка рано утром разбудила, еще темно было, и сказала: Всем скорее надо разбежаться. Беда какая-то страшная будет.

Ох, Настя жалостливая душа! Упредила все же! Я же чувствовал! Ну, натворил я дел!

— И много народу уже разбежалось?

— Человек десять, — плача, ответила Таня. — Станишники, их шестеро было, уехали ночью, я и не слышала. А с утра богомолки, ну, странницы которые, они ведь налегке. Схватили свои котомки и деру.

— А Настасья Львовна?

Тут Таня так разрыдалась, уткнувшись лицом в сундучок, что охваченный тревогой Михаил не стал ее расспрашивать и поскакал к дому.

Он вихрем влетел в ворота и уже во дворе заметил явную тревогу и смятение.

Какая-то женщина с пестрым узлом, увидав его, метнулась в сарай. Он вошел в дом. Захлопали двери, слышно было, как задвигают засовы. Он прошел в глубь дома и, увидев полуоткрытую дверь, за которой кто-то копошился, быстро дернул ее и вошел. Пожилая, прилично одетая женщина рылась в плетеной корзинке

и с испугом на него поглядела.

— Кто такая? — спросил он строго. — Почему остановилась в этом доме?

— Я Астахова Матрена, — ответила она робко. — Из купцов мы. Тверские. У меня свое дело, холстами и льном торгую. Как покойник мой скончался, сама в Москву езжу и у Аксиньи завсегда останавливаюсь.

— И покойник останавливался? — спросил он, думая о чем-то другом.

Она удивленно на него поглядела.

— И покойник останавливался, царство ему небесное. — На глазах ее показались слезы.

«Глупость какая-то выходит, — подумал Михаил. — Это же постоянный двор. Здесь останавливаются вполне порядочные люди. Задержать ее на два дня? Она помрет тут со страха, а те, кого надо схватить, все разбегутся. Отпустить? А если она врет? Может, она воровка или скупщица краденного? Или какая-нибудь заядлая староверка?»

— Вот что, тетушка, — сказал он мягко. — Ты уезжать пока не собираешься?

— Да надо бы, — сказала она нерешительно. — В Москву товар-то отвезти нужно.

— А твои покупатели сюда не ездят за товаром? — спросил он.

— Нет, сюда не ездят. — Она немного успокоилась и отвечала охотно. — У Аксиньи не принято, чтобы в доме у ней торговали. Я тут со своим кучером, а повозку в Москву ездить мне Аксинья дает.

— А не боишься разбойников? Путь ведь долгий от Твери.

— Как не бояться, касатик? Мы выезжаем вчетвером, а то и впятером. Все со своими конюхами. Две кибитки берем большие и битком набиваем. А распродадимся да дела свои покончим, собираемся все в Москве в одно время на постоялом дворе у Бочкова и назад едем. Пока Бог миловал.

— Так на это все же время нужно. У тебя, чай, много холстов. Зачем тебе торопиться?

— Оно так, конечно, — согласилась купчиха. — Да только ты уж меня не задерживай, касатик. Больно нынче в доме беспокойно.

Очень похоже, что единственный человек, которого ему удалось допросить, и в самом деле оказался честным, что в этом доме, как видно, большая редкость.

— Ты все же, тетушка, не торопись, — сказал он. — Нынче уж точно с тобой ничего не случится. А где хозяйку мне найти?

— На кухне, где ж еще? Стряпуха-то удрала. Еще рано утром мальчика послала за своим отцом. Ты только, не дай Бог, не подумай, что она что-то украла, — озабоченно добавила купчиха. — С хозяйкой честь по чести рассчиталась, вещи собрала и укатила. Так что, батюшка, можно мне нынче съездить в Москву?

— Посиди пока, — сказал он не строго. — Я с хозяйкой поговорю, потом видно будет.

— Ладно уж. Погожу, — согласилась она.

Значит, и Таня рассчиталась честь по чести. В чем он, впрочем, не сомневался. И эта женщина очень боится причинить Танюшке вред неловким словом.

Все хорошие люди попадают к нему в доме, который он вчера назвал гадюшником.

Где все же Настя? Разгласила доверенную ей тайну, а теперь от него прячется что ли?

Он направился к ее дверям. Постучал. Молчанье. Дернул дверь – горница заперта.

Ну что ж, пора наконец повидать и хозяйку.

Аксинья помешивала в котле уполовником. Пахло толокняной кашей.

– Здравствуй, хозяйка.

– Здравствуй, гость немилый.

– Что так встречаешь?

– Тебя здесь хорошо встречали, а ты надумал известить мой дом.

– Не надо было тут притон устраивать. Я, чай, на службе.

– Собачья твоя служба. Люди к тебе всей душой, а тебе наплевать. Все ходил да разнохивал.

– Ладно, зубы мне не заговаривай. Станишники, певцы твои ускакали?

Она кивнула.

– С вечера еще уехали.

– И Соловей разбойник с ними?

– Это ты про Ивана? И он уехал.

– Тоже с вечера?

– Тоже.

– А Настя где?

– И Настя с ними.

– Ты с ума сошла? Что ты сказала? Они ее похитили?

– Считаю, как хочешь.

– Как же ты могла это позволить? Такую девушку погубить!

Ты ведь к ней, кажется, хорошо относилась?

– Что я могла сделать? – с сердцем выкрикнула Аксинья. – Я на коленях у нее просила, чтобы осталась тут и тебя дожидалась. Да если Господь разума лишил?

– Ничего не понимаю. Что ж она бежала с ними по своей воле?

Аксинья кивнула. Ее душили слезы, она не могла говорить.

– Но почему? Почему? Что она в самом деле сошла с ума?

– Наверное того. Любовь – то же сумасшествие.

У него подкосились ноги. Смертельно бледный, он опустился на лавку.

– Кого... кого же она полюбила? Неужто этого зверя?

– Для нее он не зверь. Он с ней был, как нянька. Два раза ее от смерти выводил.

– Но неужели же из благодарности...

– Нет! – мрачно отрезала Аксинья. – Из благодарности нельзя полюбить. Она просто его полюбила.

– И ты просила ее не уезжать с ними?

— А что хорошего такой девушке на войну идти? Да еще с казаками. Мне этот народ известный. Сама казачка. Мы с Иваном из одной станицы.

— Ты не обманываешь меня? Ты не сводничала? Ты вправду старалась ее удержать?

— Вот тебе Святой Крест! — Она перекрестилась.

— Ты новой веры? — удивился он. — Как это возможно? Хозяйка такого дома...

— Я живу здесь двадцать лет без малого. Обрусела. У меня муж был стрелецкий десятник. Он на войне с Польшей убитый.

— Но почему в твоём доме живут одни разбойники и старoverы?

— Многие прячутся тут потому, что я никогда никого не выдавала. Но здесь разные люди живут.

— Да, я заметил. Слушай, там купчиха эта из Твери. Она честная женщина?

— Дай Бог всякому, такую мать иметь.

Он опустил голову и замолк. Кажется, это он с ума сходит. Настя бежала с разбойниками. Аксинья, хозяйка притона, старалась ее удержать. Он не мог ей не верить, он сердцем чувствовал ее искренность. А Настя обманывала его все время. А может быть, и нет. Этот зверь страдал. Он вспомнил его глаза. Скорей всего она запуталась и не могла сделать выбор. Боже, Боже, выбор между ним и этим страшным разбойником! И почему, когда вся жизнь его рушится, он все время думает, что сделать со старушкой, которая торгует холстами?

— Не по тебе эта служба, Миша, — с жалостью проговорила Аксинья. — Дай Бог тебе не угодить... — Она запнулась.

— Дай Бог. Но это свое единственное дело я хочу провести справедливо. Ты мне поможешь?

— Видно, придется. Хотя могут на костре спалить.

— Я постараюсь... — начал было он и махнул рукой. — Здесь есть такие же люди, как эта Астахова?

— Ну, таких святых, как Матрена Кузьминишна, пожалуй, не найдется. Есть люди безобидные, но поплоче.

— Что это значит?

— Жулье мелкое всякое. Жена от мужа сбежала. Старoverы не особой крепости, за веру погибать не станут.

— Почему все должны погибать? Я, пожалуй, отпущу эту старушку. Только узнаю, где ее потом найти.

— Она скажет тебе правду. Но ты лучше не пользуйся этим. Не дай Бог, пришлют на розыск вместо тебя кого другого, не такого доброго. — Аксинья сняла с огня котелок и спросила: — Кашки не откушаешь?

— Не хочу я кашки, — строптиво ответил Михаил.

— Не хочешь, заставляй не буду. — И плеснула себе малость в миску деревянной ложкой. Пока она ела, на кухню, шаркая, вошел мохнатый седой старец.

— С добрым утром, хозяйюшка, — проговорил он негромко. И столь же буднично добавил: — И ты явился, адский посланец? —

затем взял с полки миску и ложку, после чего направился к котлу.

— Ты чего это, дед, такой неторопливый? — любопытствовал Михаил. — Весь дом ходуном ходит, а ты знай угощаешься.

— Мне что ли прикажешь, ангел, с ними ходуном ходить, — спокойно отозвался старец. — Суета сует.

— Пошли, Миша, не рассиживайся, — сказала, вставая, Акси́нья. — Пока ты с дедом тут будешь препираться, сбегут все твои каторжане.

— А что, у тебя тут каторжане живут? — Михаил встал и вышел вместе с Акси́ней.

— Будущие, — ответила Акси́нья. — Тут у меня с полдюжины татей. Да и бабы некоторые своего дождутся.

Миша остановился в сенях, немного подумал и спросил: «Есть у тебя, хозяйка, ключики от всех входных дверей?»

— Как не быть. У меня дом в порядке.

— Неси их на крыльцо, я там тебя ждать буду.

Пока Акси́нья ходила в дом, Михаил позвал проходившего мимо работника и велел ему вдвоем с хозяйкой обойти снаружи дом и втихомолку запереть все двери, — от черного хода, от кухни, и от боковых крылец, на одном из которых Настя когда-то просталась с зимой.

Акси́нья незаметно скользила вдоль дома. Но когда Михаил подошел к дверям и запер главное крыльцо, в доме поднялся шум. В открытое оконце просунулась чья-то пухлая, угрюмая рожа:

— Ты чего нас запер тут, как в мышеловке? По какому праву?

— Молчать! — гаркнул Михаил. — И в окна не лезть, не то уши поотрубая. — Он резким движением выхватил саблю и со свистом описал стремительный круг. Рожи в окнах отодвинулись, но продолжали наблюдать.

Михаил с Акси́ней сели на ступеньку.

— Стало быть, помогаешь мне, хозяйка, — проговорил он негромко. — А сказывала, никого не выдаешь.

— Дурак ты, — сказала Акси́нья. — Что же я с ними заедино, в шайке? Пускать на житье пускаю, но ежели б при мне кто стал воровать или грабить, я бы не потерпела. Они это знают, в доме у меня копейки ни у кого не пропало. А тебя мне жалко, ты человек добрый, только влип в негожую службу, так по-твоему я эту сволочь буду выгораживать, а тебя под пытку подводить?

— Спасибо тебе. В лепешку расшибусь — буду стараться, чтоб тебя не осудили.

— Э... где там, — Акси́нья махнула рукой. — Ан, все же, попробуй.

— Ну, — заговорил Михаил деловито. — Для начала я тебя буду учить стрелять.

— Обойдемся, — сказала Акси́нья. — Чего ученую учить?

— Да ну? — он взглянул на нее с любопытством.

— А что ты думаешь? Мы когда с мужем здесь построились, никто не знал, какие мы люди. Обороняться приходилось. Это уж потом узнали, что дом у нас солидный.

— Да уж, — сказал Михаил. — Очень бы мне хотелось, отпустить из этого солидного дома несколько человек.

— Это кого же? И зачем тебе такое?

— Ну, во-первых, Астахову эту, — буркнул он смущенно. — Хлипкая старушка, как бы не перекинулась тут взаперти с этим народом.

— Свободное дело. Только трудно тебе будет ее из дому выводить. Вся шайка прорываться станет.

— Ничего, я думаю, сладим. Работники твои не разбежались?

— Нет, вроде все тут. Только бабы ушли.

— Сколько же их у тебя?

— Пятеро. Конюхов два, огородников двое. И дворник, он же печи топит.

— Хорошие мужики?

— Люди верные. Двое из них лет пятнадцать назад с нами дом от разбойников обороняли.

— А оружие осталось?

— Да найдется что-нибудь.

— Ну, тогда, я думаю, сладим.

— Гляди. А еще кого тебе жалко?

— Беглая жена какая — то, ты сказывала. — Михаил совсем смутился под ее неодобрительным взглядом.

— И что она тебе далась, эта шлюшка? Прямо скажу: поганая баба.

— Может быть. Я не знаю ее. Но у нас на Руси они обычно сбегают от побоев. Вернут мужу — убьет он ее.

— Может и убьет. Только она ведь, наверное, уже удрала. Все моталась в какой-то цыганской шали. Желтой с красным, пестрой такой.

— Что-то пестрое я видел, — вспомнил Михаил. — Желтое с красным. Только не шаль, а узел. Я во двор въезжал, а женщина с таким узлом шмыгнула в сарай.

— Так ты ее и встретил. Увязала свои одежки в шаль. У нас такого желтого с красным больше никто не носит. Успокойся, можешь ее не спасать, она давно уже по дороге чешет.

Михаил прошел зачем-то к сараю, заглянул в него. Вдруг там прячется растрепанная женщина с дикими от ужаса глазами. Вздор, конечно, никого там нет.

— Пусто? — весело спросила Аксинья. — Знаешь что, Миша, не спасай ты больше никого. Дай Бог, старушку нашу выгнать. Я сейчас за ее конюхом пойду.

Аксинья угадала верно. Когда они отперли на мгновение дверь и впустили конюха в дом, там многие насторожились. А когда конюх, волоча корзины, вышел из горницы со своей хозяйкой, в сенях уже выстроились все лихие огольцы и преградили им дорогу. В доме поднялся галдеж и топот. Только голоса старушки не было слышно.

Михаил мгновенно отпер дверь и широко распахнул.

— Ну, выходи, — кричал он. — Кто там драку затеял?

На крыльцо вывалился клубок сцепившихся в потасовке тел. Михаил разглядел острым глазом, что били конюха. Он рывком выдрал его из кучи и страшным голосом заорал:

– Смирно! Всем встать!

Грабитель с пухлой мордой кинулся к нему:

– Это что? С купчихи хабар взял и думал дельце обстричь? Нет уж! Не на таковских...

Михаил выстрелил мгновенно. Тать рухнул, как подкошенный, пуля пробила ему грудь.

Его приятели отскочили в сторону и со страхом глядели на окровавленное тело своего вожака. Он упал головой вниз – на ступеньки.

– Кто без моего приказа сделает хоть шаг, пристрелю, как собаку, – мрачно пообещал Михаил. – Хозяйка, войди в дом и помоги старушке. А ты умойся из бадьи, – посоветовал он конюху.

Спустя немного времени, Акси́нья вывела, крепко держа ее за плечи, дрожащую старушку. Та перекрестилась, увидев мертвое тело, и, проходя мимо него, чуть не упала.

– Теперь все в дом, – сказал Михаил. – И если кто-нибудь попробует бежать, стрелять будем сразу – и я, и хозяйка, и ее работники. Пошли!

Тати замешкались.

– Ну! – крикнул он, подняв пистолет.

И тотчас же все оказались в доме. Михаил запер дверь на ключ, Фаддей, Акси́нын конюх, вывел запряженную уже телегу и помог Астаховой взобраться на нее. В это время подошел купчихин конюх, лицо его было порядком разбито, но крови не видно. Кто-то дал ему старый кафтан.

– До свидания, касатик, в час добрый! Пусть тебя Господь хранит! – взволнованно воскликнула старушка и перекрестила Михаила.

– Счастливо тебе добраться, Матрена Кузьминична, – отозвался растроганный Михаил.

– А теперь будем совет держать, – сказал Михаил. – Ты сходи, малый, за остальными, – обратился он к конюху. – Одно-то вижу, вон он у сарая. – Михаил указал на работника, ходившего запира́ть двери.

Тати обнаглели и чуть не по пояс высывались уже из окон. Михаил пошел вдоль дома, резко взмахивая саблей. Акси́нья сбегала тем временем на кухню и принесла две кочерги и рогатину, какой вынимали горшки из печки. Этой рогатиной она ткнула на бегу в окошко, из которого уж больно сильно высывалась чья-то испитая рожа.

– Ну, ты полегче, – рявкнул сердитый голос. – Чуть зенки мне не повыкальвала.

– Оно бы неплохо, – проворчала Акси́нья.

– Неплохо бы, хозяйюшка, – сказал Михаил, – когда твои помощники подойдут, войти в дом, связать всех, кому нейметя, растолкать по горницам и запереть.

– Лучше в подпол, – предложила Акси́нья.

– Это верно. Сходи, хозяйка, за пищалью.

Акси́нья принесла их целых три. За ней шел дворник Антип и тащил железные ломики.

Тем временем и остальные подошли.

– Ой! – вдруг вскрикнула Акси́нья. – Кто-то в окно вылез. – И, схватив кочергу, побежала на ту сторону дома. Дворник бросился за ней. Раздался жуткий рев. Затем из-за угла, пятясь, вышел Антип, волоча подмышки здоровенного детину с пробитой башкой. Акси́нья тряпкой обтирала кочергу.

– Что насмерть? – удивился Михаил.

– Боюсь, не выживет, – вздохнула Акси́нья. – Вот грех-то! Стонет пока.

В дом вошли во всеоружии. Смутьяны присмирели. Мужикам связали руки и спустили в подпол. Баб - воровок и скупщиц краденого тоже связали и растолкали по горницам, заперев каждую на ключ.

– Кто у вас здесь самый толковый? – спросил Михаил, когда они опять, уже спокойно разместились на крыльце.

– Митька у нас шустрый, – загомонили мужики.

Акси́нья кивком подтвердила.

– А что делать надо? – спросил молодой, но бородатый уже, темноволосый парень.

Михаил, не отвечая, вынул табличку и, положив на ступеньку, грифелем написал несколько слов. Затем отдал Митьке.

– Я читать не научен, – сказал парень.

– Это не надобно. Здесь имена моих знакомых: пятидесятников и сотников. Езжай, малый, в стрелецкую слободу, что у Яузских ворот, разыщи кого-нибудь из них, скажешь: Каширин Михаил подмогу просит. Человек десять, нет, лучше двадцать. Объяснишь им, какие у нас дела.

Митька действовал очень проворно. Оглянуться не успели, он уж за воротами.

– А кочерга-то твоя где? – вдруг спохватился Михаил.

– Там, – Акси́нья неопределенно махнула рукой. – Не могу я на нее смотреть.

– Да ты ее хоть спрятала? А то кто-нибудь еще вылезет и тебя же этой кочергой...

– Спрятала, спрятала, не видно ее. А добра этого у меня хватает.

И потянулось время к вечеру. Акси́нья сходила на кухню, принесла хлеб и сало. Постучалась к старцу Захарии в «келью», хотела Божьих людей покормить. Но старец глянул на нее сурово и потряс головой. Вскоре из «кельи» его послышалось молитвенное пение – пели старцы и монахи́ни. Бабы воровки подчас начинали вопить – то им до ветру, то оголодали. Акси́нья с кочергой в руке и в сопровождении дворника Никиты несколько раз входила в дом и выводила их по одной, всем дала хлебушка, потом снова заперла, бросив в горницы пустые помойные ведра и тряпки: «Справляйтесь, бабы, как сумеете, я вам больше не слуга».

Михаил установил военный распорядок. То и дело кто-нибудь обходил дом, прислушиваясь у дверей и окон.

— Куда он задевался, шустрый ваш? — не выдержал Михаил.

— Двадцать раз уж мог с подмогой вернуться.

— Двадцать не двадцать, но давно пора, — заметил конюх. — Верхом ведь поскакал.

Наступило тягостное молчание. Солнце опустилось к горизонту и все смотрели на яркий малиновый закат.

— Не вернется он, — с убежденностью сказал пожилой дворник, живший в доме чуть не с самой его постройки.

— Почему ты, дядя, так решил? — повернулся к нему Михаил.

— Вспомнил я. Они с Иваном все о чем-то толковали. Небось, Иван его сманил к Разину бечь.

— Что ж ты раньше-то... — Михаил чуть удержался, чтоб не влепить старику оплеуху.

— Да Иван, он ведь разговорчивый. Он со всеми тут говорил.

— И с тобой?

— Со мной тоже. С Митрием, иначе, поболе.

— А с тобой о чем он говорил?

— Да шутил все. Он ведь веселый, обиходный.

— Вот уж чего не заметил, — яростно пробормотал Михаил. — Придется нового теперь посылать, а людей мало.

Тут вдруг ударил барабан, и в воротах показались красные кафтаны. Все радостно вскочили: «Слава Богу! Наконец!»

Во двор вошел седобородый и седоусый десятник и молодой стрелец, который бил в барабан.

— Что ж вас так мало-то, всего двое, — огорчился Миша. — Я двадцать человек просил.

— Не понимаю я тебя, барин, — сухо ответил старик. — У кого и для чего ты просил двадцать человек, мне неизвестно. А для нашего дела достанет и двух.

Тут он неторопливо извлек из сумки длинный лист бумаги и медленно начал читать:

«По навету вдовы дворянского звания Евфалии Патрикеевны Усановой взять под стражу проживающую в доме вдовы стрелецкого десятника Аксины Соколовой беглую дворовую девку Настасью, прозвание неизвестное, и доставить ее в Холопий приказ на предмет розыска и возвращения хозяевам».

— Ты что, старик, с ума сошел? — оторопел Михаил. — Какая она тебе беглая, какая крепостная? Анастасия Львовна — дворянка. Ее отец в Посольском приказе одно из первых лиц.

— А где же она эта, Анастасия? Может ошибка? Нет ли у вас какой другой?

— Другой нет. А девица, которую вы почему-то считаете дворовой, давно уже уехала из этого дома, и мы сами не знаем где она.

— Как давно? Наветчица сказывала, она вчера тут была.

— Ну, Евфалия, ну, змея подколотная, — проворчала Аксиныя.

— Вчера, — вздохнул Михаил. — Тут со вчерашнего дня столько

всякого случилось...

Старик вдруг внимательно огляделся:

— А что ж это у вас тут...

Он заметил наконец наглухо запертый дом. Разношерстную компанию, собравшуюся на крыльце. И лежавших поодаль на земле на подстилках двух, вроде бы, покойников.

Услышав главные — но не все, конечно, — подробности этого многотрудного дня он пожевал губами и решил:

— Ефимку я лучше вам в подкрепление оставлю. Сейчас ночью он никого не найдет. Кто в гостях, кто у любушки, а многие в разъездах. Чай, не знаете, у нас тут под Москвой по деревням чуть не сотни две станишников ошивалось. А в последнюю неделю как двинулись все на юг, на Дон, вроде, а может на Волгу. Их там носит, как чертей, туды сюды.

— Но есть же караульные и караульный начальник...

— Есть-то есть, но, может, он тебя как раз не знает, барин. Ефим молод еще, а я все как след объясню. Вы мне только лошадь верховую дайте. Эти певуны, кажись, затихли. Думаю, прибудем мы еще до утра. Ну, дай вам Бог, чтоб за ночь нечаянности какой не случилось. Это надо же, какими идолами дом набит. Отчаянная ты женщина, хозяйка. Небось тебя первую в застенок поволокут.

— Типун тебе на язык, дедуня, — пробормотала Аксинья.

Развесили фонари, весь двор был освещен.

Заднюю стену дома караулили стрелец Ефим и Антип. Конюх Фаддей и огородник Никита следили за торцами. Михаил с Аксиней так и остались на крыльце. Перекликались, обходили дом. Фаддей приволок из сарая старые тулупы — ночью еще подмораживало.

Михаил часто вскакивал, будил задремавших: «не спи, не спи», а потом как-то сам задремал. Он проснулся оттого, что почувствовал: кто-то тронул его за плечо. Он вскочил, одновременно выхватив пистолет, и увидел черные широко открытые глаза Аксиньи. Она приложила руку к губам: молчи.

— В доме ходят, — зашептала она. — Тихо ходят и говорят тихо. Не старцы. Эти как-то вылезли из погреба. Отползи к сараю и стань к окнам лицом. А я пошла караульчиков наших будить. Крепко спится под утро, самый крепкий сон.

И, пригнувшись, она неслышно заскользила вдоль стены.

«Какое утро? — подумал Михаил. — От фонарей светло. А так — глаз выколи. И старик никого не привел. Неужто обманул?»

Он обвел глазами дом — из окон никто не лез. И вдруг, чуть подняв взгляд, увидел, как из трубы медленно выбрался и встал на крыше тощий невысокий человечек. Михаил прицелился и тут Аксинья крикнула:

— Не стреляй!

Человечек заметался по крыше, и Аксинья ласково обратилась к нему:

— Прыгай вниз, Вася, не бойся. Мы тебя отпустим. — И добавила, подходя к Михаилу: — Это воренок маленький. Ему

десять лет. Давай его спросим.

Мальчишка спрыгнул и стремительно бросился к забору, но у самой изгороди его перехватил Антип.

В тихом доме сразу стало шумно. Несколько человек бросились к окнам.

Михаил бешено заорал:

– Пали! – и сам выстрелил. – Всем стать у своих стенок!

За домом прогремело несколько выстрелов. Михаил, перезаряжая пистолет, сказал Аксиные:

– Отнеси им кочерги и ломы, всем кроме стрельца, перезаряжать не успеют, долго.

Кто-то лез в окно, в которое он стрелял. Он прицелился и снова выстрелил. Осечка.

С других сторон дома шла невидимая ему борьба. Треск досок, топот, крики.

Он снова перезарядил пистолет. Аксиная, стоя рядом с ним расспрашивала мальчишку. Воренок отрывисто бормотал:

– Нам монашка Поликсена открыла, она добрая очень. Наши все жались: от холода, мол, погибают. Ну, а веревки они сняли еще в погребе. Они умеют.

– Поликсена – добрая, – подтвердила Аксиная. – Я от нее не пряталась. Поэтому она и знала, где второй ключ лежит. Хорошая женщина. Жалостливая.

– Дай ей Бог здоровья, – с яростью сказал Михаил.

«Прорвутся сволочи, – думал он. – Куда огороднику с разбойником тягаться». За домом кто-то отчаянно закричал.

– Фаддея ранили, – сказала Аксиная. – Нет, пожалуй, убили.

– У них пицалей здесь нет, – шептал воренок. – Только ножики длинные. Тетенька Аксиная, отпусти меня. Ты ж сулилась.

– Они убьют тебя, малец, за то, что ты с нами сейчас говорил, – быстро сказала Аксиная. – Давай ползком к калитке, а потом уходи огородами. На дорогу выйдешь, далеко уходи, в другую волость, в деревню поглуше. В Москву не возвращайся и к воровскому делу не возвращайся. Убьют бесприменно. Это их закон. У тебя родители-то есть?

– Родители мои – воры.

– Вон как. Ну, ползи, воровской сын, и не отсиживайся в шалаше. В ту сторону ползи. Они, твои дружки, небось, потянутся к Москве. На хлебушка на дорожку.

– Спасибо, тетенька.

Шмыгая носом, он пополз по мокрой траве. Чуть посветлело.

И тут запели старцы. Тонкие голоса монахинь вторили им. Кто-то выпрыгнул из того самого окна, в которое Михаил дважды так неудачно стрелял, и беглец, пригнувшись и хромя, – ага, значит, он его все-таки ранил! – кинулся к той калитке, куда полз малец.

– Стой, парень! – крикнул Михаил и побежал наперерез. Но не успел. Темная пригнувшаяся тень бросилась к мальчишке, воренок ойкнул и перестал ползти. Раненого татя Михаил догнал и рубанул саблей. Так они и остались лежать в нескольких шагах

друг от друга — убитый мальчик и его убийца.

В главную дверь отчаянно заколотили кулаками и женский голос вскрикнул: «Отворите, горю!»

— Поликсена! — охнула Акси́нья и бросилась отпирать. Из двери выскочила худенькая монашка в горящей одежде. Акси́нья схватила ее, обжигая руки, и сунула в бочку с дождевой водой. Потом, увидев, что у Поликсены горят волосы, надавила ей рукой на голову. Монашка чуть не захлебнувшись выбиралась из бочки. На ней висели черные лохмотья и видны были пятна от ожогов. Светлело быстро.

— Что там горит? — крикнул Михаил и побежал в дом. Акси́нья ринулась за ним. Горела «чародейная» — Акси́ньина лечебница. Комора полна была пламенем. Соседняя с ней «келья» старца Захарии струилась сизым дымом. Но огонь еще не разгорелся во всю мощь. Акси́нья кинулась в свою горницу. Что она там берет? Наверно, деньги, подумал Михаил. Но Акси́нья хватала какие-то склянки.

Захария появился на пороге своей «кельи».

— За мной, други мои! — крикнул он. — Скорей в огонь. Здесь мы не сгорим. Вероотступница! — обратился он к Акси́нье. — Пойдем со мной, очистишься от всех твоих грех!

Но Акси́нья помотала головой и бросилась к двери. Старец Захария, раскинув руки, стоял возле пылающей «чародейной». И Михаил с ужасом увидел, как вереница мужчин и женщин струйкой устремилась в огонь. Одна из монашек вдруг отшатнулась:

— Нет! — крикнула она. — Не хочу! Боюсь!

— Не бойся, я спасу тебя, сестра Сусанна! — прогремел Захария и, схватив за руку вырывающуюся монахиню, втащил ее в огонь.

Михаил бросился на помощь несчастной, но тут чуть ли не прямо ему на голову обвалилась балка. Взвился рой золотых искр, и людей уже не было видно, лишь сплошная стена огня. Из пламени раздавались крики и пение.

Он вышел из дому. Двор полон был стрельцов. Так вот отчего они заторопились в огонь! Михаил стоял в сенях и ничего не видел, а староверы узрели гонителей в окно.

Акси́нья смазывала желтым снадобьем ожоги на полуголой Поликсене и спрашивала:

— Почему же у меня-то загорелось раньше, чем у него?

— Да ведь я это подожгла, — тихо объясняла Поликсена. — Я подумала, ежели эту камору с травами так оставить, тебя как ведьму могут спалить. Ну, а травы-то воспламенились и на меня сверху попадали. Вот я и загорелась.

— Говорила я, что Поликсена — хорошая женщина, — повернулась Акси́нья к Михаилу. — Всегда кого-то пожалеет, только не себя.

Михаил покачал головой. И впрямь удивителен русский человек.

— Миша, возьми это и спрячь. Меня ведь схватят сейчас.

– А что там у тебя в суме?
– Лекарства хорошие. Сорочка в которой меня крестили.
– А деньги не успела?
– Успела и их. Вдруг меня не сожгут. И даже на волю выпустят. Жить-то на что-то надо. А Господь любое чудо может совершить.
– Так он, может, тебя и новым богатством осыплет?
– Все может быть, голубчик, но нельзя ж на Бога все валить. Дай-ка Поликсенушка, я тебя еще вот здесь мазну.

Он взял ее суму и приторочил к своей.

Через полчаса по тропинке от дымящегося дома удалялась вереница связанных людей, конные стрельцы и, задумчиво понуриив голову, тоже на своем коне ехал рваный, грязный, пропахший дымом и слегка даже обгорелый Михаил.

Дорога

В деревеньку Глухово Иван и Настя прискакали затемно – небо едва начинало сереть. Поселяне, впрочем, уже давно трудились в поле – время самое страдное, с полуночи собрались.

У околицы Иван остановил коня и Настиного придержал.

– Ну, Настенька, – сказал он, взяв ее за руку, и в его голосе слышалось волнение. – Начинается наша новая жизнь. Кто знает, что она нам принесет, но легкой не будет. Прости.

– Я сама выбирала, – сказала Настя. – Мы будем вместе, а уж что нам Бог пошлет... Главное, вместе.

Она легонько сжала его руку, и он притянул ее к себе и поцеловал.

– Птаха моя, – сказал он. – Ну, пошли!

Они подъехали к избе с освещенным окном, из которой слышались громкие голоса.

– Побудь-ка тут, – сказал он Насте. – Подожди в сторонке. – И, соскочив с коня, приоткрыл дверь. За столом сидела развеселая компания станишников, на столе ковши и чарки – пир горой. Двое шибко, как видно, наклюкались и храпели на мешках в углу.

Ивана шумно приветствовали. Он поздоровался, потом сказал с порога, не подходя к столу:

– Ехать прямо сейчас. Всем во двор, снять рубашки, и облиться водой из кадки.

– Этих, – он указал на угол, – тоже тащите во двор и как следует окатить, чтоб прочухались. Матвей, Афанасий, быстро подмикитки их голубчиков. Ну, чего сидите? – Он подошел к столу, взял одного крепко пьяного за шиворот и толкнул к дверям.

Молодцы зашевелились и, шатаясь, двинулись во двор. Более трезвые Матвей и Афанасий, подхватив под руки спящих, потащили их из дому.

Станишники ежились после теплой избы и не торопились раздеваться. Иван стащил с одного из них рубаху и окатил из черпака.

Настя, сидя на коне, издали с любопытством наблюдала. Ну и атаман. Неужели он всех их будет раздевать и поливать? Нет, вроде ожили, стянули рубахи и принялись плескаться водой.

Протрезвели они быстро и тут заметили Настю. Растираясь каким-то тряпьем, заготовили добродушно:

— А так вот почему ты нас сразу из тепла гонишь! Себе девку привез! Хороша! А то посидели бы, выпили за здоровье? Али уж нет терпежу? Го-го-го! Ха-ха-ха!

— Цыц, жеребцы! Никакая это вам не девка, а моя жена Настасья Львовна. Прошу уважать как законную жену атамана.

— Вас не Разин ли венчал вокруг куста? — радостно возопил молодой с кудрявым белым чубом казачок. — Такими женами каждую неделю можно меняться. Чур, я первый!

Иван мрачно взглянул на него, и все затихли. Казачок побледнел.

— Коренев, ты у меня больше не служишь, — тихо сказал Иван. — Съездишь куда тебе велено, а потом пристраивайся к кому захочешь. Понял? Я не Степан Тимофеевич — вашему жеребьячьему племени в угоду жену свою не дам унижать.

Настя встревожилась и испугалась. Как быть? Что ей делать? И тут же почувствовала уже знакомое: что-то подхватило ее и нет в ней ни капли страха — она может все. Когда-то с ней уже такое было, на темной улице холодной Москвы. Но тогда перед ней были враги, а сейчас — соратники. И отчаянная победная радость несла ее, как волна.

Она быстро подскакала к казакам и спрыгнула на землю.

— Здравствуйте, люди добрые! — звонко сказала она, кланяясь им в пояс. И улыбнулась приветливо, будто солнышко просияло, и синие ее глаза засверкали, как синие звезды.

Казаки заулыбались.

— Будь здорова, Настасья, как, бишь, тебя...

— Настей будете звать, коли не помните, — отозвалась она. — Иван Кириллыч, — повернулась она к Ивану, — товарищи твои меня не знают, видят в первый раз. Распоряжайся ими как твоей волюшке угодно, а мое дело женское: просить. Не серчай ни на кого, ради первого нашего знакомства.

Казаки одобрительно загудели.

Иван смотрел на нее с радостным удивлением. Сумеет она ладить со станишниками, не тронут ее, полюбят, будут уважать.

— Настасья Львовна, — сказал Афанасий, очень крепкий на вино казак, и сейчас, как стеклышко, трезвый. — Ради первого знакомства с твоей милостью чокнешься с нами чарочкой, чтобы у вас все как по маслу шло? Выпьешь со станишниками?

— Чарочку выпью, — согласилась Настя.

И всем стало ясно: бражничать с их братией она не будет, но иной раз, не чинясь, может выпить чарку-другую.

Все гурьбой вошли в избу. Коренев замялся.

— Иди, иди, — сказал Иван. — Ради первого знакомства выпьешь, а впредь будешь знать, что атаман твой венчался в

Божьем храме, а не вокруг куста.

— А когда же ты успел обвенчаться, Иван? — спросил Матвей, тоже трезвый, высокий немолодой казак. — Ты уже недели две из села в село шастаешь да в лесу скрываешься. Я давно слыхал, что у Ксюшки Соколовой в доме у тебя зазноба завелась. Но чтоб свадьба или там венчанье в Божьем храме, разговору не было. Наоборот, сказывали, ты нас тут лишнее время держишь, оттого, что зазноба твоя заболела, а потом к ней московские гости повадились. Это и есть твоя жена, Настасья Львовна? Когда же ты женился на ней?

— Ан, успел. — Иван ослепительно улыбнулся. — Что ж я за атаман, коли буду вам во всем отчет давать? — Он подтащил к себе свою суму и запустил в нее руку. — Все докладывать не стану, а кое что покажу. — И взорам изумленных казаков вдруг предстали белые кружева и сверкающие алмазы, и нежный белый оксамит. Свадебное платье! Да роскошное какое. — Поглядели — будет. Ух, фату чуть не уронил. — Фата была тонка, как паутинка, с маленькой алмазной короной, и Матвей понял — нечем крыть. Пес его знает, когда он успел обвенчаться, но ведь возит же теперь с собой на память это белоснежное, сверкающее чудо. Самой царице впору на свадьбу надеть. Но имя молодой царицы на Руси еще не объявляли. А Ванька атаман успел.

Молодая атаманша восседала за столом, будто и впрямь царица. Спокойная, румяная, синеглазая. И счастливая улыбка на почти детском лице. Небось, недавнее свое венчанье вспоминает, подумал Афанасий. Хотелось бы поглядеть — атаман во что был одетый?

Прошло уже больше часа, как уехали казаки. Настя все пыталась уснуть, ей Иван даже подушку соорудил из своего кафтана, но сон не шел, глаза слипаются, а сна нет как нет.

Ивану тоже не спалось, он все пытался прикорнуть, но тут же вскакивал, бесшумно ходил по избе, и в окошко зачем-то поглядывал.

— Мы, видать, не уснем, — сказал он, наконец, увидев, что Настя уже не жмурится, а смотрит на него, открыв глаза. Он присел к ней на лежанку.

— Какая же ты оказалась умница, — сказал он, взяв ее за руку. — Я и не думал, что ты так разом поставишь себя.

— Не знаю, милый, я ведь ничего не обдумывала. Откуда-то берется, сама не знаю — как. Только не всегда это бывает. Глупостей порядком натворила.

— Что о них, о глупостях вспоминать. Оба временами хороши бывали.

— Ванечка, но ты ведь не считаешь, что я прямо пленила всех? Нынче утром мы и врагов себе нажили?

— Да еще сколько! Первый блин всегда комом. Но ставить ты себя умеешь. Уважать тебя будут. Любить — не думаю, чтоб все, хоть ты и красавица. А уважать — да.

— Кто же наши недоброжелатели? Кого ты заметил? Этот Корнев?

— Коренев — пустое место. Афанасий за нас будет. Матвей... сама видела, как под меня копал. Да и молчуны там — сразу не поймешь, но кой-кого я заметил.

— Господи, неужели так много врагов? Ты же только что сказывал, все обошлось удачно?

— Удачней некуда. Ты все делала правильно. Такой уж народ. Да ты не бойся, девонька. Друзья у нас будут. А чтобы все любили — где ты видела такое? В родном доме кто вступился за тебя?

— Ты, — ответила она. — Пришел и вступился. Ты и больше никто.

Он сжал ее руку. Они помолчали.

— Не бойся так людей, — сказал он мягко. — Аксинью помнишь? Да там многие любили тебя. Ты не забывай только: люди — разные. Это — одно. И второе: в разное время один и тот же человек бывает разный, это тоже постарайся не забыть. Есть, конечно, совсем хорошие люди, есть и отпетые негодяи. Но таких мало. Разных больше. Только вот что, — добавил он, помолчав, — ни с хорошими, ни с плохими мы с тобой сейчас не поедем. Ты привыкнуть должна к новой жизни. Незачем нам с Матвеем каждый день воевать. Так что поедем покамест вдвоем.

Он встал и снова подошел к окну.

— Вот что, девонька, схожу-ка я на разведки. Тут спокойная изба, хозяев не видать, они, сдастся мне, в амбар переселились. Поспишь немного?

— Не знаю, может быть. Ты все же поосторожней.

— Учи меня, учи. Я разведчик никудышный.

Наконец-то они рассмеялись. Первый день вместе и такой тревожный.

Проснувшись, Настя, почему-то решила, что уже вечер, и испугалась: Ивана нет. Потом поняла: никакой не вечер — день. Вышла из дому поглядеть по солнышку. Полдень, может быть, немного больше. Поглядела по сторонам и увидела, что к деревушке подъезжает Иван.

— Ну, разведки мои неплохие, — сообщил он. — Станишники ускакали уже далеко. Я с пастушком беседовал. Обстоятельный парнишка. Видел их издали. Все путем.

А теперь, Настенька, милая, мы поедем в гости и сюда уже не возвратимся. Так что переодевайся в женское платье и вещи свои собирай.

— Какие гости? Куда? Ты с ума сошел. Как мы поедем днем?

— Так и поедем. Дорога близкая, тихая, по красивым местам. Авось, плохих людей не встретим.

— Да где ж ты познакомиться успел? Сами-то мы не к плохим людям едем?

— К хорошим, — сказал он кратко. — А насчет знакомства я тебе в дороге расскажу.

Дорога вдоль длинного озера с плакучими ивами и высокими деревьями с обеих сторон была и впрямь хороша, задумчивая и светлая. Листики зелененькие, чуть даже желтоватые, легкие,

пушистые ветки, апрель кончается — начало весны. А на Дону уже лето в разгаре. Проезжих мало — все крестьяне, семьями. Но вот лес кончился, показалась небольшая деревенька с новой и красивой церковью. Иван направился к ней.

— Сейчас, Настенька, мы будем венчаться. Я уже побывал тут и со священником поговорил. Ты не удивляйся, я сказал, что мы из-под Калуги, я стрелецкий пятидесятник и увозом женюсь на тебе, а ты дочка мелкого помещика.

— Отчего же мелкого? — воскликнула Настя.

— А оттого, что крупные все наперечет, и такая свадьба стала бы тут ведома, а мелкие — кто их сочтет?

Иерей, отец Павел был средних лет высокий, вальяжный с пронизательным взором и тонким лицом. Иван изъявил желание пожертвовать на храм. Они со священником о чем-то долго говорили и священник что-то записывал белым гусиным пером. А потом он как-то охнул, и его красивое спокойное лицо выразило изумление, брови поднялись вверх, и он снова взялся за перо.

В церкви было немного народу. Одни стояли отдельно, и среди них полная молодая женщина с добрым лицом, а рядом с ней высокий светловолосый юноша. Пришло и несколько крестьянок поглядеть на красивую пару. Батюшка служил душевно, и Настя чувствовала, что происходит что-то важное, о чем она не сможет никогда забыть, и видно было, что Иван взволнован.

А потом был свадебный пир. Полная молодая женщина оказалась попадшей и все угощала Настю и гладила ее по плечу. Застолье долгое и угощение вкусное. Батюшка очень мило шутил, цитируя отцов церкви и даже светских авторов древности. А когда они собрались уезжать, молоденькая попадья сказала Насте: «Позволь, милая, я тебя поцелую», и когда она потянулась к ней, у Настеньки дрогнуло сердце — не столь уж часто в своей жизни она соприкасалась с такой порывистой, искренней добротой.

После отъезда таинственных новобрачных долго не расходились. Здесь собралась семья священника, дьячок и наиболее зажиточные жители деревни.

— Стрелецкий пятидесятник и дочка мелкого помещика, — сказал хозяин лавки, выдавший виды человек. — Те ли они, за кого себя выдают?

— Он-то, может и пятидесятник, — сказал высокий юноша, родной брат попадья. — Но она... голову даю на отсечение...

— Не клянись, — остановил его отец Павел.

— Ну уж, не знаю, как выразиться... словом, я уверен, что тех книг, которые ты, братец, упоминал...

— И которых ты не читал.

— Не обо мне же речь, — да, и читал я что-то, — но она, невеста, несомненно читала их. И имена, и названия ей знакомы. Ей знакомы, а ему... навряд ли.

— Да, я тоже заметила, — сказала попадья.

— А что ты, батюшка, так много ему свидетельств написал? — осмелился, наконец, спросить дьячок. — При свадебном обряде

столько не требуется.

— Таинство брака так же священно, как тайна исповеди, — важно произнес священник. — Не будем его обсуждать.

Брат попадьи, которому едва сровнялось семнадцать лет и который кожей чувствовал людей чуждого возраста, вдруг сердито выпалил:

— Она такая молодая, а ему, я думаю, чуть ли не тридцать лет.

— В мужчине главное значительность, а не младость, — пылко возразила его сестра и бросила влюбленный взгляд на мужа. — К тому же он очень красив.

— Красив-то он красив, да не стрелец, — задумчиво вдруг произнес владделец лавки.

— Кто же он по-твоему? — живо обернулся к нему батюшка.

— Да как сказать... На казака он смахивает, хоть и одет не по-казацки.

— Как на казака? — встрепенулась матушка. — Мы их насмотрелись в последнее время, эти вечно пьяные и дерзкие такие...

— Может и казак да, небось, не простой, — впервые заговорил мельник.

— Степан Разин! — охнула попадья.

— Бог с тобой, душа моя, — сказал ее супруг. — Разин, говорят, рябой громадного роста мужчина, а этот роста среднего и лицом чист.

— А она наверное княжна, — мечтательно сказал юноша.

— Персидская, — насмешливо произнес батюшка.

Все рассмеялись и решили, что пора уж разойтись.

* * *

Загадочная пара новобрачных в свою первую брачную ночь ехала по лесной тропе, окруженной темными высокими деревьями.

«Как в сказке, — думала Настя. — И страшно и красиво».

Иван вдруг придержал коней, и Настя вопросительно на него взглянула.

— Лесная избушка, — сказал он. — Вон, видишь, с той стороны. За деревьями темнелось низенькое строение.

— Ты думаешь, там кто-то есть? — испуганно спросила Настя.

— Никого, сдастся мне, там нет. Нам бы зайти да отдохнуть немного. Тихо там, спокойно, словно поджидает она нас.

У Насти испуганно стукнуло сердце. Поджидает их избушка, а они — ее. И правда словно для них она вынырнула из чащи.

«Стой! Кто едет?» — послышался вдруг сзади грубый мужской голос.

К ним подъехал человек в мужицкой одежде, а за ним еще несколько конных.

— Кто такие? Почему ночью едете? — продолжал он.

— Припозднились мы, — сказал Иван. — К брату моему в деревню Хлюпино едем. Да задержались, поздно вато выехали.

– Что-то больно поздно. Тут и деревень никаких нет.

– Есть тут деревня, – миролюбиво убеждал Иван. – Как лес кончится, так и будет деревня.

– А чего вас в лес понесло? – буркнул, как видно, начальник отряда. – Слезьте с коней. Ребята, сюда!

Неожиданно Иван проговорил что-то совершенно непонятное.

– Ты чего лопочешь? – спросил незнакомец.

Иван опять заговорил на этом непонятном языке, спокойно и обстоятельно. Чудной какой-то язык. Вроде бы не иноземный – Настя знала иноземные языки: латынь, польский, французский – а это словно уродливый невнятный родич их ясной и красивой русской речи.

Оказалось, что и незнакомец знает этот язык. Он вполне дружелюбно ответил Ивану. Они немного поговорили, потом он крикнул:

– Ребята, свои! Домой пробираются. Ну, езжай. Путь добрый. А то подожди нас, коли не торопитесь. Веселее будет.

– Торопимся, – сказал Иван. – Счастливо вам, братцы.

– Вам того же.

И снова они скачут по темному лесу, и все чувства, пробужденные лесной избушкой незаметно ушли.

– Это что же за язык у вас? Воровской какой-то? – спросила Настя.

– Воровской не воровской, а вроде того. Казаки пользуются, когда нужно. Только не все его знают.

– А ты почему знаешь?

– В молодые годы обучился. Уж больно любопытен был.

– До того любопытен, что пошел в разбойничью шайку?

– Жизнь была пестрая. Чего только не перепробовал, – уклончиво ответил Иван.

Настя почувствовала неприятный холодок, словно в сердце что-то укололо.

Они помолчали.

– Страшный он какой-то, некрасивый, – брезгливо сказала она.

– Тут уж не до красоты.

– А почему он сразу не отозвался?

– От большого ума. Не смекнул, что я свой. Ну, милая, эта встреча еще не из страшных. В избушке вот не дали отдохнуть.

Позже они повстречали еще один отряд станишников, но тут Иван сразу увидел, что едут свои и объяснились они быстро. Насте казалось – дороге не будет конца. В темном густом лесу не заметно было признаков рассвета.

Первый бой

Но наконец они выехали на опушку и увидели тонкую розовую полоску на горизонте и деревушку за широким оврагом, судя по всему, долгожданное Хлюпино.

Было уже совсем светло.

Вот тут-то к ним и подъехал скрытый краем леса отряд из шестерых конных стрельцов

Иван мигом выхватил два пистолета и уложил двоих. Заряжать снова некогда, а перевес получился солидный. Чувствуя глубокое отвращение к себе, Настя выстрелила в лошадь одного из стрельцов — она не была уверена, что сумеет попасть в человека. Лошадь пронзительно заржала и рухнула. Остальные шарахнулись и сбились в кучу, опрокидывая друг друга.

Всадники тут же оказались на земле и выхватили сабли. Иван метнулся к стрельцу, придавленному конем и тотчас его прикончил.

Теперь он оказался один против троих. Сабля его так и мелькала. Настя вытасила свою сабельку, незаметно подобралась к одному из стрельцов и, выждав подходящее мгновение, изо всех сил ударила его по правой руке. Он взревел, выронил саблю и бросился к ней. Она отпрыгнула и стала махать саблей. «Держись, девонька!» — крикнул Иван.

У него оставалось лишь двое противников. Раненый, здоровенный детина надвигался на Настю, а она отступала, отмахиваясь саблей и страшась убить человека. «Есть! Еще один!» — крикнул Иван. Глянув в его сторону, она увидела, что он разделался с одним из своих противников и стремительно наступает на последнего. Справился он с ним быстро. Потом подбежал к ней и одним ударом уложил наступавшего на нее детину.

— Почему ты убил его? Ведь он уже был не опасен.

— Война, девонька. На войне убивают врагов. Не выхаживать же нам его. — Он вдруг вспыхнул. — Что ты на меня так смотришь? На тебя такой медведище пер, а ты пятилась. Да зацепись ты ногой за корень, он бы тебя, как муху, раздавил. Я глянул, сердце остановилось. Можешь ты это понять? Или тебе одного только нужно: чтобы я твоей жизнью рискнул, а его не убил?

Она вздрогнула и побледнела.

— Господи, ведь ты же меня спас! Прости меня, прости, ради Бога .

— Да что уж там «прости»! Жива осталась, моя любушка — такое счастье.

У Насти дрожали ноги. Иван помог ей взобраться на коня.

— Ну, успокойся, милая, успокойся. Первый бой переживают многие. Вот приедем в деревню, поешь, отдохнешь.

— Не хочу я есть.

— Ну, так посидишь. Что ты нос повесила? Вояка из тебя знатный. Я бы, небось, не справился без тебя.

— С шестерья не справился бы?

Она слабо улыбнулась.

— Кто знает. Смотря какой супротивник. Эти здорово дрались. Могли и одолеть. Что-то мы с тобой разговорились середь мертвяков. Как бы нас тут не застучали. Айда, вон в ту деревню. Там какой-то Еремей Фомичев нас никак не дождется.

Еремей Фомичев

Еремей Фомичев, высокий костлявый мужик с тонкими

поджатыми губами так и сверлил вошедших черными глазками.

— Поздно едешь, казак. Связался с бабой — дело побоку. Ну, входите уж, коли пришли.

— Ты что, всех гостей так привечаешь? — с любопытством спросил Иван.

— Кто чего заслуживает, так и принимаю.

— Такой, стало быть, провидец. А ошибок не случилось?

— Это с тобой-то ошибка? Слепой поймет, что за птица прилетела.

— Ну, и какая же я птица?

— Невысокого полета.

— Ясно.

— Слушай, хозяин, — будет тебе лаяться, — помолчав, миролюбиво заговорил Иван. — Мы устали, ехали всю ночь. Бой тяжелый приняли. Ты бы хоть сесть предложил.

— Предлагать я тебе ничего не буду: раз приперся, так и сесть можешь.

— На том спасибо. Сядь, Настенька.

— Настенька твоя могла бы постоять. Я казаков, а не девок к себе пушаю.

— Это моя жена.

— Знаем таких жен. За бумажками не лезь, им цена известная. Ты себе нарисуешь хоть сто бумаг.

Иван промолчал.

— Девка, значит, тоже устала? — спросил Еремей. — Ночь не спамши, принимала, небось, бой, — добавил он со скверной усмешкой.

Иван не выдержал. Он встал с потемневшим лицом и мрачно взглянул на хозяина.

— Ваня, не надо! — умоляюще крикнула Настя.

— Ох, напужали! Ваня, не надо! — передразнил Еремей. — Он, стало быть, мог меня порешить? Хрестьянина, который войску народному содействует! Казаков у себя принимает.

— Да как же ты нас принимаешь, когда ты есть даже не даешь?

— Жрите! — хозяин ткнул рукою в стол, на котором лежало полковриги черствого хлеба и стояла чашка с кислым молоком.

— А яишню ты бы нам не зажарил, хозяин? Вон у тебя куры под окном.

— Нет яиц. Не несутся куры.

— Ах, какая печаль! — вздохнул Иван. — У такого правильного хрестьянина, куры не несутся.

— Глупые шутки твои. Я правильный и есть. Не тебе чета.

— Где уж нам! — вздохнул Иван и, нагнувшись к суме, вытащил оттуда кусок сала.

Они поели сала с черствым хлебом. Настя откусила маленький кусочек и с трудом прожевала. Иван встревоженно смотрел на нее. Они запили завтрак кислым молоком, перекрестились и встали.

— Спасибо, хозяин, — сказал Иван. И просительно добавил: — Ты бы отвел нас теперь на сеновал. Правду говорю, две ночи не

спали.

Иван вспомнил, что Настя не спала уже вторую ночь. Сам он счет им потерял.

— Вы мне гадости про ваши ночи не рассказывайте, — поджал тонкие губы, хозяин. — А сеновала у меня нет.

— Как это нет? — удивился Иван. — Чем же ты лошадь кормишь?

— У соседа покупаю, — ехидно ответил хозяин. — А вы на лавке можете поспать, — добавил он. — Раз уж сели с девкой, не сприсясь, так и поспите, сидя.

Иван вздохнул и стал устраивать постель — кафтан под голову, Настин платок, кое-как пристроились на лавке: она, поджавши ноги, он — сидя. Непохоже было, что им удастся уснуть. Хозяин так и носился по избе и брунжал, как осенняя муха. Но усталость сморила — они уснули. Как видно, ненадолго, когда проснулись, на дворе стоял белый день. Хозяина в избе не было.

— Ну, влипли мы с тобой, девонька, — сказал Иван. — До вечера вряд ли дотерпим.

— Ваня, почему он такой?

Иван пожал плечами:

— Всякие есть люди. Злости много в нем. А тут еще и позавидовал: бобыль, вишь, как он живет — один, в неуют.

— Тебе жалко его? — удивилась Настя.

— Что такого жалеть? Противно.

— Но ты не убьешь его? — спросила она с тревогой.

— На черта он мне сдался? Он же переправу держит. Пускает к себе казаков. — Иван пальцами расчесал кудри и мечтательно произнес: — По морде влепить, однако, охота.

Дверь скрипнула, хозяин влетел в избу:

— Проснулись? Воркуете, голубки?

— Воркуем, — благодушно подтвердил Иван.

Еремей опять забегал по избе.

— Это надо же каких прислали! Воинство хреново. Бабу в портках привез.

Они молчали, надоело ругаться. А он все больше закипал.

— Я об вас начальству вашему доложу. Тебя как звать? Как твое прозвище?

— Не пугай, — отмахнулся Иван. — Ты поесть нам чего дашь, окромя этой корки?

— Тебя угостили, а ты хаешь еду. Не русский ты человек, не православный.

— Ты у нас святой. Не надо нас угощать. Я заплачу.

— Не возмьму я твоей платы. Ты думаешь, мне от тебя денег нужно?

— Вижу я, что тебе нужно. Языком трепать.

— Наглый ты. Влез в чужую избу и хозяина оскорбляешь. Нет, я дознаюсь, кто ты такой.

— Дознавайся, валяй, дознавайся.

Иван встал и пошел к дверям.

— Эй, куда попер? Вашему брату не положено дотемна из избы выходить. Ты мне переправу порушишь.

— Заткнись, — сказал Иван. Вышел из избы, прошел к полуразрушенной изгороди. Потом быстрыми шагами вернулся в дом. — Собирайся, Настенька. Едем.

— Да ты что? — Еремей бросился к дверям и заградил вход, раскинув руки. — Я начальству... Не положено...

Иван быстрым и легким движением его отодвинул. Они с Настей вышли и тут же стали отвязывать коней.

— Ваня, как же днем-то?

— Авось, Бог помилует.

Еремей метался в дверях, но во двор не вышел.

Они выехали на залитую солнцем деревенскую улицу. Уже за околицей Настя сказала:

— Я думала, он за нами побежит.

Иван усмехнулся.

— Я прижал его маленько в дверях. Есть прием.

— Сломал ему чего-то?

— Что ты! Ежели бы сломал, он бы верезжал, как свинья. Поболит немного, оклемается. Ну, дай Бог, не встренуть никого.

Они вихрем мчались по дороге.

* * *

Дорога, длинная, предлинная, прямая, как стрела, оказалась на удивление неопасной. Мужики, бабы, телеги. И лишь достигнув, наконец, поворота, они оглянулись напоследок и увидели далеко позади конный разъезд в чудной иноземной одежде. Разъезд, небось, тоже заметил их, скачущих, как угорелые, и обгоняющих неторопливых крестьян.

Но везет — так везет. Рукой подать от поворота начинался лес. Они влетели туда опрометью и валежник затрещал под копытами.

— Ваня, Ваня, как громко! Услышат.

Он засмеялся.

— Да ведь они еще далеко. Это хороший лес, здесь укрыться можно.

И в самом деле, проехав немного, они пробрались, то и дело отводя руками ветки, на маленькую полянку, со всех сторон окруженную неприступной чащей высоких кустов. Спрыгнув с лошади, Иван сел на траву.

— Здесь и передохнем. Садись, моя хорошая. Вот кафтан тебе подстелю.

Настя села. Тишина, покой. Поют птички. Травка мягкая, темно-зеленая. Настя стала рвать ее и кормить лошадей.

Потом Иван вдруг поднял голову и встал.

— Ну, пора. Пойду на разведки.

— Ты что-то услышал?

— Нет. Просто им пора уже добраться до поворота.

И сразу стало страшно. Как он пойдет по этим хрустким сучьям?

Как она будет ждать его, и обмирать от тревоги?

Пошел он, как всегда, совершенно бесшумно и вскоре скрылся из виду. Настя дрожащими пальцами поглаживала лошадей, разговаривала с ними, кормила тонкой мякотькой травкой. Ей казалось, время тянется бесконечно. Господи, неужели схватили?

Но вот ветки зашевелились и он опять перед ней с чуть насмешливой и ласковой улыбкой.

— Что, девка, натерпелась страху? Небось, думала, меня уж взяли в полон?

— Видел их?

— Удостоился такого счастья. Вояки хоть куда! Сперва топтались перед лесом. Потом послали троих. Повертелись малость у самой опушки, повернули и поехали назад.

— А ты где был?

— Я рядом стоял, посвистывал. Ну, ладно, ладно, пошутил, не рядом, в стороне.

— А сейчас что делать будем?

— Посидим с тобой немножко, и поедем искать тихий проселочек да маленькую деревушку. Да хозяина доброго или хозяйку. Еремеем я по горло сыт.

Петровна

Он как в воду глядел. Проселок оказался совсем рядом. И маленькая деревушка с прудом. Настя осталась у околицы, а Иван неторопливо прошелся по деревне. И нашел-таки особняком стоящий домик и старушку Петровну с милым добрым лицом, и такую нищету в ее избушке, что Настя шепотом сказала, когда хозяйка вышла:

— Как же можно доводить до такого? Разве люди могут так жить?

— Вот на то и бунт. Зверства много будет. Но ведь должен кто-то вступить и за таких.

Скрипнула дверь, — ох, как же все в этой избе скрипело, и обваливалось, — Петровна принесла лукошко с овощами.

— Отведайте, люди добрые, репка тут у меня, лук есть, огурчики. И лепешка вот осталась, не целая, уж простите, чем богаты, тем и рады.

— Богаты, да... — Иван глянул в лукошко. Лук был гнилой и вялый, и репка вялая, и два желтых больших огурца. — Богатство и впрямь. Небось, весь свой запас притащила?

— Нет, что ты, сынок, репы много еще, кушайте на здоровье.

— Спасибо, бабушка, — сказал Иван и надкусил своими крепкими белыми зубами дряблую репку. — Хороша! — сказал он.

Достал из кошелька пятиалтынный.

— Ты бы, Петровна, к соседям, может, заглянула, не продаст ли кто еще какой еды, окромя репки. Уж больно мы оголодали, я неделю с коня не слезал.

— Ой, что ты, что ты! — ужаснулась Петровна. — Да мне и сдачи не дадут с таких-то денег. Помельче не найдется ли? А уж я всего принесу и стоговлю. Мужчина, ясное дело, и мясца тебе, надобно,

и горяченького, да и питья, небось, какого. И жене твоей подкрепиться не грех.

Иван вынул пригоршню мелких монет, полушек, грошей, копеек. Пятиалтынный назад брать не стал: «Еще пригодится».

— Это ж надо, сколько денег-то! — охнула Петровна. — Щедрая, видать, твоя душа. Я мигом сбегаяю, сейчас вам наскоро чего-нибудь стготовлю, а уж завтра как след угощу, — и торопливо выкатилась со двора, только темненький платок мелькнул за оградой.

— Значит, вы ради таких несчастных подняли бунт, — сказала Настя. — А что, много их в каждой деревне?

— Хватает, — отозвался Иван. — Не у всех такая нищета, конечно, но и этаких немало. Многодетные, одинокие старики да хворые, да невезучие — пожар, скажем, случится, или коня уведут.

— Ваши и уведут, — нахмурившись, сказала Настя.

— Наши таких убогих не трогают, хотя, сволочь всякая попадается, у нас народ со всячинкой, пестрый народ.

— А еще я вот что тебе скажу, — добавил он. — Большая есть несправедливость, прямо душу жгет: то и дело крестьян вольных в крепость переводят. Царь батюшка надумает какого воеводу либо из придворных наградить, сразу: на тебе, голубчик, и леса, и земли, и все деревни, что на той земле стоят. Был еще вчера вольный мужик, мог жениться на ком хочет или переехать куда, а с нынешнего дня он раб бесправный. Одному твоему Матвееву надарено уж не сосчитать сколько.

Настя покраснела и сказала:

— Чего это он мой?

— Да и у вольных какие права? — буркнул Иван. — Разве может мужик с барином судиться?

Тут послышались поспешные шаги и влетела Петровна, уже не с лукошком, а с целой корзинкой.

Она тут же бросилась растапливать печь, загремела какими-то мисками. Иван выложил на стол остатки сала.

— И сальце есть! — возликовала Петровна. — Золотые гости у меня, сала-то ни у кого не нашлось нынче. А какая яишня без сала?

— Из чего ты ее жарить будешь? — удивился Иван. В отличие от Еремея Фомичева, у которого куры кудахтали прямо под окном, во владениях Петровны не слышно было никакой живности.

— Из чего? Из того, что купила, — задорно отозвалась Петровна. — Зря что ли ты мне денег целу гору отвалил? Побегала малость по соседям.

— Бабушка, а где тут можно умыться? — спросила Настя. Эту неизвестно с какой радости светящуюся улыбкой старушку так и тянуло назвать бабушкой, а не Петровной.

— Кадка прямо за избой. И водичка дождевая, уж такая мягкая, такая пахучая, дождик нынче ночью прошел. Мойтесь, милые, в свое удовольствие.

Они помылись из старенькой, вот-вот готовой развалиться, поросшей мохом кадушки, присели на трухлявое бревно и загляделись на роскошный закат, обливший золотом убогие двory

и избы.

— Деревенька-то из самых бедных, — сказал Иван. — Ты прислушайся, даже коровы не мычат. О! Где-то в том краю подала голос.

Настя положила ему голову на плечо. Ей хотелось плакать тихими слезами — от умиления, от нищеты этой, от доброты. Что он за человек, самый близкий ей на свете, на счету у которого много смертей? Его крепкая рука ее обнимает, а взгляд бродит по запущенному дворику, и она чувствует: завтра он возьмет топор — не головы рубить, подправить сколь возможно окружающий их развал. Головы рубить он будет позже.

— Вужинать пора! — оповестила их Петровна, вынырнув из-за угла.

Как успела, как сумела, в этой гибнущей деревушке, где даже коровы не мычат?

В большой сковороде скворчит яичница на сале. Свежая горячая лепешка, неожиданно из белой муки. Сушеная рыбка. Молодой лук, огурчики — все свежее, ярко зеленое. И даже крынка с молоком, неужто бегала на тот край, где мычала единственная корова?

— Коров у нас две, — объяснила Петровна. — Одна стельная, не доится сейчас, а молочко от козочки, тут есть неподалеку.

— Купишь себе козу, — строго сказал Иван, — денег дам еще.

— Да куда же больше! И так уж.

— Тебе бы лучше корову купить, но, боюсь, уведут, — проговорил он хмуро.

— Это беспреренно, — охотно и весело согласилась она. — В первый же вечер уведут. У нас коровы в редкость. Ну это ужин, так перекусить, а уж завтра будет вам угощенье.

— Что ты, бабушка, не надо, — испугались они.

Но она лишь головой помотала.

Она хотела их оставить в избе, самой же ночевать на сеновале, но гости настойчиво просились на сеновал.

— Так я рядом вам постелю хотя бы, у меня большое есть. При покойном муже еще ткала. Мы ведь тоже ночевывали на сеновале. Да! — вдруг осенило ее: — Ты, сынок, травы накоси по углам, все помягче будет, больно сено жесткое.

Зачем ей сено, кого кормить? Так, наверно, по привычке. А старушка уже потащила на сеновал старенькое, но действительно огромное рядно.

Иван не сразу ушел со двора, все бродил, ноги сами носили.

В полутемном сарайчике он увидел, как Настя старательно устилает травой и впрямь очень жесткое сено. Потом она начала сооружать нечто вроде изголовья, подмачивала в головах повыше. Выравнивала, расправляла рядно, чем-то осталась недовольна и опять принялась подгребать сено повыше.

«Это дом наш, — подумал он. — Наш первый дом, дай Бог, не последний. Она хозяйка в нашем общем доме. Устраивается моя пташка, вьет гнездо».

Яркая луна светила сквозь щели в кровле — в полутьме белело ее лицо и блестели глаза. Он обнял ее, поцеловал с нежностью.

Так хорошо и так не долго. «Но уж эта-то ночка наша, — подумал он. — Милая моя, хорошая». Он с радостной остротой вспомнил их свидания, горячие, огневые ласки, и сердце встрепенулось, заколотилось в нем.

— Завтра целый день тут проживем, — сказал он. — Где еще найдем такой покой? Да и бабушке помочь надо.

Она молчала.

Так хорошо им тут, так хорошо. Вдруг он почувствовал: хорошо и спокойно ему, а она, словно струна, натянута.

— Любушка моя, — спросил он. — Ты что, боишься меня?

Настя не ответила. Боится. Да и как ей не бояться? Старый я дурень.

— Не надо, моя лапушка, — сказал он. — Что ж ты думаешь, я так на тебя и наброшусь? Спи спокойно, отдыхай, и в голове не держи, что я тебя хоть пальцем трону, пока тебе страшно.

Нетерпение, поднявшееся было в нем, угмонилось. И она ощутила это, доверчиво пристроилась с ним рядом, закрыла глаза.

Он проснулся на рассвете. Настя не спала, облокотившись о «изголовье», она глядела на его лицо.

— Ты что, вовсе не заснула?

— Нет, я недавно проснулась. Вот гляжу на тебя и так мне славно.

Он повернулся к ней.

— Я думал, сутки могу проспять. А спать совсем не хочется.

— Мне тоже.

Заснули они уже при ярком солнце, неожиданно. Казалось, прикорнули на минутку. И так и провалились в счастливый крепкий сон.

Петровна встретила их весело.

— Как раз к обеду успели. Умывайтесь, я пойду вам на стол соберу.

Удивила бабушка. На столе стоял чугунок — горячие щи с бараниной. И снова свежая лепешка, и сметана в почерневшей деревянной чашке.

— Знато, — сказал Иван.

После обеда они с Настей посидели немного на солнце, а потом он взялся за топор, за молоток да за пилу. Поднял совсем просевший край избышки. Подправил изгородь, кольев откуда-то принес и наконец полез на крышу.

Настя мыла, выскребала избу.

Петровна металась да охала.

— Это что же вы за люди-то такие! Это мне Господь вас прислал.

И неожиданно заплакала — вспомнила то время, когда не была она стара и одинока.

— Бабушка! — окликнул ее с крыши Иван. — У вас в деревне не продаст мне кто телегу?

— Нету, милый, — отозвалась она. — У кого есть, так одна. У

Галкиных две, да им две и нужно.

— А можно где-нибудь купить неподалеку?

— В Городище езжай, сынок. Это к нам самый близкий город. Я дорогу покажу. Там спросишь Лыковых, у них чего только нет.

— И одежду разную купить у них можно?

— купишь, у них все продается. Ты что сейчас прямо поедешь? А то заночуйте.

— Я вот тоже думаю, надо бы заночевать. Ляжем пораньше, и поедем на рассвете.

Когда Иван подлатал крышу, он позвал Петровну в избу. Прибавил ей мелких денег и дал несколько рублей.

— Деньги спрячь и никому про них не говори, — сказал очень строго. — Даже мелочь не показывай. Где коза у вас продается? Я сейчас с тобой схожу и сам ее тебе куплю. Потом к старосте зайдем, я дам ему денег и велю смотреть, чтобы тебя не обижали.

— Деньги-то он возьмет... — подтвердила Петровна. — А уж насчет заступы...

— Ничего, я с ним поговорю. Деньги эти спрячь, закопай лучше. Это на самый крайний случай, ну, скажем, тебя в крепость будут забирать. Откупишься. Староста, я думаю, поможет, я с ним как след поговорю.

— И, сынок, лучше в крепости жить, чем помереть наглою смертью.

Иван нахмурился. Пожалуй, права старушка. Как бы не случилось с ней от его помощи какой беды.

— Деньги спрячь и никому не показывай.

— Нет, сынок, ты лучше мне их не оставляй.

— А голодать будешь? Сходила б в город, чего либо купила.

— Не надо, боюсь я. Ты мне и так уже много помог. Избу починил, накормил досыта. Козочка, вот будет у меня.

Жизнь проклятая. Помочь нельзя человеку. Такой нищей могут позавидовать даже на крынку козьего молока.

* * *

На сеновал они забрались рано.

— Ты думаешь, на телеге легче будет добираться?

— Я тут придумал кой-чего. Преподобный отец Павел, благодарный за пожертвование, мне столько бумаг настрочил, не считая самой главной, где стоят наши настоящие имена и звания...

— Ты ему свое звание открыл?

— Да велико ли мое звание? Казак.

— Он, верно, догадался, что ты не простой казак.

— Он, верно, и о том догадался, что ты не мелкая помещицкая дочка.

— Мелкая дочка! Да я выше тебя ростом.

— Вымахала! Ан, все же не выше. Давай померяемся.

— Давай!

Они прыгнули по пол и стали к друг другу спиной.

– Маленькая, маленькая! – засмеялся Иван. – Может, подрастешь еще.

– Не хочу я! Хватит, – жалобно сказала Настя. – С детства дразнят «Коломенской верстой». А мачеха шипела: «Великанша». Не хочу я, Ванечка, быть выше тебя.

– Ну раз с детства сразу вытянулась, сейчас, перестанешь. А мне нравится. Высокая моя атаманша. Всем взяла – и красотой и статью. И умница.

– Трусиха – твоя атаманша. Куда мы едем? К Дону?

– Да нет, свернули. Небось, в Астрахань, либо в Царицын. На Волгу, Стеньку будем искать.

– И зачем его искать, себе на погибель? Бросит он меня в эту Волгу или тебе велит.

– Так я его и послушал.

– Ваня, а это правда, что он утопил княжну?

Он поморщился. Они снова уже взобрались наверх.

– Такие дела затеваются, – задумчиво произнес Иван. – Богу, небось, и то неведомо, что будет с нашей Русью. А Русь одно твердит – все про персидскую княжну.

– Господу все ведомо. Он может не сразу вмешаться в людские дела, но руку Его мы почувствуем. Да ты что не отвечаешь? Утопил он ее? Говорят, друзья его потребовали, он и бросил ее в воду.. Ты там был среди этих друзей?

– Ох, лихо! Уже осерчала. Ну, скажи, похоже это на меня горланить, чтобы человек любовницу свою порешил?

– А они горланили? Ну, расскажи, как было.

Иван снова поморщился.

– Видно, не избегнуть. Больно любопытна. Ты ж потом бояться будешь, как я расскажу, а бояться тебе нечего. С корабельщиком мы сидели, мели отмечали на карте. Слышу, орут они у Стенькиного шатра. Он шатерчик себе велел на струге поставить. Ну и времени счет потерял с красавицей своей.

– Она очень хороша была?

Он задумался на миг.

– Редкостно красива. И, видать, полюбила его.

– Редкостно красива, – печально повторила Настя. – Я, небось, после нее дурнушкой кажусь.

– Не сравнивай ты себя с ней. Так и знал, что будешь сравнивать. Ну, красивая, а что толку? Дура была. Людей не видит, будто их и на свете нет. Слова никому не скажет, не здоровалась даже. Как кого зовут не знала. «Стенька... Стенька!..» Только и твердит. И глядит на него черными гляделками, как на икону. И он размяк.

– Он тоже полюбил?

– Про него это слово сказать трудно. Не такой он человек, как все. Ну, в общем, да, пожалуй, полюбил, в то время. Тоже глядел на нее ух, какими глазами! Да ты слушай, я, стало быть, с картой сижу, вдруг слышу: крик, ну, прямо рев какой-то. Ну, думаю, разгорячились казачки, неужели же в шатер поперли? Выскочил

на палубу, а там тишина. Все молчат и рты поразевали. А Стенька, он же здоровенный такой, стоит и держит ее на руках, как младенца. И она, как зачарованная, на него глядит.

И тут он заговорил. А говорить он мастер. Сила какая-то у него в словах, многие слушаются его беспрекословно.

— И ты тоже?

— Силу чувствую, — подтвердил Иван. — А чтоб слушаться — нет. Я по своему разумению поступаю. На плечах у меня голова, а не тыква. И не больно я послушный. О! Наградила, словно за подвиг. Дай-ка и я тебя поцелую. Давно бы мы целовались с тобой, право, лучше, чем страсть эту рассказывать. Да уж дослушай.

Он, смекая я, понят: не жить княжне. Но уступать крикунам невместно. «Псы вы, — говорит, смрадные, я женщину эту люблю, и чтоб я ее вам на растерзание отдал?! Она лучшей участи достойна, высокой». — И от казаков к реке повернулся, с ней теперь говорит: «Волга-матушка, кормилица моя! Щедро ты меня осыпала удачей и дарами, золотом и серебром, честью и славой наделила. Я неблагодарным быть не хочу. Отдарю тебя самым дорогим, что имею». Размахнулся, да как кинет свою княжну, прямо в волны. Все так и взвыли.

Побарахталась она там, бедолага, плавать не умеет, да и не дали бы ей спастись. Волосы черные на воде мелькнули. Вот тебе и сказочке конец.

— Тебе жаль ее было?

— Ну, как жаль? Вобщем-то она сама на это напросилась. Говорю, по глупому себя вела. Это правда, не виновата она, конечно, что Бог не дал разуму. На моих глазах столько невинных погибло. Всех не пережалеешь. Но такое вот только со Стенькой могло случиться. Так и стоит перед глазами, словно колдун какой жертву приносит.

— А может, он и вправду колдун?

— Я не знаю, как это назвать. Сила в нем огромная.

Он помолчал, потом сказал задумчиво:

— Но бывает и в других проявляется сила. Даже ты вот, девочкой еще разогнала целую шайку. И в Глухове с казаками, я же видел: сила какая-то тебя так и несет.

— Да, сама не понимаю — что-то подхватывает вдруг, как волна.

— И сейчас подхватит, когда нужно будет. Я на это надеюсь. Ведь виноват я перед тобой, потащил неведомо куда. Но не могу я без тебя, солнце не светит.

— Вот и я так. Как подумала тогда, что ты без меня уехал, такая тоска навалилась.

— Грустные какие-то у нас разговоры. А ведь вспомним мы еще не раз наш сеновал.

— Ваня, погоди. Ты про меня говорил. Но ведь в тебе самом какая сила. Разину противоборствуешь.

Иван нахмурился.

— Что тебе вздумалось такое? Мы с ним соратники, а не враги. Этакое дело заварили. И ты это помни и нам помогай. Хотя бы

ради этой бабушки, что нас приютила. И не бойся. Ты умница, постоишь за себя. А уж я за тебя постою... подумать страшно.

Ну, подойди ко мне, хорошая моя. Что-то мы все не то говорим.

– Страшно, потому и говорим.

– Милая, ну как мне тебя успокоить? Сам извелся страхом твоим. А ведь я всю жизнь так живу. Мальчиком ушел из дому и другой жизни не знаю. И не понимаю, как все время в одном доме жить, со смертью в жмурки не играть, по краешку не ходить, опасности не подвергаться. Это все равно, что не дышать. Вот осталась бы ты у своего папеньки, мачеха тебя бы давно извела, так бы ты там и зачахла с веревкой на шее. А здесь ты вольная, красивая, смелая, живешь в полную силу. Мужа по себе нашла, мы оба, как в огне горим. Кто тебя так целовать и любить будет и кого ты станешь так любить? Разве ты захочешь не со мной обниматься, а чтобы какой-то боров рядом с тобой храпел? Мы с тобой счастливые, мы нашли друг дружку, нам редкое счастье выпало, но не случайное оно. Ты не побоялась из дома бежать и за мятежного атамана выйти. Вот и не бойся ничего, такая уж наша судьба: не на привязи быть, а на воле, любить друг друга и страха не зная.

Наконец-то он, казалось бы, все слова нашел, и позади остались страхи. Но прошло немного времени, и он почувствовал в ней боязнь.

– Милая, – сказал он удивленно. – Ты вроде бы стыдишься меня?

– Да, – шепнула она.

– Так что ж не сказала? Ну, не буду я, не буду так.

– Почему?

– Да ведь говоришь, тебе стыдно, нехорошо.

– Ванечка, я сама не пойму. Стыдно – да. Но «нехорошо» я не говорила. Слов нет – как хорошо.

Никогда с ним не было такого. Мальчиком ушел в разбойничью шайку. Каких девок, каких баб он встречал... Знался он и с барынями. И хотя был горяч и красив, но за весь свой богатый мужской опыт ни разу не ощутил этой острой нежности. У него кружилась голова.

Ночь эта, пылкая, страстная ночь, отгорела, как пожар, а утром, нежные, усталые, тихие, они уснули, прижавшись друг к другу. И никто их не будил. А когда, выйдя из сарая, они увидели, как высоко стоит солнце, то не почувствовали ни тревоги, ни страха. В любое время суток они встречали разъезды и уходили от погони. А один раз даже вступили в бой.

– Может побудете пока не стемнеет? – спросила Петровна.

– Нет, бабушка, что ж нам ночью в Городище вашем делать, нам же телегу надо покупать. Не будем же мы всю ночь верхом по улицам ездить.

– И то верно, – согласилась Петровна и видно было, что она привыкла к ним и ей жаль с ними расставаться.

И им было жаль.

— Надень хорошее женское платье, — сказал Иван. — Если останутся, — он помахал бумажкой, — скажешь, что ты барышня из под Калуги, родители умерли, ты едешь к тетке в Царицын, а я твой крепостной.

— Господи, да отчего же крепостной?

— Так лучше будет. Поменяем бумажки. Как мужа с женой нас тут уже не раз встречали.

Петровна плакала, прощаясь с ними. И Настя всплакнула и думала она, что как ни хороша вольная жизнь, а хочется ей покоя, видеть каждый день Ивана и никуда не нестись. Ей казалось, чего-то подобного хочется сейчас и ему.

И снова скачут они под жарким солнцем по дороге. Здесь было теплей, чем под Москвой.

Дважды их останавливали разъезды и Настя тут же начинала плакать — не от притворства, а оттого, что живого папеньку она называет умершим, а любимого мужа — своим крепостным.

Молодой начальник первого разъезда только глянул в ее полные слез глаза и сразу отпустил.

Второй — десятник, построже, постарше, побряхтел, повертел в руках бумажку, спросил, отчего ее поп писал да к тому же еще не калужский поп.

— Он знакомый наш, — сказала Настя, — мы его давно знаем, я отпевание заказывала ему и причастилась.

— Вот и пожили бы у него, — сказал десятник. — Что ж ты едешь в такое время прямо к черту в пасть?

— Ну, как же можно у чужих людей? Ведь мы им не родные. Да они и не приглашали нас.

— Все лучше, чем Царицын. А ты причастился? — строго спросил он Ивана.

— Удостоился благодати, ваша милость, — смиренно ответил тот.

Начальник разъезда покашлял и вернул наконец бумагу.

Больше их никто не останавливал. В Городище они приехали в конце дня. Петровна знала, что говорила. У купца Лыкова нашлась и телега, и одежда для коробейника и подходящая одежда для его жены. Иван вытащил новую бумажку, эту он выправил еще в Москве перед самым появлением Михаила, когда, казалось ничто не мешало им обвенчаться у знакомого попа и спокойно отправиться в путь.

Снова они назывались мужем и женой. Едет в телеге мелкий торговец с женою в гости к ее родителям. Купили и товары у того же Лыкова, но торговать ими не собирались. Заночевали они на постоялом дворе.

А с утра потрусили в телеге скромно одетые молодые супруги. Их в самом деле останавливали очень редко, а остановивши, легко отпускали.

Они проделали уже довольно большой путь и только раз попали в переделку.

Как-то днем посреди дороги появился большой отряд рейтаров.

Они останавливали и прохожих и проезжих, придирчиво расспрашивали, требовали пропусков или иных свидетельств и отпускали очень немногих.

Большую часть телег, пеших путников и верховых рейтары загнали в огромный пустой двор, огороженный высоченным забором. Солнце палило сильно — они уж далеко продвинулись на юг, да и лето приближалось. Иван соорудил навес из кусков тканей, которые они якобы собирались продавать.

Рейтары, караулившие у ворот, на вопросы отвечали кратко: «Завтра узнаете».

Бабы плакали, кричали, метались. Встревоженно галдели мужики. Одна Настя спокойно сидела под своим пестрым навесом и поглядывала, как Иван бродит по двору — то подсядет к кому-нибудь, то отойдет; вот мужики галдят, собравшись в кучу, руками машут, он постоит, послушает и снова ходит. Иногда вступает в разговор.

К вечеру он вернулся к телеге.

— Ну что, женушка, сварила обед?

— Сварила, — ответила Настя и вытащила хлеб, полоток, огурцы и кувшинчик с квасом.

Поели, ловя на себе удивленные взгляды. Удивляло их товарищей по несчастью не то, что они едят. Ели многие. Но казалось странным их спокойствие, уютный вид телеги под ярким навесом.

— Ты не устал? — спросила Настя. — Весь день под солнцем бродишь. Что-нибудь выходил?

— Выходил, — ответил Иван. — На всю эту ярманку сыскалось двое толковых мужиков. Сейчас передохнем, а ночью... Ночью что-то будет. Да, телегу надо бы передвинуть. Неудобно стоит.

Он попросил соседей подвинуться.

В полночь он вылез, велел Насте быть в надежде и никуда не отходить. И двинулся между телегами своим бесшумным шагом. Вернулся он с двумя крепкими молодыми мужиками.

— Вот мои новые помощники — Ермил и Пантелей, — сказал он Насте. — А это, братцы, моя жена Анастасия. Сходи-ка, Настенька, к воротам и погляди на караульных.

Настя отправилась в угол, куда ходили за нуждой, возвращаясь, прошла близко от ворот и сказала, что караульных трое. Двое спят, один сидит с пицалью, прислонившись к забору спиной.

— Ну, пошли, ребята, — сказал Иван и скользнул в темноту.

Как выяснилось позже, Иван с помощью своих подручных влез на забор и втащил их наверх. Он бесшумно, словно кошка, прыгнул вниз и помог им спуститься. Подкрался к караульным, оглушил неспящего, всем заткнул кляпами рты, мужики тем временем их связали. Иван сбил замок прикладом пицали и широко раскрыл ворота.

Потом он и его помощники кинулись к своим телегам. Иван вылетел в ворота первым, громко крикнув: «Беги!».

Поднялся шум, суета, телеги, наталкиваясь друг на друга,

устремились к воротам. Из домика, служившего казармой, выбежали полураздетые рейтары и принялись стрелять по беглецам.

Иван с Настей, которые мчались по дороге первыми, даже выстрелов не услышали. Благополучно спаслись от погони и оба его помощника, Ермил и Пантелей.

Спаслись многие, но не все. Иные так и не успели выехать со двора в толкотне. Отъехавших недалеко задержали. И нескольких человек заделали пули. Двоих насмерть — старичка и молодую бабу, мать троих детей. Мужик, получивший тяжелую рану, не смог править и телегу его вернули во двор. Остальные раненые предпочли лечиться дома.

На следующий день Иван и Настя слышали по дороге рассказы о том, как на караульных рейтаров напали разбойники и выпустили на волю половину схваченных на дороге подозрительных людей.

И снова едут молодые супруги, не продавая свой товар, а на дороге делается просто жарко и все меньше встречается разъездов и все больше казаков.

Услужливый воздыхатель

И вдруг дорога заполнилась мундирами.

— Тю-тю-тю, — сказал Иван. — Похоже, наши близко подошли, где-то бой тут затевается. Перебежать к своим что ли? Так ведь неизвестно, где он этот бой и, главное с кем. Еще такого союзничка себе на шею посадишь.

Он задумался. Громко стучали копыта — мимо проезжал драгунский полк.

— Вот что, Настенька, — сказал Иван. — Надо нам опять переодеться. Снова ты будешь барышня, а я крепостной. — И он вздохнул так тяжело, словно и впрямь шел под чью-то помещичью руку.

— Зачем это? — спросила Настя.

— А затем, — сказал он, — что поедем мы с каким-нибудь отрядом. Завтра скинешь свой бабий платок, из которого только нос торчит, наденешь красивое платье, и какой-нибудь молодой сотник заметит тебя и пожелает защищать, и продвинемся мы с ними безопасно и быстро до тех пор пока они не свернут в ту сторону, где им надо сражаться.

Утром Настя восседала на телеге в дорожном синем платье, зная, что от этого еще ярче синеют ее глаза, уложив вкруг головы косу и покрыв ее белой кружевной косынкой. Щечки чуть подрумянила, очами так и стреляла на обгонявших телегу военных людей.

Иван вырядился в такое отрепье, что Настя только охнула.

— Ты что ж хозяйку-то позоришь, дворовый человек, — спросила с укоризной. — Скажут, барышня какая жадная, для слуги кафтан приличный пожалела.

— Ничего, довольны будут, еще похвалят тебя — мол, хорошая хозяйка, деньги на слугу зря не тратит.

— Ты за словом в карман не полезешь, на все есть ответ, —

сказала Настя. — Нет того, чтобы помолчать, да послушать, что барышня говорит. Смирения в тебе нехватает.

— Прости, сударыня, за вмешательство, — заговорил ехавший рядом молодой, высокий и дородный офицер. — Я нечаянно услышал твои слова. Позволь мне предложить свою помощь. Такая юная особа путешествует одна, и вынуждена, как я понял, слушать дерзости. Ты изволила сказать своему вознице, что ему не достает смирения. Я берусь его этому свойству поучить. У меня в отряде есть отличные учителя по этой части. И плетки добрые найдутся.

Настя похолодела.

— Ах, что ты! — вскричала она и заиграла глазами. — У нас в семье это не принято. Мы привыкли сами справляться с нашими людьми.

— Но ведь ты же сейчас не в семье, сударыня, а твой дворовый своей наглостью напрашивается на порку: я просто долгом своим почитаю оградить тебя. Вкатим пятьдесят плетей, он впредь не помыслит нагличать.

Офицер, слегка склонившись, заглянул ей в лицо, полагая, что наконец-то убедил ее, и от изумления чуть не разинул рот. Простодушная барышня, по доброте душевной не позволявшая ему выдрать своего слугу и бросавшая на него приветливые взгляды, вдруг исчезла. На телеге сидела совсем другая особа. Прежде всего, она была выше ростом, чем та славная простушка. А выражение лица, а взгляд! Синие глаза глядели холодно, высокомерно. Лицо строгое, казалось, лишь из гордости, она не обрушивает на него свой гнев.

— Благодарю за добрые намерения, сударь, — ледяным голосом произнесла она. — Но не стоило столь настойчиво навязывать мне свою помощь. Я, благодаренье Богу, могу постоять за себя и сама.

«Да уж, это видно, — подумал офицер. — Эх, я влип-то. Чудеса какие. И как это она преобразилась в один миг?»

— Прошу прощения, — пробормотал он хмуро. — Я не собирался тебя оскорблять.

Девушка милостиво кивнула:

— Я так и поняла, что намерения у тебя были добрые. Забудем это неприятное недоразумение. Кстати, мы даже еще незнакомы. Меня зовут Марья Филипповна Загорская. Мои покойные родители владели имением в двадцати верстах от Калуги. Они скончались совсем недавно: батюшка от удара зимой, а маменька всего месяц назад, — сказала она серьезно с приличной грустью. — Я осталась совсем одна и решила поехать к тетушке в Саратов. — Настя помнила, что по поводу Царицына один офицер уже заметил, что она едет «к черту в пасть». — А я с кем имею честь беседовать?

— Демьян Демьянович Шорин, — сказал офицер. — Ты, стало быть, сирота, сударыня. Прими мои соболезнования. Только зря ты в Саратов едешь, самое змеиное гнездо.

Он хотел отъехать в сторону от своей странной попутчицы, но что-то в ней притягивало его. Разговор с ней оказался занимателен, она была несомненно умна, и беседовала с ним дружелюбно, но

глазами больше не играла и простушкой не казалась.

«Странно все это — думал Шорин. — Право, что-то тут не так. Зачем она заигрывала со мной, эта гордячка? И что заставило ее так резко измениться? Непонятно».

«Ах, Настенька, ах, умница, — с восхищением думал Иван. — Как ловко развязала узелок! Просто чудо. Прирожденная лазутчица. И сейчас не отпускает его. Это правильно. Но долго ли мы эту игру выдержим?»

Сотня остановилась на обед. Шорин холодно пригласил Настю откусать с ними.

— Этого там накорми, — сказал он своему стремянному с неприязнью указав на Ивана.

Молодые офицеры, приятели Шорина, убежденные, что он добился успеха у хорошенькой синеглазой девушки, с удивлением заметили, что ничего такого нет и Шорин держится с ней напряженно и сухо.

Что касается самой девицы, то она очень понравилась всем.

Во время обеда Настя разговорилась с полковником и у них оказались общие знакомые в Москве. На полковника произвело большое впечатление, что Марья Филиппьевна даже немного знакома с князем Татиевским и с искренней приязнью о нем говорит.

К концу обеда, когда Настя и полковник сидели увлеченные беседой, к нему подвели лазутчика.

— Рассказывай, — распорядился полковник. — Эта барышня — своя. Пожалуйте сюда, господа офицеры.

— Да что рассказывать, — махнул рукой лазутчик, грязный и смертельно усталый. — От дороги они верстах в тридцати. Только южнее. Впереди казаков человек сто, эти движутся быстро. А уж мужиков за ними — несть числа.

— Хорошо бы перехватить этот передовой отряд, — сказал немолодой высокий полуполковник. — Только надо бы с дороги сойти, как бы местные мужики к ним не пристали.

— Сейчас рано сходить с дороги, — возразил полковник. — Далеко отсюда постоялый двор?

— Верст десять.

— Туда доберемся, — сказал полковник. — Дай Бог, успеть до дождя. Дадим солдатам выспаться, а на рассвете выйдем им навстречу, уж больно густо тут деревни стоят. Кто у них атаман, как прозвище?

— Какой-то Мишка. Да у него не больше ста человек.

— Вот война дурацкая, с Мишками воюем. Это вам не польская кампания, где одни паны. Сто казаков, мы конечно, одолеем. А мужики рассеются, они ведь за казаками идут.

Тут Настя поймала на себе очень внимательный взгляд своего утреннего знакомого Шорина. Но лицо ее не выражало любопытства, только грусть. Совершенно искреннюю грусть, ибо Настю удручали кровопролития.

Полковник предложил ей сесть в закрытую коляску с лекарем

и очень хорошо сделал, ибо вскоре хлынул дождь.

Иван поехал один на телеге и от войска не отставал.

На постоялом дворе все принялись сушиться и чистить оружие. Полковник велел как можно раньше лечь спать, повторив, что выступают на рассвете.

Насте отвели какой-то чулан, и Иван понес туда теплые платки и подушку и сразу ушел. Он появился часа через два, когда все спали. Они сидели в темноте, и она шепотом рассказывала все, что узнала.

— Мишка, Мишка — пробормотал Иван. — Молодой, и отряд не велик. Эти-то все прут да прут. Предупредить бы его, да ведь отсюда сейчас не выйдешь, кругом солдаты.

Он вдруг вскочил и бесшумно метнулся к двери. Приоткрыл ее. Настя услышала какой-то странный звук, потом с грохотом упало тяжелое.

— Воздыхатель твой подслушивал у двери.

— Ты убил его?

«Вот пристала. Как же можно его не убить, если он в любой миг их выдаст и обоим придет конец. Дуриком он никого не убивает. Сколько вытерпел от этой сволочи с утра. Но Настина и своя жизнь дороже, чем этого надутого индюка, который так ее уговаривал чуть не до смерти забить плетью строптивного слугу. В калеку-то уж точно бы превратили ихние заплечных дел мастера».

— Оглушил, — сказал он сердито.

Но Настя дурой никогда не была.

— Ты убил его, И правильно сделал. Иного выхода у нас не было. Он подозревал меня. Куда бы его оттащить от нашей двери?

— Только сюда, — отозвался Иван.

Он втащил в чулан тяжелое тело. Затер перед дверью кровь.

— И долго мы с ним тут пробудем? — спросила Настя. — Его же хватятся. А может, он кому-то успел рассказать?

— Нет, навряд ли. Сюда бы уже пришли. Самое милое дело было бы удрать. Накроемся попонами и деру. Авось, не растаем. А с караульными что делать?

— Оглуши!

— Хитра больно. Их там знаешь сколько. Да и кругом войска. Не выйдет нам бежать. Надо спрятаться где-то.

Он пододвинул труп к стене, прикрыл тряпьем. Потом вышел.

Настя сидела, съежившись, на лавке. Пахло кровью. Ах, как славно было все с утра. И что этот болван пристал со своей поркой? Жестокий он человек.

Внезапно пронзительный, леденящий душу свист разорвал тишину ночи. Настя тут же схватила платок, вылетела из чулана и стала пробираться к выходу.

Постоялый двор гудел голосами: «Кзаки! Уже тут! Где свистели? Да разве поймешь! Мне показалось, чуть ли не в доме. Всем строиться! Выходить с оружием! Десятники, выводить людей!»

И тут же с дальнего края двора опять раздался этот жуткий свист.

— Сюда, ребята! — крикнул где-то в стороне хриплый голос.
— Они тут тепленькие, спят. Всех возьмем!

Со двора то и дело раздавался устрашающий разбойный свист. Кто-то еще подсвистывал — не так жутко.

Настя остановилась в освещенных дверях. Иван свистел со двора. Надо, чтобы он ее увидел. Ее толкали в спину.

— Чего встала? Отойди, дай солдатам пройти, бестолковая.

Наконец ее вытолкнули из дверей. Она медленно двигалась, прижавшись к стенке. Потом ее руку схватила теплая, знакомая рука. «Пошли, пошли, милоч! Тут две хорошие лошадки. Прыгай, прямо без седла!» Лошади взвились под незнакомыми седоками, но седоки сумели их удержать. «Держись за гриву. Тут пролом в заборе. Ну — ходу!» Они выехали со двора и стали пробираться к дороге. «Коленками, коленками нажимай! Может, пересядешь ко мне, вдвоем поедем?» «Ничего, я справлюсь».

Сзади доносились голоса: «Где же эти свистуны? Послушайте, да нет никого! Ведь казаки должны появиться. И свист прекратился».

Вот она наконец дорога. Иван гикнул, кони понеслись.

Их топот был услышан: «Лазутчики тут были! Слышишь, двое лошадей. Догнать что-ли? Да где их поймаешь! Ишь несутся-то во всю прыть».

Полковник решил, что раз уж все проснулись, надо собираться. Тем более, только что во дворе побывало двое лазутчиков.

Никто не обратил внимания, что на дворе среди телег осталась та телега, где ехала синеглазая барышня. Но заметили наконец, что исчез куда-то Шорин. Тут вспомнили, что и барышня исчезла. Впрочем, полк уже двигался на встречу с противником. Двое офицеров, лишившиеся лошадей, уехали на лошадях Ивана и Насти.

Наутро хозяева нашли в чулане, где ночевала красивая барышня, труп заколотого ножом офицера. Тут вспомнили, что он не спускал с нее глаз. Значит, и вправду уговорил. А лазутчики, свистевшие то во дворе, то в доме, небось, наткнулись на любовников и зарезали офицера, а девку с собой увезли. Очень красивая была девка и речистая такая. Вояки так и ели ее глазами. Понравилась, небось, и казакам.

* * *

Рано утром в лесистом овраге, расположенном неподалеку от небольшого городка, сидели на мокрой от росы траве Иван в отрепьях и Настя в порядком запыленном синем платье. Рядом паслось двое красивых, но чужих и непривычных лошадей, к тому же неоседланных.

— Что грустишь, моя красавица? Ушли от смерти. Выскочили чудом в последнюю минуту. Радоваться надо — жизнь подарена нам.

— Рыжика жалко, — тихо ответила Настя.

— Коня жалко, это я понимаю. Тем боле это первый твой конь. А еще о чем горюешь? Не о своем ли воздыхателе?

— Ну его к бесу, — отмахнулась Настя. — Подарки твои пропали, что ты на праздники мне дарил. Все пропало — и свидетельство о венчании, и телега, и подушки, и одежда. И даже кони эти чужие, неоседланные стоят.

— Ничего у нас не пропало, чтобы в такую горесть впадать, — сказал Иван. Он порылся в своих отрепьях и достал шкатулку. — Подарки мои целы — на, гляди! — Настя, как зачарованная, смотрела на засверкавший на солнце жемчуг. — Бумажонки, что поп нам выправил, и прочие, тоже целы. Денег, правда, нет — все отдал на постоялом дворе работнику, чтобы он помог мне кутерьму эту устроить, дыру в заборе выломал и лошадок придержал. Ну, деньги — дело наживное. А я схожу на промысел. Надо нам с тобой поесть.

Настя так обрадовалась свидетельству о венчании и подаркам Ивана, что сразу заулыбалась.

Он пришел через час с небольшим, принес пирожков с мясом, сбитень в горшочке и какой-то узел. Как оказалось, это была одежда мелкого купчика с женой.

— Ваня, ты кого-нибудь ограбил или обворовал?

— Глупости какие. Купил за наличные.

— А наличные откуда взял?

— Ну, наличные, допустим, я без спросу взял. Жаль мало. Надо еще на промысел сходить.

— Ваня, тебя схватят.

— Еще накличешь. Ты лучше переоденься.

Переоделась она с удовольствием. На синее платье не хотелось смотреть.

Днем он снова ушел, к величайшей ее тревоге, и вернулся с конской сбруей и едой.

— Ну, верхом уехать уже можно. Жаль телеги нет. Но у нас ночь впереди.

Насте хотелось тяжело вздохнуть, но она удержалась. Утром сидела здесь всего лишенная, а сейчас уплетает очень вкусное жареное мясо с хлебом и у них и вправду уже почти все есть.

— Добытчик, — сказала она и посмотрела на него с усмешкой.

— Признала, наконец. Добытчик я и есть. Такое мое ремесло.

Ночью они уехали на телеге, на дне телеги была солома, покрытая мешками. Настя лежала, глядела в небо и удивлялась его красоте — черное, бархатное, а звезды такие большие, так и сияют россыпью, не бывает в Москве таких звезд.

— Как же ты, друг мой, такой атаман знаменитый, — спросила она то, что давно уже хотела спросить, — позволил дочиста себя ограбить работнику, простому мужику?

— В клещи взял, — сказал Иван. — Деньги у меня все в одном кошельке были. Я говорю: «Заплачу», а он: «Все отдай до полушки, не то закричу». Я говорю: «Убью тебя, скотина, и другого найму», а он ржет: «У нас все такие». Это правда, милая, на постоялых

дворах сплошь и рядом разбойники — и хозяин и люди.

Дальше ехали спокойно, дождей нет, солнечно, жарко. Луга зеленые, а на лугах — цветы. Яркие, южные, все здесь красиво — и на небе, и на земле.

Настя сидела теперь не на мешках, а на пристойном покрывале, еда — хорошая. Синее платье она постирала и высушила на жарком здешнем солнышке.

На дорогах мужики да станишники, этих с каждым днем все больше. Настя понимала: захоти они сейчас, могли и в красивое платье одеться и не на телеге ехать, но Иван не хочет ее огорчать и почти не занимается своим добычливым ремеслом.

«Он хороший, — думала она, — меня жалеет. А я чем лучше — сидела голодная во рву, еще как обрадовалась ворованным пирожкам, и чужой телеге и чужой одежке. К исповеди схожу беспременно и покаяние принесу: шестую заповедь нарушала, а может быть, и восьмую. Кто ж его знает, как он добыл телегу и сбрую. Молебен батюшке закажу за душу раба Божьего Ивана. Господь простит его. А может, не простит?» Ей вспомнилось лежащее под тряпьем мертвое тело Шорина, запах крови. Свою жизнь спасали, а цена — чужая жизнь. Иван говорил, на счету его много жизней, и не всех он погубил, спасая себя. «Отмолю, отмолю беспременно. За Петровну многое простится ему».

Такие мысли приходили и уходили. Больно уж вокруг было тепло и хорошо.

Мартын Голубченков — веселый попутчик

В небольшом городишке на речке, впадающей в Волгу, они с Иваном зашли в лавку купить хлеба, а когда вышли из темной лавки на яркий солнечный свет, на Ивана вдруг обрушился огромный казачина:

— Атаман! Вот встреча! Сто лет тебя не видал. Ты, говорят, в Москве чуть не два года прожил. Правда?

— Здорово, Мартын, — весело отозвался Иван, — давно не видались. Рад тебе, приятель, очень рад.

Казачина полез обниматься. Иван не препятствовал. Тоже обнял верзилу.

— Что за девка с тобой? До чего хороша!

— Жена моя, Настя, — улыбаясь, ответил Иван.

Мартын одобрительно взглянул на Настю.

— Красавица. Поздравить можно. А кто с тобой, окромя жены?

— Никого пока. Вдвоем едем. — Иван указал на телегу.

— Это ты в такой тележонке едешь? — изумился Мартын. — Да и обрядился не больно роскошно.

— Долгий путь проделали. Скрываться приходилось. Не везде ж так просто, как тут.

— У нас просто! — загремел станишник. — Слушай, атаман не дело это. Собирай отряд. Да какой отряд! Тебе войско собирать надо.

— Тише ты с войском-то. Не галди. Здесь, чай, воевода правит.

— Пока правит, — верзила загоготал. — Нет, не гоже тебе в таком

убожестве ездить. Возьми хоть нас для начала. Все охрана будет тебе.

- А сколько вас?
- Да пока десяток. Но ты не сумлевайся, обрастем.
- Казаки знакомые?
- Хорошие казаки. Эй ребята, сюда! Емельян, Сенька!
- Дай я все же на них погляжу да поговорю.
- Узнаю твой обычай. Знакомься. Говорю тебе, доволен будешь.

Да ты где стоишь?

- Пока нигде.
- Так пошли с нами к Вавиле. Он здесь в городе живет, богатый казак. Дом большой, всем места хватит.

Пройдя несколько шагов, Мартын метнулся к лавке.

— Нет, Иван, уж ты на меня не серчай. Не могу я тебя с молодой супругой в таком затрапезе видеть.

В одежной лавке Настя выбрала не так уж много, но красивое — шелковые, расшитые цветами летники, белоснежные кисейные рукава. Поколебавшись, попросила мужскую одежду для верховой езды. Там же и переделалась в каморке за дверью. Когда следом из другой каморки вышел Иван, она обомлела, так хорош он был — в синей атласной рубаше, бархатные шальвары заправлены в сафьяновые сапоги, а на плечи небрежно накинут шитый серебром кафтан.

Мартын вытащил увесистый кошель, но купец замахал руками.

— Мы этого атамана знаем. Для нас большая честь хоть такой малостью приветствовать его с прибытием.

Спасибо, — склонил голову Иван. — Буду помнить твое вежество.

* * *

Вавило был уже не молод, под шестьдесят, высокий, седоусый. Он приглядывал, как собирают на стол две его невестки, дочка и младший сын — совсем молодой, почти мальчик, высокий, сероглазый, красивый с темным пушком над губой. Жена и младшая дочь возилась на кухне.

- А где старшие твои? — осведомился Иван.
- На Дону.

Иван сидел на лавочке возле дома и десять казаков окружали его.

— Вот, что, братцы, — сказал он. — Спасибо вам большое за то, что вы первые пришли ко мне, я этого не забуду. Но хочу вам загодя сказать, чтоб потом не обижались. Отряд наш может, как Мартын говорит, обрасти. И кто к чему более всего пригоден станет со временем ясно. Не могу вам обещать, что вы все десятеро останетесь навсегда в моей охране. Посылать каждого буду туда, где он сможет принести наибольшую пользу. Но повторяю: то, что вы первые пришли ко мне, я всегда буду помнить.

— Вот это атаман! — восхитился Мартын. — Говорил я вам, лучшего не найти. Те другие все больше щедры на посулы. А Иван

уж если пообещал, слово будет держать.

— Не клепи на моих товарищей, — строго сказал Иван. — У нас многие слово держат.

Но не все разделяли восторги Мартына. Некоторые лица выражали обиду. А один чернявый молодой казак так сверкнул глазами, что Насте жутко стало. Иван тоже заметил его.

— Чем недоволен, молодец? — спросил он. — Что тебе не по душе?

— Мне все не по душе, — звенящим голосом ответил тот. — Мы воевать хотим. Ты думаешь, такое уж великое счастье прислуживать тебе? А ты с первых же слов грозишься, что будешь следить, хорошие ли мы тебе слуги, и накажешь, если это не так.

— Охрана — не слуги, — сказал Иван. — Может, ты не в охране, а сотником будешь, этакий горячий. Дай тебе Бог. Но то, что ты охранник никудышный, с первых слов твоих ясно. Невежлив, сварлив. А что выдержки в тебе нет, это для военного человека плохо. Ступай, молодец, подобру-поздорову. Не уверен, что приму тебя к себе в отряд, но в охрану точно не возьму.

Настя видела: не всем понравились слова Ивана. Казаки — вольный народ, а Иван держит себя скорее, как войсковой начальник, чем атаман казачьей вольницы. Но после ужина у нее отлегло от сердца. Едва они вошли в отведенную им горницу, раздался стук в дверь и седоусый хозяин дома вошел со своим юным красавцем сыном.

— Иван Кириллыч, — сказал он. — Я слышал, как ты говорил с казаками. Это Сережка, мой младшенький, наша с матерью присуха. Воевать он уже может. Но не легко мне его в чужие руки из дома отдать. Бью тебе челом. Возьми его к себе. В твои руки я его отдам не с тяжелым сердцем.

— А ты, молодец, хочешь у меня служить? — спросил Иван.

Сергей залился краской.

— Хочу, — сказал он смущенно. — Не знаю, как сумею, но буду стараться.

— Я беру тебя, — просто сказал Иван. — Спасибо тебе, Вавило.

Утром Настя тихонько пошла умываться. В доме еще спали после вчерашней гульбы. В кухне сидела высокая казачка, уже не молодая, но красивая и покачивала подвешенную к потолку люльку. Глаза ее были полны слез.

— Что с тобой, голубушка? — спросила Настя. — Дитя нездорово? Кто у тебя девочка или мальчик?

— Внучка, — тихим и приятным голосом ответила та. — Нет, она здорова, слава Богу.

Настя приостановилась — неловко уйти, оставив женщину в горе, и навязываться с расспросами — неудобно.

— Настасья Львовна, — вдруг заговорила женщина и с мольбой взглянула на нее. — Муж твой Сереженьку, нашего младшенького, в охрану себе взять согласился. Христом Богом, тебя молю, пригляди за ним, он у нас такой домашний, такой ласковый и добрый, хотя на саблях и с пищалью все умеет, но совсем ведь малое

дитя. Шестнадцать еще не сравнялось.

«Да ведь это Христина, хозяйка дома», — внезапно сообразила Настя. Вчера вечером она так и мелькала, угощая гостей, нарядная приветливая, улыбочивая, а сейчас даже постарела от слез.

— Я пригляжу, — растерянно сказала Настя, понятия не имея, как это сделать. Она погладила Христину по плечу. — Я придумаю что-нибудь, постараюсь. — И неожиданно добавила: — Мне еще тоже не сравнялось шестнадцать.

Казачка внимательно взглянула на нее.

— А и вправду, ты совсем еще девочка. Ты ведь не из наших? Не казачка?

— Нет.

— Как решилась-то пойти за атамана? Или он тебя принудил?

— Нет! — вскинулась Настя. — Какое принуждение? Мы любим друг друга. Я жить без него не могу.

— Вона как. А когда ж тебе шестнадцать-то сравняется?

— Да уже скоро. В этом месяце. Двадцать третьего числа.

— Это как же? — растерялась хозяйка. — Как то есть в этом месяце двадцать третьего числа? Нынче-то у нас двадцать второе.

— Ой! — вскинулась Настя. — Жизнь суматошная! Едем, скачем. Мы тут на днях, еле от смерти спаслись. Я и числам счет потеряла.

— И мужу не сказывала, что завтра рождение твое?

Настя покачала головой.

— Говорю, я числа забыла. Я думала, еще есть время.

— Ну и ну. Рождение свое забыла. Так бы и не вспомнила, если б не я? — глаза ее просохли, она улыбнулась.

Только сели завтракать, к воротам подкатил возок. В горницу вошел Мартын — он куда-то рано задевался — и оглушительно возгласил:

— Карета прибыла! Настасья, иди принимай.

Все бросились смотреть. Возок был новенький, красивый, уютный, — игрушечка. Настя влезла, попрыгала на сиденьи.

— Просто чудо, а не возок! Где такой сыскал?

— Ты что ж Мартын, моей жене подарки делаешь? — строго спросил Иван. — Не годится так. Сочтемся.

— Сочтемся! — радостно согласился Мартын и весело взглянул на Настю. — Беспременно сочтемся. Только не сегодня.

— Загадками говоришь. У меня и денег нет сегодня. А чего это ты перемигиваешься с моей женой?

— И с моей? — сказал Вавило. Но он тоже улыбался.

— Да что вы все развеселились? Объясните, наконец.

— Праздник, Иван Кириллыч, — сказала Христина. — Завтра большой праздник будет у тебя в семье. Но жена твоя числа попутала и сама забыла. Что-то тут недолго, говорит, в этом месяце вроде. Ан, оказывается, завтра день рождения у нее.

— Настя, как же ты? Такое забыла. Ведь у меня подарка нету. Схожу кого-нибудь ограблю, — улыбаясь, говорил Иван.

— Ну куда ты среди бела дня грабить собрался? — веселился Мартын. — Ночью успеется. Хорошо хоть накануне вспомнила, а

не опосля.

Настя вдруг увидела удивленное лицо Сережи и растерянность в его больших серых глазах. «Домашний мальчик», — вспомнила она. Не привык к таким шуткам. Видимо, младшенького своего пожилые родители оберегали от всего. Надо и вправду за ним «приглядеть», он такой незащищенный, не зря Христина просила ее. Что бы это такое придумать?

Вскоре стали собираться в дорогу, и хозяева вышли проводить гостей. Христина что-то поправляла, стоя рядом с Сережей, «пушинки сдувала с него». Он смущался, а глаза были грустные

— Иван Кириллович, — сказала Настя. — Ведь не буду же я всю дорогу в карете этой сидеть? Зря ты что ли меня верховой езде учишь?

— Не зря, — отозвался Иван. — В карете заскучаешь. Катайся в свое удовольствие верхом, сколь душа пожелает. А лошадку мы тебе сегодня или завтра добудем.

— Купим? — спросила Настя и пристально взглянула на него.

— Конечно, купим, — сказал Иван и подумал: что-то она затевает.

— Так за ней же кто-то приглядывать должен, пока я в возке сижу.

— Приглянет кто-нибудь.

— Может, Сережа? — И тут же поймала благодарный взгляд Христины. — Ты, Сережа, любишь лошадей?

— Очень люблю, — ответил он. — Сама увидишь, как лошадку твою холить буду.

А мальчик-то повеселел. Ему приятно, что он нужен, и что будет смотреть за лошадью, и что атаманша ласково с ним говорит.

Иван взглянул на хозяев. «Небось, просили мою Настю. Добрая она душа. Ну, что ж, пусть побудет стремянным у атаманши, пока попривыкнет к нашему житью».

* * *

Возком правил пожилой малорослый казак. Он то и дело кричал «тпру!» и останавливался. Потом долго ехали быстро, без остановок. Это Иван распорядился: когда все проезжие стали съезжать с дороги и устраиваться на привал, он велел ехать побыстрее, чтобы наверстать время.

Привал устроили попозже у дороги. И казалось, они и впрямь «обросли», — было их уже не десять, а человек тридцать. Любопытно, как это «обрастание» происходит. Настя подозвала Сережу. Велела раздобыть ей на время какого-нибудь запасного конька. Сама влезла в возок и переделалась в мужское. Подошел Иван, спросил: «Соскучилась в карете?» Глянул на приведенного Сережей коня и сказал: «Пока сойдет. Завтра будет получше. Езжай, милая, со мной рядом. Соскучился я».

Солнце пекло невероятно, зато ехать интересней. Вот подскакали к отряду два казака. Потом погнало лошадей,

подъехали к Ивану. «Атаман, возьмишь к себе в отряд?»

«Езжайте рядом, познакомимся. Откуда и куда путь держите?» И поглядывает из-под густых ресниц бездонными своими глазами. Глаз-алмаз. Поговорил, посмотрел, ответил — кого берет в отряд, кого — нет. Берет чаще. Настя поняла, почему к нему так часто подъезжают. Это ясно. Но почему не все у него остаются?

Пока он разговаривал, Настя, приотстав, поехала рядом с Мартыном, и тот, разгорячившись, стал рассказывать, что за удивительный человек ее муж.

Его многие знают. И еще больше народу о нем слыхало. Простятся к нему те, кому нравится такой атаман. Он бережет людей и не шлет их дуриком на погибель. Он не станет убивать ни с того, ни с сего оттого лишь, что в нем разыгралась дурная ярость. Он держит слово, не обещает зря. Но он не позволит, захватив деревню или город, разгуляться во всю вольную душеньку, выпустив из нее самых черных чертей. Грабить бедных, убивать любого, кто под руку попался, безобразить, сильничать. Он спокоен, сдержан, человеческого облика не теряет и не любит, когда другие теряют его.

Казацкий обычай, ясное дело, не нарушишь. Захваченный город или селение идет на поток. В дома врываются и жгут их и убивают ни в чем не повинных.

И свой же казацкий обычай нарушают — загребнут богатство и запрячут, не поделятся ни с кем. Но о самых гнусных безобразиях становится известно. Узнает о них и атаман. Он созывает круг, на котором его слово весит много больше остальных. А наказывает жестоко. Дай Бог просто выгонит из отряда. А то вломит столько плетей, что после этого не только дом поджечь не сможешь, но и на коня не влезешь.

Еще вредная у него привычка, усмехаясь, сказал Мартын, наказывает за небрежность, если она с последствиями — напился пьян, загулял, уехал без спросу и этим подвел товарищей. Наказывает он строго и, главное, упрямый его нельзя. Хоть плачь, хоть в ногах валяйся. «Я сказал — все».

Диким голосом не орет, не рвет на себе рубаху, пьет в меру. Вроде бы не казак. Но об отчаянной его бесстрашной лихости столько ходит рассказов. Да еще Соловьем-разбойником его зовут — свистнет, со страху помереть можно.

Впрочем, если кто просто упьется до чертиков и орет не своим голосом, или посреди мостовой валяется, он не сердает. Скажет: «Вытяни его разок кнутом» Пьянчуга малость протрезвеет и затихнет.

Подъезжали к нему одиночки и по двое, и по трое. В конце пути вдруг подвалил здоровенный отряд, — человек сорок, если не больше.

У Ивана к тому времени уже за пятьдесят перевалило. Если бы взял этот новый отряд целиком, уже бы сотня была.

Он однако сказал: «Езжайте с нами, ребята. Мы ночуем в

Селивановке, приедем, там поговорим».

Насте было страх как любопытно, как Иван станет беседовать сразу с сорока людьми. Они уселись на траву при свете закатного солнца.

— Что-то братцы вас больно много привалило, — сказал Иван.
— Встаньте, кто тут не старше двадцати пяти лет.

Поднялось человек двенадцать.

— Емеля, — обратился он к молодому казаку, которого знал еще до поездки в Москву. — Отведи ребят в сторонку, потолкуйте.

— Мартын, а ты со старичками. Тоже с дюжину возьми.

С ним осталось большинство — человек двадцать. Говорили о всякой всячине, вспоминали разные случаи. Иван спрашивал временами: «Ну, как вы думаете, правильно он сделал? А ты бы на его месте как?»

Он отобрал из своих двадцати — шестнадцать.

Подошел Мартын, сказал, что трое никуда не годятся, а остальных можно взять.

Последним подошел с мрачным видом Емеля.

— Плохо дело, атаман. Озорство одно да грабежи на уме. Вот трое — люди, как люди. А этих всех в шею гнать.

— Ну и гони, — сказал Иван. — Подумаешь, беда, что сотню в один день не набрали. Будет у нас и тысяча, будет и поболее.

И принятые, и непринятые разбрелись по селу.

— А далеко ли до Саратова? — спросил Иван хозяина.

— Это смотря, как ехать. Ежели быстро и без остановок, часов за шесть можно доскакать.

— Это хорошо, — сказал Иван. — Только без остановок у нас не выйдет.

Затем он принялся расспрашивать хозяина о разных разностях, как живут да чем живут. Что хорошего в их округе и чем она славится.

Утром он сказал:

— Ну, ребята, хоть мы сотню не набрали, надо нам готовиться к тому, что мы войско, а не гурьба. Ты, Емеля, молодец, казаков отбираешь строго, я вчера посмотрел на тех огольцов. Собирай отдельный свой отряд из молодых. Сам их будешь проверять, сам будешь над ними начальником. То, что отпетых не берешь — хорошо, но и трусов не привечай. В хорошем отряде один — двое отпетых могут пригодиться для разных отчаянных дел. Только за ними, конечно, нужен глаз.

Мартына назначаю своим есаулом, в мое отсутствие слушайте его.

Ну, и все пока. Поехали с Богом.

Чем ближе к Саратову, тем больше людей на дороге. К полудню отряд воистину «оброс» — сотни две уж набралось. Иван разбил их на сотни и сотников назначил. Старых знакомых смешивал с новыми. Емельян вел неполную сотню из одних молодых казаков.

По дороге Иван уже не разговаривал — невозможно было. В полдень вышли к Волге, сделали привал. Атаман смотрел на быстрое ее течение и глаза его светились текучей яркой теплотой.

Он велел сотникам разобраться с новым народом и принятых разбить на десятки. Затем сказал, что оставляет за себя Мартына, подозвал двух молодых парней и с ними ускакал.

Вернулись они часа через два. Иван ехал на прекрасной серой лошади, а двое его спутников тоже обменяли своих коней на гораздо лучших. А еще они пригнали табунок — кони ладные, отменные, а среди них каурая кобылка такой красоты и изящества — захолонули казачьи сердца. И все глянули на Настю. Сергей замер. Его уже дразнили Настиним стремянным, но такую лошадь соблюдать, кто бы из вас дураков отказался?

— Настенька, нравится? — спросил Иван.

У нее слезы выступили на глазах. Подошла и поцеловала его при всех. И вдруг уткнулась ему в плечо и заплакала. Стоявшие поблизости услышали: «Вместо Рыжика» — непонятные никому, кроме их, двоих слова.

Большой клин жизни ушел — их ученья и прогулки; а как она целовала Рыжика в морду, когда вышла впервые после болезни; и погони, вечные погони, а сейчас он мается одинокий на постоялом дворе у каких-то разбойников, сумевших ограбить даже Ивана.

И с этой новой красивой лошадкой начинается новая жизнь, какая она будет? Как страшно, все чужое, не родное, а родное там осталось, на постоялом дворе, где они, спасаясь, убили человека, и оставили славного, так тесно их связавшего конька. Она взглянула на породистую красавицу даже с какой-то неприязнью. Иван понял и сказал:

— Прости. Хотел тебя порадовать. Дурак я. Может, ты потом ее полюбишь.

Сергей смотрел растерянно и грустно. За что добрая его атаманша невлюбила эту чудную лошадку? Захочет ли она ее взять? Такая красивая и вдруг чем-то не пришлась. Острая жалость к лошадке кольнула сердце. Увели ее куда-то к чужим от своих, а чужие ее не взлюбили.

И вдруг, сам не зная, что делает, он подошел к каурой, погладил ее вспотевшую спину, стал обтирать чистой тряпичкой, потом жгутом и, ласково касаясь рукой, повел ее выгуливать по берегу.

Настя глядела на них, слезы по-прежнему текли, но теперь уже добрые, теплые слезы. Этот мальчик пожалел лошадку. А Иван сразу понял, отчего она плачет. И Мартын разинул рот и смотрит на нее огорченно. В этой новой жизни появились новые люди, они были чужими, а могут стать своими. И Иван... как жалостливо он на нее смотрит.

— Спасибо, Иванушка, — сказала она. — Чудесный ты мне сделал подарок. — И крикнула: — Сережа, молодец! В хорошие руки попала моя Каурка.

Когда-то она назвала его Иванушкой, но не может вспомнить, когда это было. Во сне? Он-то помнил. И не удержался, обнял ее, поцеловал, шепнул на ухо: «Ты умница моя. Все будет хорошо».

Настя пошла следом за Сережей и Кауркой, а Иван прошелся среди новеньких, быстрым взглядом скользя по лицам. Они стояли

порознь — принятые и не принятые. Так, все правильно, все хорошо. Этот парень совсем молодой, очень смуглый с длинными темными волосами, с диковатым быстрым взглядом азиатских глаз.

— Тебя что, не приняли? Как звать?

— Али.

— Пройдем-ка со мной в сторонку.

Парень шел так же бесшумно, как Иван.

— Ты мальчонкой в прятки играл? Хорошо прячешься?

— Меня никто никогда не мог найти.

— Добеги-ка до той рощи, я попробую.

Парень кинулся к роще, казаки с любопытством смотрели на них.

Иван искал его недолго. Прячется он хорошо. Но прокурен насквозь и под ноги не смотрит.

— С тобой кто говорил? Емельян?

Тот кивнул огорченно. Не думал, что атаман так быстро его разыщет. Но атаман глядел на него с одобрением.

— Курить бросишь. Совсем. Запах выдает.

— Понял.

— Дальше. На войне не детские игры. Здесь ты след оставил. И здесь. Даже сыроежку сбил. На что это похоже?

— Я ее видел. Я нарочно сбил.

— Не надо нарочно сбивать все, что видишь. Особливо, когда ходишь в разведку.

Али удрученно качал головой.

— Смотри под ноги, не оставляй следов. И ветки не раскачивай. Служить будешь в разведке. Подберешь себе подходящих ребят. В молодежную сотню не войдешь. Подчиняешься мне и никому больше.

Темные глаза сверкнули гордостью.

— Атаман, я выходит, самый первый у вас разведчик?

— Нет, ты — третий. Но не вешай нос. Компания у тебя неплохая. Первый разведчик — я.

— А, конечно! — он сверкнул улыбкой. — А второй?

— Узнаешь позже. Или угадай, — усмехнулся Иван.

Али внимательно в него взгляделся.

— Твоя жена!

«Да, будет из тебя разведчик, — подумал Иван. — Чутье в нашем деле — великая вещь».

К концу дня приехали в Саратов и остановились на большом постоялом дворе. Вперед послали нарочного. На кухне трудились во всю. Насте Иван строжайше велел отдохнуть и лучше всего поспать. А сам с целой оравой укатил в город. Спать не пришлось. Сперва появился Сережа, принес большую рубиновую брошку от всей семьи.

— Сережа, ты испугался, что я Каурку не стану любить?

— Да, мне сперва показалось. Ты плакала.

— Вспомнила своего первого коня. Его разбойники у нас забрали.

Он кивнул сочувственно.

– Ты молодец, что занялся лошадкой. Я думаю, ей тоже было грустно.

– Брошка какая красивая. Спасибо вам всем.

В городе Иван задержался. Мало того, что подарки выбирал с тщанием, то и дело подходили казаки.

– Атаман, возьмишь меня к себе? Ты в Царицын, к Стеньке едешь?

– К Стеньке еду. Но мне еще войско надо собрать. У меня людей мало.

Этот ответ не всем понравился.

– Чего уж там собирать? На помощь идти надо. Товарища в беде оставляешь.

– Да какая уж там помощь, если с горсточкой людей, – сухо отвечал Иван. – Перебьют их всех, а нам со Стенькой еще не один город брать.

– Чудно говоришь, атаман. Другие города вы потом возьмете. Стеньке-то сейчас помощь нужна. Он там воюет, проливает кровь. А ты тут отсиживаешься в покое.

– Вот езжай и помоги ему. А какой у меня покой, я сам знаю.

«Чего это я поташусь сейчас в Царицын с тремя сотнями? – думал он. – Много от меня будет проку. Надо бы хоть тысячу людей собрать. Нет, – возразил он сам себе. – Не выйдет так: обрастаем-то мы по дороге. А коли сядем сиднем под Саратовом, так и будут все бубнить, что мы от боя прячемся. Нетерпелив народ, войны возжаждал, подготовиться не дают. Видно придется двигаться, только не очень быстро, чтобы с войском солидным прийти. Вот отпразднуем Настино рождение...» Он вскочил, направился к лавке.

День рождения Насти

Сколько же ей всего надарили. И парчовые платья и оксамит и дорогие камни. Но она не стала надевать парчу и бархат. Легкий василькового цвета шелковый летник, который шел к ее глазам. И чудесный убор, купленный Иваном, знающем ее пристрастие к синему цвету: сапфировая диадема и сапфировые серьги, крупные, глубокой синевы.

Она сидела за столом, как сказочная морская царевна, сияя синими очами и сапфирами – глаз невозможно отвести. Пили здоровье Насти и за Ивана, за военную удачу и за Стенькину победу.

Кто-то приоткрыл их дверь и крикнул:

– Вали отсюда, ребята, здесь атаман Тихий гуляет.

Вот оно какое его прозвище. Узнала, наконец.

В дверь громко и уверенно постучали и вошел, высокий черноусый красавец, весь как облитый золотом и серебром и сверкающий дорогими камнями.

Иван встал, пошел ему навстречу. Они обнялись, облобызались.

— С именинницей тебя, Иван.
— Здравствуй, Борис.
— Атаман наш Степан Тимофеевич прослышал о твоей счастливой женитьбе и об именинах твоей супруги.

Борис врал легко — он от Царицына ехал неделю, а Настя лишь вчера вспомнила о своем дне рождения

Он поклонился Насте. — Поздравляю тебя, Анастасия. — Настя встала, поклонилась в пояс. — Степан Тимофеевич и сам бы поздравил столь прекрасную особу, но делишки мелкие мешают, городок Царицын надо взять. Окопался там упрямый воевода Тургенев, много времени попусту отнимает.

— Нехорошо это, — сказал Иван. — Надо его поторопить.

— С твоей помощью поторопим. Я верно тебя понял?

Иван кивнул:

— Людишек пока мало. Бог даст подсоберем по дороге.

— Бог даст, соберешь, — сказал Борис, — коли дорога твоя будет пролегать в нашу сторону. А пока прими, Анастасия, от Степана Тимофеевича подарок из моих недостойных рук. Человек я маленький и одним только могу похвалиться, что усердно и честно служу нашему великому атаману. — Он протянул Насте удивительное изделие — она не сразу поняла, как его надевают. Но сверкающий драгоценностями и золотом скромный Борис легким движением развернул перед ней ажурную накидку, связанную из тончайших золотых нитей, украшенных на пересечениях сверкающими, словно искры, небольшими драгоценными камнями редкой красоты. Он помог надеть ее, и она засверкала на Настиных плечах и груди. — Васька Ус, верный сподвижник Степанов поздравляет тебя золотой цепочкой, — и Борис небрежно протянул Насте массивную золотую цепь с большими яркими камнями, как видно, очень дорогую, но грубой работы. Настя учтиво кланялась, принимая подарки. Борис выпил чарку за ее здоровье и тут же откланялся, как видно, побуждаемый стремлением поскорей разделаться с неразумным царицынским воеводой.

* * *

— Что это за чудо в перьях приезжало к нам нынче? — спросила Настя мужа, когда они вдвоем уже были в спальне.

— Бориска? Это чудо из чудес. В боях его не видно, но Стенька без него шагу не ступит. С поручениями самыми каверзными ездит, и во все дела вхож. Разин может не только со мной, но и с Васькой Усом не посовещаться, а Борис, всегда тут как тут. Без него, как говорят, и вода не освятится. Умен, хитер и, запомни, опасный господин. С ним лучше жить в мире.

— Он дворянин?

— Нет, из простых. Воспитывался однако в дворянском доме и образован хорошо. Приезд его не пустячок и Разинские подарки — тоже, поблагодаришь Стеньку при встрече,.. ну, не тебя учить.

А нам завтра же надо двигать полным ходом. Народ кипит, желает воевать.

– Тихая наша Русь, – улыбнулась Настя. – И царь у нас Тишайший, и атаман – Тихий.

– Атаман у нас один – Разин.

– Мне кажется, ты был бы лучше его атаман.

– Честолюбива, мать. Нет, чтобы Русь поднять, огромный запал нужен. У Разина он есть. А я... ну, соберу, скажем, несколько тысконок, хорошим воеводой могу быть.

– Воеводство – маленькое царство. Хорошо тем людям, что в нем будут жить.

Он поцеловал ее в глаза и в губы.

– Голубка ты моя. Да ты просто любишь меня.

– А ты и не знал?

– Догадывался иногда.

Ивану не спалось. Нет, не выйдет двигаться, не торопясь, собрать отборное войско. Борис скакал по этой глухомани, которая кишит настоящими разбойниками, чуть ли не неделю. Небось, не меньше полусотни казаков в охране, а сам сидел в золоченой карете, запряженной восьмериком, и дрожал. Видно плохи дела у Стеньки. Значит медлить нельзя, нестись во весь мах. Сколько же мы наберем второпях всякий швали! А потом, прямо в дороге гнать тех, кто не гожа. Да не больно на всем скаку разберешься.

Вдруг откуда-то, как мышь из подпола, выскочила неприятная мысль: отчего он так медлит, не торопится к Стеньке? Ему кажется, что он старается собрать большое войско, прийти с хорошей подмогой. Полно, так ли это? Не обманывает он себя? Лет пять назад он летел бы на выручку к другу стремглав и не думал бы, велик ли у него отряд.

А сейчас он просто повод ищет, не хочется ему спешить. Почему?

Мало верит в успех? Победить-то они, может быть, и победят, всю Русь подняли. Только вряд ли. Что мужицкое войско против стрельцов? В победу он не шибко верит, но все возможно. Тут другое: победим, а дальше что? Мужики хотят жить, как казаки, так же богато и вольно. Много видел он восставших деревень, сам прикладывал к этим бунтам руку. Видел он оголодавших, оборванных мужиков, бегущих жечь помещичью усадьбу. Можно ли поверить, что этот замученный нищетою люд, спалив усадьбу, заживет привольно? Перепьются, передерутся, а там нагрянет воевода со служилыми людьми и пойдет расправа.

А заваривших всю эту кашу казаков давно уж след простыл.

От этих мыслей стало ему так тяжело, что он чуть не застонал. Все равно ведь он идет в Царицын, будет вместе со Стенькой его брать.. Что зря травить себе душу? Но нужно же хоть иногда заглянуть горькой правде в глаза.

Когда он вышел из дому, перед воротами стояла толпа мужиков. Увидев атамана, загалдели. «Возьми нас! Все пойдем! Жизнь

опостылила. С голоду пухнем».

Ну как с таким народом воевать? Набрать их можно по дороге хоть полтысячи. И что это будут за сотни? Распихать придется среди казаков.

Подошли трое сотников:

— У нас полно. И с избытком. Пока ты там почивал, станишники все подходили да подходили. И отрядами и всяк.

Иван позвал трех казаков, толковых, из тех с кем приходилось воевать.

— Значит, так, братцы. Вот у нас еще три сотника, а народ этот будем делить. — Он повернулся к тем, у кого были полные сотни.

— Половину своих отдайте им. И все шестеро возьмите себе из новых, старайтесь поровну — и казаков, и мужиков. Казаки пусть учат мужиков в походе. Ну, хоть растолкуют что-либо, стрелять научат. Дальше: у кого подойдет к полной сотне, мне докладывайте. Новые сотни станем набирать. Ехать будем быстро, но отбирать все же нужно, совсем негодных гоните, и я тут тоже похожу, посмотрю. Кто проявится скверно в походе, выгонять немедленно.

Емельян! Отбери двадцать человек из своих; ежели кто станет супротивничать, из тех, кого выгоняют, дать, как следует, чтобы сразу отстали, а не отстанут — стрелять. Не всех поголовно, одного — двоих, я думаю хватит, остальные разбегутся.

— А коли не разбегутся? — деловито спросил Емельян.

— Не разбегутся, стреляйте дальше.

Сотники приоткрыли рты.

— Ну, атаман, крут.

— Я войско собираю, а не шайку. Все! Разобраться в полчаса.

Из дома вышла недоспавшая Настя. Поклонилась казакам, мужицкой толпе и направилась к возку.

Ехали очень быстро, но народ все подваливал. Иван еще двух сотников назначил по пути. Привал сделали короткий. На ночевку остановились в маленькой деревеньке. Большая часть в избы не вместились, устроились на траве.

В хату, где стояли Иван и Настя со своими стремянными, вошел, улыбаясь, Мартын.

— Тут к тебе посольство, атаман.

— Что за посольство?

— Купцы. Разбойников боятся. Просят взять их с нашим войском. — Черные глаза его блеснули. — Сдери с них побольше. Денег у них много.

— Сами дадут. Веди в избу.

Вошли трое. Одеты бедновато, но по всему видно настоящие гости, не из черных сотен. Высокий худой старик и средних лет купец, как видно, с сыном.

— У нас просьба к тебе, атаман.

— Знаю, слышал.

— Мы хорошо заплатим.

— Это понятно. Задаток сразу и столько же на месте. Вы куда

едете?

- В Астрахань путь держим.
- Ну, мы до Царицына. Слыхали, небось?
- Да уж хоть до Царицына.

Старик вынул объемистый кошель.

- Столько хватит атаман? Это за всех.
- А сколько вас всех едет?
- Восемь человек. И обоз. Двадцать три телеги.
- С сотниками поговорите. Им приплатите малость. Вот мой есаул вас отведет. Ступай, Мартын. В сенях подожди.

– Сколько ж им еще приплачивать?

– Ну, поменьше, чем мне дали. Теперь вот что. Может, кто из вас опасается за себя и свой товар особо. Я могу их пустить сразу же за своей охраной. Но оплата втрое.

У старика блеснули глаза. Отец с сыном переглянулись.

- Разоришь нас в конец, атаман.
- Думайте, считайте. Я никого не принуждаю. Тот, кто со мной поедет, ночевать будет тоже при мне.

Старик приподнял кошель.

– Мы поровну собирали. Те, кто отдельно с сотнями поедут, свою долю заберут.

– Ничего они не заберут. Это деньги за разрешение ехать с нами. Они все останутся у меня. А уж вы там между собой разбирайтесь. Кто поедет отдельно, будет сотникам приплачивать. Кто со мной, приплачивает за себя еще две доли. Обоз едет за войском. На обоз выделяю охрану.

– Охране этой тоже платить?

– Много не платите. Если будут прижимать, подойдите к есаулу, он разберется. А со мной ехать, не больше возка на человека. Лошади резвые, не задержите нас?

– Лошади отменные. Не задержим.

Средних лет купец сказал:

– Мы с сыном в одном возке поедем. Нам что каждому тройную долю платить?

Иван поднял к потолку задумчивый взгляд.

– Двое едете в одном возке? Каждый пусть двойную долю платит. Ну, все, вроде, решили. С Богом.

Купцы, качая головами, удалились.

Настя вышла из-за занавески.

– Ваня, я чуть со стыда не сгорела. Как ты можешь так прижимать людей?

– А ты знаешь, сколько у нас денег? Меня тоже прижали на постоялом дворе. Слава Богу, ночуем без платы. А ведь едем и все время воруем. Еду воруем. Лошадей – тоже. Даже Каурка, подарок любимой жене, украдена.

– И сапфиры? – с ужасом спросила Настя.

– Сапфиры за бесценок проданы. Задабривают нас купцы. Да не волнуйся ты за них. Они сейчас балычком ужинают, а Петровна наша гнилым луком.

В горницу, хохоча, вошел Мартын.

— Ох, и ругаются купцы. Выжига, говорят, твой атаман.

— Это кто же меня выжигой назвал? Выгоню и денег не отдам.

— Молодой этот. А старик ему: ты бы постыдился, со скидкой едешь. Ты за что ему скидку-то сделал, Иван?

— Добавочную плату меньше взял. За то, что с отцом в одном возке уместится.

— А добавочную плату за что?

— Со мной поедут. Сразу за моей охраной.

— Ну, ты с них, надо думать, содрал.

— Содрал, будь спокоен.

Иван вынул кошелек, на глазок отделил четверть.

— Держи, есаул. Остальное мне и на войсковые расходы.

— Не хватит, бери у меня.

— Спасибо. Я думаю, хватит.

Этой ночью во дворе, близ атамановой избы ночевали в своих возках четверо. Все «посольство» и еще один купец.

А на рассвете помчались. Все, как накануне. Привал короткий. Ночевали в лесу. Ночью, несмотря на строгое предупреждение, была попытка ограбить обоз. Емельяновы молодцы здорово грабителям накостыляли, троих пристрелили, остальные бежали в лес. Отряд пополнился за день на полторы сотни. Было бы побольше, но выгнали кое-кого, включая ночную шайку.

Так и ехали еще три дня, ночевали то в поле, то в маленьком поселке Камышинке, где стоял караульный отряд. Поселок выстроен был год назад, чтобы хоть немного оградить проезжих купцов от разбойников.

У Ивана к тому времени было десять неполных сотен. Набралось бы уже и за тысячу, но ребятам Емельяна каждую ночь приходилось стрелять, — иные воины, словно мухи на мед, так и тянулись к купеческому обозу. Караульные стрельцы, десятка три, не пытались задерживать казаков.

Начальник караула, молодой десятник, видя, что перед ним, не разнузданная толпа, а нечто шумное, но похожее скорее на войско, чем на разбойничью шайку, пригласил атамана с супругой, есаула и купцов заночевать в маленьком домишке, пустовавшем ночью. И вообще пустом — ни стола, ни лежанки. Но хоть крыша над головой, и на том спасибо. Иван спросил, кто сидит в остроге. Десятник ответил:

— Грабители и убийцы. Шестеро человек. Зарезали здесь в округе несколько крестьянских семей, и детей малых, и женщин. Зверюги.

Десятник волновался. Он слышал, что казаки выпускают на волю острожных.

Иван глянул в его простоватые голубые глаза и спокойно сказал:

— Пусть сидят, отдыхают. Грехи свои замаливают. Ты их казни почему не предал?

— Суд будет на днях. Они решат.

– Откуда суд-то?

– Из Царицына.

Иван переглянулся с есаулом и покачал головой.

– А воров у тебя нет?

– Сидит один воришка, мальчонка еще.

– Ну, выпусти его, пушай порадуется. А то его твои зверюги пришибут.

Воришку отпустили с миром. Он просился к своему освободителю в отряд. Но Иван отказал мальчишке.

– Сперва разучись воровать, парень, а потом в отряд ко мне просись.

– А из твоих казаков никогда никто не воровал?

– Не в том дело, кто когда воровал, – назидательно ответил Иван.

– А в чем же?

– В том, что ты окромя воровства ничего не умеешь. Отпустили тебя из острога. Говори спасибо и беги, куда глаза глядят. У меня таких молодчиков, как ты, хватает. Я их выгоняю, а не то, чтоб набирать.

На следующий день, шестой после Саратова, они на перекрестке двух дорог столкнулись с большим отрядом, человек триста. Во главе его стоял Афанасий, старый глуховский знакомый; как запомнилось Насте, очень крепкий на выпивку и дружелюбный пожилой казак. Они тоже шли на выручку к Стеньке.

– Подрос у тебя отряд, – сказал Иван. – Была дюжина. Да и я с десяти начинал. Матвей тоже в отряде? Что его не видно?

– Матвей с нами. Сотня у него.

– Ладите вы с ним?

– Да какое! Ты же его знаешь. Вяжется ко всему. А вояка справный.

– Да. Меня не вспоминает?

Афанасий помолчал.

– Лучше тебе правду знать, – сказал он неохотно. – Матвей сроду въедливый, но что касается тебя... С тех пор, как ты влетел к нам в Глухове с молодой женошкой, разогнал нашу гулянку, всех вытурил, а сам остался с женой, он просто тебя ненавидит. Сколько времени прошло, месяца полтора, а он нет-нет да вспомнит. Это враг твой злейший, ты его берегись. Он, я думаю, на все готов – может пальнуть тебе в спину или клевету какую пустить.

– Так, так, – сказал Иван. «Еще этого не хватало. Брать город, а тебе чтобы в спину кто-то палил».

– Ну и как, – спросил он, – прислушиваются к нему люди? Тоже невзлюбили меня?

– Да ты что! – возгнедовал Афанасий. – Тебя же все казачество знает. Малым детям рассказывают про тебя. И не сказки, а быль.

– Он помолчал, подумал. – Оно вот как выходит: еще в Глухове твоя Настя понравилась почти всем, но человека три стоят за Матвея. Коренев, конечно, помнит, как ты чуть не выгнал его, а

Настя за него вступилась. Он этого простить не может — ни тебе, ни ей. Еще двое есть таких из старых.

— А из новых?

— Есть и из новых. Матвеевы дружки.

— Вся его сотня?

— Куда там! Бывает, начнет вспоминать, а ребята, особливо молодые, смеются: «Чем хвалишься, Матвей, что девчонка тебя обошла?» Нет, в отряде тебя уважают. И с Матвеем спорят, говорят: «Если он с ней обвенчался, что ж ты ее девкой обзываешь, это жена».

— Так что ты полагаешь, можно нам соединить отряды?

— Можно, конечно. Эх, как бы не Матвей!

— Тут мы что-нибудь придумаем. Скажи-ка лучше: ты в тысяцкие ко мне пойдешь? Тысячу сможешь повести?

— Эва, завернул куда. Да нешто у нас тысячные отряды?

— Больше тысячи пока в двух. И народ все время прибывает. Глядишь, две тысячи и набегит. Есть у меня сотник тут один — Петро, смелый, толковый, на лету ловит, у меня вообще сотники неплохие... Постой, подумаю, как сделать...

— Стало быть так, — сказал он, помолчав. — Я вам с Петром дам по неполной тысяче. Подумаем, как разделить. Петру дам больше, иначе ему обидно — он весь этот поход со мной сделал. И казаки знают его. Да ты идешь ли в тысяцкие-то ко мне?

— Оно, конечно, лестно. А не староват я?

— Глупости говоришь.

— Сколько же ты дашь мне сотен? Эх, кабы не Матвей, подлюга!

— Об Матвее не волнуйся. Ты сколько сотен привел? Три? Ну, прибавлю тебе еще две моих. Остальных подберешь по дороге. Костя! — крикнул он стремянному. — Позови ко мне Петра Хохлова.

Петро Хохлов, высокий, складный, светловолосый, был один из тех двоих, с кем Иван на Настино рождение ездил добывать лошадок.

— Вот, Петруша, знаешь ли ты этого человека? Это старый мой товарищ, Афанасий, он ведет этот отряд, с каким мы встрелились на перекрестке. Направляются они туда же, куда и мы. Потолковали мы с ним и решили соединиться. Ты как на это глядишь?

— Гляжу хорошо, приведем к Царицыну большое войско, солидно. К нам же еще по дороге будут приставать.

— Рассуждаешь правильно. Солидность нам не помешает. В первый черед для устрашения врага. Нас сейчас примерно тыща триста. Но ты верно сказал: к нам еще набегут.

— Разбить поровну? — прищурился Петро. — Это будет по шесть сотен с половиной. — «На кой я ему сдался?», думал он.

— Шесть с половиной — далеко до тысячи, — сказал Иван. — Это заметно сразу, на глазок. Да еще из его отряда, — он кивнул на Афанасия, — думаю, оторвется какая-то часть.

— Почему так считаешь?

— Это потом. Вот как бы я сделал, ребята. От нашей тысячи отделим две сотни и отдадим Афанасию. Да перестань ты думать, зачем я тебя позвал, сейчас скажу. У нас остается восемь сотен, да за день — за два набегут, это считай, полная тысяча. Тысяцким хочу я назначить тебя. — У Петра густым румянцем загорелись щеки. — Вот подумай, Петя, от каких двух сотен ты откажешься легче всего? Ребята у нас, конечно, все неплохие, но ведь не каждый сотник тебе одинаково по сердцу.

— Ты такую честь мне предлагаешь, — волнуясь, проговорил Петро. — Да еще спрашиваешь, что мне по сердцу.

— Будут твои люди тебе по сердцу, будете лучше воевать. Вот так я рассуждаю. А теперь уж не тяни и быстро отвечай: какие сотни отдаешь Афанасию?

Петро прищурился.

— Пусть Емельяна берет. Его сотня, может, двух стоит. Но мы с ним оба молодые и горячие, два медведя в одной берлоге. Да и стрельба эта по ночам.

— Стрельба — мой приказ. Мне в отряде разбойники не нужны. Вторую сотню называй.

— Да кого угодно. Гришку я не отдам — мы друзья. Николку тоже. Может Ваську взять или Никиту. Ты, атаман, сам решаи.

— Пусть берет Никиту. У Афанасия в отряде не все спокойно, а Никита — опытный и хитрый. Совещаться будете с ним. Верный человек, он тебя поддержит.

— Теперь смотрите, братцы, что у нас выходит. Петро ведет большой отряд — можно смело посчитать — тысячу. Как за тысячу перейдет, передавай Афанасию. У Афанасия — уже полтысячи, не меньше, тоже не пустячок. Наше войско, я думаю, для Разина будет решающая поддержка, — вместе с нами Царицын он возьмет. Не хочу загадывать, как сильно вырастет наш отряд — при взятии города мы потеряем много людей, это тоже забывать не надо — но и с потерями тысяча остается тысячей, и Афанасий свою тысячу доберет. Так что оба вы мои первые помощники, оба тысяцкие, уже сейчас. Живите дружно, помогайте друг другу. Понятно это, братцы?

— Что ж тут не понять, — отозвался Петро и повернулся к Афанасию. — Что в отряде у тебя неладно?

— Да мутит у нас воду один человек и недовольных вокруг себя собирает.

— Ты покажи мне его, — сказал Петро.

Афанасий кивнул.

— Совет закончился, — объявил Иван. — Погодите маленько, братцы. Костя! Сотников — Никиту и Емельяна — быстро ко мне. И сразу объявляй, чтобы все собрались — и наши, и тот пришлый отряд. Я речь буду держать.

Костя вспрыгнул на коня:

— Собираться, всем собираться! — послышался его звонкий голос.

Из кустов, как вырос, Емельян. «Звал меня, атаман?»

— Звал, Емеля. Погоди. А вот и Никита. Слушайте, ребята: завтра, может быть пойдем Царицын брать. В крайнем случае не позже послезавтра. Перед приступом я делаю перестановки. Вот Афанасий, старый мой товарищ, под его началом дай Бог всякому служить. Он набирает тысячу и соединяется с нашим отрядом. Обе ваши сотни переходят к нему. Над оставшимися тысяцким я назначил Петра. Прошу любить и жаловать. — Во взгляде Емельяна, которым он окинул своего сверстника и соперника, не замечалось особой любви. — Всем разойтись по своим сотням и построиться. Хочу с казаками поговорить. Ступайте. Костя! Не воротился еще. Сергей! — окликнул он проходившего мимо Настинного стремянного.

Сотники и новоявленные тысяцкие разошлись. Сережа, вытянувшись, как молодой стрелецкий десятник, стоял перед атаманом.

— Я сейчас с казаками маленько потолкую, — сказал Иван. — А ты тем временем разыщи мне Али. Знаешь его?

— Кто ж его не знает? Слушаюсь.

— И что ты о нем знаешь?

— Что Емельян не взял его в свою сотню. А ты его пожалел и сказал: «Пусть идет с отрядом. Может, пригодится».

«Сроду я никого не жалел, молодых и здоровых, — подумал Иван. — Вот только Настю».

Слышались голоса сотников и десятских. Отряд выстраивался быстро, оставив посредине небольшую площадку. Иван вскочил на коня.

— Братцы! — крикнул он. — Завтра днем или ночью нам предстоит жестокий бой. Идем на помощь Стеньке брать Царицын. Не буду вас уговаривать, чтобы труса не праздновали. Отряд отборный, все молодцы и баламутов мы в своих рядах не держим. — Казаки одобрительно загудели. — Так что без лишних разговоров слушайте мой приказ. Мы соединяем два отряда — мой и Афанасия, вот он стоит. Всего в нашем войске две неполных тысячи. Видите, по правую руку — большой отряд. Тысяцким в нем назначается Петро Хохлов, хорошо вам известный. — По рядам прошел гул. — Афанасия я тоже назначаю тысяцким, хотя полной тысячи у него пока нет. Мы ему сейчас добавили две сотни и он будет дальше набирать. — Вновь по рядам прошел гул. Обсуждают! — Потихе там! Это не первый встречный. Я знаю его давно и такого тысяцкого поискать.

— И последнее, о чем мне говорить мало радости. Матвей Булыгин, выйди из рядов. — Широкоплечий, крепкий и ладный Матвей выехал на отменной гнедой лошади на зеленую площадку между сотнями и остановился в нескольких шагах перед Иваном. — Матвей! — крикнул атаман, чтобы всем было слышно. — Цель у нас с тобой одна, мы идем на помощь Разину брать Царицын. Двигаться будем вместе и воевать тоже. Но в свое войско я тебя не беру и ты знаешь, почему. Возьмешь верных тебе людей, это будет твой личный отряд. Действуйте самостоятельно и ни к одной из

моих сотен ты не примыкаешь. Мы едем в одну сторону, но твой отряд идет отдельно. Тебе все ясно?

— Ясней некуда, — ядовито ответил Матвей.

— Все! С Богом! Сотням строиться и выступать. Ведет войско пока есаул, Мартын Голубченков.

Ряды слегка смешались и задвигались и вот уже по дороге потянулись сотня за сотней. Впереди Мартын, с ним Васька и Капитон, дюжие парни, его охрана. Дальше новый тысяцкий Петро, хмурится, сдерживая радостную улыбку. В отряде Афанасия суета и галдеж, Матвей своих сторонников отбирает. Любопытно, много ли наберется их?

— Я здесь, атаман, — услышал он голос. Возле пышного куста примостился Али.

— Подойдешь ко мне в возок моей жены, — сказал Иван. — И прикинь, сколько людей пошло за Матвеем. Это...

— Я знаю, про кого ты говоришь, атаман, — отозвался Али.

Настя нахмурилась, узнав, что Иван будет совещаться с разведчиком тайно. Можно подумать она не знает, что у Ивана появился враг, и разговор будет о нем. Она и так обмирает от страха, ведь когда пойдут брать город, Ваню могут из своих рядов убить. А он еще при ней говорить не хочет.

— Не сердись, голубка, — сказал Иван. — Все я тебе расскажу, скрывать не буду.

Он спрыгнул с лошади, вошел в возок и устало закрыл глаза. Дверь бесшумно приоткрылась, потом закрылась. «Я здесь, атаман». На приставной скамеечке сидел Али.

— С ним двадцать восемь человек ушло. Он сам — двадцать девятый.

— Не густо. И тридцатки не набрали.

— Тридцатого могут добрать, — буркнул себе под нос Али.

— Мне показалось, — заговорил он громче, — еще какие-то люди остались в отряде его бывшего друга.

— А почему ты знаешь, что они были друзьями?

— Матвей сказал: «Прощай, друг мой бывший. Хорошо с атаманом дружить. Тебя — в тысяцкие, а меня выгнали, как собаку». «А не надо быть злым, как собака», — Афанасий говорит. Я случайно это услышал.

— Случайно? — вскинул бровь Иван. — Значит выпал тебе такой случай. Подобрал себе людей в разведку?

— Мало подходящих. Четырех нашел, сейчас к пятому приглядываюсь.

— Небогато.

— С тебя пример беру. Выбираю с оглядкой.

— Ну, я вроде больше насобирал.

— Не могу же я их по ночам отстреливать. У меня и Емельяна такого нет.

— Все ты можешь по ночам, — загадочно сказал Иван. — Но ты лучше вот что скажи. Есть в твоей пятерке какой-нибудь неприметный парень, из таких, кто рядом сидит, а его не упомянут

никто?

— Есть такой. Послать его к Матвею? А еще что делать, атаман?

— Остальные лазутчики все к Афанасию пойдут в разные сотни, я скажу ему. Пускай поищут: какие там пролезли бывшие друзья. Мне докладывать обо всем. Это в походе. Но завтра к вечеру мы можем пойти на приступ. Всем следить, чтобы меня с нашей стороны не порешили.

— Это главное. Я сразу понял, атаман.

— Молодец, понятлив.

— А что тут особенно понимать? К Тургеневу они не пойдут, его дело конченное. Значит, тебе будут мстить. Могут Разину на тебя наклепать. Или заварушку среди казаков устроить. Ну, и это, конечно, — он сделал выразительный жест, как бы кидая издали нож.

— Все верно. Следи. Береги атамана и обо всяком пустяке докладывай. Сейчас время пошло на часы. Пустяков нет.

* * *

Чем ближе к Царицыну, тем больше подваливало народу. То конный отряд казаков вылетит с проселка на дорогу, то мужики у деревни стоят. А однажды даже пятьдесят стрельцов во главе с пятидесятником заявили, что хотят предаться батюшке освободителю Степану Тимофеевичу.

Степан Тимофеевич, ходивший совсем недавно к Очакову бить едисанских татар, в надежде, что Васька Ус — с таким множеством народу — и без него возьмет Царицын, стал проявлять нетерпение.

— Да, во время осады ушел, ну и что? Я ведь дело сделал — татар расколотил, — выговаривал он Ваське Усу. — А ты с таким-то войском все под городской стеной сидишь?

— Да с каким я особенным войском? — обиженно огрызнулся Васька. — Ты татар-то колотил не в одиночку, увел от меня людей.

— Борис, ездил ты к Ивашке Тихому? — повернулся Разин к позлащенному красавцу. — Подарки передал? Давно?

— Да уж неделя почти. Как на крыльях летел от Саратова.

— Намекал, что ждут его тут?

— Он и без намеков понимает, да у него войска нет, отряд человек триста, — мягким голосом отозвался Борис. — Говорил, правда, надеется собрать по дороге.

— Триста! — вспыхнул Степан. — Силен помощничек! Что же он до осени их собирать будет?

В шатер заглянул нарядный, молодой казак.

— Степан Тимофеич! Лазутчики к тебе. Да уж больно грязны. Им бы сперва почиститься... — И он обвел рукой пушистые роскошные ковры.

— Цыц, чистошлой! Ты тут блюдца золотые носишь, а они ни отдыха, ни срока, в любую непогоду... Веди немедля!

Лазутчики — один совсем мальчишка, другой с сединой — оба мягкими неслышными шагами вошли в шатер. Одеты — словно их собаки рвали, и густо присыпаны пылью.

– Есть новости? – резко спросил Стенька.

– Есть, Степан Тимофеевич, – ответил старший. – Иван Тихий завтра будет тут.

– Сколько у него людей?

– Двух тысяч, может, и не наберется, но около того.

– А может и набрать, – вмешался молодой. – Чем к Царицыну поближе, тем народ валит все шибче.

– Две тысячи... – мечтательно проговорил Степан. – И наших семь. Считай, десять. Ну, Тихий, ну орел. Обложили мы их. Ступайте, братцы, я здесь посижу. Борис, останься.

Васька Ус хотел было сказать, что неполных две и семь, из коих иные убиты, – это никак не получается десять. Но промолчал. Атамана сердить ни к чему. А потом ведь правда – народ все подходит. Главное же, он не раз замечал: скажет Степан «десять» – и будет десять.

– Посылай своего человечка в город, Борис, – сказал Степан, когда в шатре их осталось двое. – Пусть царицынские наши друзья с самого утра пустят слух, что идет сюда огромное войско. А когда мы увидим, что Тихий подходит, три раза выпалим из пушки, и это будет знак, что пора открывать ворота.

Ночной набег

Настя проснулась от истошного крика:

– Смртоубийство в стане! Убивцы!

Иван, натягивая рубаху, выскочил из палатки. Со всех сторон сбегались казаки.

– Что там, Петро? Кто кого порешил? – спросил он, увидев в первых рядах Хохлова.

– Новенькие ночью передрались, – злым голосом сказал Петро. – Из отрядов Матвея и Афанасия поножовщину устроили между собой.

– Много убитых?

– Да не разберешь сразу, то ли дюжина, то ли побольше, рядом-то лес. Афанасьевские, как видно, напали на тот маленький отряд. Кто из них, из Матвеевских, значит, жив остался, в лес сбежали. Их Емельян сейчас ищет.

Стоявшие стеной казаки расступились, пропустив вперед запыхавшегося Афанасия.

– Что у тебя там стряслось? – спросил Иван.

– Чудные дела, – тяжело дыша, сказал Афанасий.

– Это правда, что твои напали на отряд Матвея?

– Нет, непохоже. Они вроде бы и не дрались между собой. Больше смахивает на то, что кто-то перерезал и тех и других сонных.

– Хороших казаков убили у тебя?

Афанасий замялся.

– Чудное дело. Трудно его разобрать. Давай, Иван, зайдем к тебе в палатку.

– Неча скрытничать! Говори при всех! – загремели казаки.

– Ну, при всех, так при всех, Бог с вами. Вид такой, что драки

не было, а кто-то со стороны набежал.

— Разбойники? — предположил Иван. — Вы ведь были-то почти в лесу.

— Стрельцы, может? — крикнул кто-то из казаков.

— Ну, какие там стрельцы? Со стрельцами был бы бой, — сказал Афанасий. — Это, правда, на разбойников больше похоже, — видно, что не дрались. Может, кто до ветру шел, а ему нож в спину. У спящих — либо глотка перерезана, либо в сердце нож.

— Сколько твоих убито? — спросил Иван.

— Трое. И у Матвея пять человек.

— Есть среди убитых старые дружки?

— Корнев.

В палатке Настя вдруг смертельно побледнела.

— В Матвеевском отряде теперь ни души, — продолжал Афанасий. — Те, кто живы остались, все сбежали.

— А сам Матвей? — спросил, наконец, Иван.

— Тяжело раненый. Кровью исходит.

Иван быстро вскинул взгляд на собеседника.

— Положить на телегу, — распорядился он, — и везти с обозом. Авось, оклемается.

— Куды там! — крикнул кто-то. — Он и часу не проживет.

Сквозь ряды казаков на лошади пробился Емельян, волочивший за собою связанных веревкой троих беглецов: сильно хромавшего старика, огромного казака, у которого все лицо было в крови, и какого-то неприглядного казачка, видно, до смерти перепуганного.

— Вы куда же это бежали? — грозно спросил Иван. — Казаки убитые — ваша работа?

— Батюшка, Иван Кириллыч! — завопил старик и плюхнулся перед Иваном на колени. — До того ли мне, чтобы кого-то резать? Я как проснулся да увидел, что кругом мертвяки, и какая-то тень промеж спящими бродит, я едва дождался, когда тень эта уйдет, а потом пополз потихоньку и давай Бог ноги.

— Вижу, ног тебе не дано. Хромаешь сильно. Подвихнул что ли?

— Сапогами стер. Нет возможности моей идти. Хоть бросай меня тут на дороге.

— Возьмите его в обоз. А у тебя почему вся рожа в крови? — обратился он к верзиле.

— Зашибся я. На дерево в темноте налетел, — буркнул тот. — Боюсь, как бы глаз не выбил.

— В обоз и этого. Кто там за лекаря? Кузьма? Пущай ими займется.

— Ты, видать, храбрец, — обратился он к трясущемуся казачку.

— Тоже заболел?

— Сердце остановилось. Задохнулся.

— Ну посиди в обозе на телеге, отдышись. Хотя толку с тебя...

Ты хоть править-то сумеешь?

— Сумею, — еле выдавил из себя казачок.

— Ну, с вами все. — Иван повернулся к казакам. — Строиться и ехать как можно шибче! Нам до вечера в Царицын надо прибыть.

Вперед пустить самые быстрые сотни. Твою, — повернулся он к Емельяну. — Твою бывшую, — это Петру Хохлову, — и еще две-три подбери. Застряли мы с разбойничками тут. Пусть хоть передовой отряд придет пораньше. Мертвых похоронить! Кресты поставить! Разойтись, построиться, в путь! — Толпа зашевелилась и двинулась в разные стороны. Иван сделал знак Афанасию и негромко сказал: — Погоди маленько, Афоня.

Они сидели в палатке втроем — бледная Настя с трясущимися губами, хмурый Иван и Афанасий.

— Выпей-ка, — сказал Иван и налил ему чарку. — Ты, Настенька, хоть пригуби — на тебя глядеть страшно. И я хлопну, тоже не железный. — Он залпом выпил стопку. — Ну что, Афоня, чего ты не хочешь говорить мне при казаках?

Афанасий потряс головой.

— Не знаю я, что все это значит, но кто-то, Ваня, тебе ворожит. Тех троих, что поубивали в моем отряде, я поначалу и брать не хотел — все Матвеевы дружки. Но уж больно просились: «Что, мол, нам делать в маленьком отряде? Только в разбойники идти». Я их взял, но, честно скажу, с неохотой.

— Их только трое и было?

— Да вроде того. Эти самые горластые. Были и другие — то им не так, и се им не так. Без этого, конечно, ни один отряд не обойдется. Но я их тоже брать не хотел, они всегда к Матвею тянулись.

Жутко даже. Какая нечистая сила нам помогла? У Матвея-то все рядышком лежали, а те, что ко мне перешли, — все в разных сотнях. Словно рука какая-то ходила и среди сотен выбирала по человечку.

— И много их осталось? — спросил Иван.

— Немного, трое.

— Все в твоём отряде?

— Да. С моими сейчас поскакали. Ты подумай, все, кого поубивали, они ведь недруги наши. Все, как один.

Настя вскочила и ушла за занавеску. Слышно было, что она тихонько всхлипывает.

Умные серые глаза Афанасия внимательно поглядели Ивану в лицо. Они встретились взглядами.

— Все бывает, — сказал Афанасий. — Счастливо, Ваня. Надо собираться и мне.

— Ты думаешь, я велел их всех перерезать? — не выдержал, сорвался Иван.

— Я думаю, кто-то перестарался, — сказал Афанасий. — Я вижу — ты и сам не ожидал.

* * *

В Царицыне, у городской стены прогуливался нестарый еще барин в когда-то хорошей, но поношенной уже ферязи. Он то прохаживался, то останавливался, глядя зелеными глазами на

пыльную бесконечно длинную дорогу.

За спиной его не смолкал гул голосов. Город кипел с утра, едва стало известно, что приехал сам Разин и с часу на час ждет какого-то громадного подкрепления.

Люди, никогда не говорившие друг с другом, не выдерживали и вступали в перебранку. Старая барыня ругалась с торговкой требухой, хотя годами ее до сих пор не замечала. «Тебе-то хорошо, упрячешься в своем каменном доме, а нам головы всем поотрубают!» — вопила торговка. «Большая защита эти наши дома, — шипела барыня. — Вот хочется тебе впустить их в город, а головы они поотрубают и тебе, и мне».

Навстречу барину, гулявшему вдоль стены шел другой, добродушный, толстый и богаче одетый. «Ну, что, Андрей Ильич, все на дорогу глядишь? Гляди не гляди, а, видно, придется открыть ворота. Верной смерти не хочется никому, а тут хоть какая-то надежда». Зеленоглазый пристально взглянул на него и кивнул. Потом оба разом бросили взор на дорогу. Она была пока еще пуста.

* * *

В стане Разина, расположившемся у самого вала, никто ничем не занимался — ждали. На ветвях трех высоких дубов устроились молодые казачата — подростки. Казаки знали, что рано еще смотреть на дорогу, но, проходя мимо дубов, поглядывали на ребят.

Иван сидел на своей серой кобыле, а мимо ехали десятки, сотни, охрана, купеческие возки, обоз, а на последних трех телегах — хворье. Старичок прислонился к мешкам и дремлет на солнышке в полном блаженстве. Верзила смыл с распухшей рожи кровь и глядит обоими глазами, темными и глупыми. Казак трусишка правит телегой, а в телеге помирает Матвей и все время что-то бормочет. Иван подумал, что за три часа пути парень наслушался от Матвея много лишнего. Всеми телегами правят обозные, а Матвея везет этот нескладный парень. Как он оказался на телеге, где лежит его поверженный, но еще не умерший враг? Жарко, тихо, ряды едут ровно. И далеко на дороге пылит передовой отряд.

От одной из последних сотен отделился невысокий казак и зачем-то поскакал к обозу. Небось, сотник послал.

Иван пришпорил лошадь и двинулся вперед. Там где-то в самом начале гарцует на Каурке Настя в казачьей одежде. Носится по обочине, как угорелая, тревожно, беспокойно ей. И ему неспокойно.

Где-то она пропадала. Небось, опять ходила к старику кушцу и толковала с ним о книгах. Старик тоже книгочей. Настя, правда, сказала: «Жаль, он светских книг совсем не признает». И все же ходит к нему потолковать о духовных. Нужно это ей, как насущный хлеб.

Иван оглянулся на свое войско и увидел, что за последней телегой трусит лошадь без всадника. Где же тот казак, которого посылали к обозу? «Слез, что ли, подошел к какой-нибудь телеге»,

— подумал он, продолжая скакать так быстро, что ветер свистел в ушах.

Домчавшись до первых рядов, подъехал к Насте и сказал: «Совсем тебя не вижу, милая. Я посижу в твоём возке, а ты наездишься и приходи, хоть немного вместе побудем». Она взглянула на него, как много раз глядела, нежными, доверчивыми глазами, и шепнула: «Я приду, Ваня, только не сразу. Что-то меня носит».

Ее и впрямь носило. И щеки горели лихорадочным румянцем. Сережа, озабоченно на нее поглядывая, как нянька, всюду следовал за ней.

В возке покойно, тихо, не жарко. Иван откинулся на спинку сиденья. Вдруг в дверцу застучала чья-то жесткая рука. «Не Настенька», — подумал он и толкнул дверцу. Ехавший верхом Афанасий, пригнувшись, заглянул в возок.

— Что еще случилось? — спросил Иван.

— Из трех матвеевских, что у меня в отряде были, осталось двое, где третий, никто не знает. Он, сказывают, поскакал к обозу в самый конец, а назад одна лошадь вернулась.

Иван вспомнил невысокого казака, трусившего к обозным телегам, он еще тогда подумал: «Его сотник зачем-то послал», а потом лошадь без всадника. Ну, кому бы в голову пришло проверять, куда он девался? Слез с лошади — его же за чем-то послали.

— Непонятные дела, — сказал он. — Как зовут тех двоих, что еще остались, и в каких они сотнях?

Афанасий ответил.

— Ну, езжай, Афоня. Разберусь.

И снова тихо. А потом дверь приоткрылась — вот он гость желанный, давно не видели! Али притворил за собой дверцу и уселся на приставную скамейку, как дома.

— Ты что же это вытворяешь, разведка? — обрушился на него Иван. — Я тебе велел тихонько разузнать, не затевают ли в одном отряде каверзы? Еще велел усилить мою охрану. И все.

А ты за одну ночь наворотил целую гору трупов, такого страху навел, еще немного и все войско разбежится. Люди от нас к разбойникам в лес побежали. Кому охота ложиться спать и не знать, встанешь ли ты утром или тебе ночью перережут глотку?

Али странно бледнел — он стал зеленоватым.

— Выполняя твое приказание, атаман, — ровным голосом сказал он, — я узнал, что в названном тобой отряде затевают маленькую каверзу. Вчера вечером начальник отряда сказал своим казакам, что ты нарочно выделил их в отдельный отряд, чтобы всех уничтожить, потому что ты их боишься. Он велел пяти своим казакам не спускать с тебя глаз и убить при первом же удобном случае, не дожидаясь прихода в Царицын. Я думаю, он так торопился, чтобы, воспользовавшись заварухой, занять более видное место. Его знают многие: он решительный, опытный, умный, мог и тысяцким стать. Может, даже на твое место целил.

Тебя он хотел вымарать грязью, поэтому выбрал для «каверзы» пять молодых красивых казаков. Будучи застигнутым на месте, твой убийца должен был сказать, что ты силой увел у него невесту, и он тебе отомстил. А если бы тебя убили тихо, все равно пустили бы такой слух.

— Глупая затея. Нешто люди не знают, что Настя меня любит?

— Знают несколько человек, а ты ведешь тысячи.

— Ну уж, несколько. Говори дальше.

— Дальше так. Я человек не кровожадный, и прикончили мы только тех пятерых, кому поручено с тобой разделаться. Остальные так напугались, что убежали и в дело это больше не полезут. Трех поймали. Ты видел их сам.

— Видел, — усмехнулся Иван. — А Матвея пошто ранили, а не убили? Твои «каверзы»? Для чего?

— Его убили без всяких каверз. Просто он очень крепкий и не сразу умер. Сейчас он уже не говорит, а только дышит. Ему немного осталось.

— Ну, эта тюря, что правит телегой, наслушалась предостаточно.

— Это не тюря, а Гаврюша, мой лучший помощник. Вчера вечером он тридцатым втерся к Матвею в отряд. От него я и знаю все, что тебе рассказал.

— А в лес он зачем убежал?

— Он даром ничего не делает. Он нарочно устроил так, что его поймали. Тогда ему удалось стать возчиком на той телеге, на которой везли Матвея.

— Казачок, чья лошадь вернулась без седока, — тоже его рук дело?

— Конечно. Он к Матвею подъезжал. К слову, этот казачок из отряда Афанасия. Вчера вечером мои ребята подтвердили мою догадку. У Афанасия в разных сотнях пристроилось несколько заговорщиков. Если их было четыре, то нет уже ни одного. А если их двадцать четыре? Или хотя бы десять?

— Осталось двое, — сказал Иван.

У Али загорелись глаза:

— Ты знаешь, кто они? Назови их. Мне будет легче тебя охранять.

Возок остановился. В дверь заглянула Настя и, увидев Али, отшатнулась.

— Войди сюда, — строго сказал Иван. — Тебе сейчас надо быть тут.

Настя, сделав каменное лицо, села рядом с Иваном.

— Так вот, Настенька, это Али, как ты знаешь, главный мой лазутчик. Сейчас он мне рассказал, что Матвей не просто собирался баламутить. Он приказал пяти казакам — Кореневу в том числе — убить меня как можно скорей, еще до прихода в Царицын. Али считает, что он, может быть, метил на мое место.

— Чепуха какая! — вспыхнув сказала Настя. — Его б никто не выбрал.

— На мое место, наверно, нет. Но он хотел устроить заваруху и выдвинуться. Это он бы смог. Воюет он хорошо, казаки его знают, мог бы большой отряд в несколько сотен набрать. А меня он крепко невзлюбил после нашей встречи в Глухове. Да и за жизнь свою боялся — я ведь выделил его в отдельный отряд.

Одним словом, спасая меня, мои лазутчики прикончили тех пятерых, кому велено было со мной разделаться. Кроме того, в отряде Афанасия тоже остались Матвеевы люди. Их было шестеро, теперь двое. Они, наверно, будут мстить за своих.

— Ты мне можешь их назвать, атаман? — снова спросил Али.

— А твои орлы перережут им глотки? За одну ночь десять убийств от своих. В войске и так неспокойно. Что-то надо придумать.

Настя вдруг как проснулась:

— Ваня, Ваня. — Она схватила его за руку. — Я жить не буду, если с тобой что случится. — И повернулась к разведчику. — Прости меня, Али.

— Ты хорошая жена и ни перед кем не виновата, — сказал Али. — Ты прежде всего думаешь о муже, не только о его жизни, но и о чести. Я понимаю тебя.

— Спасибо, — сказала Настя. — Что же нам делать? Может быть, поговорить с ними, сказать, что мы все знаем, но прощаем их. Предложить мир.

— Это не такие люди.

— Ну, придумывайте сами. Вы — мужчины.

— Втихаря с ними не разделаешься, — сказал Иван. — Мы засветло придем в Царицын. А там за ними не уследишь.

— Но неужели есть только одна возможность — убить?

Иван холодно посмотрел на жену.

— Знаешь, женушка, мне временами кажется, ты больше всего опасаясь, что из-за меня кого-нибудь убьют. И есть только один человек, за чью жизнь ты не боишься.

Настя покраснела.

— Да, я, правда, опасалась за твою душу. Ты ведь сам говорил, на ней много грехов. Но сейчас я знаю: у тебя хорошая душа, Ваня. А за жизнь твою я очень боюсь.

Дверца распахнулась и в возок заглянула лохматая голова есаула.

— Матвей Булыгин помер в обозе. Где будем его хоронить и когда?

— Похоронить немедленно, при дороге, — не задумываясь, ответил Иван. — Могилу пусть роют его друзья: тот парень, что вез его на телеге. И еще двое из отряда Афанасия. — Он назвал обоих, и Али облегченно вздохнул. — Помолчав немного, Иван добавил: — Сейчас разбойников кругом развелось. Пусть Али с товарищами проводят их на всякий случай. Заодно и могилу помогут копать. Взять все, что надо, в обозе, и крест поставить.

Настя вежливо сказала:

— До свиданья, Али.

Они остались вдвоем. На минутку.

Иван вопросительно смотрел на жену.

— Ты правильно делаешь, Ваня. На могиле нужно поставить крест. Врагов надо прощать. — И так как он по-прежнему смотрел на нее пытливо, она сказала: — Какой же ты глупый! Неужели ты думаешь, я бы хотела, чтобы убийцы, которые охотятся за тобой, остались живы, а твоя жизнь была по-прежнему в опасности? Да пропади они пропадом эти убийцы! Знать не желаю, что придумает твой Али. Я так боялась за тебя, так боялась. А сейчас я счастливая, словно гора свалилась с плеч.

Андрюшка Кошелев, самый маленький и легкий, сидевший выше всех на тонких ветках, загляделся на дятла и вдруг, повернув голову, увидел на дороге столбик пыли. Он вытянул шею, всмотрелся, столбик вырос в длину. Андрюшка покосился на ребят. Сидят спокойно. Он снова глянул на дорогу. Пыльная полоска вытягивалась, приближалась. Да как быстро!

— Едут, едут! — закричал он отчаянно.

Тут на дубы полезли и казаки, ветки затрещали. Вскоре оживился весь стан, и Степан Тимофеевич с Васькой Усом и Борисом уже готовились идти встречать гостей, как вдруг кто-то из казаков с дерева крикнул:

— Полтыщи тут будет, но никак не две!

Разин откинулся на парчовые подушки.

— Встречай, Васька, сам. Я потом выйду.

Вскоре послышался конский топот. Высокий, загорелый, покрытый пылью молодой казак, мчавшийся первым, на полном скаку остановил коня и крикнул:

— Передовой отряд атамана Тихого, пятьсот сабель, под командой тысяцкого Хохлова прибыл в распоряжение Степана Тимофеевича. — И соскочил с коня.

Разин вышел из шатра. Обнял тысяцкого.

— Молодец, Хохлов. Лихо прибыл. А остальные сильно отстали?

— Нет, я думаю, вот-вот быть должны. Ночью разбойники у нас несколько человек сонных убили. Задержались малость, хоронили.

— Что делается! — покачал головой Разин. — Губят народ.

Непонятно было, относится ли это к разбойникам или к боярам.

Но тут Андрюшка со своих тончайших веток вновь увидел пыль и закричал:

— Едут, снова едут! Народу — сила!

— Палить из пушек, — сказал Стенька. — Три раза. Ты там не ошибся, малец?

— Ой, где уж! — возопил Андрюшка. — Едут и едут! Прямо конца им нет!

Разин сам направился к пушкарям.

АТАМАНШАЕкатерина КОРОТКОВААТАМАНШАЕкатерина КОРОТКОВА

* * *

Андрей Ильич, любознательный барин, почти весь день прогулявший у городской стены, обедал в этот раз поздно. Он уже заканчивал скудный свой обед и принялся за молочный кисель, как вдруг услышал: выстрелила пушка. Один выстрел, сразу же второй и третий. «Пора», — подумал он, не стал докусывать киселя, быстро поднялся, надел свою почтенную ферязь и торопливо вышел из дому. На улице он увидел знакомые лица, все шли в одну сторону с ним. «Пора, пора», негромко, но настойчиво звучали голоса горожан.

МОСКВА

Судейский розыск (дело Ксюшки Соколовой)

Дело о владелице собственного дома, вдове стрелецкого десятника Ксюшке Соколовой и проживающих в одном доме постояльцах, нигде не упомянутых и не записанных, казалось столь запутанным и сложным, что занялось им сразу несколько приказов. И Разбойный, и Тайных дел, и Холопий, и Церковное ведомство, все чем дальше — тем больше.

Дело это было столь необычно, что о нем заговорила вся Москва — от простых горожан до боярских теремов и даже царских палат. Очень уж неожиданные лица упоминались по мере разбора этого таинственного дела.

Началось с того, что Мишка Каширин, бывший стрелецкий пятидесятник, а с каких-то пор доверенный человек Артамона Матвеева — Артамон Сергеевич и в Польшу его посылал, а по возвращении в приказ Сыскных дел пристроил — наткнулся на оный дом и тут же доложил по начальству. Было это где-то накануне Пасхи и Каширин вдвоем с приятелем, молодым боярином Федором Шатовым, заехав за каким-то делом в домишко к Соколовой, которую оба они знали давно, обнаружили, что в «домишке», невысоком, но весьма просторном, проживает чуть ли не полсотни человек, из коих почти всем место в тюрьме. Ну, если не полсотни, то уж никак не меньше сорока.

Здесь жили в безопасности и покое вредоноснейшие проповедники старой веры, жили грабители, тати и торговки краденым. Мало того, в доме постоянно бывали, а порой и живали мятежные донские казаки, а среди них — Каширин голову готов был дать на отсечение — знаменитый атаман, сподвижник Разина, засланный Стенькой в Москву не меньше года назад и ведущий постоянные переговоры со стрельцами. Упомянул он также удивительную новость: в доме тайно проживает Анастасия Пригожина, о чьем внезапном исчезновении осенью в Москве ходили темные слухи.

Как только Каширин сообщил все это в Сыском приказе —

заявился к начальству чуть ли не ночью — порешили, что, не показывая виду, он ежедневно будет посещать это воровское гнездо, дабы убедиться — в личности атамана и выяснить его связи. На слежку отвели четыре дня, на пятый был назначен захват дома. Два дня прошли, как договорено, а на третий Каширин не вернулся из очередной поездки. Никто особо не беспокоился — он всегда приезжал поздно, но на сей раз — воистину поздно, почти ночью — в стрелецкой слободе близ Яузских ворот объявился старик десятник и стал разыскивать друзей Михаила Каширина. Был также найден по просьбе Михаила дьяк приказа Сыскных дел Возницин. Старик рассказывал неслыханные вещи.

Дом Соколовой, сообщил он, находится в осаде. Все двери заперты извне, за домом тщательно следит удивительный сторожевой отряд под командой Каширина. В него входит сама Ксюшка Соколова и все ее работники, числом пятеро. Стражи эти вооружены пищалями, а также кочергами и железными ломками. В доме же содержатся грабители, тати, мошенники и торговки краденным, а также обезумевшие в жажде подвига староверы. Староверы ведут себя тихо и лишь поют молитвы, что до татей, те так и рвутся в бой, лезут в окна. Каширин запер их покамест в погребе, но опасается, что ненадолго, и настоятельно просит подмогу — большой отряд — чтоб захватить татей и удержать староверов, судя по всему настроенных учинить самосожжение.

— А что станишники? — спросил Возницин.

— Все сбежали прошлой ночью, — ответил десятник. — Вместе с девкой, небось, и сбежали.

— С какой еще девкой? — изумились слушатели.

— Ну, Настасья эта, беглая, какую нам с Ефимкой в Холопий приказ велели доставить.

— Что еще за Ефимка? — спросил Возницин. — И почему его нет с тобою?

— Ефимка-то? Стрелец, нас с ним вместе снарядили эту беглую девку схватить и доставить, а уж из Холопьяго приказа ее бы хозяевам возвернули. Да вот, Каширин сказывал, что она совсем не крепостная, а дворянка. И что отец ее даже служит в каком-то приказе. Кажись, в Посольском.

— Дочка Пригожина? — сообразил Возницин. — Значит, она и впрямь в этом доме. Как могла она там оказаться? И растолкуй мне, наконец, где твой Ефимка?

— Так ведь я его Каширину в помощь оставил. Что у него там за войско? Одна баба и работники с кочергами. А Ефимка все же человек военный.

— Дочка Пригожина сбежала со станишниками? Непонятная какая-то история. И сам Пригожин изъясняется невнятно.

— Слушай, барин, — старик вдруг рассердился. — Там люди смертью, может, сейчас погибают. И тати разбегаются по всей округе. А ты все о Пригожине каком-то толкуешь. Говорю тебе, Каширина выручать надо. — И, повернувшись к товарищам Михаила, сказал внятно: — Просил всем вам, господа, передать:

Михаил Каширин подмогу просит.

Стрелецкие начальники встрепонулись:

– Надо ехать, надо ехать, братцы. Как бы, правда, беда не случилась. Честь имеем, господин Возницын. А то тебе и допрашивать некого будет.

– Поезжайте, господа, с Богом. Да стрельцов побольше захватите.

Владимир Петрович Возницын медленно шел к своей карете. Был он высокий, худощавый, еще не старый, с большими светлыми глазами. «Какое путанное, сложное дело. В нем все непонятно. Хозяйка притона способствует задержанию. Выгораживает себя? Непохоже. Ведь она под суд попадет. Ей бы выгоднее было просто сбежать».

И неожиданное в этом человеке, с задумчивым взором и почти в европейском платье, неожиданное, но так знакомое ему охотничье волнение зашевелилось: узнать, выследить, раскопать.

Одначе, чем больше узнавал Владимир Петрович, тем дело становилось темнее. А чем темнее становилось дело, тем большее волнение его охватывало. Тянула в себя бездна непонятного.

Арестантов оказалось куда меньше, нежели предполагали. В ночь на четверг сбежали станишники вместе со своим загадочным атаманом и с еще более таинственной девицей Анастасией. Сбежала чуть не дюжина женщин, проживавших в доме, в том числе вся женская прислуга. В затеявшейся ночью перепалке было убито двое работников и полдюжины татей. Один работник, судя по всему, сбежал к казакам. И, наконец, предали все ж таки себя огню монашки и старцы.

Так что взято было чуть больше десятка и почти всех с полным основанием забрал себе Разбойный приказ.

Возницыну досталось всего четверо. Двое работников, которых он вызывал на допросы, но из тюрьмы предполагал вскоре отпустить. Полуобгорелая молодая монашка, худенькая, с испуганными лучистыми глазами. И наконец, сама Ксюшка Соколова, хозяйка воровского гнезда.

Ксюшке предлагалось множество обвинений.

Вероотступничество. Содержание притона, где она прятала убийц и татей, мятежников, засланных Стенькой, и отступников от истинной веры. Впрочем, это еще были цветочки. Ксюшка несомненно была ведьмой – чернокнижница, лекарка, гадалка, обладавшая к тому же таинственной силой читать чужие мысли, о чем давно твердили знавшие ее люди, и среди них ее кума, дворянская вдова Евфалия Усанова.

Возницын подолгу говорил с Аксиньей, немолодой, но еще красивой женщиной, с грустными, усталыми глазами. На все вопросы она отвечала спокойно и неторопливо, и знаменитое его чутье настойчиво твердило: никакая она не злодейка, говорит по большей части правду, кое в чем темнит, но не по злему умыслу, а почему – пока непонятно. Скорей всего, кого-то покрывает.

Кстати, молодой помощник его Каширин горой стоял за

Ксюшку Соколову и подтверждал ее показания. Но тут случилось непонятное и скверное. Из Разбойного приказа сообщили, что содержащиеся там тати возложили на Каширина государево дело. Запирая всех оставшихся в доме, он за взятку выпустил оттуда тверскую купчиху Астахову со всем ее товаром.

Каширин подтвердил, что выпустил купчиху. Но решительно отрицал, что за взятку. Просто пожалел старушку, она добрая, порядочная, в преступлениях не замешана. В доме же такое творилось, что ее бы, наверное, убили.

Пришлось взять под стражу и Каширина – нарушение присяги. В допросах он теперь участвовал не как помощник Возницына, а как человек, которого допрашивают.

Из того же Разбойного приказа поступил новый навет на Михаила. Торговки краденым уверяли, что он целые дни проводил с Настасьей, был к ней явно неравнодушен, доверительно беседовал и наверняка упредил ее, что дом будет захвачен, ибо сразу после его отъезда в среду, Настя позвала из кухни Аксинью и о чем-то долго с ней говорила. Аксинья же наутро объявила всем в доме, что вот-вот придут стрельцы и надо поскорей бежать.

Наблюдательные воровки также сообщили, что Настя Михаилу только голову дурила, а сама еще зимой стала любовницей Ивана (скрывшегося в последний миг атамана) и бежали они вдвоем, а не с казаками. Казаки уехали еще с вечера, а эти долго сидели и любезничали в горнице атамана, потом весьма сердечно распрощались с Аксиньей и ускакали верхом на рассвете.

Тати тоже подтвердили, что у Ивана с Настей была любовная связь, коей они не скрывали, и что Иван еще зимой учил Настю ездить верхом, стрелять и рубиться на саблях.

Когда Возницын стал расспрашивать Михаила, знал ли он об отношениях Насти с Иваном и действительно ли предупредил эту девицу о готовящимся захвате дома, он увидел в глазах молодого человека такую тоску, что понял: Михаил был к девушке сильно неравнодушен, а отношения ее с Иваном для него тяжкий удар.

– С этим зверем... – прошептал он с болью. – Я узнал об этом от Аксиньи, когда они уже бежали. – А затем негромко и равнодушно добавил: – Да, я предупредил ее. Я считал ее порядочной девушкой, и хотел, чтобы она вовремя ушла из дома и даже наметил, у кого она поселится на первое время.

Еще одно нарушение присяги и долга. Да какое! Мишке, видимо, грозил застенок.

– Ты хоть успел предупредить этих людей, что просишь принять их у себя Анастасию? – спросил Возницын с жалостью.

– Да, кажется, – ответил Михаил. – Впрочем, это же теперь совсем не важно.

«Для тебя важно, дурень!» – чуть не крикнул Возницын, но сдержался, спросил хмуро:

– Что за люди, близкие знакомые твои?

Михаил неохотно ответил:

– Простые люди, Настина подруга с мужем, я с ними редко

вижусь, для твоих изысканий они не нужны.

«Уж позволь мне лучше знать, кто мне, а главное тебе, нужен», — вспыхнул гневом Возницын, но вслух лишь сухо произнес: — Допрос окончен.

Возницын славился своим чутьем, и чутье упорно ему говорило, что все допрашиваемые им честно старались соблюдать закон, держать под стражей татей и спасти от смерти невинных людей. Но на допросах, как из худого ведра, сыпались все новые подробности во вред им. Неужели так и будет, все во вред?

Однажды утром на прием к нему приехали голова сотни суконщиков, и настоятель храма Успенья Пресвятой Богородицы протоиерей Варсонофий. Они привезли с собою худенькую пожилую женщину, которую представили, как ежегодно бывающую в Москве тверскую купчиху, торгующую холстами. Звали ее Матрена Астахова. Оказалось, старушка, прослышав, что Михаил из-за нее посажен в тюрьму, поспешила поскорее в Тайный приказ и попросила двух солидных поручителей, хорошо ее знавших, ей сопутствовать.

И священник, и купец заявили, что знают ее много лет, как женщину в высшей степени порядочную и правдивую. Священник добавил, что Астахова его духовная дочь и в вере весьма крепка.

— Ты, сударыня, мне хочешь что-то сообщить? — обратился Возницын к старушке.

— Да, батюшка, — дрогнувшим голосом отозвалась она. — Я слыхала, этого молодого дворянина, что меня от смерти спас, хотят к пытке отвести. Не наказывайте его и не мучайте, Бога ради, — ее голос сильно задрожал. — Это добрейший юноша, и честнейший. А что навет на него возвели, так ведь эти разбойники ему мстили за то, что он их из дому не выпустил. Поверь, голубчик, — она умоляюще сложила руки, — не то, что требовать с меня какие-то поборы, он слова мне худого не сказал. Такой вежливый, такой сердечный. Чистая душа. Я на Евангелии Святом поклянусь. Если уж таких наказывать, то на Руси людей хороших вовсе не останется, — и она заплакала.

Возницын, торопливо вскочив, усадил ее на стул.

Было принесено Евангелие, и старушка на нем поклялась, а также поцеловала Крест. Подъячему велено было все записывать. Далее ей представили запись для подписи, затем на отдельных листах оставили свои свидетельства и подписи отец Варсонофий и голова сотни.

Возницын повеселел и с гостями был весьма учтив.

— А что, сударыня, — обратился он к купчихе, — у меня в деле, вот в этих бумагах сказано, что Аксинья Соколова содержала воровской притон. Подтверждаешь ты в присутствии своих доверителей, что в притоне воровском жила?

— Бог с тобой, голубчик, — ужаснулась старушка. — Да нешто стала бы я в притоне жить? Постоялый двор держала Аксинья. У ней купцы останавливались, и другие приезжие, все приличные люди. Вот и Иван, он тоже по торговой части, все ездил бывало в

Москву. Не знаю, правда, чем торговал. И из Вологды купцы мои знакомые бывали, и помещик один из Симбирска. Попадались там, случалось, страшные хари, да ведь в Москве ж это на каждом шагу.

— Запиши все это, Вася, — сказал подьячему Возницын. — Только без имен, одна путаница от них. А ты, сударыня, распишись в своем заявлении, и вы подписями своими подтвердите, — повернулся он к доверителям, — что в вашем присутствии это сказано. Ну теперь, пожалуй, все. — Он облегченно вздохнул.

— Прощай, касатик, — сказала старушка. — Дай тебе Бог счастья. Вижу, добрый ты человек, — и слегка дрожащей рукой его перекрестила.

Он ей поклонился. Батюшка благословил его, с купцом они раскланялись.

Возницын был растроган. И хотя мало кто в приказе Сыскных дел стал бы утверждать, что он такой уж добрый человек, но он с истинным удовольствием собрал все оставленные посетителями бумаги и четким почерком написал: «Для совещания с судьей. О снятии с дворянина Михаила Каширина навета в требовании и получении взятки с купчихи Матрены Астаховой».

— Перепиши-ка мне, братец, в подробностях нынешнюю беседу, — сказал он подьячему.

Молодой смешливый подьячий склонился над чистым листом и, усмехаясь, прошептал: «Касатик».

* * *

— Что Астахова у тебя нынче побывала? — спросила приведенная к допросу Аксинья. — Вступилась за Михайлу Каширина? Я так и думала, что придет. Добрая она душа и человек честный.

— Да, старушка весьма почтенная, и представили ее уважаемые люди, — ответил довольный Возницын. — Впрочем, не пойму я, кто из нас допрос ведет. На тебя вот тут новый навет поступил. Жильцы твои бывшие сказывают...

— Это воровки что ли? — спросила Аксинья.

Возницын кивнул.

— Сказывают, что девица Анастасия бежала не вечером с шайкой станишников, а гораздо позже, с атаманом вдвоем. Чем тебе полезна эта новая ложь?

— Иван просил, — простодушно пояснила Аксинья. — Чтобы погоню с толку сбить. Ну, да уж теперь-то все равно, они уже далече, можно и правду сказать.

— А я впишу тебе в дело, что сбивала розыск с толку, — сказал Возницын. — Мало на тебе обвинений висит?

Странно он ведет эти допросы, словно общничает с ней. Рассердившись, он повторил сурово:

— Иван просил! А сводничать он тебя не просил? Ты ведь сваха известная, а заодно, небось, сводня? Твоих рук дело, что честная девица любовницей разбойника стала?

— Да не была она его любовницей, — ответила Аксинья. — Так, любезничали, конечно, кровь-то, не вода, но он по честному хотел, со священником уговорился, платье подвенечное купил, уж такой красоты!

— Украл?

— Да зачем ему платья красть? Что у него денег мало?

— Деньги, полагаю, приобретены честным путем. Так насчет сводничества как, признаешься?

Черные Аксиньины глаза сверкнули молнией. А ведь такие усталые были.

— Вот уж в чем не признаюсь! — воскликнула она. — Я в ногах у нее чуть не валялась, просила бросить эти шашни и с Михайлой уйти. Он ей был пара, а Иван — откуда только взялся? Воистину, связался черт с младенцем. Да ведь не зря люди говорят — любовь зла.

Странные беседы о любви ведутся в их серьезнейшем приказе.

— Чем докажешь, что не сводничала? — спросил он.

— Вот тебе Святой Крест, — она привычным движением перекрестилась, привычно не задерживаясь, сложила три перста. — Ну, зачем мне их сводить было, скажи? Девочку эту жалко, таких ужастей насмотрится там! А Михайло когда появился, я было обрадовалась — подходящие они друг другу, свой московский человек. Ну, как тебе доказать? Я такое тебе скажу, чего никому не говорила. Я Ивана всю жизнь знаю, мы из одной станицы. Он мальчишкой из дому бежал. Я уж вроде взрослая девушка была. Но сейчас — то разница невелика, мы почти ровесники. Я ему подходила, а не Настя, так зачем же мне их было сводить?

Странно было видеть, как эта спокойная, сильная женщина смутилась и покраснела.

— Значит, он не так уж молод? — спросил Возницын.

— Да какое уж там молод! На вид молодой. И красив, ничего не скажешь.

— Ну, это записывать не стоит. Впрочем, примета не помешает, если он вновь появится тут. Светлый, темный?

— Зачем тебе это? Он скрываться перестал. И не мне на него слежку наводить.

— Ну, это не тебе решать, — строго заметил Возницын. — Впрочем, ты права, он конечно не скрывается сейчас. Подумать только, венчаться хотел! Как ты полагаешь, они обвенчались?

— Откуда же мне знать? Думаю, да, — со вздохом сказала она.

— Кстати, ты какую церковь посещаешь, и кто твой духовный отец?

Она ответила.

Возницын после службы зашел в церковь, названную Аксиньей. Тем более, не так уж далеко была. Он успел поговорить со священником до вечерни. Тот подтвердил: Аксинья церковь посещает часто. Верует истово. Нет никаких причин усомниться в ее искренности. Возницын взял у священника небольшую записку, где тот написал сей отзыв.

На следующее утро, придя в приказ, он взял дело Ксюшки Соколовой, сам подшил к нему свидетельство священника и без всяких совещаний вычеркнул первое обвинение: «Вероотступничество».

Накануне вечером он заглянул в гости к старинному приятелю своему князю Голицыну, которого знал с детства, — они виделись часто — и не вникая в ход следствия, ведомый только ему, рассказал, как много ему нынче по службе пришлось говорить и слушать о любви.

Романтичный и чувствительный Голицын разволновался, заблестели чудные его глаза. Он расхаживал по своей знаменитой комнате, какой дивились даже иноземцы, и с воодушевлением говорил, что за великая и таинственная сила любовь. Возницын не сомневался, что уж нынешнюю историю он непременно расскажет на Верху. И как внимательно все будут слушать его, особенно царевны, и старые — сестры государя, и молодые — дочери его от Милославской, шесть царевен, из коих лишь двоих можно назвать взрослыми девицами, впрочем, слушать придут больше, чем две, а уж третья-то, подросток — беспрременно. Возницын слышал о ней — умна, редких способностей и бойка, и любознательна. Каким-то чудом упростила позволить ей учиться всем наукам вместе с наследником престола. Чтоб такая да послушать не пришла!

Прежде над дверью, в которую входили к государю знатные посетители, бояре и князья, была устроена палаточка, из которой государыня и царевны могли увидеть пришедших. Одначе теперь, при новой молодой царице, воспитаннице Матвеева, палаточку сменила занавеска в самой палате, так что всей царской семье можно было и разговоры послушать.

Чудно сказать, но умному, солидному человеку, Возницыну было лестно, что о его делах слушают во дворце, словно сказку, и сам государь, и царица, и царевичи, и царевны — девочки и старушки.

Государь всея Руси Алексей Михайлович был, как видно, по горло сыт своим собственным опытом, повторявшим печальный опыт его кроткого отца. Опыт этот заключался в том, что вмешательство «зверообразных человек», как именует их летописец, а иными словами временщиков, боящихся потерять свою власть, разрушило уже не одну царскую женитьбу, разлучило и разбило сердца влюбленных молодых государей и прелестных их избранниц, так же пылко полюбивших своих женихов и всю жизнь потом хранивших им верность. Клевета, которую распускали во время смотра невест, и особенно после обряда наречения царской невестой, и — много хуже того — покушение на здоровье и жизнь государевых избранниц только за последние два царства уже трижды совершали свое черное дело.

Государь намерен был жениться, и смотры невест уже свершились, но он, казалось, никого не избрал. Во всяком случае царь не объявил о своем выборе. Да и незачем было это делать,

ибо невесту он выбрал уже давно. Бывая в доме Матвеева на театральных его представлениях, он увидел Наташу Нарышкину и даже познакомился и беседовал с нею. Черноокая красавица его пленила.

В одно прекрасное и очень раннее утро к Матвееву в придворных каретах прибыло несколько бояр и небольшой отряд солдат и трубачей. Невесту разбудили, и Артамон Сергеевич объявил ей, что царь избрал ее своей невестой и приказывает им немедленно явиться во дворец. Наташу нарядили в великолепное платье, на котором было столько драгоценных камней, что ей было тяжело нести на себе свой свадебный наряд.

Свадьбу готовили втайне, невесту повели прямо в церковь без предварительных опасных обрядов, и брак был совершен придворным священником в присутствии весьма немногих, самых приближенных к царю лиц. Пир длился несколько дней, и дворец был в это время заперт.

Церковному ведомству и всем епископствам разослали грамоты, и по всей Руси теперь молились о здравии новой царицы, поминая ее имя вместе с именем царя.

Пораженная столь скоропалительным браком Москва не отпраздновала эту свадьбу торжественно, зато в воздухе носилось ощущение свободы. Царский двор решительно отделался от козней и интриг «зверообразных человек».

Впрочем, решительные действия государя хоть и нанесли удар этой малопривлекательной породе людей, но отнюдь не избавили от них человечество. В том, что «зверообразные» живехоньки, полны сил и жаждут деятельности одним из первых убедился наш добрый знакомый Владимир Петрович Возницын.

И недели не прошло после царской свадьбы, как в приказ заявила дворянская вдова Евфалия Усанова.

«Что-то прозвание знакомое», — подумал дьяк и велел ее впустить.

Вошла женщина средних лет, прилично и даже изящно одетая, с живыми карими глазками.

— С чем пришла, сударыня? — спросил Возницын сонным голосом.

— С наветом! — оживленно откликнулась вдовушка.

— На кого же твой навет?

— На содержащуюся у вас под стражей Ксюшку Соколову. Кстати, к пытке ее уже приводили, милостивый государь?

— Тебя это не касается, — хмуро произнес Возницын. — Вопросы здесь предлагаю я, а твое дело на них отвечать. Кем приходится тебе Аксинья Соколова?

— Кумою.

— Прекрасно. А в чем заключается твой навет?

— Я ведь, батюшка, потому только спросила, что люди говорят, будто по делу Соколовой никого еще не водили в застенки. Может ли такое быть? — Возницын молчал и выжидательно смотрел на вдову. — А что касаето навета, — заговорила вдовушка, так и не

дождавшись отклика на свой вопрос, — Аксинья ведь у вас в ведовстве обвиняется. Так вот, в связи с бракосочетанием государя... — Молоденький подьячий при этих словах поперхнулся и разинул рот. Лицо Возницына хранило полную невозмутимость. Вдова продолжала: — Вот на этих днях я и вспомнила, что ровно год назад у Матвеевых — я ведь у них запросто бываю — у супруги Артамона Сергеевича в гостях была Аксинья Соколова и нагадала Наталье Кирилловне на картах эту свадьбу. Всем трем девушкам гадала, и все сбылось.

«Пошло!» — почувствовал вдруг Возницын. Охотничий пыл так и загорелся в нем. Лицо же стало еще более сонным.

— В каких именно словах Соколова предсказала свадьбу? — спросил он.

— Ну, я в точности не помню... — залопотала наветчица. — Что, мол, ждет ее большая перемена. И потом такие слова: «Высоко взлетишь, пожалуй, выше некуда». Это я точно запомнила, я ведь еще сказала тогда, что высоко взлетать нехорошо, расшибешься, когда падать будешь.

«До чего гнусная баба», — подумал Возницын.

— В чем же, сударыня, однако твой навет? — спросил он. — В том, что Соколова гадает на картах?

Вдова метнула на него презрительный взгляд.

— На картах, сударь, многие гадают, — снисходительно ответила она. — А тут приворот, ведовство. И гадала-то она по одной только карте. Разве так гадают обычные люди? Она силы темные призывала. Если бы не это ее гаданье, может быть, и свадьбы не было бы никакой.

Живые, умные глаза Возницына смотрели тускло, без выражения. Какая-то мутная, свинцовая тяжесть сменила их блеск. Вдова почувствовала себя неловко под этим взглядом и заерзала.

— Ведовство и обращение к темным силам, — сказал он. — Кто же повелел ей учинить приворот? Государь? Или государыня? Кого из них ты обвиняешь в связи с нечистой силою?

— Да я разве... — задохнулась Усанова. — Да как бы я посмела таких особ обвинить? Это Ксюшка Соколова, думаю я, может с силами темными знаться.

— Соколова весь этот год не видела государыню, а к государю и близко не подходила никогда. Зачем ей хлопотать об этой свадьбе, если никто из них ее об этом не просил?

— Может быть, Матвееву хотелось?.. — пролепетала вдова.

— Так ты с наветом на Матвеева явилась?

— Ох, нет! Ну, откуда мне знать? Я с ним и не разговаривала сроду.

— Но кого-то из троих ты имела в виду. Если не Матвеева, то государя или государыню, либо кого-то из ее близкой родни. Кстати, это третье лицо не ты ли? У Соколовой бываешь часто. Ты тут сетовала, что из нашего приказа мало людей к попытке посылают. Мы все же посылаем иногда, тем боле, если речь идет о таких особах.

Усанова сидела ни жива, ни мертва.

— Продолжим допрос, — деловито произнес Возницын. — Застенок позже. Ты сказывала, что Соколова гадала трем девицам, и все гаданья сбылись. Кто остальные две?

— Батюшка, отец родной, помилуй! — в отчаянии вскричала Усанова. — Как бы я посмела нести навет на таких лиц? Да мне и в голову не приходило! Только, Бога ради, не надо меня в застенок!

— Кто, кроме оных троих особ или их ближайших родственников мог желать этого брака да еще так сильно, чтобы к нечистой силе обращаться? Подумай дурьей своей башкой. Никто. Но я сказал тебе: застенок потом. А пока изволь ответить мне на вопросы. Кому еще гадала Аксинья Соколова? Или тебя сразу в застенок вести?

Наветчица решила, что туда лучше не торопиться. Может быть, пока она будет отвечать, ее спасет какое-либо чудо?

— Гадала Насте Пригожиной, — тихо сказала она.

— А, так вот откуда я твое прозвание помню. Ты ведь и на Пригожину писала навет в Холопий приказ, якобы она — крепостная девка, сбежавшая от хозяев.

«Час от часу не легче, — подумала вдова. — Экая у него дьявольская память! Небось, тоже колдун».

— Да перепутала я... Потом вспомнила, у Матвеевых я ее встречала. Они в горелки все играли.

— Кто?! — яростно выкрикнул Возницын.

— Ну, не Артамон же Сергеевич. Девушки играли. Наталья Кирилловна, государыня, то есть, Настя и Дуняша, родственница ее...

— Чья? — резко выпалил дьяк.

— Ну, не Настина, а государыни. Вроде приживалки при ней была. Они давно не видятся, она замуж вышла, Дуняша, стало быть.

— Она путалась в словах и на щеках у нее выступили красные пятна.

— За кого вышла замуж, где жительство имеет и как ее зовут?

— Вышла замуж за лавочника, торгует скобяным товаром, где-то неподалеку от мясницких ворот они живут. Гусева теперь ее прозвание.

— Это Соколова ей нагадала, что за лавочника выйдет? — уточнил Возницын.

— Да нет, батюшка, не совсем так. У нее с Мишкой Кашириным шуры-муры были, он очень нравился ей, вот она и просила, молила даже Аксинью, хотела, чтобы Мишку нагадала ей. А Аксинья говорит: «Жизнь твоя будет обыкновенная, ничего особенного. Выйдешь замуж, родишь детей». Да, еще сказала: «предательство узнаешь от близких людей». Она так сразу и завяла, поняла: не выйдет с Мишкой. Он на Настю поглядывал уже и тогда. А перед отъездом в Польшу, говорят, сказал что-то Дуне, она плакала сильно и вскоре вышла замуж за этого Гусева, давнего воздыхателя своего. Была хорошенькая, а тут сразу подурнела. И Наталья Кирилловна, как вышла Дуня за лавочника замуж перестала

видеться с ней. Вот оно предательство от самых близких, сразу от двоих. Ведь она сирота.

«Бесценная свидетельница, — подумал Возницын, чувствуя, что посетительница говорит теперь правду. — Так и сыплет сведенья, как из мешка. Ей бы нам служить. Но с ней страшно иметь дело. Столько злобы, мстительна, небось, и завистлива, из трех девиц не донесла только на ту, которой не в чем позавидовать.

— Ты с ней видишься, с этой Дуняшей?

— Встречаюсь иногда. Поздороваемся, поговорим немножко да и пойдем, каждая в свою сторону. Неразговорчива она стала. А уж какая болтуня была.

— Пригожиной что нагадала?

— Вся жизнь в крутых поворотах. Аксиныя даже удивилась, какая ей предстоит необычная жизнь. Она еще две карты взяла и все головой качала. Потом сказала: вскоре будет что-то скверное, но чтоб Настя духом не падала, много в ее жизни будет перемен. Настя в скором времени и ходить к Матвеевым перестала.

«Что-то скверное будет вскоре, — мысленно повторил Возницын. — И перестала ходить к Матвеевым, а потом исчезла из дому. Пригожин говорит, что заболела и бежала в бреду. Темная история. Он вроде бы почти не старался разыскать дочь, как-то вяло вел себя. И рассказывал неохотно».

— С Пригожиной ты потом встречалась?

— А как же! Она ведь у Аксины поселилась, там я видела ее и не раз. Еще зимой, а потом перед ихним побегом.

— И чем она рассердила тебя?

— Почему, батюшка, рассердила?

— Ну, не ври мне, лучше сразу отвечай, на пытке-то все равно правду скажешь.

«Не иначе он колдун, — опять подумала Евфалия. — Человека наскрозь видит, как Аксиныя».

— Дерзкая девчонка, — сказала она. — Я ведь все дворцовые новости знаю, приехала к Аксины в гости, рассказываю им, а она вдруг как вывернется на меня и всяких грубостей наговорила, мол, я чужому горю радуюсь и «чудовищем» меня обозвала.

«Ты и есть чудовище, — подумал Возницын. — Мстительна, я так и думал. И завистлива. Небось, завидует царице, еще год назад сказала гадость. А сейчас, возможно, и для мести появился повод».

— Ты во дворце бываешь? — спросил он.

— Бываю, — неохотно ответила Усанова.

— С кем знакома? Либо по какому делу?

— Кружева у меня девки дворовые хорошо плетут. Я продаю, бывает, знатным людям, а во дворце придворные боярыни покупают и царевны тоже.

— Покойная государыня покупала у тебя?

— Да она все хворала в последнее время. Не до кружав ей было, — посеревшими губами прошептала вдова.

«Догадалась к чему спрашиваю», подумал Возницын. Помолчал и внезапно спросил:

— Государыня Наталья Кирилловна велела не пускать тебя во дворец?

Потускневшие темные глазки с ужасом глядели на Возницына.

— Что ты, Господь с тобой! Я ее и не видела давно. До меня ли ей сейчас.

— Мне ведь узнать это нетрудно, — сказал Возницын. — Сама понимаешь.

— Батюшка! — вскричала Усанова. — Государыня и в самом деле не велела пускать меня во дворец. И мне это ужас как обидно. И на Ксюшку я осерчала, что она ей нагадала такое. Но Богом тебе клянусь, не было у меня таких мыслей, что государыня колдовала и приворот устроила. Не было, чем хочешь поклянусь!

— Допрос окончен, — сказал Возницын и повернулся к подьячему. — Стражников сюда.

Вошли двое стражников. Дьяк велел поместить сидящую перед ним женщину в одиночную камору.

— Люди добрые, спасите! — кричала Усанова. — Я не мыслила против государыни. Мой навет на Ксюшку, только на нее. — И вдруг бросилась на колени перед Возницыным. — Хочешь, свой навет назад возьму? Я все сделаю, что ты прикажешь. Только жизни меня не лишай!

— Навет взять назад нельзя, — сказал Возницын. — Он у нас к делу подшит. Но ты можешь написать отказ от своего навета. Писать умеешь? Хорошо.

— Что ж мне, государь мой, там написать?

— Ну, напиши, скажем, что ты оклеветала Соколову по злобе из-за какой-нибудь мелкой обиды или ссоры, о чем сожалеешь. И что на самом деле Соколова — честная женщина и не занимается ведовством. Ведь все эти обвинения в ведовстве почти что только на твоих словах и основаны. О государыне не пиши — ты ее не упоминала в навете. И сейчас ненадобно.

— Но ведь там, вот он — она дрожащим пальцем указала на подьячего, — записал все насчет гаданья в матвеевском доме.

— Ну, это мы набело перепишем покороче и о девушках этих не станем упоминать.

— Я напишу отказ. А потом меня домой отпустят?

— Нет, ты у нас в каморе посидишь. Дело важное, на каких особ ты замахнулась. Завтра будем совещаться с судьей. Но отказ тебе поможет, и я за тебя вступлюсь. Может быть удастся избавить тебя от пытки. Уведите ее, — сказал он.

Евфалия едва держалась на ногах.

— Ну, дал ты ей жару, Владимир Петрович, — уважительно сказал подьячий. — Какая, однако, мерзкая баба! И откуда столько злобы в ней? Как ты мыслишь отпустят ее?

— Да кто ж его знает, — ответил Возницын. — Может, в монастырь какой-нибудь далекий сошлют.

Совет на следующий день держали не только с судьёю. Возницын известил Матвеева, совещались втроем, без подьячего.

Судья говорил, что коль скоро навет касался государыни, наветчицу бесприменно надо к пытке привести, хоть разок.

— Она и так напугана до смерти, — возразил Возницын. — Да и отказалась от всех своих обвинений.

— Так что ж ее просто отпустить? — спросил судья.

— На всю жизнь она не испугается, — заметил Матвеев, — еще много будет вредить.

Тут, постучавшись, вошел стражник.

— Ваша милость, вчерашняя наветчица буянит. Говорит, ее принудили отказ написать.

— Буянит, говоришь? — спросил Возницын. — Ну, сведи ее в застенок, пусть посидит там, подождет. Решение по ее делу еще не принято.

— Палачу что сказать?

— Пусть пока ее не трогает. Так и скажи при ней: пока.

— Ну, Владимир Петрович! — проговорил Матвеев. — Сам видишь.

— Да, особа пряткая, — согласился Возницын. — Может, сослать ее в какой-нибудь дальний монастырь и держать там в строгости и одиноко?

— Как бы не сбежала по дороге от излишней прыти, — сказал Матвеев.

— Чего ее зря в пытошной держать? — недовольно пробурчал судья. — Видно ведь какая сука, только злобу свою разжигать будет.

— Решайте сами, господа, — сказал Возницын. — Я с ней вчера целый день провозился. У меня важные дела, что ж мне только с ней и заниматься? Не буду я ее наветы да отказы переписывать по сто раз.

— И не надо переписывать, — живо откликнулся Матвеев. — Хорошо б ее хоть высечь там.

— Держать в пытошной, пока не угомонится, — строго сказал стражнику судья. — Будет буянить, постращать. Там знают как. Потом посадить во вторую камору. А там отвести в монастырь.

— Когда? — спросил Возницын. — Мне дело закрывать нужно.

— Нынче ночью, — веско произнес Матвеев. — Дело это и впрямь пора закрывать.

Возницын видел ее еще раз, когда ее вели во вторую камору, из которой никогда никаких воплей не бывало слышно. Ее не покалечили, но вид у нее был безумный и глаза горели жутким огнем.

Утром ему сообщили, что Усанова отправлена в монастырь. Больше он о ней никогда не слышал.

И не спрашивал о дальнейшей ее судьбе.

Зато уже день спустя он отправился к Мясницким воротам побеседовать с Дуняшей Гусевой. Молодая белокурая женщина, встретившая его, была весьма миловидна. Опять Усанова злость свою показала: «вышла замуж — подурнела», ну, к чему ей и об

этом врать?

Возницын стал расспрашивать Дуню о знакомстве с Настей Пригожиной, что за девочка она была? «Веселая, смелая, — улыбнувшись, ответила Дуня. — Мы в горелки играли, она бегала так шибко, никто не мог поймать». И про то, как перелезла через забор при первом знакомстве, а уж ученая какая была, на трех языках говорила и пиесу перекладывала французскую. Рассказала Дуня и о пресловутом гаданье, когда Насте была предсказана в скором времени беда и на всю жизнь крутые повороты. «А потом она к нам перестала ходить, — сказала Дуня печально. — В августе, пожалуй, раза два или три такая смутная пришла, а затем и вовсе пропала».

— А не спрашивали вы с Натальей Кирилловной, почему она грустит? — допытывался Возницын.

— Наташа ничего не спрашивала, а мне так было ее жаль, я хотела узнать, да она ничего не сказала.

«Даже подруге не сказала. Что за тайная гроза прошла в мирном домике добрейшего Льва Акимыча? Странно, эта женщина так простодушна, но ни слова о Каширине. А ведь по его увереньям они видятся даже сейчас. Эта язва уверяла, что Дуняша была в него влюблена, он отверг ее, как будто из-за Насти, и она вышла замуж с горя».

— Скажи, Дуня, — спросил он мягко, чуть ли не вкрадчиво, — ты Михайлу Каширина видишь иногда?

Дуня смутилась.

— Так ведь он же у тебя в тюрьме сидит, — тихо ответила она и покраснела.

— Я надеюсь, это ненадолго, — торопливо сказал Возницын. — Но скажи мне все же, видела ли ты его после возвращения из Польши?

Дуня внимательно на него посмотрела.

— Ты, небось, что-то слышал про нас? Я на Михайлу не в обиде, он честно меня упредил. — Она вздохнула. — Только ведь от этого не легче.

— Как упредил? И когда? — спросил Возницын.

Казалось бы, пустое любопытство, но он давно заметил: лишнее знание редко бывает лишним.

Дуня покраснела, заволновалась.

— Я провожала его в Польшу, — сказала она, и плакала сильно, а он вдруг отозвал меня в сторонку, я обрадовалась, так и бросилась к нему. А он, Михайло, значит мне и говорит: «Я уезжаю надолго и хочу быть с тобой честным. Не жди меня. Посватает хороший жених — выходи.» Я так и охнула и хотела ему возразить, что буду ждать его сколь угодно долго, а он тут сухо так, неласково меня перебил: «Знаю, знаю все. Во мне дело. Я на тебе не женюсь».

Служба нечестивая — в чужой душе копать и невинного человека мучить. На Дуню жалко было смотреть. Зато теперь он все об этом знает.

— А после Польши был как-то у нас, — продолжала она. —

Вина и сладостей принес. Поздравлял с законным браком. С мужем познакомился моим. Все твердит, как он рад, что мы так дружно живем. Мой-то, простая душа, ничего не заметил, а я вижу: ему и неловко и скушно у нас. Так и хочется уйти поскорее. Нет, он все же у нас посидел, вежливый человек. Про Польшу что-то смешное рассказывал. Муж вот тоже говорил: вежливый человек, хороший. А потом долго не заходил, в делах, небось недосуг.

Она вскинула головку, в голубых глазах ее блеснули слезы:

— И как-то прибегает к нам, взволнованный такой, — произнесла она зазвеневшим голосом. — Прибежал и этак торопливо говорит: дескать, Насте беда грозит большая, домой ей нельзя воротиться, так не может ли она у нас с мужем пожить? Яша мой, он добрый ведь, он сразу говорит: «Ну, отчего же нельзя, если подруга твоя в беду попала, места у нас хватит». Хороший человек мой муж, сочувственный, простосердечный, ни на кого его не променяю.

Нет, права была Усаниха, права. Любовь, даже горечь ее и обида, красит женщину необычайно. Совсем другая Дуня сидела перед ним. Чувство оживило ее, и она была прекрасна в своей оскорбленной гордости и печали.

— Как ты верно сказала, — заметил он. — Видно по всему, что муж твой человек хороший. Познакомь меня, пожалуйста, с ним.

Дуня при этих словах просветлела.

— Яшенька, — позвала она ласково. — Взойди сюда, мой друг. Господин Возницын с тобой познакомиться хочет.

Вошел Гусев. Был он узкоплеч и некрасив, волосы над молодым лицом раньше времени поредели. Но столько добродушия было в его обыденном лице и с такой любовью смотрел он на свою Дуню.

Возницын посидел с ними и от угощения не отказался. Расспросил, как торговля, какая есть родня, с кем дружат. И сказал им прямо, что они могут, если хотят, помочь Михайле Каширину освободиться из тюрьмы, и для этого нужно написать, что через несколько дней после Пасхи он просил их приютить у себя Настю Пригожину и спасти этим от большой беды. Разумеется, они охотно все написали, но ведь и в самом деле все было так.

«Какие славные люди, — думал Возницын. — Что за прелесть эта Дуня. Она не любит мужа, но сколько сердечности в их отношениях. А государыня наша молодая совсем другого толка, чем ее бывшая подруга. В ней какой-то холод и высокомерие есть. Подругу бросила, а ведь они выросли вместе. Да и Усановой припомнила колкость и не простила в свои счастливые брачные дни. И Настю не расспрашивала, отчего смутна. Дуня ее пожалела и узнать пыталась, что же там случилось. Не узнала, правда... Подумать только, у Льва Акимыча тайна и какая-то гадкая тайна. Чувствую. Но я узнаю все равно».

Как кружевница распутывает испорченный узор, медленно, петельку за петелькой, так Владимир Петрович распутывал дело, испорченное с самого начала нарочитыми умолчаниями и клеветой. С Аксины полностью снято только обвинение в

вероотступничестве. Остальные — там их целая куча — пошатнулись, но остались. Судья все просит отвести ее к пытке и убедиться, ведьма ли она. Возницын все откладывает. В порче, привороте и прочем ее никто не обвиняет, лишь Усаниха намекала на приворот, но чем все это кончилось? Саму же свели к пытке. Зато лечит она какими-то невиданными средствами, гадает тоже чересчур хорошо, да еще эта дурацкая слава, что умеет мысли читать.

Что касается до содержания притона, уже понятно вроде, что не притон, а постоялый двор, и останавливались там обыкновенные люди, но все же можно сказать — постоялый двор с дурной славой.

С Мишкой Кашириным легче дела. Обвинение во взяточничестве с него сняли. А после посещения Гусевых ему можно заменить разглашение государственной тайны на легкомысленный, но объяснимый проступок. Можно будет, пожалуй, просить, чтобы отпустили его на поруки.

Был перепутанный, жестко стянутый узел. А теперь уже завиднелся узор. Перекошенный, кривой. Надо еще петельки распутать.

Вечерними рассказами Василия Васильевича Голицына о розыске в приказе Тайных дел, где сидят то ли очень скверные, то ли очень хорошие люди, обвиненные в страшных грехах, никто так не был увлечен, как царевна Софья.

Правда Возницын рассказывал далеко не все своему высокопоставленному другу — ведь служил он все же в Тайном приказе. Но в этой страшной кровавой истории, где так много людей погибло, а остальные попали в тюрьму, было переплетено столько любовных нитей, что просто сердце замирало. Тем более, что сердечко молодой царевны уже не пребывало в полном покое — смутные, самой пока не ясные волнения тревожили его.

Из большого числа действующих лиц этой на глазах разыгрывающейся пиесы выделялось одно, все больше и больше притягивающее к себе Сонечкин интерес. Девушка! Образованная; так же, как она, знающая иноземные языки и читавшая те же книги, правда, духовных книг она, как видно, читала поменьше, внезапно начинает совершать безумные отчаянно смелые поступки. Она бежит из отчего дома — Софья видела несколько раз ее отца, дьяка Посольского приказа. К слову сказать, особенно любопытно ей было оттого, что она знала некоторых действующих лиц этой пиесы или связанных с ними людей.

Девушка бежит из дома ночью, больная, как говорят в бреду, но кто знает правду? Бежит она поздней осенью, в мороз, говорят, даже не взяв с собой одежды, просто накинув какое-то рубище, оказавшееся под рукой. А весной ее встречают знакомые ей люди — боярина Шатова и Софья знает. Встречают ее в странном доме, в полутора верстах от Москвы, где живут прячущиеся от закона люди, разбойники и староверы. Говорят, за эти полгода она дивно похорошела, богато одета, а держится так, будто она владетельная

особа.

Московские знакомые упрасивают ее бежать из этого вертепа в Москву, дом — злодейское гнездо — не сегодня, завтра будет схвачен. Ей обещают даже пристроить ее во дворце — из вертепа да во дворец — додумались вьюноши! Она пугает их, что-то обещает и внезапно, в последний миг, сбегает на Дон к Стеньке Разину с живущим в том же доме Стенькиным атаманом, любовницей которого она была. Впрочем, ходит слух, что не любовницей, а женой или невестой — атаман купил ей подвенечное платье редкой красоты, все в алмазах.

Выйти замуж за человека чуждого сословия, бежать с ним туда, где разгорается мятеж. Безумная она? Все говорят, она весела, спокойна, остра разумом. Что толкает ее на эти безумства? Любовь. Говорят, что они с атаманом горячо полюбили друг друга. Но почему она бежала из дому? Может быть, она уже знала его тогда?

Соне до смерти хочется расспросить Наталью Кирилловну, свою молодую мачеху, на которой отец женился несколько дней назад. Ведь загадочная эта девушка, Настя была подругой Натальи Кирилловны, часто ходила к Матвеевым до своего побега. Спросить Наталью Кирилловну, какая она, эта Настя. И почему с ней свершаются все эти чудеса?

Очень хочется спросить, но что-то отталкивает от мачехи. Зачем батюшка женился, ведь старый уже.

А Наталья Кирилловна совсем молодая и очень красива — черные бархатные очи — ах, ей бы такие очи! — но на Софью так и веет от царицы холодком. Она со всеми держится холодновато, может быть, стесняется на первых порах? Стесняется немножко, да, но холодок этот внушает опасения, и не так уж она робка. Усаниху, придворную кружевницу не велела пускать во дворец. Говорят, Усаниха куда-то совсем пропала. Не понравится ей кто-то и отстранит она его. Вот и отец для царевен времени теперь меньше отводит, ну, да это понятно, влюблен по уши в молодую жену, глаз с нее не сводит.

Как это батюшка мог влюбиться? Разве влюбляются немолодые люди? Им детей надо растить. Но Софья умная девочка, она понимает: все ее братцы слабого здоровья, а отец мечтает о сильном, крепком наследнике. И он прав — России нужен такой. Где-то в иноземных странах женщины правят. В Англии были королевы Елизавета, потом Анна была, а до Елизаветы еще Мария. Жили б они в Англии, сумела бы она, Софья, править? Нет, наверно, хотя она много крепче и смелее своих братьев. Но у нас ведь не Англия, а Россия. Нужен мальчик, чтобы править здесь. Вот батюшка и женился. Все верно. Но не нравится ей мачеха, пугает ее холодок и не нравится, что батюшка уж больно сильно влюбился.

Приближался суд. Возницын, не давая отдыха подьячим, перетаскал к себе в приказ всю разбежавшуюся в тот памятный четверг женскую прислугу Аксиньиного дома. Стряпуха Таня, проливая слезы в три ручья, вновь уверяла, что Аксинья лучше

всех на свете. Она же сообщила наверняка, что Настя с Иваном собиралась венчаться, сама Настя ей сказала, когда их вдвоем возили в церковь к Пасхальной службе. Так, что обвинение в сводничестве наверняка отпадало. Сам Возницын знал это давно, но не стал записывать и приобщать к делу откровенные слова Аксиньи, которые так тяжело ей дались.

Горничные, прачка и судомойка не плакали, но сообщили больше полезного, чем Таня. Оказалось, что служить в доме Аксиньи во всех местных деревнях считалось за большую честь и устроиться туда на службу было трудно. Но зато если ты там служишь, можно рассчитывать на хорошего жениха. Девушек из Аксиньиного дома охотно сватали в любую семью.

— А какая же тут связь и в чем причина? — полубобытствовал Возницын.

— Как же, батюшка, — затарахтела старшая горничная. — У Аксиньи дом самых строгих правил, ни покражи, ни гульбы. Один раз какой-то тать, того не зная, украл у постояльца новые сапоги, так Аксинья конюху велела так отделать его кнутом, что он на другой лишь день смог на ноги подняться. Там копейки ни у кого не пропало. И хорошие гости так и рвутся к ней в дом. Это уж, батюшка, так нечаянно случилось, что набежало вдруг много воря.

— Могла бы не пускать, — сказал Возницын.

— Ну, все же они деньги большие платят, надо же и заработать ей, может у нее нужда была в деньгах. А правила они все соблюдают. В других домах такое творится, вечно обворуют кого-то. А у нас этого и в заводе нет.

Остальные бабы подтвердили ее слова.

Все было записано — и про добрую славу Аксиньиного постоялого двора, и что порядочные девушки мечтают у нее поработать, чтобы отличиться в глазах женихов, и даже про побитого кнутом похитителя новых сапог.

Ко всем этим полезным для Аксиньи свидетельствам дня за два до суда прибавились и новые, уж вовсе неожиданные. Писец Разбойного приказа доставил показания некоторых содержащихся там лиц.

Оська Хлыщ, великий умелец по части хищения кошельков, сообщал, что не желает, чтобы его смешивали со всякой сволочью, не способной ни к какой тонкой работе, кроме как головы кистенем разбивать и обшаривать мертвое тело. Он в их сговоре клеветническом не участник, Аксинью же знает давно, как женщину честную и содержащую дом в большой чистоте и порядке. Потому завсегда останавливается у нее с другими порядочными людьми, среди которых и купцы и даже дворяне бывают.

К Оськиному свидетельству было приобщено записанное с их слов свидетельство торговли краденым из Смоленска и одной московской воровки. Обе бабы, не умея писать, сообщали словесно, что против Аксиньи образовался сговор из-за того, что она заперла всех в доме, взяв сторону Михаила. Что им обоим это тоже обидно,

но они столько хорошего видели от нее, что подумав, решили за Аксинью вступить и от сговора отойти.

«Сговор! — мысленного произнес Возницын. — Был сговор и развалился. Честь и хвала тебе, Оська Хлыщ. Ты первый сказал это слово. Не сомневаюсь, — что ты воздействовал на двух этих бабенок. А может, они все перессорились там — давно уж варится в своем соку вся эта братия. Ну, раз обнаружился сговор, то со всеми остальными свидетельствами, — особенно старшей горничной, — дом притоном не годится называть. Это порядочный дом. Если бы не проклятое это ведовство, ее бы на волю можно было выпустить с остальными. Был поздний вечер. Завтра собрать все бумаги, а на третий день — суд. С Аксиньей надо поговорить. Пусть ведет себя поумнее, а то и, правда, судья к пытке отошлет.

* * *

Софья, наконец, решилась. Подошла к мачехе, сказала учтиво:
— Государыня, хочу с тобой поговорить.
— Что тебе, царевна? — спросила та сухо.
— Насчет Насти этой, из-за которой Каширина судят. Это правда, что она была подруга твоя?

— Зря вас, девочек пускают эти рассказы по вечерам слушать, — неприязненно произнесла царица. — Возбуждение бесовское от них.

— Но ты правда с ней дружила? — не отступалась Софья. — Расскажи мне про нее.

— Дружила, — неохотно отозвалась царица. — В горелки играли с ней. Мы с моей родственницей в саду гуляли и увидели ее через сквозной забор. Дуня, родственница моя, позвала ее к нам, чтобы третья для игры была. С тех пор она к нам и повадилась.

«Она ее не любит, — подумала Софья. — Неприязненно говорит о ней. Любит ли она кого-нибудь, кроме батюшки? Батюшку как ей не любить — царицей сделал ее».

— Но какая она была? — продолжала свое Софья. — Расскажи мне хоть немножко о ней.

— И зачем это тебе, не понимаю, — покачала головой царица. — Долговязая да долгоногая была. В горелки ее не догонишь.

— А еще что?

— Вот прицепилась. Ничего в ней хорошего не было, — внезапно с сердцем сказала царица. — Как мальчишка. Дуня позвала ее к нам, она к калитке не пошла, прямо через забор махнула. Мать у нее умерла, а отец давал ей много воли. Она сказывала: когда девочкой была, с соседскими мальчишками по чужим садам лазила, яблоки таскала.

— Отчего она из дома убежала?

— Почему же я знаю? Хватит с тебя, Софья. Целый час с тобой стою. Негоже это царевне расспрашивать о таких особах. Ступай с Богом.

Софья поклонилась мачехе малым поклоном, тряхнула головой

и ушла. Что-то все-таки она узнала. Через забор махнула. С мальчишками по садам лазила. Значит, в ней это всегда было, такой уж зародилась. А не любит мачеха ее.

Наталья Кирилловна сказала мужу, что не надо бы царевнам по вечерам Голицына слушать. Нехорошее возбуждение от этих рассказов, а они еще малы.

Но царевна Софья такой подняла вой, так топала ногами, посуду заморскую побила, охрипла от рева, распухла от слез. Государь сам ходил успокаивать дочку и обещал и впредь их пускать.

* * *

Возницын вызвал к себе Аксиныю.

— Завтра суд, — сказал он деловито. — Думай над каждым словом, какое говоришь. О вас с Кашириным многие хорошо отзывались и, если бы не обвинения тебя в ведовстве, ты б наверно вместе со всеми вышла на волю. Полагаю я, отпустят остальных. Умная ты вроде женщина и что тебя все манят гадания да предсказания?

— Уж что кому дано, — ответила Аксиныя. — Свою натуру не пересилишь. Вот Настя, например...

— Что Настя? — спросил он. — С атаманом бежала?

— Да нет, я про другое, — сказала Аксиныя. — Женился ее отец на злой бабе и мачеха стала ее притеснять.

— Как притеснять? — поднял голову Возницын.

— Ну поначалу, словами ехидными донимала. Потом — вроде в шутку, — щипать ее стала, тыкать пальцами под ребра, а там и колотушки пошли.

— А отец не вступался?

— Она пожаловалась ему как-то. Он обещал вступиться. А тут мачеха вошла. И опосля этого пошла лютовать. На привязи ее держала. Что глаза таращишь? Веревкой шею ей обвязала и держала на привязи, как козу. В чулан ее засадила на хлеб и воду, она там сидела на голом полу и спала так же.

— А отец? — хриплым шепотом спросил Возницын.

— Отец не вмешивался. Больно жену молодую любил. Да и боялся. Я тебе к чему это рассказываю? Другая девочка там зачахла бы и умерла давно. А Настя сбежала, едва подвернулся случай. Накинула что под руку попало — мужской тулуп старый, сапоги мужицкие худые — ох, и обморозилась она, мы с Иваном ее едва откачали.

— С атаманом этим?

— Ну да, он ее у калитки встретил и прямо в дом внес на руках.

— Аксиныя вдруг рассмеялась, — а по дороге шайку воровскую повстречала, они хотели ее схватить и худое над ней сделать, так разогнала Настя их.

— Как разогнала?

— Разозлилась. Она в гневе ничего не боится, а люди чувствуют

и сами начинают робеть. Говорю тебе: натуру не пересилишь. Уж кто какой зародился. Так что не суди меня.

— Тебя суд будет завтра судить, а я предупреждаю: про натуру там поменьше говори.

— Знаю. Спасибо тебе, Владимир Петрович. Я вижу, ты стараешься, жалеешь меня.

— Я стараюсь для правосудия. — Он поерзал на деревянном кресле. — Ох, последний разговор тяжелый остался — Поликсена эта. Дурочка она что ли?

— Да не особо умна, но добросердечна. Добротой живет, а не умом.

Аксинью увели. Возницын велел привести Поликсену.

Он бился с ней уже не в первый раз.

Татей пожалела и из погреба выпустила. Добросердечие показала свое.

— А обожглась ты как, коли в доме ничего не горело? Сама что ли первая подожгла?

Но Поликсена, хоть не была особенно умна, того, что никак нельзя сказать, не говорила. Не могла, никак не могла сказать, что подожгла камору, где Аксинья вершила свое чародейство.

— Ключки какие-то огненные летали, — рассеянно проговорила она.

— Откуда ключки? Старцы позже пожар устроили.

— Нет, они уж там чего-то разжигали.

— Владимир Петрович, — вдруг вмешался подьячий. — А может быть они жгли какие-нибудь книги либо бумаги и ключки бумажные сквозняком подхватило и на Поликсену эту понесло.

— Это уж не сквозняк, а ураган какой-то, — проворчал Возницын. Удивительное дело — самая глупая и бестолковая так и не ответила ему, откуда взялся огонь. Но кончать с нею как-то надо. Завтра в суд. И если он не объяснит, отчего обгорела эта монашка, ее и впрямь могут в пытошную отвести. А существо она безобидное и добрая, конечно. Все для кого-то старается. Своих тайн у нее нет. Ладно, Бог с ней.

— Бумажные ключки на тебя летели? — спросил он строго.

— Бумажные, батюшка. — Не так уж она была глупа.

— Правда, что ли, сквозняк поднялся?

— Был, сквознячок, был.

— Ну, запиши там, Вася, свое измышление. — И повернулся к Поликсене. — Убирайся с глаз моих долой.

Очень редко ему случалось писать то, что придумал сам. Он привык докапываться до сути.

Через несколько лет Каширин ему рассказал, что Поликсена жгла Аксиньины травы, чтобы оградить ее от обвинения в чародействе. Дело давно прошедшее, но Возницын был поражен. Если бы он выудил тогда у Поликсены правду, пошла бы в застенки и Аксинья, не только она. Может быть, и погибли бы там обе. А он-то старался. Ну, спасибо подьячему. Когда он высказал свои мысли Михаилу, тот кивнул, потом пробормотал:

— Много начудила эта Поликсена. И старцы ведь сгорели из-за нее.

— Это как же? — встрепенулся Возницын.

— Огонь у них не разгорался. А в «чародейной» с легкой руки Поликсены пожар бушевал во всю. И проповедник их, знаменитый Захария, потащил свою паству туда.

— А ты откуда знаешь? Разве ты находился не во дворе, а в доме?

— В это время я в доме был. Я даже монашенку одну пытался спасти. Она вдруг закричала, что боится и не хочет идти в огонь. А Захария ее за руку тащил туда.

— Что ж не спас? Старца не пересилил?

— Балка свалилась. Их всех накрыло огнем.

— Да, судьба. Впрочем, они к этому ведь стремились. Монашку жалко. Захотелось ей жить. А тут вдруг балка.

Суд был закрытый. Но в нем участвовали некоторые из самых важных московских вельмож. А перед зданием суда толпилось много народу. Поближе к воротам все приличные господа. И оделись, словно на праздник.

Сперва разбирали дела Разбойного приказа. Слушали их без особого любопытства.

Двум воровкам и Хлыщу за раскрытие сговора смягчили наказание — Хлыщу — год тюрьмы, бабам — по три месяца.

Участникам же сговора, за ними еще числились грабежи и убийства, и сопротивление властям, следствие продлили и велели завтра же вести их к пытке.

Дальше в судейской палате стало оживленнее. Возницын докладывал. Правда, замучил всех, столько у него было свидетельств. И сам ездил и к себе вызывал, целую толпу перелопатил.

— Бедный Володя, — прошептал Голицын. — Это ведь Танталовы труды.

— Почему Танталовы? — возразил Татиевский. — Он ведь выяснил все, работал не зря.

— Работал, конечно, не зря. Но завтра ему новое дело сунут и опять все то же пойдет. — Василию Васильевичу жаль было приятеля. С детства он усердный такой.

Прислугу всю признали невиновной.

— Вот тебе, князюшка, справедливость, — сказал соседу Голицын. — Мужики охраняли дом и половина из них головы там сложила — их полтора месяца продержали в тюрьме. Бабы все разбежались — они свидетельницами идут.

На Поликсену все глядели с любопытством. Сумасшедшая? Юродивая? Святая? Юродивая, скорее всего. Судья настаивал, чтоб она пообещала перейти в истинную веру.

— Ты вон обгорела вся. Из огня бежала. Неужели мало тебе? Дай слово, что будешь в обычную церковь ходить. А не то в тюрьме оставлю.

Поликсена мялась.

— Я все так сделаю, как ты советуешь, господин судья, мне бы только немного в себя прийти. Уж очень я намаялась. То в огне горела. То вот тюрьма.

Слушатели зашумели. Всем было жаль несчастную бабу с добрыми лучистыми глазами. Может быть и впрямь юродивая она. Решили ее отпустить и велели как следует подумать.

Дальше шло дело Михаила Каширина.

Стало тихо.

Обвинение во взяточничестве было снято легко. Разглашение тайны могли не простить. Но тут встал князь Татиевский.

— Настеньку Пригожину, — проникновенно сказал он, — я с ее детства знаю. Прекрасная девушка, добрая, сердечная и чистая душой. А уж какая умница, так образована, таких способностей редких, в Москве почти и не найдется подобных девиц. Украшение нашего дворянства, истинный перл. Спасибо Льву Акимовичу, что воспитал такую дочь.

И чтоб ее не защитить, дать ей погибнуть, заключить ее со всяческими негодьями в тюрьму? Как мог иначе поступить Михаил Каширин? Если вы его накажете, накажите и меня. Я бы то же самое сделал на его месте. Так что, ты прикажешь, судья, надо мне в тюрьму собираться?

И хотя все знали, что именно с негодьями Настя и сбежала, все растрогались зело. Матвеев взял Михайлу на поруки, и был он освобожден.

Самое последнее дело, об Аксинье Соколовой, Возницын докладывал весьма долго, свидетельств зачитал бездну. Но по-прежнему не снятым оставалось самое важное — чародейство и ведовство. Связь с темными силами, умение проричать будущее и угадывать невысказанные мысли людей. В пользовании больных какими-то необычайными лекарствами, о коих не слыхали даже придворные лекари, ее не обвиняли. Спасибо Поликсене.

Порешили следствие по ее делу продолжить. Судья потребовал завтра же отвести ее в застенок. Возницын решительно протестовал. Он ведет это дело, и пусть ему не мешают, ему доверено, он и будет без посторонней помощи исполнять.

Аксинью, бледную, под руки увели стражники. Всех выпустили на волю, и один Бог знает, долго ли Возницыну удастся уберечь ее от пытошной.

На улице стоял еще белый день, когда суд закончился, и сидевшие в палате вышли из помещения и смешались с теми, кто поджидал их у ворот.

Принарядившийся Лев Акимович Пригожин вместе с моложавой черноглазой женой двинулся навстречу вышедшим из палаты — кто-то успел шепнуть ему, что в суде его за что-то хвалили. Дьяк Возницын твердым шагом подошел к нему.

— Господин Пригожин, — сказал он отчетливо. — Если будет у нас общее служебное дело, мне конечно придется разговаривать с тобой. Но своим знакомым я тебя больше не считаю — и кланяться не буду, и руки не подам. Ты прекрасно знаешь — почему.

И отошел, не поклонившись.

Окружающие оторопели, бросились с расспросами — кто к Возницыну, кто к Пригожину, который страшно побледнел, но ответа никто не получил. А супруга Пригожина, сверкая черными глазками, схватила мужа за руку и потащила к возку, расталкивая всех, пытавшихся к нему обратиться.

Впрочем, Возницын не мог не рассказать, чем вызвана его удивительная речь, таким людям, как князь Татиевский, князь Голицын, Матвеев. И подьячий зарок молчания не давал. К вечеру вся Москва уже знала ужасные подробности издевательств мачехи над Настей, да и Каширин подтвердил, что сама Настя ему сказала: «сбежала из дому, потому что была измучена издевательством мачехи».

В двух местах было сугубое волнение. Лютовала Фекла, проклиная всех, кто ее охаял, начиная с мерзавца Возницына, ругательски ругала мужа, что он за нее не вступился, и даже прибила его.

И в тереме у царевен бушевали страсти.

Высокая красивая Марфа, сверкая очами, взволнованно и быстро говорила:

— Вот они, мачехи. Словно бес в них какой-то сидит, так и тянет падчерицу мучить. Чего уж не достает, не то, что мы, несчастные, сидим по теремам, стародевический век мыкаем. Вышла замуж — радуйся, все у тебя есть — и муж, и детей своих с ним народишь.

— Ревнуют они мужей-то к детям от первой жены, — скушным голосом сказала старшая, Евдокия. — Все боятся, на их долю меньше любви достанется.

Софья, хоть и девочка еще, но умница большая, вспыхнула, заговорила с гневными раскатами.

— Это падчерицам бояться надобно — нам не достанется отцовской любви. Как родит наследника, да еще мальчика, это ль батюшке не радость, он нас знать не захочет.

— А уж горда красавица, цены себе не сложит, как она с нами-то разговаривает, — пропела Марфа.

— Да она и не разговаривает, — срывающимся голосом сказала Софья. — Я с ней заговорила, отвечает сквозь зубы, а потом не выдержала: «Я целый час с тобой стою, иди себе». Мы противны ей, она нас уже ненавидит, мы соперницы ее будущим детям.

— Да какие мы соперницы — вековухи, — с горечью сказала Марфа.

— Она нас тоже заставит спать на полу? — плаксивым голосом спросила Машенька.

— У нас ковры хорошие, — засмеялась Софья, — и на полу посним, ничего не будет.

Но младшие, Фенечка и Маша, подняли рев.

Нянька бросилась за помощью и тут же наткнулась на окольного Никиту.

— Сейчас сбегаю, царю доложу, — сказал он. — Государь, кажись, пошел к нам в терем.

Государь застал старших царевен в большом волнении, по-французски «ажитации», со сверкающими глазами и пылающими щеками, младшие же ревели во все горло. В тереме творилось Бог знает что.

Увидев батюшку, примолкли, стали неподвижно.

Государь принялся усовещать царевен, но в то же время их успокаивать. «Вы узнали страшную историю о злой мачехе, которая мучила падчерицу. Но не все ведь мачехи одинаковы. Вы государыню еще не знаете. Она добрая, славная, а о таком мучительстве и помыслить не может. Да и я вас люблю по-прежнему, милые мои дочки, понапрасну вы разволновались. Приходите ужо вечером, будут князья Голицин и Татиевский. А на Наталью Кирилловну напраслины не несите. Она женщина добрая, умная, Артамона Сергеевича воспитанница. Вы ведь его хорошо знаете».

Вечером слушали о суде, о ворах и убийцах, о загадочной женщине Ксюшке, то ли чудесной лекарке, то ли ведьме, да еще мастерице прозревать будущее и угадывать чужие мысли. О том, как она гадала трем девицам, а одна из них сидела сейчас с ними, молодая их мачеха — сбылось гаданье, высоко она взлетела. Настя где-то на Волге, верхом и с саблей, влюбленный атаман обучил ее войсковому делу.

— А что третья? — тихо спросила Евдокия.

— Тезка твоя, Дунюшка, вышла замуж за незнатного, но доброго человека и живет с ним в любви и согласии, — мягко сказал крестный Евдокии князь Татиевский.

— Любовью-то, я слышала, там и не пахнет, — холодно сказала Марфа — царевны за день много узнали, — ну, хотя бы не старая девка.

— А ты все о замужестве мечтаешь, — сердито буркнула Софья. — Каждому свой удел. Кому взлеты, а кому — терем.

Голицин бросил любопытный взгляд на необычную эту девочку, такую резкую и смелую и решил переменить разговор:

— Аксинья эта единственная осталась в Сыскном приказе, чье дело еще не решилась, а между тем, ее многие хвалят, говорят, она немало сделала добра. Жалко было смотреть, как выводили ее из палаты, она сломлена и замучена.

Наталья Кирилловна вспомнила вдруг — да так живо-веселый, удивленный взгляд Аксиньи, когда она вытащила ей счастливую карту. Она не позавидовала ее счастью, как завидуют ей эти языкастые царевны, она рада была за нее.

И едва она подумала это, Софья вдруг насмешливо спросила:

— А ты, государыня, небось, рада, что мачеха так измывалась над этой Настей. Ты ведь не любила свою подругу.

Алексей Михайлович хотел отругать Софью, но Наталья Кирилловна заговорила первой:

— Ты напрасно язвишь, царевна. Мы с этой моей подругой очень разные были. Но радоваться зверству я не способна.

Все мужчины одобрительно закивали, а Софья покраснела.

Обошла ее мачеха. Выдержки у нее много. Ничего, и выдержке можно научиться. Мачеха дала ей хороший урок.

— Извини, государыня, мою глупую дерзость, — мягко и смущенно сказала Софья. — Боль сердечная меня одолевает с тех пор как я услышала о злосчастиях этой Настасьи. Я не хотела тебя обидеть.

— Ну, вот и славно, — сказал государь. — Обе вы умницы и объяснились по-хорошему.

«Никогда батюшка меня не бросит без защиты, как сделал этот негодный Пригожин», — с облегчением подумала Софья, и — неслыханное во дворце дело! — обратилась прямо к Голицину.

— Князь Василий Васильевич, передай мое восхищенье твоему другу Возницину. Он хорошо отделал Настинного отца. Ничего нет хуже, чем предательство.

Казалось, эти слова царевны совсем уж не касаются ее, но Наталья Кирилловна весь вечер сидела как на иголках. Ей передали, как бушевали днем царевны, а маленькие плакали и боялись, что она заставит их спать на полу.

«Я бы больших заставила, — подумала она сердито. — Слова попросту не скажут. Змеиное гнездо — их терем». И опять перед ней возникли черные веселые глаза Аксиньи, с удивленной радостью смотревшей на Наташину счастливую карту.

Утром государь проснулся рано и увидел, что жены нет на месте. Она сидела на парчовом пуфе, закутавшись в отделанную горностаем темно-красную бархатную телогрею.

— Ты что? — испуганно спросил он. — Почему тебе не спится? Замучили вчера мои девчонки? Да они хорошие. Просто боятся, что мачеха их будет обижать.

— Это мне их впору бояться, — ответила царица. — Постоять за себя сумеют. Нет, не из-за них мне не спится. — И вдруг сказала ласково и мягко: — Алешенька! — У государя дрогнуло сердце — впервые она так его назвала, а то все государь да государь. — Алешенька, друг мой милый, — нежно говорила Наташа. — Я еще с вчерашнего вечера, когда мы с царевнами пререкались, вижу пред собой Аксиньины глаза. Ты ведь знаешь, что она еще за год предсказала нашу женитьбу и так обрадовалась моему счастью, глаза у нее такие веселые были. А сейчас она сидит в тюрьме и ее уже сегодня могут подвергнуть пытке. Судья, говорят, рвет и мечет, требует вести ее в застенок. А ведь судят ее за ведовство и за это гаданье.

— Ну и что ты хочешь сказать, душа моя? — мягко спросил Алексей Михайлович.

— Твоя дочка вчера правду сказала: ничего нет хуже предательства. Я все вспоминаю, как Аксинья на меня посмотрела и думаю: «а ведь я предала ее». Она так радовалась, предсказав мне счастье, просияла даже, а ее замучат за это в застенке. Нам не будет с тобой счастья, милый, если ее убьют на пытке. Придумай что-нибудь, Алешенька, спаси ее, мне просто невозможно думать, что предсказание нашего счастья — гнусное ведовство. Да я в это

и не верю.

— Какая нежная душа у тебя, милая моя Наташа, — проговорил растроганный государь. — Я, конечно, буду думать и уповаю, Господь пошлет мне светлую мысль. Но мне надо повидать эту женщину и поговорить с ней.

— Так поезжай сегодня же! — воскликнула Наташа. Как многие холодные люди в редкий миг сильного чувства она была особенно горяча.

— Экая ты нетерпеливая! — улыбнулся государь.

— Но ведь ее убить могут! Говорят, она так измучена, что может умереть при первой же пытке.

— Я немедленно прикажу, чтоб ее не водили к пытке, — сказал государь. — И не бойся, я сегодня же к ней поеду. Только бы Господь снизошел к нашему желанию, и меня осенил ясный и убедительный довод. Пора вставать. — Он дернул шелковый шнурок.

Возницын словно бы подарок получил, когда из дворца прибыл рында с приказом: «Соколову в застенки не водить. Строжайший запрет государя». Дальше оказалось, что государь желает самолично повидать Ксюшку и поговорить с ней, для чего сегодня будет в приказе Сыскных дел. Что бы это значило? Кто просил за Аксинью?

Царь приехал после утренней службы. Их беседа с Аксиньей была очень долгой.

Чем больше он с ней говорил, тем больше убеждался: не тьма, а свет в ее душе.

Наташенька вспоминала ее веселые глаза, говорила, что Аксинья, предсказав ей счастье, просияла даже. Трудно сейчас представить ее такой — замученная немолодая женщина с усталыми глазами. Он расспросил ее, зачем она пускала преступников в свой дом, и как ей удавалось сохранять с такими постояльцами пристойность и порядок. Многое представлялось ему странным, но все время оставалось чувство, что она говорит правду и что сердце ее доброе и душа чиста.

Государь ведь тоже умел проникать в душу. Он был умен и внимателен к людям. Правда, его за это никто никогда не судил.

Он сказал ей, что просила за нее государыня, и вдруг лицо ее помолодело и заблестели глаза. И царь увидел, что она очень красива. «Наташа за меня просила! — воскликнула она. — Я всегда говорила, что сердечко у нее доброе!» «Разве в этом кто-то сомневается?» — улыбнулся государь.

И тут он встретился с ней взглядом — удивительные у нее глаза — в них и доброта, и печаль, и свет. «Наташа очень сдержанна, — сказала Аксинья. — Ее многие считают холодной. Будь в ней больше открытости, ей легче было бы жить. Ей тепла нужно, много тепла. Но с тобой, государь, я вижу, в этом недостатка не будет».

— Твоя правда, — сказал государь. Он встал. — Разговор наш окончен. Думаю, я тебя понял. Правда, надо еще найти слова. Для судебных это необходимо.

— Да, государь. — Она улыбнулась. Как она переменялась — помолодела, похорошела. Свет надежды заблестел в черных глазах.

— Живи спокойно и жди, — сказал царь.

Она поклонилась ему земным поклоном.

— Кто за тебя просил? — набросился на нее Возницын. — Князь Татиевский? Голицин?

Аксинья покачала головой.

— Наташа просила, — улыбнулась она.

— Какая еще Наташа? — растерялся Возницын.

— Наталья Кирилловна, какая же еще?

— Государыня! Да быть того не может!

Она засмеялась. Первый раз за многие недели.

— Да уж поверь, что не вру. Я врать не охотница.

— Пожалуй, да. Утаить ты можешь. А врать — изредка.

Государь, вернувшись во дворец, поведал жене, что в Аксиньиной невинности убедился, но должно найти нужные слова.

Он ушел в придворную церковь и молился там очень долго. Была среда, он весь день ничего не ел. Он устал от напряжения и тела, и души. Перекрестился в последний раз перед образом Спасителя. И вдруг в памяти его всплыли сказанные напоследок слова Аксиньи: «Ей тепла нужно, много тепла. Но с тобой, государь, я вижу: в этом недостатка не будет».

Как все просто. Даже слово это сказала. Не чародейка, а ясновидящая. Чародей проникает в душу, чтобы сделать зло. Ясновидящий — чтобы сотворить добро.

На следующий день государь послал за начальником Сысского приказа и сказал ему, что не сомневается в невинности Ксюши Соколовой. Пусть придет к нему дьяка, который ведет ее дело. Он хочет побеседовать с ним.

— Я разговаривал с вашей Ксюшей Соколовой, — сказал государь Возницыну. — Она, конечно, умна и наблюдательна, отсюда и пошел слух о ее необычных способностях. Я думаю, однако, что временами на нее снисходит некий дар ясновидения, но она ведь не пользуется им во вред. Человек она добрый и душа у нее светлая. Только очень замучилась она в вашей тюрьме. Поскорей бы выпустить ее на волю. Сумеешь ты, голубчик, это убедительно написать?

Возницын не шибко верил, что способности Аксиньи — небесный дар. Стоило вспомнить только рожи ее постояльцев, сидевших в тюрьме Разбойного приказа. Сердце у нее доброе. И она, конечно, обладает каким-то редкостным чутьем. Но едва ли все ее побуждения и поступки продиктованы повелением свыше.

— Я попробую, — сказал он государю. — А если получится не совсем так, как ты сказал?

— Напиши и покажи мне, — ответил царь. — Только будь так любезен, Владимир Петрович, поскорее, а то на ней лица нет.

Возницын очень складно написал, что Ксюшка Соколова, будучи женщиной проницательной и разумной, хорошо разбирается в чаяниях и побуждениях людей, равно как и в отношениях между ними, благодаря чему приобрела славу прорицательницы и гадалки. Из-за этого к ней часто обращаются с просьбами погадать. Она делает это редко и неохотно. То, что ее гаданья довольно часто сбываются, объясняется вышеуказанной причиной, а иногда простым совпадением.

— Вот так даже лучше, — одобрил государь. — А то скажешь, что ясновидящая, тут же назовут колдуньей.

Сам он твердо был убежден, что Ксюша даром ясновидения обладает.

— Что ж она, сама себя оговорила, что ли? — недовольно спросил судья, подписывая указ об освобождении.

— Считай, как хочешь, — ответил Возницын. В отличие от судьи он был доволен.

В один из первых дней после освобождения Аксинья пришла к дворцу и попросила приема у государыни. Наталья Кирилловна приняла ее, и Аксинья благодарила молодую царицу за заступничество. Разговаривали они не очень долго, но сердечно. И заплакали обе, хотя ни та, ни другая не были охотницами проливать слезы.

Царевна Софья, узнав, как была спасена Аксинья, не в первый раз подумала, что не прост человек, однако ей самой от этого не легче, ибо у Натальи Кирилловны нет никаких причин относиться к ней так же благожелательно, как к Аксинье. Да и у Софьи тоже нет причин так уж сильно возлюбить государыню.

Деньги, отданные Михаилу Каширину, пропали в суде. Но царь распорядился выдать Аксинье достаточно денег из казны, коль скоро дом и все имущество ее сгорели. Она могла бы купить себе новый дом, но поселилась у родственников покойного мужа. Из дому она выходила очень редко, только в церковь, одевалась в черное, разговаривала мало — не легко далось ей пребывание в тюрьме и постоянное ожидание пытки.

Полагали, что она уйдет в монастырь. Но в один прекрасный летний день Аксинья пришла к Возницыну и сказала, что хочет с ним попрощаться — она уезжает из Москвы.

— В монастырь? Или к святым местам? — спросил Возницын. Он из виду ее не терял.

Аксинья усмехнулась.

— Нет, на Волгу.

— К станишникам? Будешь саблей махать, как твоя Настя? Впрочем, ты, кажется, лучше орудуешь кочергой?

Она нахмурилась.

— Здесь смешного мало. Жуткое дело человека убить.

— Да... Тем более для женщины. И со многими ты в Москве будешь прощаться? — поспешил он сменить разговор.

— К Дуняше Гусевой зашла. Попрощалась. С ней и с мужем ее.

Посидела у них недолго. — Она помолчала: — Вот кого бы я хотела видеть, это Мишу Каширина. Его и тебя. Главные мои люди в Москве.

— Так, может, соберемся у меня втроем? Ты когда уезжаешь-то?

— Завтра. Телегу купила и лошадь. Конюха наняла. Я хотела рано с утра выйти. Пошла бы себе пешочком. А телега ехала бы за мной. Устанешь — сядешь. Путь долгий. — Она прищурилась. Потом тряхнула головой. — А что, посидим, пожалуй, втроем, коли у тебя вечер свободный. Разыщешь Мишу?

— Разыщу. А в Москву не думаешь когда-нибудь воротиться? Навсегда останешься там?

— Ох, не спрашивай. Зарекаться не буду. Сейчас на Волгу потянуло. А там, кто знает, может, и вернусь.

Странное это было сборище из трех человек. Дьяк Сыскного приказа и женщина, которая ходила к нему на допросы и сидела в тюрьме. И его бывший помощник, которого он тоже потом упрятал в тюрьму и таскал на допросы.

Странное сборище, но едва ли еще где-то в Москве собрались люди, связанные столь прочными и добрыми узами. Они говорили и не могли наговориться, вспоминали, спрашивали — завтра ведь уже не спросишь — а время летело с безжалостной быстротой.

— Что же ты, Ксюша, соратница моя дорогая, — сетовал Михаил. — Вместе сражались, а теперь ты против меня будешь? Еще голову мне срубись.

— Не бойсь, не срублю. Я воевать не буду, в лекарки пойду.

— Станишников выхаживать? — сердито спросил Михаил.

— Всех без разбора. Там такая каша будет. Нынче эти, завтра те. Я у родственников своих поселюсь.

— Родственники твои у Разина воюют?

— Они старые люди. Не воюют уже давно.

— Слух недавно прошел, — сказал Возницын, — Стенька Разин Царицын взял. С помощью какого-то Ивана Тихого. Это не тот ли Иван?

— Тот, — нехотя кивнула Аксинья.

— А почему он Тихий? Что ходит, как кошка? — ехидно спросил Михаил.

— Не только потому. Он спокойный, орать не любит. Атаманы-то у нас — горластые. Да он хотя бы потому тихий, — вдруг с задором сказала она, — что в моем доме под Москвой целый год прожил, ходил в Москву все время, а ты, Владимир Петрович, его не уследил.

— Я знал, что по стрелецким слободам ошивается какой-то молодой казак, — сказал Возницын. — Но ожидали мы большого атамана, сподвижника Разина, и не брали этого парня, думали, он нас на атамана выведет.

— Ты что, до сих пор не знал, что это один человек? — спросила Аксинья.

— Тогда не знал, — сказал Возницын, — теперь вроде знаю. Да

не верится что-то. Молод больно на вид и вел себя, как мальчишка.

— Да, совсем молоденький, — мечтательно произнесла Аксинья.

— До того молоденький, что пятнадцатилетней девочке голову вскружил, — хмуро сказал Михаил.

— Брось, Миша, не огорчайся, эти дела жестокие. Многие от них страдали, не ты один.

Слова Аксиньи прозвучали так грустно, что Михаил внимательно посмотрел на нее.

— Владимир Петрович, — спросила Аксинья. — А что про Настинного отца и про мачеху слышно? Давно хочу сказать: спасибо тебе, ты его крепко отчитал. Это какое же сердце надо трусливое иметь, чтобы позволить так над дочерью измываться и ни разу голосу не подать.

— Не трусливое, а подлое! — вспыхнул Михаил.

— Не суди слабого человека, Миша, — возразила Аксинья. — Я думаю, он сильно страдал, только сделать ничего не мог.

— У меня есть сведенья об их семье, — сказал Возницын. — Ничего особенного с ними не случилось, хотя человек, себя уважающий, не смолчал бы на мои слова.

— А еще лучше покайся бы наконец, — заметила Аксинья. — Как он там живет, опозоренный?

— Да ничего он не опозоренный, говорю тебе, — с досадой возразил Возницын. — Служит. Ходит с женой в гости. Есть у них приятели, они считают, что отец с детства испортил Настю баловством. Во всем оправдывают мачеху и сочувствуют ей.

— Нашли, стало быть, себе подобных, — сказал Михаил. — Ну, у нас на Руси таких много.

— Скажи-ка теперь ты мне, Аксинья, пока еще из Москвы не ушла, — вновь заговорил Возницын. — И у меня есть к тебе любопытный вопрос. Почему молодая царица за тебя вступилась? И люди сказывают, очень пылко. Она, как я заметил, не поддерживает отношений со старыми друзьями. Да и по нраву не так уж горяча.

— Все верно ты заметил, — отозвалась Аксинья. — Но тут такой случился оборот. Я обрадовалась от души, когда она вытащила счастливую карту. А Наталье Кирилловне больше была знакома людская зависть. Ей завидовали многие или связывали с ней свою корысть. А чтоб радоваться ее счастью бескорыстно, этого она, пожалуй, почти не видала. Вот и запомнила меня.

— Понятно. Что ж, Аксиньюшка, съезди к родне и возвращайся в Москву. Тут и другие люди будут тебя помнить.

— И я вас буду помнить, милые вы мои. Вот возьмите от меня на память. — И она протянула каждому по шкатулке. Мише — побольше, Возницыну — меньшую. Он приоткрыл ее и поднял брови.

— Щедрый подарок. Спасибо. Не разоришься?

— Много таких подарков я не делаю. Авось, не разорюсь.

Там лежал тонкой работы перстень с голубым алмазом.

И Миша получил на память красивую золотую цепь.

— Хорошо, Аксиньюшка, что ты зашла ко мне сегодня утром, — улыбаясь, сказал Возницын. — Я тоже успел приготовить тебе подарок.

Он вышел в смежную горницу. В открытую дверь были видны стоявшие на полках книги, на стенах — карты. «Кабинет, — подумал Михаил. — Вот уже и дьяки наши, не только князья, от Европы отстать не желают».

Возницын вынес темно-красный сафьяновый переплет и вручил Аксинье. Она открыла его и охнула.

Охранная грамота с гербами и печатями! Подписана начальником приказа Тайных дел. Дана вдове стрелецкого десятника Ксении Соколовой и свидетельствует ее благонадежность и преданность семье государя особо.

— Спасибо тебе, Владимир Петрович, — негромко произнесла Аксинья. — Лучшего подарка и придумать нельзя. — Голос ее дрогнул. — Большая для меня радость, что ты вспомнил и позаботился обо мне.

Все встали. Пожелали гостье счастливой дороги. А она им счастливой службы. Потом не выдержала — обняла Мишу и расцеловалась с ним. Слезы выступили на ее глазах, она круто повернулась и вышла.

Странная компания, странный разговор. А расставаться тяжело. Аксинья шагала быстро, вскинув голову, и слезы блестели в ее черных глазах.

— Интересно, — сказал Михаил. — Тот стрелецкий десятник... Он хоть понимал, какая у него жена?

— Да, по-моему, не было никакого десятника, — пробормотал Возницын. — Ну, на что это похоже, сам подумай. Такая женщина и стрелецкий десятник.

А наутро она шла босая по зеленой мягкой травке, и раннее солнышко еще не припекало жарко, и птички щебетали во всю мочь. Чуть сзади по дороге катилась ее телега. Москва была еще видна, но отдалялась. А то, что ожидало впереди, она не скоро увидит.

ВАРШАВА

В Варшаве появились гости с берегов Темзы — сэр Чарльз Тэлбот с дочерью. Подозревали, что сэр Чарльз послан для каких-то переговоров с королем польским. Время, видимо, выбрано было неудачно: Его Величество, объятый приступом охотничьего азарта предавался этой благородной забаве со всей свойственной ему горячностью, жил в загородном замке в Пуще и в столице не показывался уже три недели.

Добросовестному посланнику полагалось бы самому отправиться в таком случае в Пущу, где, возможно, хотя и сомнительно, ему удалось бы разок другой получить аудиенцию у венценосного охотника.

Но сэр Чарльз, как видно, не спешил, может быть, дело его не

было столь уж срочным. Он поселился в частном доме и постоянно бывал во дворце, на приемах у королевы, расточал любезности девицам и дамам, за иными из них волочил, вызывая раздражение мужей, отцов и женихов и всерьез домогался взаимности молоденькой княгини Радзивилл, к великому ее смущению и еще более великому негодованию ее супруга.

Британский гость ростом был невелик, осанист, плотен, в огромном пышном парике. Лицом нехорош, но обаятелен и остроумен. Держался просто, со спокойным достоинством. Дамы весьма благоволили к нему, а мужчины, обескураженные его невозмутимостью, приходили к выводу, что британец есть британец и опасались, что, вызвав на дуэль посланника, будут выглядеть смешными провинциалами, если не хуже.

Англичанин неплохо говорил по-польски, юная же его дочь, местного языка совсем не знала, но легко объяснялась со всеми — то жестами, то несколькими быстро выученными словами, то прибегая к услугам тех, кто знал французский язык. В отличие от батюшки мисс Беатриса Тэлбот лицом была весьма красива и высока ростом. Ее загадочные серые глаза влекли к ней многих, впрочем, приблизиться мало кто решался, ибо чуть ли не с первого дня за ней следовал, как тень, князь Есень Осенецкий, огромный, мрачный, потомок древнего рода, богач и дуэлянт. Юной леди ничуть не мешало незнание польского языка. Она всегда была весела и часто улыбалась. Много танцевала и к тому же отчаянно любила карточную игру, и почтенные седые вельможи не удивлялись, что за зеленым столом с ними сражается в фараон это юное создание — что ж бедняжке делать, коли она не знает польской мовы, а в карты играть много слов не нужно. К приезжим, неведомо как, быстро примазался всей Варшаве известный пан Владислав Маринич, темные кудри с сильной проседью, синие глаза, еще не старый, элегантный и потасканный.

— Что это вы, Матка Боска, этого пана Владислава от себя не гоните? — удивлялся граф Малявский, знавший сэра Тэлбота еще по лондонским встречам, когда был там по посольским делам. — У него ведь репутация... Какая он вам компания? У вас дочь девица.

— Но он ведь, кажется, из хорошей семьи? — невозмутимо спрашивал сэр Чарльз.

— Из хорошей, бедные его родители, скоро в гроб их вгонит, из хорошей.

— И образован, по-французски бегло говорит, а дочери моей без разговоров скучно.

— Как знаете, — сухо отвечал граф. — Иной раз лучше поскучать без разговоров.

— Я очень тронут вашей заботливостью, граф, — важно говорил англичанин и этим завершал беседу.

А на следующий день вновь прелестная сероглазая Беатрикс беспечно болтает с Мариничем, а тот смешит ее и при этом сам так хохочет, что из бокала, который он держит в руке, плещется красное вино и оставляет пятна на камзоле и кружевном жабо неосмотрительного пана.

ЦАРИЦЫН

Прекрасная амазонка

Казачье воинство, хоть и не брало город с бою, влетело в ворота и понеслось лавиной, словно только-только из жестокой сечи, размахивая саблями, на полном скаку, с гиканьем и свистом. Жители попрятались по своим домам и домишкам а кое-кто из голытьбы вышел поприветствовать освободителей, при чем кое-кто из них об этом пожалел, остальные же поспешно попрятались в свои конурки. Пострадавшие стонами подавали признаки жизни, все же стояли они, прижавшись спинами к заборам, но ведь и заборы затрещали под копытами коней. Оклемались правда, не все, человек пять отдали Богу душу, однако многоопытный Васька Ус сказал, что при таком войске и опосля такой осады, это сущий пустяк.

Большая часть жителей, оставшихся в своих жилищах, наблюдала наступление из окон, чувствуя себя пока что в безопасности, впрочем, лишь немногие надеялись, что будут чувствовать себя так и впредь.

Но смотреть на конницу было любопытно. Пестро одетая, кто во что, толпа, — от роскошных одежд до отрепья — сверкающие сабли, загорелые лица, горящие глаза.

Особенное внимание зрителей привлекла синеглазая юная всадница в нарядной мужской одежде, тоже размахивающая саблей и несущаяся во весь опор.

«Девка, девка скачет, совсем еще молодая! Ишь отчаянная, мчится-то как!» Образованные мужчины, при всей мимолетности успевшие заметить ее яркую красоту, вспоминали слово «амазонка». А одна тихая, добрая старушка сказала, вздохнув: «Ну, истая дьяволица».

Лавина, мчавшаяся по главной улице, растеклась мало-помалу по боковым, сворачивала в переулки и вот уже иные казаки стали спешиваться и направляться к отдельным домам. Застучали сабли, отбивая от дверей щепки, какие-то молодцы, подобрав железную трубу, били ею в дверь, как тараном, кто-то вышиб стекла и лез в окно.

Синеглазая амазонка, она же дьяволица, подлетела к высокому, красивому дому, осаждаемому с разных сторон, и звонко крикнула: «Стой!» Казаки невольно оглянулись. «Вы что, одурели? — возмущалась Настя, — это же дружественный город! Они сами впустили нас. Мы здесь гости. Как же ты, мерзавец, смеешь вести себя, как завоеватель?»

— Гости, как же! — загалдели казаки. — Еще чего придумаешь? Мы их в осаду взяли, они нам сдались. Гости, так по-твоему нам на улице спать? А Степана Тимофеевича, может, пустят в людскую? Нам разместиться-то надо?

— И поживиться малость, — протяжно произнес насмешливый

голос.

— Нет, так не годится! — не сдавалась Настя. — Они сами потеснятся, к соседям уйдут. Будет дом и для Степана Тимофеевича. И для всех нас найдется жилье. Но ведь надо похорошему, а не ломиться силой и вышибать окна и двери. А насчет того, чтобы пожить... это кто сказал?

— Я, — ответил звонкий молодой голос. — Ну, что, атаманша, будешь меня учить? Валяй!

Казак этот, молодой, чернявый, с блестящими глазами, показался ей знакомым. Где-то Настя уже видела его. Но она перевидала столько лиц.

— Чего зубы скалишь? Грабить не позволю!

В ответ на эти слова раздался дружный мужской хохот.

— Мужу пожалишься? — спросил чернявый. — Охрана с тобой знатная. — Он кивнул на тоненького большеглазого Сережу. — Муж у тебя мастер охрану подбирать.

А! Вот тут она его узнала! Их первый отряд, десяток человек, и этот парень, который поссорился с Иваном и не был принят в их охрану. «Мужу пожалишься?» Да как он смеет так презрительно с ней говорить? Волна, спасительная гневная волна уже подхватывала Настю. Что будет, она не знала, знала только, что защитит этот дом.

— Жаловаться на тебя? Много чести! Я сама с тобой разберусь. — Сережа с ужасом смотрел как, выхватив саблю, Настя бросилась на казака. Он, конечно, мог бы пришибить ее одним ударом сильной, прикончившей многих, мужской руки. Но что-то его держало. Взмахнуть саблей, перерубить, как стебелек, эту тонкую фигурку — казаки засмеют. Да, нет. Тихий будет мстить? Нет, не то! Что-то другое его удерживало. Он не мог поднять саблю, а медленно отступал, как заколдованный глядя, в эти сверкающие глаза. Казаки было засмеялись, но она шарахнула на них горящими, как фонари, глазами. Сережа, подняв саблю все время ехал рядом с ней. Но глядели все на Настю.

— Да ну ее к бесу, — негромко сказал пожилой казак. — Что, в самом деле, связались с бабой? Мало что ли в городе домов?

— Негоже, братцы, уступать! — не согласился кто-то. — Прикончить здесь на месте ее и стремянного заодно, никто и не узнает.

И тут же Настя бросилась к нему и стремительным ударом сабли разрубила плечо, зацепив горловую жилу.

Он упал.

— Кто еще меня прикончить хочет? — Она сидела на лошади, сверкая глазами, казалось, голубые искры так и летели из них и непонятная робость мешала этим несомненно смелым людям броситься на чудную девку и отделаться от нее, наконец. Руки не хотели подниматься, унылая тоска вползала в душу и одного только хотелось — как можно скорее уйти.

— Пошли, — сказал пожилой, уже предлагавший не связываться с Настей, повернулся и зашагал к воротам. Остальные двинулись

за ним.

— Чтой-то тут творится? — раздался знакомый Насте голос. — Что тут за поединки? Кто казака порешил?

— Да вот она, — сказал чернявый, махнув рукой в сторону Насти. — Говорит, дружественный город и силком в дом вламываться нельзя.

— Та-ак, — ошеломленно протянул Мартын Голубченков, верный есаул Ивана. — Дружественный, стало быть? Это она... верно говорит. Да вы, я вижу, ее послушались. Так ведь?

— Да, — ответил пожилой казак. — Решили уступить.

— Это вы правильно сделали, — одобрил Мартын. — А он, значит, не пожелал послушать?

— Он сказал, чтоб Настасью Львовну убить, — срывающимся голосом крикнул Сережа. — Дескать убьем и никто не узнает. Она спасала свою жизнь.

— И твою, — ехидно вставил чернявый. — Тебя, защитничек, тоже ведь хотели порешить.

Мартын нахмурился.

— Вы, стало быть, все убить ее хотели? — обратился он к остановившимся почти у самых ворот казакам.

Настя вдруг увидела, как мелькнуло за воротами бледное лицо Али.

— Нет, — сказала Настя. — Вот этот казак, — она кивнула на пожилого, — предложил своим товарищам отсюда уйти.

— А товарищи не схотели?

— Один не захотел. Этот вот, — он посоветовал убить нас с Сережей. Вот я его и рубанула.

— А другие? — допытывался есаул.

— Они слова сказать не успели. Я его сразу — раз! И все.

— По-казацки, — одобрительно сказал Мартын. — Ну, а ежели бы ты не защищалась, могли они скопом тебя порешить?

— А если бы я к дому этому не подъезжала? Что ты все если да если? Я рассказываю, как было. Я подъехала, поругалась тут с ними. А убивать меня предлагал только он один.

— Ну, понятно, — с облегчением сказал есаул. — Вы, ребята, ступайте. На вас греха нет. Чей дом-то, не знаете?

— Да кто ж его знает, — отмахнулись казаки и заторопились к воротам.

— Да, — бормотал себе под нос Мартын. — Домик хороший. Он, ребята, не про вашу честь. Здесь атаман какой-либо жить будет. Али! — крикнул он. — Найди наших. Пусть поставят здесь охрану. Раз уж Настя его защитила, пушай и дальше в целости стоит. — Он покосился на разбитое окно и выщербленную дверь. — Это все починить можно. Кто же здесь будет жить? — Он повернулся к Насте. — Вы поселитесь с Иваном?

— Что ты? — охнула Настя. — Ни за какие блага. Неужели же я человека убила, чтобы в хорошем доме жить?

— Ну, положим, ты его убила — защищалась. А, впрочем, дело твое.

Во двор вошел Али.

— Сейчас будет охрана. — Он улыбнулся. — Слышала бы ты Настя, как тебя расхваливают эти казаки!

— Это за что же?

— Хорошая, говорят, баба. Могла бы пожаловаться на нас. Ведь атаманова жена, а мы ей нагубили. Не мстительная. Добрая душа. Только наверно ведьма, — и пошли толковать, бывают ли добрые ведьмы.

— Никакая я не ведьма, — обиженно сказала Настя. — Я только хамства не могу переносить. Такая злость на меня нападает, что, кажется, могу убить.

— Можешь, можешь, — успокоительно сказал Мартын. — А вот и охрана подросла. Давай, Настасья, я тебя к мужу провожу. Он, я думаю тебя на ключ запрет. Не ведьма ты, а глупенькая бабенка. Первый день как город захватили, надо же казакам хоть немного руки погреть. В этаким прекрасном доме жить им, конечно, не светит. Но хоть поживились бы каким добром.

* * *

Все сидели по своим домам и никто никуда не ходил. А на следующее утро каким-то образом по городу разнесся слух, что замеченная многими при въезде войска красивая всадница отстояла от грабителей дом дьяка Мельницкого. Отстояла не с корыстной целью, а из чистого благородства, просто это оказались первые грабители, попавшиеся ей на глаза. Стало известно также, что эта благородная женщина — жена атамана Тихого, подошедшего накануне со своим войском на помощь к Стеньке Разину.

Хозяева дома, потихоньку наблюдавшие из окон, как мужественно эта красавица защищала их, просили своего родича Бориса Андреевича Феофанова, одного из тех, кто отпер казакам ворота и вечером зван был Разиным на пир, передать атаману Тихому с супругою их глубокую признательность, предлагали освободить для них дом, переселившись в садовый домик и просили познакомить их с отважной женой атамана, дабы изъяснить ей свои чувства.

— Да нет уж, голубчик, Борис Андреевич, — ответил белолицему и пухлому барину Иван, весь словно отлитый из железных мускулов и дочерна загорелый. — Дом Мельницких мы занять не можем, не для того моя жена его обороняла, чтоб захватить себе. Она никогда не видела, как захватывают город, и просто осерчала. Только нету ее здесь, на пиру, захворала. А познакомиться, отчего же нет? Она женщина образованная, языки иноземные знает, ей будет приятно встретиться с учеными людьми.

— А ты? — встревоженно блеснул глазами Феофанов. Не дай Бог у Тихого есть причины не знакомиться с его родней.

— И я с удовольствием, да какие со мной разговоры, человек я простой.

— О, нет, ты вовсе не простой, по всему, что я знаю, ты человек

весьма любопытный. Скорее сложный, чем простой.

Иван внимательно смерил его взглядом и озабоченно сказал:

– Надо Стеньку попросить, чтобы домик садовый у твоих родичей не отгяпали. Не дай Бог, вовсе сгонят их со двора. Да не пугайся. Ты вроде Стеньке понравился. Что ж он такой пустяк не делает для тебя?

Надо сказать, что Ивану тоже приглянулся этот веселый, добродушный барин, вроде бы не глупый, но очень уж простой. Тот, обшарпанный с зелеными глазами, ух, видно, шкура, брата родного продаст и бровью не поведет. Был у него со Стенькой разговор, Иван на нем присутствовал. Борис нахваливал его – мол, главный, в городе наш человек. Он-то главный, небось, и есть, но порядочная сволочь. А этот простой. Влез в их дела, а сейчас, когда услышал как утопили Тургенева да сколько народу будут казнить, так и обмер со страху. Настенька молодец что с приличной семьей связалась, правда, нечаянно, горячая душа. В тех его затеях, которые он задумал, надо иметь дело с честными людьми. Любопытно, что у него за двоюродная сестра? Хорошо бы поумнее братца. Он все же балбес, неосторожный. Ведь не в свое дело полез. Впрочем, для того, что задумал Иван, все это очень даже кстати вышло.

– Ну, что, Ваня, – спросил подвыпивший Борис. – Хороший домик твоя Настя отвоевала? Говорят, там шесть казаков было. Она кокнула одного, а остальные с перепугу разбежались.

– Понял! – вдруг хлопнул себя по лбу Иван. – Я все думал, кто будет жить в этом доме?

– Ну, ты же и будешь, чего тут понимать? Перебрал ты, что ли?

– Брось, Боря, не дури. Мне поселиться в этом доме – чистый срам. Неужли моя Настя жизнью рисковала, чтобы мы недели две или три попользовались чужим домом? Домик, однако, хорош, там красиво, говорят, богато, всякие картины, и вазы, и из мрамора греческие богини. Вот сейчас я понял: этот дом для тебя.

– А-а, почему? – спросил Борис и опрокинул еще чарку.

– Ну потому, что он тебе подходит. Ты же все красивое любишь, стало быть, ты можешь оценить.

– А ты к нему не приглядывался? – лукавым пьяным голосом спросил Борис.

– Да на черта он мне сдался? Я мужик простой.

– У тебя жена не простая.

– Настя гордая, она не станет захватывать дом, который сама же от грабителей защитила. Только, Боря, просьба у меня.

– А я могу ее исполнить? – томным голосом протянул Борис.

– Можешь. Пустячок. Оставь хозяевам садовый домик.

– Какого ляда ты за них хлопочешь? – подозрительно спросил Борис. – Они что тебе родня?

– Не родня, но нужные люди. Ты не бойсь, я все тебе расскажу.

– Клянешься честью?

– Клянусь.

— Ну тогда согласен. Потом расскажешь. Я вроде немножко выпил. — Борис полез обниматься.

«Ох, и нахлопался же ты, — подумал Иван, — эх, от тебя разит, как из бочки».

— Скажи Степану, что ты для меня добывал этот дом, — трудно ворочая языком, промурчал Борис.

— Скажу, все скажу. Не забудь только про садовый домик.

— Я не про что не забываю, — и Борис лукаво погрозил ему пальцем.

Когда гости начали расходиться, Иван на минутку подошел к Феофанову. Тот сидел растерянный и грустный. Казачья пьянка и казачьи разговоры порядком напугали его.

— С каким чувелом ты там обнимался? — простонал Феофанов.
— Отвратительное существо. И до чего упился.

— Он ума никогда не теряет, — ответил Иван. — Жить будет в доме твоей сестры. — Феофанов посмотрел на него с ужасом.

— Не пугайся, — твердо сказал Иван. — Он, пожалуй, лучше всех остальных. Садовый домик твоей сестре он оставит. Но предупреди свою родню. Он не дурак, он умный и хитрый. Лишнего при нем не говорить. Уважение ему окажите — он это ценит. Но в дружбу не лезьте.

— Однако ты же с ним дружишь? — удивлено спросил Феофанов.

— Э! — махнул рукой Иван. — Мне можно.

Ночью Иван уговаривал жену: «Ничего не бойся, птаха моя. Ты в захваченных городах жить не будешь. Я тебя переселю, потерпи денек, другой». И целовал ее и обнимал так горячо, что у Насти даже, мысль мелькнула: «Что он, будто надолго прощается со мной?» Но она и сама была горяча и в горячих ласках мысль эта отлетела.

* * *

Степан Тимофеевич осерчал, что жена Тихого, которая в день взятия города помешала казакам исполнить обычай и даже порешила одного, вечером показала дворянскую спесь — была звана на пир, и не изволила явиться. Утром заглянул к Ивану казак, весь в лиловом бархате, принес от Бориса записку. «К Степану Тимофеевичу, да побыстрей. С женой».

Иван заторопился. На жену ворчал. «Не чуди. Не знаешь, с кем имеешь дело. Веди себя потише. И думай перед тем, как говоришь». Нахмуренная Настя надела женскую одежду, любимый васильковый летник. «Подарок его навесь», — буркнул Иван. «Да куда ж с утра?» «Я знаю, что говорю». Подумал и добавил: «Васькин тоже». «О, господи!» вскрикнула Настя и плюхнула на шею золотую цепь. Иван рассматривал ее долго. «Нет, не пойдет, — решил он. — Хомут этот сними, Стенькин подарок застит».

Когда они пришли, Разин молился. Потом вышел к ожидавшей его толпе. Ивану кивнул и хмуро взглянул на Настю. «Явилась

барыня, — проворчал он. — Ты у меня порядков своих не заводи. У нас свой обычай, нам чужих не нужно». Чудесно. Для начала объявил ее чужой.

За столом Настя сидела тихая, смиренная. Не улыбалась. Рта не раскрывала. Откушавши, Разин слегка смягчился.

— Одно хорошо, — сказал он. — Борису этот домишко по душе пришелся. Я решил ему подарить.

Настя склонила голову:

— Я очень рада.

Дальше вышли на крыльцо. Степану вынесли кресло, и он стал слушать жалобы. Жалобщикам конца не было, только и слышно:

«А еще лихо мне учинил...» Стенька слушал, хмурился, кивал головой, потом мрачно ворчал: «Куда уж дальше? Вовсе обликван. Башку ему снести». Иногда говорил: «Повесить». Иной раз — «В воду посадить»* .

Жалобщики порою несли сущий вздор, но много было воистину грустных историй.

Одна особенно поразила всех.

Вдовец, хворый, немолодой, нескладный, детей — куча. Он едва сводил концы с концами, задолжал гостю, богатому купцу, и тот послал его отработать долг в свое поместье. Вдовец поручил приглядеть за детьми шабрам**, но в деревне заболел и болел долго, а когда вернулся, дом его захватил в счет долга гость. Старших дочек соседки взяли к себе, и они работали у них за еду прислугой. Маленькие стали нищенствовать, нищие их били и не позволяли просить. Кого избивали до смерти, кто с голоду помер, а остальные куда-то ушли.

Жуткая история, и нельзя же наказать в ней всех, включая нищих. У Степана слезы стояли в глазах. Распорядился: дом у купца забрать немедленно, самого его повесить, старших девушек, служивших в прислугах, вернуть отцу. Старик плакал, благодарил, в ногах валялся и все спрашивал: «А чем же дочерей-то кормить, я же теперь совсем бессильный». Степан дал ему денег и другие атаманы тоже, и бедняга от счастья не мог слова сказать.

Настя погруженная в свои грустные мысли, смутилась, слушая этот рассказ. Вот оно, настоящее горе, а она-то что? И молода, и здорова, и богата, и рядом сидит любимый муж. Она исподволь бросила взгляд на любимого мужа. Лицо Ивана не выражало ровно ничего.

Как претерпеть все это? Как это все понять? От одной расправы с Тургеневым, замученными пытками, а затем брошенн в Волгу, холодела кровь.

Что он за человек, этот Разин, который жалеет бедных и так жестоко расправился с изувеченным противником, который просто исполнял свой долг.

Вдруг с улицы послышались громкие голоса: «Гонец! Гонец из Москвы прибыл! Небось, с царским указом. Топить его!»

Стенька подозвал к себе одного из казаков.

— Узнай, в чем дело. Совсем распустились. Я не знаю еще, что

за гонец и по какому делу, а они уже распорядились — топить!» Он обвел окружающих взглядом, и все сочувственно покачали головами.

Гонца искали долго. Он оказался у епископа. Доставили к Разину, и гонец торжественно сообщил, что государь всея Руси сочетался браком с девицей Натальей Нарышкиной, и имя ее будет теперь поминаться на ектинях вместе с именем государя по всем российским церквам.

Новость всех поставила в тупик — думали, что гонец прибыл в связи со взятием Царицына и мятежом. Но больше всего она поразила Настю. Настолько сильно, что провинившаяся «амазонка» вскочила, радостно хлопнула дланями и закричала:

— Наташа замуж вышла за царя! Сбылось гаданье! Наташа — царица! — И обвела всех радостным и удивленным взглядом. Иван до ужаса перепугался. Но вскоре заметил, что ребяческая выходка его жены произвела на окружающих магическое действие. Всех поразила эта внезапная связь между мрачным судилищем, здесь, в Царицыне, и далекой Москвой, где настоящий государь рассылает гонцов по всей Руси, извещая о своей женитьбе. И связь эту осуществляла тут молоденькая женщина, начудившая вчера гораздо и называющая по имени московскую царицу. Борис смотрел на Настю с почтительным и жадным любопытством. Они все были здесь, как дети, к которым вдруг явились взрослые и стали говорить с ними о своих делах. Иван взглянул на Разина. И в его глазах было то же детское любопытство.

«Не верят они! — с горечью подумал он. — Думают, что верят, а не верят!».

Самозванца зачем-то приволокли, умершего еще зимой в Москве царевича. Иван видел его однажды. Пленный черкасский князек так же похож на покойного московского царевича, как лягушка на царевну. Он и царевен видел в Москве.

— Почему ты называешь молодую царицу запросто по имени? — обратился к Насте Разин. — Ты что, знакома с ней?

— Мы подружки были, — весело объяснила Настя. — В горелки играли с ней.

— Надо же, в горелки, — проговорил Разин. И неожиданно добавил: — В горелки игрывал и я. Ну, что ж, — обратился он к своей свите. — Гонца надо с Богом отпустить. Он человек служилый, ему велели, он едет. Надо же нам в самом деле знать, что у царя молодая жена появилась, может, наследника ему хорошего родит. А то все какие-то недокорышши. Помрет царь Алексей и затрещит московский престол. Какая она из себя, твоя Наташа? — повернулся он к Насте. — Небось, хороша?

— Очень красива, — ответила Настя. — Высокая, чуть пониже меня, личико точенное, а глаза черные, большие, словно черный бархат.

И опять все глаза обратились к Насте, которая играла в горелки с царицей и поэтому знала, что ростом малость обогнала ее.

Но магия, превратившая их на время в детей, уже исчезла.

Стенька знал, как выют веревки из толпы. Сказанные им слова «трещит московский престол» и вопрос о царице, заданный с обыденным мужским любопытством, сделали свое дело. Ушло чувство несравнимости между настоящим московским царем и вожаком восставшей России.

— Ну, что еще у тебя? — обратился он к стоявшему перед ним жалобщику.

Тот охотно вернулся к прерванному.

— Лихо мне и дьяк Мельницкий тоже учинил.

Иван насторожился.

— Какое лихо? — усталым голосом спросил Степан.

— В яму долговую меня запрятал. Я, вишь, подрядился изгородь в саду починить да не закончил, понимаешь, запил, ну, случается... а он задаток дал...

— На сколько засадил? — спросил Степан.

— На три дни. Потом жена его, барыня эта, приказала: выпустите его, пусть, мол, доделает работу. После такого мучительства еще и работать на них...

Иван уловил испуганный взгляд Насти. И впрямь, дурацкая история. Так весь город можно облиховать.

— Я тебя не на три дня посажу, а тридцать батогов велю врезать, — ледяным голосом сказал Борис. — Так это по твоей милости я всю ночь сегодня глаз не сомкнул? Из-за тебя, мерзавец, какие-то пьяные обормоты по саду шлялись и под окнами у меня галдели? — Его красивые черные глаза стали вдруг страшными и совершенно круглыми. — Взять помощника и сегодня же всю изгородь починить! — отчеканил он. — Хозяйке не груби, ты, рылю! Она тебя из ямы вытащила, а ты жаловаться на нее притащился.

Иван не первый раз подивился — непостижимый человек Борис! Как быстро и ловко пришел на помощь. А ведь может такую свинью подложить. Погубить может и не моргнет глазом. Ивану, правда, он никогда не подкладывал свиней. На чем держится их приязнь? Бог знает.

— Ты чего стоишь, орясина? — гаркнул Степан, — слышал, что тебе сказал мой советник? Чтобы все было исполнено, нето башку сверну. Проверю вечером. За работу живо!

Долговязый колченогий мужик повернулся и ринулся с крыльца, цепляя ногу за ногу.

— Распустились, — проворчал Степан. — Идут к Разину с этакой чухью. Хватит. Расходитесь! — Он повернулся к атаманам. — Совет надо держать.

— Ох, не знаю, что из меня нынче за советник, — жалобно сказал Борис. — Не спал ведь ни минутки.

— Ничего — вчера наклюкался, так небось, все же поспал, — буркнул Степан. — Всем разойтись. Пошли на совет, атаманы. Чего тебе, Иван?

— Да вот, хотел сказать, пусть жена моя пока за дверью посидит. Нам ее, я думаю, позвать потом придется.

Степан взглянул на него с любопытством.

— Что-то придумал. Ну, ладно. Пусть ждет.

Иван усадил Настю на диванчик неподалеку от дверей, погладил по плечу, «не бойся, милая, не бойся. Все будет хорошо».

Они расселись по диванчикам и креслам: Степан со своим есаулом, Васькой Усом, и Иван со своим, и, конечно, Борис, и седоватый начальник разведки, тот, что влетел два дня назад, весь рваный и в пыли, и доложил, что Тихий идет на помощь с большим войском. Два казака в шелковой одежде разносили водку, вино, квас. «Дай-ка мне, брат, бражки», — попросил Мартын Голубченков. «О, и мне!» — обрадовался Ус. Иван выпил маленькую стопку водки, а потом только квас. Борис придирчиво разбирался с винами.

— Ну, будет, — сказал Степан. — Не на гулянку, на совет пришли, успеете напиться.

— Что скажешь, Данило? — повернулся он к лазутчику.

— Есть слух, готовят наступление с двух сторон, — сказал Данило. — И сверху Волги. И от Астрахани воевода Прозоровский собирает большое войско. Проверять буду, пошлю своих ребят.

— Когда?

— Да сразу после совета.

— Это правильно. С двух сторон, значит. Надо город укреплять. Васька, займешься этим. И последи, чтоб не очень уж пили. За порядком, вообще, последи. Воинские ученья через денек восстанавливать надо. Караулы выставлять. А то подкрадутся и перережут нас тепленьких. Все, что я Ваське сейчас говорил, и тебя касается, Ивашко. Укрепление города и чтоб в войске порядок.

— Слушаюсь, — сказал Иван. И ни искорки в его глазах.

Его сотни расположились на городской окраине, называемой Садовая Слобода, и все обыватели завидовали тамошним жителям. Не то, чтобы такая уж благостная тишина, но с соседями никакого сравнения. Днем и ночью караульные. И каждый вечер, сменяя одна другую, выходили из города на ученье сотни.

— Что за разговор у тебя был? — спросил Стенька. — Насчет жены твоей, я так понял.

— Не совсем так. Мысль есть у меня об одном деле. Жена моя к этому тоже причастна будет. Но не то, чтоб именно о ней разговор.

— Не темни. Выкладывай покороче.

— Ладно. Ты Астрахань брат собираешься?

— Вон куда метнул! Собираюсь, ясное дело. Только не пришлось бы сначала подраться.

— У меня есть хорошие лазутчики, надо бы заслать их в Астрахань, чтоб подготовили все. Вот, как Борис тут сделал. — Борис с важностью кивнул. — Жена моя лазутчица отменная — умна, находчива, смела. Я не один раз видел, как она из невозможных тупиков быстро, лихо выходит. С казаками она зря связалась, но получилось хорошо. Эти Мельницкие так и рвутся отплатить ей добром за добро. В Астрахани у них, может быть, есть родня или хотя бы знакомые. Попросить их, я думаю, напишут письмо, чтобы приняли ее, как свою. Перезнакомят там ее,

представят. Она поедет как девушка дворянского звания, образование у нее редкостное, на иноземных языках говорит, они там снизу вверх на нее смотреть будут. Не одна поедет, с братом, со слугами, тоже мои лазутчики. Они послужат нам отменно, смышленные ребята. А уж начальник, молодой, из каких-то восточных, просто чудеса творит.

— Али! — вскричал Мартын. — Золото парень. Знали бы вы, где он меня откопал, когда Настя с казаками схватилась.

«И где же, в самом деле, он тебя откопал? — усмехнувшись, подумал Иван. — Хотелось бы знать, да не скажешь».

— Дельно придумал, — сказал Степан. — Я тебе из наших ребят еще подкину, Данило подберет. Своих лазутчиков сколько отправляешь?

— Я еще не все в подробностях сообразил. Хочу с Борисом посоветоваться.

— Ваня, — радушно сказал Борис, — приходи ко мне сегодня с женой, буду вам Мельницких представлять. Жаждают познакомиться с вашим семейством. Все обсудим. Ну, ты понял, конечно, — так, чтоб уж совсем все, мы без Мельницких обговорим.

— Обсудим, не обсудим, — проворчал Степан. — Кончайте обсуждать. Зови сюда жену.

Настю встретили совсем другие глаза Стеньки. В них горел добродушный, веселый, озорной огонек.

— Ну, давай, девка, мириться. Я и не знал, что ты такая знаменитая лазутчица. Сказывай, кого же ты вкруг пальца обвела?

— С полком драгунов ехали. Я бы там пропала без Ивана.

— Это я бы без тебя пропал, — Иван ослепительно улыбнулся.

— Все спасла — и жизнь, и честь.

— Как же это было? Расскажите! — загалдели все, кроме разведчика.

— Это наша тайна, — сказал Иван. — На то она и лазутчица, чтоб не выдавать тайны.

— Ну, а какие языки ты знаешь? — спросил Стенька. — Это, чай, не тайна?

Какие глаза у него! Как у тигра. Такие глаза были у Аксины при первой их встрече. Но в последние месяцы из них исчезли веселые огоньки.

— Говорю по-польски, по-французски, по-латыни. Греческий по книгам разбираю, говорить не могу.

— Что же ты с греческим-то подкачала? — веселился Степан.

— Да они там чумички против тебя. Небось, в Москве таких девок нету.

— Очень мало, — сказала с достоинством Настя. — Но зато есть особа, до которой мне как до звезд.

— Это кто же такая? — ревниво спросил Иван.

— Царевна Софья. Редкого ума и обширных знаний. Такая девочка, я думаю, на весь свет одна.

— Так она еще девочка? — удивился Борис. — Сколько же ей лет?

— По-моему, двенадцать, — ответила Настя. — Другие царевны и близко ничего такого не знают. А она добилась, чтоб ей разрешили учиться вместе с царевичем Федором. Батюшка мой говорил, это чудо просто, как она сумела настоять на своем. Очень духом сильна.

— Ты ее тоже знаешь? — спросил Мартын.

— Я никого во дворце не знаю. Видеть видела, конечно. А знакома только с Наташей.

— Ну, это неплохое знакомство, — утешил ее Степан. — В Астрахани будут у тебя подружки попроще.

В Астрахани! У нее упало сердце. Она думала, Иван увезет ее в какую-нибудь ближнюю деревеньку. И будет навещаться. Ну, через день, а может быть и каждый день. В Астрахань туда и обратно — двенадцать дней. Когда же она его увидит?

Никто кроме Ивана не заметил, что она огорчилась. Она смотрела ласковыми синими глазами на окружавших ее людей и спокойно улыбалась. Она уже входила в роль лазутчицы.

— Ну, что ты, девонька моя, печалишься, — говорил он ей по дороге. — Сейчас война и каждый делает то, что лучше умеет. Ты лазутчица Богом данная.

— Ваня, когда же мы увидимся? Ведь в Астрахань только в одну сторону неделю скакать.

— Да возьмем мы скоро эту Астрахань! — бодро говорил Иван. — Знай служи, приближай нашу встречу. А может, война нас приблизит. Говорят, наступают на наших со всех сторон. Я своих на юг поведу, к тебе поближе. Не вешай нос, смотри веселей, — разведка, она вроде игры. Будешь ты барышня, а Сережку объявим твоим братом. Али будет твой слуга. Надо еще горничную тебе и повара. Мельницким скажем, что я просто отправляю тебя от здешних безобразий подальше. Завтра мы с Борисом будем тебя учить. Слушай нас внимательно, — мы лучшие разведчики на всей Руси.

— Разве Борис ходил в разведку?

— Ого! Да сколько раз. Да с кем только не знался. С воеводой князем Прозоровским в шахматы играл. Ты сейчас, голубка, отдохни, а я съезжу неподалеку по делу.

— По какому еще делу? — с тоской спросила Настя.

— С человеком одним надобно поговорить.

— Человеков этих у тебя... Я его, небось, не знаю?

— Как раз этого знаешь. Большой твой приятель.

— Да кто ж это такой?

— Не скажу. Вот потолкуем с ним сегодня, тогда все узнаешь. Ступай, милая, передохни. Нам еще вечером к Борису в гости.

«Ваня, Ваня, если мы с тобой и увидимся, то лишь после сражения, где тебя могут убить. Видно уж судьба моя такая, связалась с атаманом. С Борисом этим — прямо водой не разольешь». Но игра затягивала и ее.

— Ванечка, — сказала вдруг она. — Али надо будет нарядить в восточные одежды.

— Беспременно! — ответил он и сверкнул улыбкой, показав свои белоснежные зубы.

* * *

Старик купец Евграф Никанорыч устал сидеть в одном и том же положении-то думать, то дремать. Вышел из возка, потер поясницу и пошел размяться по поляне, взад-вперед. Свернул бы с удовольствием на лесную тропку, но там начнется: свист под самым ухом, закачаются ветки, защелкают курки. А потом вылезет из кустов лохматая башка и, сделав страшные глаза, прошипит: «Сидел бы ты, дед, в возке да спал, как твой приятель, а то зарежут тебя длинным ножиком и я на помощь не успею».

И сотники, и сам Иван предупреждали их не раз: «С купцами будьте обходительны». Но казаки, уверенные, что с купцов просто ждут выкуп, — зачем, спрашивается, их в лесу под охраной держать? — особенного уважения к «пленным» не проявляли. Откуда же им знать, что атаман «просил» Евграфа Никанорыча и Илью Самсоныча погодить здесь еще несколько дней.

Иван приглядывался к ним долго и понял: из всех только эти двое надежны — если и откажут, то не выдадут.

Он подъехал к полянке, где стояли возки, старик прогуливался там, понурившись, худой, высокий, чуть сутуловатый. Вдруг он поднял голову. Из зеленой чащи на полянку выехал Иван.

— Давно не видел тебя, Иван Кириллыч, здравствуй.

— День добрый, Евграф Никанорыч. Как только смог, так сразу к тебе. В твоём возке попросторней, в нём посидим. Зови своего товарища. — Иван слез с коня. Тут же из-за деревьев возник молодой казачок, взял лошадь за повод, повел за собой.

— Не такой уж он мне товарищ, просто знакомый человек.

— Но человек он, мне показалось, надежный.

— И мне так показалось, — сказал старик.

Серые глаза его глядели на Ивана укоризненно и грустно. Он не двигался с места — стоял и смотрел.

— Атаман, — прозвучал его глуховатый голос. — Какой выкуп ты еще с меня хочешь взять?

— Никакого, — быстро ответил Иван. — Если ты выполнишь мою просьбу, я сам готов дать тебе любой выкуп.

— А просьба твоя в том, чтобы я, приехав в Астрахань, рассказал тамошним людям, как хорошо живется в Царицыне под рукою Стеньки Разина?

— Т-с-с, — зашипел Иван. — Говорю тебе, пойдем в возок. Кусты растут больно близко.

В возке, входя туда последним, Иван крикнул казачонку:

— Костя! На поляну не пускай никого.

— Ну, теперь можно поговорить, — сказал он, захлопнув дверцу. Купцы молчали. Высокий, худой старик и толстоватый его молчаливый спутник. — Так вот, гости дорогие, — продолжал Иван. — Выкупа мне с вас не надо и не собираюсь я просить, чтоб

вы ратовали в Астрахани за Стеньку. Скажу больше: постарайтесь выехать из города поскорее, потому что, какие бы силы не собирал против нас Прозоровский, сейчас наше время и город мы возьмем, через месяц, а то и раньше. Я, конечно, буду стараться вас защитить, если вы там застрянете, только не все от меня зависит. Вы везете товары, вам надо их сбыть. Продавайте поскорей, ищите тихую заводь и отсиживайтесь, пока война не поутихнет.

— Ты держал нас здесь в лесу, только затем, чтоб нас предупредить? — спросил старик.

Иван улыбнулся, весело и простодушно.

— Конечно не только. Я человек военный и у меня своя цель.

— Что гранаты нам насыешь в возки или порох?

— Порох мы и сами довезем. И ядра тоже. А ты, почтеннейший, отвези в Астрахань мою жену. Ты ведь с ней, кажется, познакомился в походе.

— К Анастасии Львовне чувствую искреннюю приязнь.

— Вот и хорошо, значит, спутница по душе. Я бы мог тебе соврать, что отправляю ее только потому, что она не в силах выдержать того, что наши казачки вытворяют в городе. У меня душа от этого болит и из-за одной этой причины я увез бы Настю из Царицына. Но не хочу тебе врать. Настя со мной заодно и в Астрахань поедет, как лазутчица. Сделайте милость, представьте ее там своим знакомым и скажите о ней все хорошее, что знаете, но не сказывайте своим друзьям, что она моя жена. Что она там будет делать, тебя не касается. Ты ее только познакомь, а помогать ей не надобно. Согласен? Что же ты молчишь?

Старик наконец заговорил.

— Может быть, твоя жена и отмолит тебя когда-то, но сейчас ты изо всей силы тащишь ее в ад. Лазутчица! Люди примут ее с открытой душой, а она их дурачить будет? Что ж, пути Господни неисповедимы и твоя жена, быть может, орудие Провидения, а не орудие в руках скверного человека, как это представляется сейчас.

— Я скверный человек?

— То, что ты делаешь, скверно, но ответить тебе утвердительно я не могу. Дело твое скверное, а хорошего в тебе много. И худого тоже. Ты запутался. Может, ты на пути, разобраться в коем мне не по силам. Я не стану вмешиваться в то, чего не понимаю. Просьбу твою я выполню. Спасибо, что нам помогаешь, хоть и из корысти. Ты ведь нам наверно охрану хорошую дашь.

— Охрану дам такую, что никакие шайки не подступятся, даже самые большие.

— Мы оба благодарим тебя. — Иван заметил, что с молчаливым своим спутником старик часто обменивался взглядами. — Помощь твою принимаем и благодарим. И просьбу выполним. Только помни: мне очень жаль и твою жену, и тебя, и наших горожан.

— Меня-то не жалею. Я делаю, что хочу, и в женитьбе счастлив.

— Во втором ты, пожалуй, прав. Хотя сам не понимаешь — почему.

— Что ты меня все учишь! — не выдержал наконец Иван. —

Небось, забыл, как сам был молодым? А богатство твое только праведным путем нажито?

— В убийствах неповинен, — сказал старик. — А в купеческой жизни без греха не обходится. Не обижайся, ты ведь вправду еще молодой и повоевать хочется, и с опасностью играть в прятки. Только шел бы ты лучше к Яковлеву, а не к Разину.

— Как к Разину не идти, он же сражается за всех несчастных.

— Ну, ну, поглядим, как он кого осчастливит. То-то ты велел нам в тихой заводи сидеть.

Ивану было муторно. Наговорил старик. В самом деле, втянул в свои дела Настю. Война, разведка и обман, конечно, а она чистая душа. Но он всегда хотел, чтоб они были вместе, еще когда учил ее на саблях. И дело их справедливое, народ страдает нестерпимо. Конечно, разные люди участвуют в их деле. А! Согласились и слава Богу. Увезут отсюда наконец-то Настю.

Ужин в дворянском доме

Вечером Настя принарядилась. И кисейные рукава, и малиновый шелковый летник, и опашень серебряной парчи. Приоделся и Иван. Сереже велели быть в одежде молодого барчука. Али, пока еще не в восточном костюме, шел вместе со всеми поглядеть, как ведут себя слуги в дворянском доме.

Познакомились, хвалили Настю. Барыня красивая, белокожая, мягкая, глядела на свою спасительницу с некоторым испугом. Настя вспомнила добрую попадью, которая поцеловала ее на прощанье. Но попадья ведь не видела, как она рубится на саблях. Впрочем, Насте казалось, что если бы и видела, все равно не испугалась бы ее.

Посидели за столом, за всех выпили, обо всех сказали добрые слова. Мельницкие знали, что Борис за них утром вступился. Никакого французского языка, конечно, — хозяйка ни единого слова не знала.

Иван сказал, что Насте очень трудно, она вмешивается, не может видеть жестокость, Разин на нее осерчал.

— Полно, Ваня, — бархатным голосом произнес Борис. — Он уже перестал сердиться. Степан Тимофеевич у нас добрый, справедливый. Но ты прав, что отправляешь жену в Астрахань. В только что захваченном городе такой чувствительной женщине жить не годится.

— А ты едешь в Астрахань? — оживилась Прасковья Арсеньевна. — У тебя там родственники или знакомые?

— Никого у меня там нет, сударыня, — грустным голосом ответила Настя. — Просто удираю из Царицына.

По лицу Мельницкого было видно: он сомневается, что Настя просто удирает.

— Так ведь там живет Александра Даниловна, родная сестра моего мужа, — радостно воскликнула Мельницкая. — Мы тебе письмо дадим к ней. Как же это можно, одной в чужом городе?

— Вот спасибо! — искренне обрадовался Иван. — Только, Бога ради, не пишите, — сказал он мягко, — что она моя жена. Ей там голову срубят.

— Ну, голову, не голову, — сухо заметил Мельницкий, — а неприятности неизбежны. Не пиши, голубушка, — сказал он супруге, — что наша гостья вошла в город с войсками. А как изложить прикажете? — повернулся он к Ивану.

— Что мне вам приказывать? Спасибо за помощь. Я думаю писать надо правду, а отклоняться от нее только там, где уж совсем неизбежно. Настя сирота. Она дворянка. Ну, скажем, ехала к родне, да застряла. А тут война, казаки наши приняли ее хорошо, пожалели, но ей страшно, и она бежит подальше от войны.

— Письмо надо составить толково, — сказал Мельницкий. — Завтра на свежую голову напишем. Не за столом же его сочинять. А простите, юноши тоже поедут? Кем они приходится вашей супруге?

— Охранять ее будут. Ведь если она уехала из родного дома, то и слуг с собой захватила. А Сережа, я думаю, сойдет за брата. На барчука больно похож.

— Гм, — сказал Мельницкий.

Супруги переглянулись.

— Друзья мои, — не выдержала Прасковья Арсеньевна. — Не обижайтесь, но это совершенно невозможно. Мальчик никак не может быть братом вашей супруги. Он славный паренек, но вовсе не похож на дворянина. У них говор разный, и держит он себя по другому. Я думаю, он из очень порядочной казачьей семьи. Так ведь?

Сережа густо покраснел и кивнул.

— А жена твоя, — обратилась Мельницкая к Ивану, — сразу видно, что дворянка и воспитана прекрасно. Тут по городу прошел слух, что ты была подружкой нашей нынешней молодой государыни. Это не вымысел?

— Нет, это правда, — спокойно ответила Настя. — Я дружила с Наташей Нарышкиной и ее близкой родственницей. Мы втроем встречались часто. И в доме у Матвеевых я бывала.

— А с Артамоном Сергеевичем знакома? — полюбопытствовал Мельницкий.

— Да, конечно. И с ним, и с супругой. Меня князь Татиевский представил. Он меня с детства знает.

Неожиданно все эти светские разговоры разрядили напряженность. Князь Татиевский, Матвеев. Все же эта молодая женщина принадлежит к порядочному обществу. Только как она попала к казакам?

— А не можем мы узнать, как твоя девичья фамилия?

— Врать не хочу, и фамилию свою называть не стану. — Настя чувствовала: говорить надо правду. — Мой отец меня всегда очень любил, матушка умерла родами, и он сам меня воспитывал. Но он женился год назад на очень злой женщине. Мачеха надо мной страшно издевалась, и он страдал от этого, но за меня не вступился.

— Почему же? — спросила Мельницкая.

— Я не знаю, — с искренней печалью ответила Настя. — Он, мне кажется, очень ее полюбил. Да к тому же не решался. Она сильная женщина, а батюшка — мягкий. Мне иногда кажется, он даже рад был, что я убежала.

— Ты убежала к нему? — у Мельницкой в глазах блеснуло и сочувствие и любопытство.

— Нет, я убежала к одной женщине знакомой. А в ее доме встретила Ивана Кирилловича.

— Да, печальная история, — сказал Мельницкий. Иван прищурился: «Что ж тут печального: что встретила меня?» — Ты москвичка, значит?

— Да.

— А батюшка твой где-то служит?

— Служит, — коротко сказала Настя, и Мельницкий понял: спрашивать больше не нужно.

Все помолчали.

— Что я надумала! — вдруг воскликнула Настя. — Меня ведь мамка выкормила, я с рождения сирота. Что, если мы скажем, что Сережа — сын моей кормилицы, мой молочный брат? Кормилица была казачка и замужем за казаком, муж служил в Москве какое-то время, а потом вернулся на Волгу. Отношения у нас сложились родственные, мы не теряли друг друга из виду. И когда я осталась одна, — лучше скажем, что осиротела, про мачеху не будем говорить, зачем излишние подробности? Просто — осталась одна и поехала к ним, как к близким людям. Именье там хотела купить. Но тут мятеж начался, бои, и они отправили меня с Сережей подальше от опасности.

— Не думаю, что Астрахань далека от опасности, — сказал Мельницкий. — Но придумала ты очень удачно. Все это вполне правдоподобно. Вас можно поздравить, господа, что сердечным обращением вы заполучили такую помощницу, — сказал он, обращаясь к сидевшим рядом Ивану и Борису.

Иван порозовел. Как он разговаривает, этот барин! Будто он и впрямь над ними господин. Пользуется, что в нем есть нужда, а что Настя, может быть, жизнь им обоим спасла, это они уже позабыли. Им все должны служить и их спасать. Нет, не зря народ на них поднялся. Мельницкому, конечно, мало радости подсылать к своей родне лазутчиков из вражеского стана. Ивану на его месте тоже бы такое не понравилось. И все же... нет, нехорошо он с ними говорит, свысока, по-барски. И Настю настраивают, — она, мол, умная, потому что дворянка, а казак — вахлак, и говор у него не тот, и повадка. Сидели там, как мыши, пока Настя их от целой шайки обороняла. Хотели благодарность изъяснить. Хорошо они ее изъясляют.

Краска сбежала с его лица. Глаза смотрели холодно, губы сжаты. Другой человек сидел за столом. Был улыбчивый, простецкий, благодушный. А от этого веет ледяным хладом. Он суровый, жесткий, даже жестокий. Внезапно стало видно, что он очень

красив, и почему-то сделалось еще страшнее. Простодушная Прасковья Арсеньевна не могла понять, в чем дело, но ощущала себя весьма неловко — ей казалось, что они с мужем чем-то рассердили своего необычного гостя. Но, Господи, чем?

«Да, я зарвался, — думал Мельницкий. — Оттого, что этот казак очень сдержан, я разговаривал с ним, как с мелкой сошкой. А он совсем не мелок. Что я знаю о нем? Говорят, он не похож на других атаманов. Прозвище Тихий. Он не любит орать, как все эти Васьки и Мишки. В войске у него порядок, рассказывал кто-то. Скорей похоже на обычный полк, чем на казачью ватагу. Говорят, все жители Царицына завидуют той слободе, где расположились его сотни. Я не поверил, но, похоже, так и есть.

Этот нынешний хозяин нашего дома тоже сдержан, и вообще весьма неглуп. Одевается, как чучело, но это казацкая причуда.

Кстати, он ведь не казак. Советник Разина, Стенька очень с ним считается. Да зело неразумно я вел себя с такими гостями.

Иван встал.

— Ну, что ж, пора и попрощаться.

Очень холодно он это сказал.

— Как же так? — заволновалась Прасковья Арсеньевна. — Мы ни о чем не условились. Дел так много. И письмо писать, и сборы. Когда вы уезжаете, все же?

— Они, может, вовсе не поедут, — сказал Иван. — Еще подумать надо. Может, сделаем как-нибудь по-другому.

— Как по-другому? — удивилась Прасковья Арсеньевна. — А зачем же мы все это обсуждали?

— Иван Кириллыч, — сказал Мельницкий. — Зря ты, право. Я весьма сожалею, если дал повод...

— Как ты дал повод? — удивилась его жена. — Мы же согласились, мы все вместе обсудили.

Большая часть людей за столом понимала, что случилось. Не понимали двое. Прасковья Арсеньевна не понимала, но чувствовала себя неловко и не могла объяснить — почему. Сережа видел, что атаман за что-то рассердился на супругов, но за что — догадаться не мог. Он вырос в дружной семье, где его, младшенького все берегли и любили. Единственное горе, которое он знал, — разлука с близкими. Сперва ушли на войну братья. Потом и он уехал от родителей. Казаки поддразнивали его, что он стремянный у бабы, но ведь это глупость, какая она баба, она сама атаман. Переживая разлуку с матерью, он утешался тем, что рядом с ним всегда добрая Настя, и это было намного важнее, чем болтовня шутников.

— Прасковья Арсеньевна! — вдруг озабоченно вскрикнула Настя. — У меня же ни горничной, ни повара нет! Можно будет их нанять, прямо завтра? Только мне нужно хороших. Кой какие не пойдут.

— В сотне у Никиты, — впервые заговорил Али, — есть Прошка Завьялов. Он поваренком у князя Львова служил. Стряпает вкусно — объедение. Отгорваться нельзя.

– Вот разведка служит – по котлам лазит, – вновь ослепительно улыбнулся Иван.

У него словно гора с плеч свалилась. Что с ним было? Такого обидчивого гнева до сих пор он не знал за собой. И Настя, умница, опять пришла на помощь.

– Значит, горничная осталась, – заботливо щебетала Настя. – Прасковья Арсеньевна, голубушка, сумеешь толковую разыскать?

Прасковья Арсеньевна была счастлива. Куда-то враз исчезла вся неловкость. «Может ничего и не было, а только на меня нашло», – думала она недоуменно. Но не до размышлений тут, надо горничную поскорей найти.

– Как ты думаешь, Андрюша, может Олю? – обратилась она к мужу.

– Олю было бы неплохо, она ведь без места сейчас, – согласился Мельницкий.

– Ну, как без места, она швея теперь. Оля это горничная моей покойной подруги, – объяснила она Насте. – Очень хорошая девушка, не крепостная, из посадских. А привязана как была! Когда подруга моя скончалась, Оля плакала все, горевала и не стала новую хозяйку искать, а занялась шитьем. Швея она отменная. Только сейчас кому же шить?

– Нам будет шить, – сказала Настя. – Умелая швея мне очень нужна. А я ей за шитье отдельно платить буду.

– Погодите вы про горничных, – вмешался Борис. – Что это у тебя за Прошка, который так готовит? В какой сотне, у Никиты, ты сказал?

– Боря, Боря, уймись, – урезонивал Иван. – У тебя же знаменитый повар. На кой ляд тебе мальчишка поваренок? Небось, на побегушках был. Впрочем, если так уж загорелось, давай меняться. Что, Али, и в самом деле такой умелец?

– Мы привыкли к простой пище, атаман. Нам все новенькое вкусно. Но, мне кажется, он мало что умеет. Все больше овощи чистил.

– Меняемся? – наступал Иван.

– Да, брось, я пошутил. Шуток не понимаешь.

«Ишь, как вы расходились в захваченном городе, – не без раздражения думал Мельницкий. – Повара вам княжеские нужны. И швея пригодится. Завоеватели. Надолго ли?»

Настя просталась с его женой.

– Значит завтра я приду после утренней службы, – говорила она негромко. – Олю вашу позовите. А со мной, если можно, придет Али.

«Ваш Али сам научит кого угодно, – подумал Мельницкий. – Занятный парень, не простой».

– Кто твои родители? – спросил он, не удержавшись.

– Я не знаю своих родителей, – грустно ответил Али. – Я их не помню и ничего о них не знаю.

– Но ты жил у кого-то? Не на улице же вырос.

- Да, я жил в доме одного старика.
- Он был твой родственник? — продолжал допытываться любознательный дьяк.
- О, нет.
- И Али печально взглянул на него томными, азиатскими глазами.
- «У тебя дознаешься! Разведка. Он, наверно, очень хорошо умеет подбирать людей, этот Иван».
- Поздно вечером Пашенька говорила мужу:
- Со мной сегодня что-то странное случилось, Андрюша, мне вдруг показалось, что наши гости сердятся на нас. И напряженно стало, словно перед грозой. А потом гляжу: нет ничего. Я, наверно, очень волновалась.
- Наверно, — сказал муж. — Не надо волноваться, душенька. Ты была очень мила и все делала и говорила правильно.
- «Хорошо иметь жену простушку, — думал Мельницкий. — Спокойно. Отдыхаешь с ней. И по-прежнему считает их гостями, хотя гости — мы. А Иван этот, видно, на свою не нарадуется. Интересно, все же, что чувствует мужчина, у которого умная жена?»

Хибара бедняка

Последний день перед отъездом был зело сумбурен. В небольшом уютном домике, который выбрал себе атаман Тихий, словно ураган, носилась Оля, невысокая, тоненькая, с милыми серыми глазами и темнорусой косой. Трех молодых казаков, отданных ей под начало, она загоняла до изнеможения. Особенно доставалось Сереже, который все время оказывался под рукой. Гаврюша редко ей попадался — его главный талант в том и состоял, чтобы быть незаметным. Иван подкинул им в помощь своего стремянного Костю.

Рано утром, еще до того, как ходили к Мельницким, пред испытующим взором Ивана появился упитанный отрок с пухлым сонным лицом. Это был знаменитый Прошка, из-за которого они вчера чуть не рассорились с Борисом.

— Ты мясо жарить умеешь? — спросил Иван.

Отрок воззрился на него с изумлением.

— Кто же не умеет жарить мясо? — И поскольку атаман молчал, Прошка потоптался и спросил: — Вам чего приготовить надо?

— Жареное мясо, пироги, полотки, овощи приготовить и уложить так, чтоб хватило восьмерым на несколько дней. А сегодня просто накорми повкуснее. Для охраны возьмешь все что надо — солонины, овощей, крупы. Охрана — две сотни. У них там свои кашевары. Сам подмогу себе подберешь? Или тебе прислать?

— Лучше пришли, — ответил Прохор. — Я не знаю, кто тут готовить умеет. Все только жрать горазды.

— Ты один не горазд. По роже видно.

— А что рожа? Я вовсе не ем. Только пробую.

— Напробовался. На кухне все есть, что нужно. Плита

исправная. Дрова возле дверей. Что сейчас делать будешь?

– Схожу на рынок.

– Денег сколько дать?

– На кой они? Ты мне лучше казаков дай в помощь. Тащить много придется.

– Костя! – крикнул Иван и отправил стремянного искать казаков, умеющих стряпать.

А не такой уж он тюфяк, этот Прошка. Соображает, как без денег товар приобрести.

Али мелькнул, как тень, и сказал:

– Атаман, Мельницких незачем дурачить. Дьяк отлично понял, что я знаю обязанности слуги. Я пошел к своим. – И тут же скрылся.

Вскоре уехал и Иван.

Настя устала от сыпавшихся, как град, вопросов Оли. Кроме того Оля то и дело сетовала, что хорошо бы подсобную девочку иметь.

– Девочку и в Астрахани найти можно, – сказала Настя. – У меня голова разболелась. Я похожу.

Трудно было среди людей, чем-то занятых и громко перекликающихся, ходить без дела и безуспешно гнать от себя мысли, что впервые за много месяцев она надолго расстается с Иваном, что поворотистая жизнь ее опять куда-то понесла.

Настя шла по улице и слышала за собой шепот: «Атаманша!» «Это та, что саблей зарубила казака».

Возле плохонького, как видно, старого, но недавно подправленного домика стояла небольшая толпа.

– Что тут стряслось? – спросила, подойдя, Настя.

Зеваки и на нее смотрели с любопытством.

– Тут Тихон этот живет, ну, болящий, которому Степан Тимофеевич вчера денег дал, – стал объяснять ей кто-то из толпы. – Ночью тати к нему наведались, деньги отобрали. А накануне, когда шел домой, накупил всякой снеди, да отвык, видно, бедолага и захворал. Как бы не перекинулся.

– Там такое творится, я заходила, – протяжно произнесла одна из женщин. – Девки в доме ничего не делают, сидят и в три ручья ревут.

– Отца жалеют?

– Кто их знает? Судьбу клянут.

Настя вошла в дом. В углу на дырявом тюфяке стонал и охал недужный. Девочка подросток кормила его с ложки. За столом сидели две девки постарше и голосили, обливаясь слезами. Настя подошла к больному.

– Что у тебя болит?

– Ох, матушка, нутром страдаю, помру, наверно. Семеньч-то, Семеньч, нечестивая душа...

– Я тебе лекаря пришлю.

– Ох, спасибо тебе, благодетельница. Чем он, лекарь-то поможет? Не принимает нутро пищи. Семеньч-то, сукин сын,

шабер ведь, ограбил подчистую меня.

— Ты почему знаешь, что Семеньч ограбил? — спросила Настя.

— Под подушкой деньги-то лежали, под подушкой. Я ночью проснулся, Семеньч прямо мне в лицо глядит, а рукой под подушкой шарит.

Подушка была грязная и плоская, как блин.

— Не перепутал ты спросонок?

— Нет, милая, не перепутал. Луна светила, я его хорошо разглядел. Ну, не разбойник ли, от самого Разина деньги!

«А Разин кто такой — великий князь?» — вдруг с досадой подумала Настя.

— Я разберусь, — сказала она. — Думаю, найдем твои деньги. Лекаря тебе пришлю.

— Ох, матушка, ох, благодетельница, спасибо... Лекаря-то не надобно. Не встану я... Вот, Семеньч...

Девки перестали голосить, прислушиваясь к разговору. Тихо скулили и шмыгали носами. Они страшно, до ярости раздражали Настю.

— Чем ты его кормишь? — спросила Настя девочку, сидевшую возле отца.

— Гречневой кашей. А то совсем ослабнет.

— Кашу кто варил?

Голубые детские глаза доверчиво посмотрели на Настю.

— Я варила. Покормлю, потом постираю. Он в грязном всем. Нехорошо.

— Нехорошо, — согласилась Настя, и в голосе ее звякнул металл. Она подошла к столу.

— А вы что расселись, девицы? Об чем слезы льете? — неласково осведомилась она.

— Жили, как люди, — плаксиво ответила старшая. — В чистоте и сыты. Зачем он нас сюда приволок? Все равно здесь жить нельзя, хоть бы и при деньгах. Вот не успел получить, а их уж нет.

— Как зачем приволок? — вскипела Настя. — Он ваш отец, он хотел чтоб семья собралась вместе. Вы же там в прислугах жили, просто за еду.

— Не так просто, твоя милость, — возразила средняя, недурная собой. Ели сытно и на завтрак, и в обед, и повечерять. Ели сладко, жили в чистоте. А здесь грязища, тряпье вонючее, дотронуться противно.

— Так постирали бы, — яростно сказала Настя. — Ваш отец больной лежит на этом тряпье. Он для вас вчера у Разина просил денег. При мне это было. Плакал, спрашивал: «Чем я дочек буду кормить?» А доченьки, умницы такие, пальцем не пошевелили отцу помочь. Сидят тут, слезы проливают, себя оплакивают, курвы мордастые.

— Ты, сударыня, не лайся, — сердито сказала старшая, и впрямь мордастая. — Сейчас закону такого нету, чтобы бедных людей обижать. Велика ты в перьях. Не бойсь, все про тебя знаем. Вот пойдем и Разину на тебя слово скажем.

— Да пошли вы к бесу, — отмахнулась Настя. — Жалиться они будут на меня, лядящие. Вы поглядите лучше на младшую сестру. Она одна за отцом смотрит, а ведь девочка еще.

В дверь заглянул черненький стройный красивый Костя.

— Настасья Львовна, обыскался тебя. Там обедать ждут. Атаман в волнении. А уж Прошка наготовил, страсть!

— Погоди, Костя, не до разносолов мне. Пришли-ка сюда караульных. Здесь сосед ограбил этого беднягу. Семеныч какой-то. Я пока не разберусь, не приду.

Девочка мыла в углу миску. Старшие девки уже не плакали, сидели за столом, ожидая, что дальше будет.

Толпа возле домика выросла, и Насте охотно показали, где живет Семеныч. Жил он недалеко, через дом. Тем временем караул, который по распоряжению Ивана посменно объезжал слободку и день, и ночь, подскочил к толпе. Но толпа уже не стояла неподвижно, а направлялась к дому Семеныча.

Семеныч, совсем еще не старый и шустрый, при виде казаков стал кричать, что денег сроду не видал, и напраслины не потерпит.

— А это ты видал? — спросил старшой по караулу и сунул ему пистолет под нос.

Деньги отобрали. Трех рублей не досчитались. По пути обратно Настя снова заглянула к Тихону.

Девочка стирала. Старшие все так же сидели, словно гости, за столом.

— Пошли вон! — прикрикнула на них Настя. — Убирайтесь в чистоту к своим хозяйкам. Тут теперь без вас управятся. Я мужа попрошу, он караульного у дома поставит, ни один грабитель не войдет. Я сейчас за лекарем пошлю. Костя! А чистоту тут младшая ваша сестренка наведет. Как тебя зовут-то, милая?

— Маша, — девочка подняла голову, откинула светлые волосы со лба и улыбнулась голубыми глазами. — Как же не управиться? Только за тятенькой смотреть, на двоих готовить и в доме убираться. Тут и делать нечего. Я на поденку стану ходить, как только тятенька оклемается малость.

— Хитра, Машка! — крикнула старшая сестра. — Деньги все себе оставить хочешь? Мы еще посмотрим, уйдем али нет, а денег половину нам возверните. Нам на четверых денег дали, на всю семью. Каждой из нас четвертая часть положена.

— Там разберемся, — проворчала Настя. — Нагляделась я на вашу семью. — И повернулась к караульному: — Деньги им пока не отдавай. Отвезем атаману и все расскажем.

— Атаманша! — кричали старшие сестры. — Своему мужу на нас нашепчет, ночная кукушка. Да мы тоже не дуры! Муженек твой здесь не главный атаман.

«Сейчас к Разину побегут, сучки, — подумала непривычным словом Настя. — И второй ведь уже раз, как баба базарная! С кем поведешься... Надо бы их упредить». И быстро направилась к своему дому.

Она взволнованно рассказала все что видела и слышала у

Тихона. Оля слушала жалостливо и даже всплакнула. Потом неожиданно сказала:

— Хорошо бы эту Машу мне в помощницы взять. Видно девочка золотая.

Настя покачала головой.

— Хорошо, конечно. Только, я думаю, она отца не бросит. Такая маленькая, а твердая струнка в ней есть.

Иван нахмурился и был, как видно, сильно озабочен. Он быстро встал:

— Надо к Стеньке спешить. Наклепают на тебя эти девки. А он взгальный, не разберется. Костя, Сережа, коней! Да к лекарю-то съездил кто-нибудь?

— Сейчас поеду, — сказал Костя.

Настя встретила пристальный и тяжелый взгляд Прошки, удивилась, потом поняла, что, кажется, наживает врага. Есть совсем не хотелось. Она посмотрела на стол и увидела утиный золотистый полоток. Быстро схватила его и с жадностью впиалась зубами. «Вкусно-то как!» Напряженный взгляд Прошки смягчился.

— Вернешься, поешь, как человек, — сочувственно проворчал он.

К Разину они домчались почти одновременно с девками. Те взбежали на крыльцо за ними по пятам.

Стенька сидел в кресле и жмурился на солнце. Толпа просителей и почитателей окружала его.

— Ты пошто, Иван, привел сюда этих девок? — осведомился Разин. — Беда у них какая что ли стряслась?

— Беда, батюшка, отец ты наш! — хором завыли девки. — Лихо нам учинила жена этого атамана. Из родного дома нас гонит. Черным словом обляяла. Деньги отобрала, какие ты вчера отцу нашему дал.

— Ну, с тобой не заскучаешь, — сказал Разин и грозная молния сверкнула в его глазах. Настя ощутила смертельный холод страха. И никакая спасительная волна не пришла ей на помощь. Здесь вздымались волны, всколыхнувшие всю Русь. Иван увидел, что Настенькина гневная сила не может устоять перед могущественным гневом Стеньки. Настя испугалась. Еще больше пугала ее торчавшая в ее испуганном сердечке, как заноза, настырная необходимость сделать то, что должно, невзирая на страх. Ведь и в ней была та твердая струнка, которую она заметила в девочке Маше. И, объятая страхом, она тихим голосом проговорила:

— Степан Тимофеевич, я не буду тебе ничего отвечать при людях. Поговори со мной с глазу на глаз.

— Она наврет с три короба! — возопили девки.

Разин махнул в их сторону рукой.

— Молчать! Ты хочешь говорить со мной без мужа? — удивленно спросил он Настю.

Та ответила тихо и твердо. Страх покинул ее. Злость была не нужна.

— Я буду говорить только с тобой.

— Гм. Ну что ж, пошли в мою палату, — сказал Разин. «Себя мне что ли предложит на выкуп? — подумал он. — Как Иван-то терпит? Что ж она натворила? Чудные дела».

Все стало ясно, когда он развалился на подушках, а Настя встала перед ним.

Честные синие глаза глядели на него с надеждой, без боязни.

— Степан Тимофеевич, я верю, что ты отличишь, где правда, а где клевета. Только дай мне рассказать все подробно и по порядку. И не перебивай меня, очень тебя прошу.

Нет, она не собиралась откупаться от него по-бабьи. Она верила в его чудодейственную способность разбираться в душе. Гнев все чаще застил ему очи. Но спокойный ее взгляд не возбуждал страстей — ни мужских, ни гневных. Доверчивая, открытая душа просила: «Взгляни и узнай, как все было». Он увидел жаркую улицу, по которой брела его лазутчица, и толпу перед домиком, и грязную постель больного, и девочку, кормившую его с ложки, и двух бесстыжих девок за столом.

Он давно уже сидел прямо, не развалившись.

— Ты говоришь, женщина еще до тебя заходила в дом? И видела все это? Ее надо найти. Свидетельница очень нужна в таком деле. У нас ведь правый суд и все по закону.

«Господи, какой уж там закон? — мелькнуло в голове у Насти. — Клеветникам свидетелей не нужно, только правду приходится защищать по закону». Но она смолчала. Он знал все это так же, как она.

— Ну, пошли, — сказал Степан. — Ты долго говорила. Там Иван твой, небось, от ревности с ума сошел.

Иван стоял мрачнее тучи, когда дверь открылась. И вдруг увидел ту, давнюю Настю, славную девочку, которую он не решался поцеловать в головку. И спокойного сосредоточенного Степана. Справедливого судью, который знает, где правда.

Разин сам отправился в домик больного. Охрана разгоняла клубившуюся вокруг толпу.

Перед домом он остановился и его окружили соседи. Не слезая с коня, он стал спрашивать их. Они говорили то же, что и Настя, только меньше, поскольку мало знали эту семью. Главной свидетельницей была женщина, ближайшая соседка, которая раньше Насти заходила в дом и вообще бывала там. Она в точности подтвердила впечатления Насти.

Выслушав свидетелей, Разин взглянул на хибару, в которую приехал вершить суд.

Теперь он видел все воочию. Заношенное мокрое белье на веревке. Мытый пол и вымытое окошко. И светленькую девочку, которая варила щи.

— Ну, что, отец? — спросил у хворого бедолаги могущественный вожак. — Был у тебя лекарь? Полегчало тебе?

— Полегчало, батюшка, Степан Тимофеич, спаси тебя Христос за милости твои.

— Что же ты не знал, какие у тебя дочки? Хочешь их у себя

оставить? Твое дело отецкое.

— Ну... — замялся Тихон. — Ежели они схотят...

— Они, может, и схотят, когда у тебя деньги, а подле дверей караульный. Они-то, может, и схотят. А ты будешь круглый дурак. Мы лучше младшую твою спросим. Хозяин хворый, хозяйки другой я не вижу. Девочка, как тебя, Маша, хочешь, чтобы сестры жили с отцом и с тобой?

Маша повернулась к атаману.

— Не хочу, — сказала она.

— Что так?

— Деньги они на себя растранижат, — принялась объяснять Маша. — В доме помогать не станут. А как деньги кончатся, все равно уйдут. Не будут они тут жить.

— Ишь ты, строгая какая, — улыбнулся Разин. — Как же ты хотела бы с сестрами обойтись?

— Дать им на приданое, ихнюю часть, из тех денег, что отцу подарил. И пусть идут к своим хозяйкам. А нам тут много тратить придется, — покачала она головой. — Белье новое купить, одежду. За лечение платить. Чугунки все побитые... Печку перекладывать. Почитай все нужно. Батяне станет лучше, я работать пойду. Но жить я хочу в своем доме. А дом надо в порядок привести.

— Умная какая девочка, — сказал Степан. — На тебе еще на расходы. И на приданое.

Маша растерянно на него взглянула и покраснела.

— Бери, бери, такая хозяйка беспреренно себе мужа найдет. А вы, соседи, помните: если кто их обидит, со мной будет дело иметь.

— Батюшка Степан Тимофеевич, — заныла красивая средняя девка. — Что ж ты нас-то не стал слушать? Заперся с атаманшей. Она такого напоет...

— Мне напеть нельзя, — сказал Степан. И вы не напоете. Разин каждого видит наскрозь. А окромя того, свидетели подтверждают. Наше войско — народное, у нас все по закону. Будете закону перечить, высечь велью. На главной площади. То-то стыдоба. Да и больно, — усмехнулся он.

— Как ты могла войти в его опочивальню? — спрашивал Иван. — Ведь это зверь. Глаза, как у волка горели. Я чуть не бросился за тобой.

— Я очень боялась за тебя, Ваня. Но не могла я бросить этих людей. Я попала в тупик. А выход только один оказался.

— Ну еще разок помучила мужа. Ничего, он стерпит. Всех тебе жалко, кроме меня.

— Что ты все меня стыдишь за то, что я такая? А тебе совсем не было жалко их?

— Сказать правду?

— Да!

— Не было мне их жалко. Такие люди отнимают тебя от меня. И в конце концов может и вовсе отнимут. Пойдешь в монашки и всю себя им отдашь.

— А зачем же ты пошел на эту войну? Ты сражаешься за таких несчастных.

— Я сражаюсь в бою. Это мое мужское дело.

— А Петровну помнишь? Ты ее жалел.

— Петровна нас не разделяла.

Она села в сторонке и долго молчала. Потом вдруг слезы хлынули рекой. Она плакала отчаянно, горько.

— Что с тобою, Настенька? — спросил он с испугом. — Ты решила от чего-то отказаться?

— Только не от тебя. Ваня, милый, как ты мог сказать про монастырь? Неужели ты никак не можешь принимать меня такую, как я есть?

Он бросился к ней, прижал ее к сердцу и стал жарко целовать ее мокрое от слез лицо.

— Моя, моя. Не отпущу в монашки. Все буду терпеть, но от себя не отпущу.

— Ваня, ты несправедливый, — она еще всхлипывала. — Разве я ничего не сделала для тебя? Много видел ты женщин, чтоб ушли на войну вместе с мужем?

— Милая моя, хорошая, прости меня. Только думай обо мне хоть немного. Ты ученая, а я — простой мужик. Легко мне это? Могу я не жить в тревоге? А ты весь свет обнять готова, и — Ванечка, потерпи. А сегодня я смертельно напугался, когда Разин поволок тебя на свои подушки.

— Не сидела я ни на каких подушках. Я стояла перед ним, как перед судьей.

— Что ты вдруг замолкла? О чем подумала?

— О тебе. Я, наверно, глупая, по-детски. Мне всегда казалось, что мы с тобой — одно. А ты мучился, был во мне неуверен. К Мишке ты меня наверно, тоже ревновал?

— Еще как! Да ты ведь и впрямь колебалась.

— Сердцем никогда не колебалась. А мысль шальная набезит и пройдет. Я за сегодняшний наш разговор пережила столько, сколько в жизни не переживала. Я, наверно, другая теперь.

— Не надо быть другой. Будь такая, какой я тебя полюбил. Моя девонька, моя птаха.

— Девонька-то девонька, да повзрослела малость. Я от этого не стану меньше тебя любить.

Ночь пролетела, как одна минута. Полная нежности прощальная ночь. Не успели оглянуться, а уж за окном светло. Скоро в доме зашевелиятся. Погрузят вещи и поедут в лес. С атаманами уже попрощались. Стенька напутствие произнес. Был он весь этот день спокоен, весел. «Он раньше часто бывал такой», — сказал Иван.

За дверью прошелестели шаги Оли. Собирались быстро. Перекусили наскоро, без разговоров.

— Лошади запряжены, — доложил Сережа. — А у ворот девочка Маша стоит.

— Со стариком случилось что-то? — спросил Иван.

— Не знаю. Не похоже. Она стоит тихонько и ждет.

Вся улица была запружена верховыми. Две лучшие сотни выделил на охрану Иван — Емельяна и бывшую сотню Хохлова. Мартын Голубченков и Афанасий пришли попрощаться. Настя обнялась с ними, расцеловалась.

Иван сел на лошадь, он ехал провожать их в лес.

— Что скажешь, Маша? — повернулась к ней Настя.

— Прощаться пришла и спасибо сказать.

Настя обняла ее и поцеловала.

— Как отец-то?

— Малость получше, спасибо. — Маша замялась.

— Ты, я вижу, хочешь что-то попросить?

— Да, хочу. Ты мне позволишь ходить к вам и прибираться у вас в доме? Ежели можно, вели караульным меня пускать. — И, заметив, что все на нее смотрят, пояснила: — Муж твой скучать будет без тебя. А войдет в дом, увидит, что чисто и, как будто, ты в нем побывала. Я без него буду ходить, не стану мешать. — У Ивана что-то дрогнуло в сердце.

— А тебе не трудно? — спросила Настя.

— Какие труды! Мне в радость будет для вас что-то сделать.

Настя взглянула на Ивана. Он кивнул.

В лесу они слезли с лошадей и отошли за деревья. Лесок был не особо высок и не велик, но буйно разросся в широкой низине.

И пока лазутчики и Оля готовились к отъезду и проверяли все в последний раз, они стояли, положив друг другу руки на плечи, и смотрели грустно, не могли наглядеться, словно хотели что-то унести с собой.

— Знаешь, Настенька, — сказал Иван, — мне вроде стыдно своих слов, что я Машу эту с отцом не жалею.

— Ты хороший и не надо ничего стыдиться. Это я виновата — замучила тебя.

— Ну, поехали, — сказал Иван, усмехаясь. — Дай-ка я поцелую тебя на прощанье.

Они обнялись и поцеловались, крепко прижавшись друг к другу.

Настя погладила его по золотым кудрям.

— Прощай, мой ненаглядный. Будем надеяться на скорую встречу. Только надо говорить не «прощай», а «до свидания», — вдруг вспомнила она.

— До свидания, милая. Девонька моя...

— Ехать пора! Все собрано! — закричали из-за деревьев. — Атаман! Настя! Вы где?

Иван сердечно простился с купцами: «Так не задерживайтесь. С товарами не дорожитесь. Распродайте все поскорей». Попрощался с охраной и со всей Настинной свитой.

— Буду ждать от тебя вестей, Али, — сказал он тихо. — Береги Настю.

— Будь спокоен, атаман.

Колеса покатались по мягкой травяной дороге. Настя ехала

верхом и все оглядывалась. Иван, сидя на лошади, глядел ей вслед.

– До свидания, Ваня, – услышал он уже издали.

– До свидания, Настенька. Птаха моя.

Дорога по перелескам

Лес кончился. Потянулась унылая степь. «Ну и пусть, – думала Настя. – Чем хуже, тем лучше. – Потом спохватилась: – Кому лучше? Только мне одной». Но вот завиднелся лесок, и на его опушке устроила привал. Хоть передохнуть в холодке. Настя была молчалива. Остальные негромко переговаривались, искоса поглядывая на нее.

И после привала она ехала верхом. Ей казалось, если она сильно устанет, хоть немного утихнет тоска. Но тоска точила ее неотступно.

За ужином все разговаривали мало. Расставили шатерчики и рано легли спать. Насте не спалось, и она слышала, как охранники, сидя у костра, рассказывают, наверное, что-то смешное. То и дело раздавался смех. Она тихо встала, стараясь не разбудить спящую с ней в одном шатерчике Олю. У костра сидели молодые казаки из сотни Емельяна и вся ее команда, и Сережа, и Али. «Умучила я их своим тоскливым видом, – подумала она, – очень нужно кому-то знать, что я по мужу скучаю. Иван бы тоже огорчился. Он любит, чтобы я веселая была». Она вошла в свой шатер, залезла в перины и заснула сразу крепким сном. А наутро уже слышался ее звонкий голос:

– Вы о чем вчера у костра толковали? Небось, истории не для нас с Олей? – Ребята, усмехнувшись, отмолчались.

– У нас всякие истории есть, – сказал Али. – Сегодня вечером я могу рассказать сказку из Тысячи и Одной Ночи.

– Это что ж такое? – заинтересовался Прошка.

Али стал объяснять.

– Евграф Никанорович, давно мы с тобой не беседовали, – обратилась Настя к старому купцу.

– Да ведь ты все верхом разъезжаешь, – отозвался старик, – садись ко мне в возок, буду рад сердечно.

– Я с удовольствием приду. Спасибо, – сказала Настя. – Прошенька, ты на дневном привале хоть похлебку какую сготовь. Без горячего-то нехорошо всю неделю.

– Зачем, похлебку, – возразил Прошка. – Пусть ребята наловят рыбы. Я знатную уху сварю. Здесь в степных речушках неплохая рыбка водится.

Настя понимала, что она говорит слишком много. Но чувствовала: постепенно входит в колею.

Днем, когда они снова въехали в лес, Настя отдала Каурку Сереже и постучалась в дверцу к старому купцу. Гаврюша, ехавший за кучера, остановил возок, она забралась туда, села на приставную скамейку.

– Ты лучше рядом, места много, поудобней будет, – похлопал по кожаной подушке старик. – Что у вас в последний день приключилось? Я что-то краем уха слышал, опять ты за кого-то

вступилась и опасности подвергла себя.

Настя поведала ему все вчерашние свои мытарства.

— Ты скажи мне, Евграф Никанорович, что же он за человек такой? Сперва на меня набросился, я думала, пошлет в застенок. И вдруг все понял и во все проник, как простому человеку недоступно, и решил все мудро и по справедливости. То он истинный провидец, то понимать ничего не желает. Какой же он, по-твоему?

— Загадка трудная, — слабая улыбка промелькнула на губах старика. — Постарше тебя люди головы ломают. От природы, от Господа, он богато одарен. А может, не от Господа, — пробормотал он. — Человек он необыкновенный, дана ему большая сила, и он прав во многом, даже в этой войне, но нельзя же на себя брать такое. Ведь он всю Русь матушку от края до края перетряхнуть собрался. Казак должен Русь охранять, беречь ее границы, раздвигать их, а не трясти ее, несчастную. Это правда, люди тяжело живут, и несправедливости много, но если кровь междоусобная прольется, лучше от этого никому не будет. Надо как-то по-другому. Нелегкую загадку ты мне задала.

— Тпру! — крикнул Гаврюша и резко натянул вожжи. Настя подняла окошко и высунула голову. Весь обоз остановился, а окружавшие их казаки поворачивали лошадей и двигались уже не рядом с обозом, а перестраивали ряды. Захлопали выстрелы. Настя выскочила из возка на землю, краем глаза заметив удивленное лицо старика. Обоз был плотно окружен кольцом казаков, а остальные поскакали в лес. Гремели выстрелы, трещали ветки, гулко бухали копыта, лес наполнили возбужденные голоса. Кто-то вскрикнул от боли. Кто-то громко стонал. Потом шум отодвинулся дальше и мало-помалу затих. И вот уже опять стал приближаться. Топот, голоса перекликаются, и ветки трещат. На дорогу вылетели с победным видом казаки. «Разогнали разбойничков!» «Ребята, раненых несите!»

— У нас много раненых? — спросила Настя.

— Да нет, одного только крепко задела, да и то, может, выживет, а так — легкие ранения у нескольких ребят. Вон тот — обвязался и с коня не слезит. В ногу одному попало, не может идти.

Началась дороженька. Уже и набег завернули. Да как быстро, лихо и почти без потерь. Настя отправилась помочь раненым. Промыть рану, перевязать она умела. Еще Аксинья когда-то учила. И в походе попадали иногда казаки под разбойничью руку. Али лечил тяжело раненного. Чистой тряпочкой смазывал глубокую рану какой-то мазью из фарфоровой баночки, на которой Настя разглядела неизвестные ей восточные буквы.

«Ну, мы им дали!» — слышала она. — «Легко отделались!» «Так нас же сила! Две лучшие сотни послал атаман».

Странное дело — после этой стычки ее тоску, тревогу, как рукой сняло.

Ночью, сидя возле палатки, она думала: «Прав, Ванечка, мы с ним похожи, оба любим опасность, задохнулись бы всю жизнь в

одном доме прожить. Как хорошо — разбойников разогнали, сразу весело на душе. Какую сказку рассказал Али, ведь это прелесть, — костер в ночном лесу, вокруг темнота, ветки мохнатые, черные, и заслушались ведь все... Жаль, Вани с нами не было. Что-то в Астрахани меня ждет? Новые знакомства, новые люди. Что я делать там буду? Сумею ли я? Наверное, сумею. Ваня говорит, я лазутчица прирожденная. Как начнется эта новая жизнь? Приедем, будет видно. Когда теперь увижу-то его? Хоть весточку бы получить».

Записка мертвого разведчика

Полпути проехали, а возвращавшийся из Астрахани разинский лазутчик все не объявлялся. Гаврюша и Али попеременно отрывались от каравана и мотались, пробираясь по бездорожью, — кто его знает? — может, этот лазутчик бредет в стороне от дороги одному ему лишь ведомыми стежками.

Потом мчались во всю мочь, догоняя ушедший вперед караван. «Что, опять ничего?» «Да покамест нету».

Ездить начали на третий день. И четвертый почти весь прошел в бесплодных поисках. Поближе к вечеру — июньское солнце стояло еще высоко — из чащи вылетел Гаврила и опрорхнул помчался, не совсем похожий на себя. Был Гаврюша всегда незаметен, но на лошади-то, хошь не хошь, а разглядишь, и уж больно шибко он мчался, и какой-то даже блеск появился в мутноватых, бесцветных глазах.

Все это Али приметил сразу, выскользнул из строя, придержал коня, и вот они уже едут рядом, и запыхавшийся Гаврила перевел, наконец, дух.

— Нашел? — спросил Али.

— Лежит мертвый. Вороны уже слетелись. Нагайкой разогнал.

— Кто убил? Разбойники?

— Они. Он одет-то был в мужицкое, простое. Лошадь угнали, оружие взяли и кошель с деньгами. Да не добились, небось, второпях. Донесенья целы. Он успел собрать их и зажал в кулак.

— Ты прочел?

— Ага.

— Есть важное?

— Сам увидишь.

Что-то в голосе его заставило Али внимательно взглянуть в невыразительное лицо своего верного помощника.

Они пристроились в конце обоза на телеге с овощами, возчику Али велел приглядеть за лошадьми и быть неподалеку, а Гаврюша занял его место и вытащил из-под рубахи мятые бумажки, перепачканные грязью и кровью.

«Баба поломойка крикнула купчихе: придет Разин — отольются вам наши слезы», — читал Али. Почва, вроде бы готова, надо только подогреть страсти. «На рынке часто слышно: Мироеды! Дождетесь Стеньки. Будет вам ужо!» «В городе мужики собираются кучками и говорят возбужденно, машут руками, а если кто

подойдет посторонний, сразу замолкают». «Завел знакомства. В кучки собираются недовольные. Ждут Стеньку». «Дворянка Торопинина заказала молебен о спасении жизни брата и его родни, живущих в занятом казаками Царицыне», О, это Насте. «Споры среди дворовых, одни стоят за господ, другие ждут прихода Стеньки». «Воевода Прозоровский собирает отряд ратных людей, набрал больше двух тысяч, чтоб, упредив приход Разина, дать ему бой возле Черного Яра. — Да ведь этот город где-то тут неподалеку, Черный Яр! — Командовать отрядом будет старший его сын или князь Львов». Командующий не назначен. Это они еще не сегодня и не завтра выйдут. «Недовольные собираются в кабаке «Сизый голубь» в Бурлацкой слободе». «Купцы Пенкин, Мякишев, Чупров закрыли лавки, заколотили дома, весь товар и ценные вещи сложили на телеги и выехали из города с семьями и людьми. Я проследил. Едут в сторону Царицина. Думаю, по дороге свернут».

И еще две-три записки в том же роде.

— Это все? — спросил Али.

— Нет, еще одна, — Гаврила протянул ему мятую бумажку.

«Дворянин Иван Федотов и посадский Матвей Муромцев ездили прошлый год в Хиву и Бухару. Узнавши про начальника разведки Тихого, молодого азиата, сказали: ежели это тот, про кого мы думаем, это малый очень опасный и знает много. Допрашивать его, полагаю, надобно всеми мерами, допрос растянуть как можно дольше и до самого конца. Дело того стоит».

— Дело стоит, — протянул Али.

— Бежать будешь? — тревожно спросил Гаврила.

Али, привалившись к передку телеги, задумчиво смотрел на уходящие назад деревья.

— Пожожу, — сказал он, наконец. — Бежал бы сразу и не задумался, если бы не одна причина.

— Провернуть что-то нужно? — скушным голосом спросил Гаврила.

— Глупости-то не болтай, — сухо сказал Али. — Передо мной застенок двери открывает, мне только и думать, что бы еще такое провернуть. Собери сюда разведчиков. Всех. Настю, зови, конечно, в первый черед.

Одним броском он перевернулся, сел рядом с Гаврилой и взял у него вожжи.

— Насте ты записку эту покажешь?

И Али опять ответил:

— Пожожу.

Гаврила поскакал собирать лазутчиков. Али спрятал под рубахой записку. «Горю я, как свеча, — подумал он. — Бежать бы надо и не оглядываться, если бы не такой атаман. Как он смотрел на меня, баронет, англичанин этот, как на тлю. Полковник мне, конечно, цену знает, но и для него я — умная обезьянка. Разин не сегодня завтра дознается, что я такой-сякой, какого надо допрашивать до смерти. Бежать бы мне, дураку. Но атаман больно хороший попался. Э, была не была, попробую остаться. Англичане узнают — убьют. А зачем им узнавать? Я еще и сам не знаю, как

игра пойдет. Атаману все расскажу. Но когда я его увижу? Насте рассказать? Поглядим».

Разведчиков было шестеро, не считая Насти и Али. Трое — разинских; и своих, с Гаврюшей, трое.

— Это что мы целой толпой будем на мешках сидеть и совещаться? — возмутилась Настя. И крикнула десятнику из охраны: «Передай вперед — остановка».

Немного погодя остановились первые ряды и вслед за ними — остальные. Лазутчики отошли в сторонку.

Совещались недолго. Отвести в Царицын донесенья вызвался один из разинских лазутчиков. Никто не возражал. Но тут разинские набросились на Али с Гаврилой:

— Что нас сразу не позвали? Целый час сидели на телеге. Об чем таком толковали? Скрыли что от нас?

— Я должен был внимательно прочесть записки? — оскалил белые ровные зубы Али. — О том, что голытьба богатых Разиным страшает, и так известно, спешного гонца не нужно посылать.

— А ты нашего товарища хоть похоронил? — обрушились теперь уж на Гаврилу. — Крест поставил? Вот он поедет сейчас, поглядит. Мы тебя убьем, если ты, нелюдь, бросил убитого казака воронам на съедение.

— Молчать! — резко оборвала Настя. — Что разорались, как на базаре? Мы разведки дружественных отрядов, служим вместе. И нечего по лесу шляться и трупы искать. Донесение доставить Разину срочно. То ругаетесь, что Али вас задержал на минутку, теперь розыск какой-то затеяли, когда времени нет. Если этот раздрай не кончится, я с вами дела иметь не буду. Действуйте сами по себе, много пользы принесете. А я обоим атаманам доложу.

— Да похоронил я его, — скрипучим голосом сказал Гаврила. — Много саблей в земле нацарапаешь? Как смог, так и похоронил. Я ведь спешил.

— Не сердчай, Настя, — сказал лазутчик, взявший записки. — Я поскачу прямо сейчас, возьму только у Прошки еды на дорогу, и в Царицыне не буду говорить, что мы малость побрались. Смотрите тут у меня, — погрозил он кулаком товарищам, — ежели снова будете вязаться, я Настину сторону возьму.

— Да ладно, что уж, — пробормотали разинские. — Разведывать порознь толку нет. Не обижайся, Настасья. Не будем с тобой рядиться.

«Благодетели, — усмехнулся про себя Али. — Настя знала, чем пугнуть. Их двое, нас пятеро. У Насти письмо в дворянский дом, к этой Торопининой, что молебны за царицынских дворян заказывает».

Да и я не пустое место. Правда, сейчас лучше бы мне быть пустым местом в полном смысле слова. Ну, поднесли мне подарочек любители дальних странствий! Слава Аллаху, что они никогда не видели меня. Ах, Гаврюша, Гаврюша, какую скверную записку ты принес!»

На привале ночью, когда все спали, кроме караульного и Али,

да еще старый купец не мог толком уснуть — чуть задремлет и сразу проснется — Али увидел вдруг не сон и не видение. То, что предстало перед ним, было игрой воображения, пришедшей очень вовремя, а то бы он и до утра не уснул.

Он увидел себя в белом, шитом золотом халате. В красных с загнутыми вперед носами сапогах. В мудрено скрученной большой белой чалме. Из чалмы торчало длинное павлинье перо, прикрепленное багряным самоцветом.

Продолговатое его лицо стало круглым, из-за чалмы, главным же образом из-за того, что раздувались щеки. Щеки раздувались у него от важности. В покруглевших глазах тоже светилась дурацкая тупая важность. Он увидел себя тупым дураком, очень гордившимся тем, что он слуга у барышни. В каждом его шаге, в каждом мановении так и кричала о себе тупая важность.

Говорить он будет мало, глупым голосом, с горловым восточным говором.

Разведчикам он скажет, что решил изображать из себя дуралея, почти не знающего русского языка, чтобы при нем разговаривали, не стесняясь.

Насте расскажет больше. Атаману придется рассказать все. Но, наверно, это очень непросто. Вдруг атаман улыбнется своей ослепительной улыбкой и заколет его ножом? Чушь какая в голову лезет. Или не чушь?

Ясно одно. В Астрахани, где его, кроме лазутчиков и двух купцов, никто не знает, он проживет в безопасности недели две.

Усердная девочка Маша

Иван тосковал без Насти и затащил к себе в гости Мартына.

— Ну, у тебя лепота! — Мартын даже рот разинул. — Живешь бобылем, без жены, и до того у тебя чисто, до того уютно. Кто тут старается у тебя?

— Девочка эта, Маша. Да ты же ее видел. Когда Настя с разведчиками уезжали, она подошла и предложила у нас прибираться.

— Вот эта махонькая? Она так дом содержит? И много ты ей платишь?

— Она денег у меня не берет.

— Ишь какая! Да ты бы ее хоть как-то отдал.

— Некогда мне с подарками. Уговорил ее, чтоб она с отцом у меня кормилась.

— Согласилась? — с любопытством спросил Мартын.

— Снизлошл. С котелками приходит и домой к себе носит.

— За еду, значит, работает. Как сестры ее. Ну, пошутковал я, не обижайся.

Они выпили по чарке, закусили.

— Знаешь что, — опять вернулся к прерванному разговору Мартын. — Ты спроси эту девчонку, может, она и в моем доме наведет порядок? Я платить ей буду хорошо. У меня, небось,

возьмет деньги.

— Маленькая она еще. Справится ли с тремя домами? Но ты не сумлевайся, я спрошу.

А через денек-другой Петро Хохлов подошел к Ивану:

— Слышь, атаман, я только что у есаула был, у него ведь, где бы он не поселился, всегда в доме чистый кабак. А тут гляжу и глазам не верю: ни пылинки и расставлено так складно, всяка вещь на своем месте. Говорит, ты ему девочку какую-то прислал.

— Он просил, я прислал. А тебе что?

— Так, может, ты бы и мне ее прислал, раз такая рукастая.

— Эх, вас повело к домашнему уюту. Не иначе быть большой войне.

— Уж это точно, — сказал Петро. — Война — казацкая забава. Одначе, хоть немножко поживем, как люди.

— Девочка мала уж больно, — покачал головой Иван. — Я и Мартыну сказывал. Но взялась, хозяйствует. Я спрошу, если она согласная, сама к тебе подойдет.

— Ну что, уговорил? — спросил Иван, встретив на другой день Хохлова. — Она вроде говорила, ей помощницу надо сыскать, да к сестрам неохота обращаться.

— С помощником пришла, — усмехнулся Хохлов. — Отца привела себе в помощь. Он грузчиком работал и жилу себе надорвал. Сейчас отъелся, отлежался. А полы помыть да пыль вытереть для мужчины-то — пустяк, а не работа.

— И чего она столько на себя навалила? — удивился Иван. — Ведь ей Стенька денег дал много. Какая нужда с утра до вечера на поденку мотаться?

— Я откуда знаю? — отозвался Хохлов. — Сам ее спроси, ты же главный хозяин.

Иван спросил за ужином. Оказалось, что Маша собирается строить новый дом.

— Старый сколько не чини, — объясняла она, — никакого нет виду. Только деньги и силы тратишь. А я денежек накоплю и поставлю себе небольшой, но новенький, хороший дом. Светлый, чистый. Душа заиграет.

— Душа, конечно, — хмуро сказал Иван. — Всем уюта захотелось. И у есаула, и у Хохлова, у всех душа сейчас играет. Но они хотя бы знают, что им скоро идти на войну. Так решили побаловать себя напоследок. А вот ты, девочка умная, а соображаешь ты, что будет большая война и что ваш город может переходить из рук в руки?

Маша слушала его внимательно, расширив круглые голубые глаза.

— Ты у кого работаешь? — продолжал Иван. — В чьих домах порядок наводишь? Только у самой верхушки. У атамана, у есаула, у тысяцкого.

— У двоих, — улыбнулась Маша. — Афанасий попросил заходить к нему два раза в неделю.

— Ну вот, совсем прекрасно. Много их осталось, этих недель?

Пусть даже на короткое время возьмут, например, город стрельцы. Все кто тебе сейчас завидуют, и сестры твои, может быть тоже, тут же понесут на тебя слово. И пытошной тебе не миновать. Что мы делали, да что говорили? Да у кого какой обычай? Да кто с кем дружит и с кем враждует?

Маша, нахмурившись, сидела и молчала. Думала. И, наконец, заговорила:

— Спасибо тебе, Иван Кириллыч, что ты думал обо мне и упредил меня, какая может у нас с тятенькой быть опасность. Я с постройкой дома погожу. А коли будете уходить, вы нас с собой возьмете? Я и в походе пригожусь.

— Ты всюду пригодишься, толковая ты девчонка, — улыбнувшись, сказал Иван. И добавил серьезно: — Возьму обоих. Обещаю. Отец править в обозе лошадей сумеет?

— Конечно.

— Ну и хорошо. Только не зевай, напомни о себе кому-нибудь из нас. Если меня не будет, то Афанасию или есаулу, или Петру. Я их всех упрежу.

— Спасибо тебе большое. Значит, мне судьба такая — домика пока не строить, а за вас держаться. Слава Богу, встретила хороших людей.

«Почему-то сестры твои, в одной комнате с тобой сидевшие, с хорошими людьми не встретились, — подумал Иван. — Судьба судьбой, а от человека тоже зависит».

Настя, вернувшись из гостей, где блистала красотой и приятностью обращения, разделась, забралась в пуховую постель и почувствовала: глаза слипаются, еще мгновение и она погрузится в сон.

Но приоткрылась дверь, вошел Али в своем дурацком тюрбане. Зачем-то он это затеял — изображать из себя важного тупого болвана, который не ходит, а несет себя, как хрустальный. А уж слова-то русские коверкает — не приведи Господь! Играет, развлекается или ему это зачем-то нужно? Она спросила как-то, он ответил: «Нужно. Потом расскажу».

— Настя, — сказал он на своем изящном, чистом русском языке.

— Князь Прозоровский собрал войско, три тысячи стрельцов. Командует князь Львов. Поведет их к Черному Яру.

— Завтра утром донесенье напишу, — сказала она, зевая.

Черные, диковатые глаза взглянули как-то странно, почему-то вспомнилась персидская княжна. Иван не жалел ее, говорил, от глупости своей пострадала.

Он жесток бывает, и нередко, но всегда нежен с нею, всегда терпелив.

«Где ты сокол мой ясный? Небось, весточки ждешь? Не один бабий лепет, что на днях начеркала. Черный Яр, три дня пути от них, от нас — чуть побольше. Кто знает, что за три дня может случиться в любой нежданный миг». Веки приоткрылись, в сонных глазах блеснули яркие искры.

— Али, чернильницу, перо... а, у тебя все с собой, отвернись. Я ведь не в постели, на столе писать буду.

Друзья — враги

Степан Тимофеевич был не в духе. Отчего — он и сам не знал. Взяли Царицын, богатый город на родимой Волге. Впереди новые победы. Люди радостно его встречают, ждут, просят принять их в свое войско. Начало лета, красота, теплынь, и почему бы удалым его казакам не порадоваться и яркому солнцу, и одержанной победе, и короткой передышке между очередными победами и боями?

Но его обжигала внезапно нетерпеливая тревога и гнев.

А бывало просто чудесно, вот как сейчас — Волга яркими бликами играет на солнце, прохожие взирают на него с восхищением, а какие-то несчастные просят заступы у могучего и доброго защитника всех обиженных.

Он едет на прекрасном, богато убранном коне, рядом Борис, Васька Ус, верные его товарищи, стремянные, охрана. Степан посмеивается — как ни пристрастен к золоту и серебру Борис, июньское солнце заставило его сменить парчу на шелка. Но зато какие шелка — легчайшие, тонкие, как паутинка, дивных цветов с причудливыми переливами.

С громким стуком катит груженная домашним скарбом тачка, ее толкает работник, а рядом шествует с большой корзиной хозяйка, видная, еще не старая, порозовевшая и слегка вспотевшая от жары.

— Куда путь держишь, мать? — осведомляется Степан Тимофеевич. — На новое жилье переезжаешь? Что ж ты воз не нагрузила? Много ли на тачке увезешь?

— Так я ведь ненадолго, Степан Тимофеевич, — охотно объясняет горожанка. — Недельки на две, пока вы стоите тут.

— А почему ты думаешь, что мы тут будем только две недели? — слегка нахмурившись, спрашивает Степан.

— Так ведь все говорят, Астрахань пойдешь брать, — бойко объясняет его собеседница. Разин улыбается. Ждет народ его побед.

— А пока вы тут стоите, я лучше у сестре побуду. Она в Садовой слободе живет, где стоят войска Ивана Кириллыча. Там поспокойней — грабежей нету и караульные за порядком следят.

Чертова баба! Кто ее за язык тянул? Весь распрекрасный его настрой как рукой, смахнула.

— Какой такой Иван Кириллыч? Не слышал что-то. — Он поворачивается недоуменно к Борису.

— Тихий, — кратко отвечает Борис.

— Ивашко Тихий? Это ты его с «вичем» величаешь, баба?

Женщина видит изменившееся выражение его лица и испуганно, смущенно говорит:

— Я уж, батюшка Степан Тимофеевич не знаю, как у вас положено кого величать. Мне сказали: «Иван Кириллыч», я и

повторяю. Не сердчай на меня, глупую.

— И правда что дура, — сердито говорит Степан. — Что окромя Садовой слободы в городе негде жить? Я вот не живу в Садовой, и ничего, никто не беспокоит.

«Кто ж тебя посмеет беспокоить? — мысленно произносит его собеседница. — Вот некстати встряла в разговор. Господи, ослобони!»

Стенька сердито хлопает плетью по лебединой шее коня, и кавалькада обгоняет незадачливую путницу, к великому ее облегчению.

В большом роскошном доме, где разместился Стенька, — дворец, а не дом — ждут его новости. Из каравана, что на днях отправил Тихий, прискакал лазутчик. Он привез записки, которые нашли в лесу у мертвого, убитого разбойниками лазутчика, ехавшего из Астрахани. Лазутчик, умирая, зажал записки в кулаке, и все почтительно и хмуро смотрели на грязные, измятые бумажки, с красноватыми пятнами крови.

— Честь и хвала ему и райское блаженство, — торжественно сказал Степан. — Верный был казак.

Из записок выяснилось, что воевода Прозоровский собирается встретить Разина, не подпустив его к Астрахани, и около трех тысяч, наверно, наберет. Что касается самой Астрахани, там народ только и ждет прихода освободителя.

Нетерпеливой радостью забилося сердце атамана, вздохнул с облегчением. Битва, сеча — вот что тянет его, освобожденные от боярского гнета города и ликование народа.

Тошно, скушно ему в солнечном Царицыне, где он укрепляет стены и вечерами слушает песни казаков. Разленились, забыли долг, радуются безделью, привольному житью.

— Что там у Ивашки Тихого в старшине творится? — насмешливо спросил он. — Говорят, девчонка эта с отцом — с тем колченогим, что у меня тут плакал и в ногах валялся, — проговорил он с неожиданной злостью, — бегают из дома в дом и полы начищают. Зажирели, сволочи. По-дворянски норовят жить. А недоростку этому чего неймется? Мало что ли я ей приданого дал?

— Так она как бы из благодарности, — пояснил кто-то из казаков. — Их же ограбили тогда, и сестры ее обижали.

— А кто за них вступился? — спросил Разин. — Кажись, Степан Тимофеевич. И денег дал на приданое, и соседей припугнул, и дочек нерадивых выгнал. Что ж она мне полы-то не скоблит?

— Так ей только сказать, прибежит с радостью, — подал кто-то голос.

— Незачем, — отрезал Степан. — У меня и так чисто. К Тихому, небось, сама понеслась.

В памяти мелькнуло что-то светлое, хорошее. Синие доверчивые глаза Насти. И эта халупа, где он вершил свой мудрый, справедливый суд. Он умней их всех, всех сильнее. Он Россию поднимает на дыбы. Кто, кроме него, это сумеет?

А с благодарностью бегут к Тихому. Тот же молчаливый дьяк

Мельницкий. Так почтительно кланяется и исчезает в миг. И эта маленькая. Да кто он, этот Тихий? У него таких атаманов больше, чем пальцев на руках. Неужели, он, Степан, ему завидует? Нет, конечно. Просто злит его этот шут гороховый, со своей внезапной белозубой улыбкой. И чем злит, не поймешь. Непокорством? Чем-то неясным, что скрывает в себе.

Говорят, он часто видится с Мельницким. Не затевает ли Ивашко измену? Нет, он не предаст его. Проницательное сердце Разина чует — Тихий его не выдаст.

Пообедали, выпили обильно. Степан довольный, что предстоит вскоре бой, был весел. Потом спать завалились. Разбудил его отчаянный, разбойный, душу леденящий свист. Он, казалось, несся со всех сторон, и из-под земли, и с неба. В чем дело, что стряслось? Сотни Тихого с воинских учений идут. А Ивашко — видно делать нечего — вздумал научить всех сотников своему знаменитому свисту, а сотникам велел учить казаков. В бою, дескать, пригодится. Устрашит врага. Конечно, так свистеть, как Ивашко, никто не умеет, но когда две тысячи разом свистнут, тут не то, что спящий проснется, глухим остаться можно.

— Дурачок! Свистун! — буркнул Степан.

Радость скорого боя, объявшая Степана Тимофеича, за день притупилась. Ненадолго хватило. Живут в захваченном Царицыне, как в станице в мирное время. Поют, пляшут, выпивают, с девками шашни водят. По-новому бы как-то надо жить. Он стал венчать, как дельвал в Черкасске. Собирал молодежь, приводил к вербе и велел им парами плясать вокруг древа.

— Ну вот, вы и муж с женой, — говорил он. — Живите в любви и согласии. И попы, царские богомольцы, для этого не нужны.

Молодежь смотрела на него почтительно, а уж долго ли они жили «в любви и согласии», Степан Тимофеич не ведал. Но вспышки нетерпеливой тревоги по-прежнему досаждали ему. Пока венчает молодых — отец родной, а полчаса пройдет, и вновь в глазах его тоска и беспокойство.

Занимался он поповским делом дня два-три, на четвертый обвенчал собравшихся быстро — погнал одну пару вслед за другой без особых речей и застолий.

Тут подошли новые, Разин венчать их не стал.

— Повадились, — сказал он нелюбезно. — Завтра придете. У нас все же война. Недосуг мне, надо поглядеть, как город укрепляют.

Вся казацкая старшина и охранный отряд казаков отправились со Степаном Тимофеевичем смотреть, сильно ли продвинулись работы. Оказалось, стены почти сплошь залатаны, делать осталось всего ничего, еще денек, ну, два от силы и закончат.

И, не желая тянуть время, Разин тут же объявил:

— Завтра собираем круг.

Круг собрался такой обширный, подобного которому не видели даже много чего видевшие старики.

Море шумное, море безбрежное... Но все затихли, когда заговорил Степан. Он, словно околдовал их — звал за собою в манящую даль, вверх по Волге, на север. Многие из них не раз бывали в тех краях, бродили по деревням и сеяли смуту, пускали красного петуха, вламывались в усадьбы с толпой разгоряченных их речами мужиков.

Но чтобы так вот прокатить лавиной, в которую, словно притоки и ручьи в Волгу, будут вливаться новые сотни и тысячи, захватить эти недоступные, укрепленные города — Саратов, Симбирск, Нижний... Вывести оттуда воевод, и сделать эту землю казачьей. Установить свои законы и справедливо править. Отобрать у дворян поместья и земли, раздать крестьянам и самим расселиться по всей Руси.

А то пойти на Москву и казнить ненавистных бояр и приказных, а все их бумаги сжечь. И люди больше не будут властвовать друг над другом, все станут равны. «Я не хочу быть царем, — говорил Разин. — Хочу жить с вами, как брат!»

— И с мужиками? — крикнул кто-то.

— И с мужиками, — твердо ответил Разин. — Все люди братья между собой.

Тишина, царившая во время его речи, сменилась шумом, выкриками, все переговаривались. Но видно было: убедил, всколыхнул.

Порешили завтра же готовиться к походу. Правда завтра еще стены будут доделывать. Ну, а на следующий день всем собраться по десяткам, сотням, тысячам, привести в порядок оружие, и себя привести в воинский вид. Кто крепко запил, протрезвить со всей суровостью, вплоть до батогов.

Иван мрачно шел со своими казаками к незаделанным укреплениям:

— До ночи будете работать. Завтра — последний день.

Его догнал Борис, обнял за плечи:

— Ну, что, Ваня, и тебя на этот раз пробрало, не стал спорить со Степаном Тимофеевичем и к благоразумию призывать.

Иван взглянул в лукавые глаза Степанова советника своими непроницаемыми, бездонными глазами и, не отвечая, спросил:

— А тебя, Боренька, пробрало?

— Как ты думаешь? Я такой чувствительный! Прямо мороз по коже.

— Вот, вот, — спокойно подтвердил Иван.

Есаул Мартын Голубченков, и оба тысячных, Афанасий и Петро Хохлов, идущие рядом с Иваном, тупо смотрели перед собой, и никакого выражения не было на их лицах. Борис, хоть и дружит, как будто, с Иваном, а блядская его натура не выдержала — захотелось посмотреть, удержится ли Иван, не скажет ли чего нелестного про этот дивный замысел — бросить Астрахань, совсем готовую к сдаче, бросить Астрахань, где Настя с лазутчиками стараются — на кой дьявол он их послал? — и устремиться к северным городам. Впрочем, Степан сейчас, конечно, может

поднять и целые воеводства, но Прозоровский, небось, уже выслал им вслед свои три тысячи стрельцов. Нечего сказать, хорошее начало для великого похода, когда такое войско идет за тобой по пятам и колошматит твои тылы, подкрадываясь незаметно.

Но лицо Ивана было строгим и озабоченным.

— Там пролом большой остался, — сказал он. — Сегодня не закончим, но завтра беспрерывно сделать все.

— Ах, Ваня, Ваня, — вздохнул Борис, — умник ты, уж так я тебя уважаю. И не только уважаю, я ведь тебя люблю. Ты хоть знаешь это?

— Знаю! — отозвался Иван.

— Как ты терпишь эту суку? — спросил Афанасий, когда Борис, наконец, отстал. — Вы, вроде, дружите. Так нет, выведывать прибежал. Глазками своими черными так в тебя и впился. Я думал, ты убьешь его или хоть в морду дашь. Астрахань не взяли. Сейчас бросят Царицын. Здешние и астраханцы начнут ездить друг к другу на радостях. В опасности твоя жена и вся твоя разведка.

— Не растравляй, — сказал Иван хрипло. — Знаю и без тебя.

В сумерки, когда домазывали напоследок то, что должны были делать весь день, в ворота влетела конная сотня и помчалась к Садовой слободе, где трудились казаки Тихого, а с казаками вместе и сам атаман — надо же девать себя куда-то.

Конные подскакали. Да ведь это молодцы из отряда, который полторы недели назад выехал провожать караван в Астрахань.

— Гриша! Неужли так быстро добрались? Наши в Астрахани? — встрепенулся Иван.

— Совсем близко подошли, — ответил сотник. — Перелески кончились, пошли деревни, Настя и говорит: «С одной сотней доберемся, а вы там, может быть, нужны». На вот, весточку тебе прислала.

Иван сжал в руке записку.

— А Степану донесенье есть?

— Так они ж еще в дороге. Я думаю, вскорости пришлет.

Вскорости! Уже завтра надо бы получить. Остановить Стеньку, пока не увел войско.

Он попытался разглядеть буквы. Совсем темно, не прочтешь ничего.

«Милый мой, голубчик, — читал он дома и печально усмехнулся: остерегается моя лазутчица, не пишет имен, — вспоминаю тебя ежечасно, как подумаю, так сердце захолонет. Едем мы спокойно, лишь дважды разбойники нападали, но охрана отогнала их, и убитых вовсе нет, только нескольких ранило. Днем беседуем со стариком в его возке, а вечерами, у костра один парень удивительные сказки рассказывает, заслушаешься и не дышишь. Как мне хочется тогда, чтобы ты тут же рядом сидел, и мы вместе бы слушали. Скучаю по тебе, душа изболелась. Когда ж увидимся, хоть бы весточку от тебя получить. Как я там буду с новыми людьми, немножко опасуюсь, но надеюсь.

До свиданья, ненаглядный мой, любимый. Целую тебя много

раз».

«Скучает, любит, девонька моя. Как мне выручить тебя, как спасти? Мы уйдем, а ты останешься среди чужих, брошенная у врагов лазутчица. Оставить войско Афанасию или Мартыну, а самому кинуться в Астрахань спасать тебя? Всего лишь только два денька осталось. Хоть бы объявился, наконец, Прозоровский и мы бы приняли бой и повернули на юг, в твою сторону».

Голова раскалывается от мучительных мыслей. «Была б ты вправду птаха, взмахнула бы крылами и очутилась рядом со мной».

Следующий день прошел в работах. Иван растягивал их, как только мог, — был на его участке огромный провал от пушечного ядра. Но в начале дня пришла подмога, сотня Емельяна возвернулась. Емельян видел издали: Настя въехала в ворота в одном возке со стариком купцом, без препятствий, и колымага с «дворовыми» тоже была пропущена.

Стену доделали, как не тянули. На другой день стали собираться. За две недели вольной жизни казаки воинский пыл порастеряли, да и пламенная Стенькина речь, так всех расшевелившая, в памяти за два дня поостыла — вчера чинили стены, вечером выпили напоследок гораздо, и рожи у всех опухшие, оружие куда-то задевалось. У Ивана в отряде куда получше, чем у других, не зря он своих каждый день на воинских ученьях мучил.

Стенька, собиравшийся выехать вечером, разъезжал по городу на своем красавце коне, смотрел на бестолковые похмельные сборы, и лицо его кривилось от гнева.

Непонятно было, смогут ли они хоть поздно вечером выйти в поход, и не лучше ли как следует выспаться и со свежими силами двинуться утром.

Иван обходил сотни. Во многих людей не хватало. В душе он радовался, но вид имел суровый.

— Где пятнадцать казаков?

— Да оружие ищут, не помнят, где ночевали, и одежда порвана у иных.

Кто-то тронул Ивана за рукав. Он оглянулся: девочка Маша, белые волосы гладко зачесаны и перевязаны ленточкой, а позади своей знаменитой дочки переминается с ноги на ногу Тихон.

— Тягеньку в обоз можно пристроить? Спасибо, мы знаем, где телеги стоят. А меня, может, при кухне? Али в лазарете?

— Нету лазарета, — ответил Иван. — Будут раненные, тогда и лазарет будет.

Прямо на Ивана мчался один из Стенькиных стремянных.

— Атаман, к Степану Тимофеевичу немедля. Прибыл срочный гонец.

У Ивана прыгнуло сердце.

— Откуда?

— Из Саратова.

«Вот незадача! Что ж, Прозоровский-то придет когда-нибудь?»

Бой за Денежный остров

В палатах у Разина было прохладно.

— Ну что, — торжествующе сказал он. — Говорил я, с севером нам воевать. Войско не ахти какое — полк.

На столе лежала развернутая карта. С загоревшимися глазами Стенька подошел к ней, и вся старшина пододвинулась к столу.

— Вот они куда перебираются, на Денежный остров — семь верст отсюда. — Он ткнул красивой костяной указкой. — Сами себя в угол загоняют, дурни. Тут мы их и прихлопнем. Я подойду с реки, а конница — Васька и Ивашко — с суши. Кто еще лезет сюда? Что за шум? — спросил он раздраженно.

— Гонец из Астрахани. Спешно, — раздался голос от дверей и в палату вошел худенький молодой паренек. Иван не знал его — из Разинской разведки.

— Что там у него? — спросил Степан, повернувшись к Ваське Усу, взявшему записку.

— На, читай.

Разин развернул записку и нахмурился. Иван затаил дыхание.

— Прозоровский три тысячи стрелцов собрал, — буркнул Разин. — Высылает их к Черному Яру. Эх, они собрались с двух сторон, в клещи нас берут. Завтра на рассвете нападём на тех, кто уже тут. С ними справимся, сразу на юг повернем. Кто там командует у астраханцев войском, написала Настя? Князь Львов. Твой приятель, Боря. Соскучится в застенке, я тебя пошлю к нему в шахматы играть. Давно не игравали.

Все засмеялись шутке атамана. Один Иван не улыбнулся. Настина записка у Стеньки в руке. Неужли так и не даст ему глянуть?

— Мои лазутчики писали? — сдержанно спросил он.

— Я же сказал, твоя жена, — Степан усмехнулся, высек кремнем огонь и поднес к нему записку. — Донесения сжигают. Ты, что ли, этого не знал, старый разведчик? — весело повернулся он к Ивану.

— Чего вылупился-то на меня?

«Не дело, — думал Разин, — нет, не дело, совсем обабился казак. Смотрит на него тяжелым, застывшим взглядом. Он любовницу когда-то в Волгу бросил, а этому записочку не дали подержать, на буковки, любимой рученькой писанные, полюбоваться. Хватит этой дури. Отучать пора».

— Все к своим войскам. Васька, сразу же людей на струги. Потом с Ивашкой договоришься, как действовать будете. Выступаем затемно.

Иван вышел вместе с Васькой.

— Ты чего насупился? — спросил Ус. Он замечал, что Разин в последнее время сердчат на Ивана, но в подробности не вникал. — С перепоею, что ли?

— Не выспался, — ответил Иван.

Стенька злится на него. Из-за Насти, конечно. Но ведь не только из-за нее. Враждебность вспыхивала постоянно, дай лишь повод, а повод подворачивался легко. Искать не приходилось. Главное, не только Стенька на него злится. Иван и в своем сердце тоже

чувствует враждебность. Откуда это? Когда началось? Как хорошо, как горячо они говорили, когда задумывали свое общее справедливое дело.

Стенька твердо верил в победу. Иван считал, что будет очень трудно, и могут вылезти такие препоны, о каких им и не догадаться сейчас. Но задуманное ими дело стоило того, чтобы со всей отчаянностью в него ринуться. Могло ведь получиться. И если спорили они со Стенькой, то без вражды, оба хотели одного.

Он и сейчас надеется, что они могут своего добиться. Но что ж так муторно на душе? И со Степаном что творится? Все Ивашкой его кличет. В дружеские их времена звал Иваном, как и все. Не лепится к нему эта кличка. Какой он Ивашко, он Иван. Перед глазами вдруг всплыло лицо Стеньки, да так ясно, будто он его увидел въявь, — блеснувшие недобрый весельем глаза, злорадная усмешка, когда он сжег донесение Насти.

А донесения ведь и вправду сжигают. Он сам всегда сжигал. И не казацкий это обычай всяческие нежности перед людьми выставлять. Чудно бы показалось, если бы Разин вдруг сказал: «На тебе, Ваня, записочку от твоей любимой женушки. Подержи ее в руках, полюбуйся, а потом сожжем».

Но в глубине души он знал: если бы не эта постоянно нарастающая между ними враждебность, Стенька ткнул бы ему ненароком записку, понимая, как Иван этого ждет: «На, прочти, что твои лазутчики пишут». То, что Иван этого ждет, он понял и сейчас, потому и усмехнулся злорадно, сжигая донесение Насти.

А здорово он придумал — напасть на остров и с реки, и с суши. И глаза его светились радостным огнем. Ему хочется воевать, идти вперед, брать города, подымать воеводства. И все ближе, все ближе к Москве. Да он и за Москву пойдет — на Север, к Новгороду, даже до Белого моря. Вся Русь, нищая, голодная — окромя казачьих земель — стонет от несправедных поборов и самоуправства приказных. Что ж они не поделили-то со Степаном, ведь они по-прежнему хотят одного.

Конные выехали в прохладной предрассветной тишине. Лица были строги, ехали молча. От вчерашней суматохи не осталось и следа. Предстоял тяжелый бой. В туманной мгле показались Степановы струги. Остров тих, стрельцы еще спят. И вдруг с самого большого атаманова струга прогремела пушка. Лагерь встрепнулся, вскоре по стругам пошла частая стрельба. Но и на судах не зевали, засыпали остров огнем. А тем временем с правой стороны незаметно подобралась конница Васьки Уса. Стрельцы бросились к левому краю, стремясь перебраться на берег, сгрудиться в один кулак и уйти от нападавших на них с двух сторон Степана и Васьки. У стрельцов были такие потери, что они и сами не знали, собираются ли дать казакам отпор или хотя бы сохранить в живых побольше, не всем погибнуть.

Но тут с диким пронзительным свистом, от которого кровь холодела, вылетел им навстречу конный отряд Ивана. Это было

уже у самого берега, кони неслись во весь опор навстречу выходящим из воды стрельцам. Встретив и здесь оглушительный, мощный удар, стрельцы сдавались сотнями.

Победа была полной. Блистательно задуманная битва закончилась быстро. Пятьсот стрельцов встретили свою смерть на неведомом им прежде Денежном острове. «Не в добрый час полезли мы в этот капкан», — думали оставшиеся в живых.

Только на свои суда Стенька взял в гребцы больше трех сотен пленных. «Вы бьетесь за изменников, — сказал он им с укоризной, — а мы сражаемся за государя».

Так закончилась эта битва, задуманная вдохновенно и проведенная слаженно и лихо. Стрелецкое войско истекало кровью. Казаки торжествовали. Когда они победно возвращались в город, жители только ахнули, увидев, с какой быстротой свершилось сражение двух армий.

Прежде, чем идти к Стеньке в его палаты, Иван собрал своих казаков и обратился к ним:

— Братцы! Наши нынче отличились, в бой летели, как ветер, и больше всех взяли пленных. Я думаю, эти пленные запомнят нас на всю жизнь. Этот наш бросок я и сам никогда не забуду. — Ряды загудели. «Ур-ра!» послышалось с разных сторон.

Атаман редко говорил речи и был не любитель красивых слов. Те слова, с которыми он обращался сейчас к войску, кружили головы казакам. Иван видел, как сияют их лица, слышал гул, похожий на раскаты грома.

Он подождал, когда наступит тишина.

— Я думаю, — сказал он твердо, убежденно, — из всех войск, что собрались сейчас под Царицыным, лучше наших нет. — И добавил, помолчав: — пожалуй, и во всем казачестве наш отряд, хоть не самый большой, но лучший. Служить у нас большая честь. Это так, и останется так, и мы сделаем все, чтоб не ронять нашу славу.

Шумных криков не было на этот раз, и он видел, что последние его слова запали в сердца глубоко.

— У меня есть хорошая задумка, — сказал он, — но для этого нужно, чтобы наш отряд вышел в поход утром, в полной готовности и не с похмелья.

— Сегодня в городе будет большая гуляба. Ребята, молодцы мои! — крикнул он звонко. — Я прошу вас — отложите праздник. Мы еще с вами гульнем, очень скоро, на днях. После славной победы. Не в Царицыне — в Астрахани будем мы гулять.

И он увидел: его послушаются. Может, кто и недоволен, но отряд, большой двухтысячный отряд он убедил.

— А за нынешнюю нашу победу выпьем, конечно, но в малую меру. Сотникам, десятникам следить. Кто зазевается, допустит пьянку, голову снесу! — В рядах засмеялись. — Лягте спать пораньше, утром нам в поход.

Когда Иван вошел к Разину, на него глядели с любопытством.

Степан широко улыбался.

— Вот он, наш герой! Больше всех пленных набрал.

— Как не набрать! — вмешался Васька Ус. — Мы со Стенькой прямо под нос ему подсунули этих пленных, — Стенька с Волги палит, а я их по острову погнал. Что же ему, Ивашке-то остается? Едет да посвистывает со своими соловьями, а стрельцы оружие бросают и наперегонки сдаваться бегут.

— Ваня, свистни, — попросил Борис.

— Другим разом. Больно ты чувствительный. Охолонь.

Сегодня он решил не скрывать, что обиделся вчера на Бориса, прибежавшего подглядывать за ним. Каждый раз все спускать, на голову сядут.

— И ты вправду думаешь, что ты герой нынешней битвы? — перебил шутливую болтовню Степан.

— Что ты, Стенька, дурак я что ли? — искренне отозвался Иван.

— Это бой невиданный по задумке, про такие в летописях надо писать. — Степан сидел довольный, он видел, что Иван восхищается чистосердечно. — И провели вы его с Васькой отменно. А я что — подошел под конец, подобрал пленных. Это всякий сумеет.

— Ну, не говори. Летела твоя конница, как буря. А уж свистели, гикали. Ты нарочно, говорят, всех своих обучил?

— Да, была такая мысль, что при наскоке полезно.

— Ладно, — сказал Степан. — Сегодня мы все молодцы. Ночь ребята погуляют. Может и завтра догуливать будут. Потом дать им выспаться и в поход. Кто что делает обсудим в походе. Может кто чего предложит? Ты, Иван?

Иван откашлялся.

— Мои не будут гулять нынче ночью, — сказал он. — Есть у меня задумка. Мы выйдем раньше остальных. Завтра утром.

— Это зачем же? — пророкотал Степан. — Хочешь со Львовым один на один сразиться? И Астрахань самолично взять?

— Опять ты меня за дурака считаешь? Куда я с двумя тысячами попрусь? Да и не лезу я руководить сраженьем. Ты будешь все решать, ты наш атаман. А свой отряд я предлагаю, чтобы, имея в запасе время, мы проселками далеко обошли стрельцов и оказались у них в тылу. Вот такая небольшая задумка. А ты соображай, как использовать нашу засаду.

— Обойти с тылов? — сказал Степан. — Это ты под самой Астраханью будешь? — В глазах его мелькнуло подозрение. — Город без войска, там горстка осталась, захватишь Астрахань, как победитель, и к Насте своей поскорей. А мы будем в бою кровью обливаться. Не позволю войско разбивать! — яростно крикнул он. — Из-за тщеславия да из-за бабы ты товарищей своих предаешь! Собрать круг! К допросу его, в застенки!

Все остолбенели.

— Уймись, Стенька, — сказал побледневший Иван. Вот он в чем его подозревает. Соперника в нем видит. Как выплеснулось все! — Не дури, — спокойно продолжал он. — Что тебе

примерешилось? Что я позарился на твое место? Вот тебе Крест Святой — и в мыслях не держал. Ты атаман всего казачества — был, есть и будешь. И укрепленную Астрахань моим отрядом не возьмешь. Тщеславие мое — невеликое: в твоём войске иметь свой отряд. Не большой. Но хорошо обученный и сильный.

— Образцовый? — спросил Степан.

— Допустим.

— Вожак образцового отряда — это начало. А там пойдёт.

— Да брось ты! У меня и в мыслях этого нету. Ты что, сам не видишь — разные мы. Поднять всю Русь, пойти на Москву — твоя задумка. И сила для этого нужна твоя. А у меня никогда не было таких задумок — вместе с тобой — да, но чтоб самому — упаси Бог. И силы нет во мне такой, ты сам это знаешь. Так что смекника лучше: когда ты начнешь бой, а я буду сидеть в тылу у Львова в засаде, какой знак ты подашь, что нам выступать пора.

Стенька окинул взглядом сидящих за столом. На него глядели удивленные лица. «Неужели я все выдумал? Что наехало на меня? Иван, пожалуй, и правда собирался устроить засаду. Но откуда это подозрение? Оно рождается так часто. И почему он так сердит меня?

— Да, Степан Тимофеевич, — сказал Борис. — Что-то ты загнул совсем чудное. Я сколько раз с Иваном говорил. То, что он сейчас сказал — это истинные его мысли.

«Хочет мириться, — подумал Иван. — Совесть заела. Неужели у него есть совесть?» И он кивнул Борису головой: спасибо, мол, за помощь.

— И впрямь, Стенька, тебя занесло, — сказал Ус, — Куда с таким отрядом брать укрепленный город? Да и на кой это ему?

«Пожалуй, они правы, — думал Степан. — Он и впрямь просто хотел помочь мне, устроив засаду. Но что-то тут все же нехорошо. Сердце у меня — вещун. Оно подсказывает. Ох, посмотрим, что дальше будет».

— Ты зачем своим казакам говорил, что твой отряд в казачестве самый лучший? — вдруг вскинулся Степан.

— Ребят хотел подбодрить, воодушевить, — охотно отозвался Тихий. — Да я и не отказываюсь, я впрямь хочу, чтобы мой отряд был самый лучший. У меня отряд, а у тебя все казачье войско. Разницу понимаешь ты?

— Понимаю, — буркнул Степан. — Принято твое предложение. На высоком берегу костер большой разожжем, когда тебе выступать.

«Соглядатаев ко мне подсылает, — думал, идя домой, Иван. — Злится на меня, в подозрении держит. Что с ним сделалось? Он не был такой. — И вдруг подумал: — Но и я другой был. Что-то пробуждается во мне. Я ему, конечно, не соперник. Но и в товарищи, как прежде, не гожусь».

Его догнали Голубченков, Афанасий и Петро Хохлов.

— Плохо наше дело, Ваня, — вздохнул есаул. — Заест он тебя. Не быть вам вместе.

— Давно пора, — вдруг резко сказал Хохлов. — Подрядился ты, что ли, быть навечно его подручным? Другие атаманы ходят сами по себе. Не тебе они чета, но воюют сами, не под чьей-то рукой. Что ты прилепился так к нему?

— Мы были большими друзьями, — негромко, словно самому себе, сказал Иван. — Вместе задумывали все, затевали. Не пойму я, почему он стал такой.

— Не лукавь. Ты тоже с тех пор изменился, — сказал Афанасий.

«Я изменился? Да. Я сам только что это подумал, — согласился со старшим другом Иван. — Что-то будет. Что-то оно будет? Но пока надо Астрахань брать».

— У нас дело есть, — сказал он сухо. — Мы его выполним. А разговоры эти... Поглядим сперва, что в Астрахани будет. Может, оно и образуется еще. Нас просили, мы пришли на помощь, брать Царицын. На Денежном сражались. Еще Астрахань впереди. А там... там будет видно, братцы».

* * *

Теплая, темная ночь опустилась на степь. У Ивана в лагере не спали. Лазутчики отыскиали неподалеку от города два глубоких оврага, расположенных вблизи друг от друга. Засада хоть куда, особенно если бой начнется ночью.

Где-то совсем недалеко, меньше трех дней пути, разлученная с ним войною Настя. Девонька его, отчаянная, бедовая, а временами — боязливое дитя. «Если меня не убьют — Иван не верил, что убьют — я через два дня ее увижу. — Сердце, будто огнем обожгло. — Радость моя, пташенька, любовь моя единственная. Побудем вместе в Астрахани неделю, может, две. А там тебя Стенька опять зашлет куда-то. Снова нам в разлуке жить.

А я хотел воевать с тобой вместе, учил на саблях биться, верховой езде. Дурак я был. Думал, Стенька ведет наше войско, и я с ним рядом, и Настя со мной. Да вот как нас жизнь раскидала. Стенька Насте если цену еще не совсем узнал, придет в Астрахань — убедится. Пошлет ее в Саратов, а то и в Симбирск. А я что — останусь с ним рядом? Полно себя обманывать! Служить нашему делу я буду. Но воевать с ним совместно — нет. Он подозревает меня, почему-то боится. Ишь, как выплеснулось из него: «Предатель!» «В застенки!». Потом опомнился. Но это в нем сидит, и чем дальше, тем больше будет разрастаться. И я не зря так подбирал себе отряд. Не для того, чтобы быть на подхвате. Я уйду, конечно, уведу своих туда, где буду сам себе хозяин. Настю заберу. Ей, пожалуй, придется еще раз сходить в разведку. Но потом она будет со мной. Как это случится, не знаю. Только я без нее не могу».

Спала Астрахань тревожным сном перед боем. Беднота ожидала Стеньку, как Бога, — вот он явится, спасет их, а врагам отомстит. И дворянка Торопинина, родная сестра Мельницкого, которой Настя совсем задуррила голову рассказами о веселых и добрых

казаках, встретившихся ей по пути. Большой поддержкой ей был в этом Сережа. Когда люди узнавали, что молочный брат обаятельной барышни — мягкий, вежливый, сероглазый юноша, легко краснеющий от крепкого словца — казак, из богатой казачьей семьи, рассказы Насти о совсем не страшных казаках приобретали достоверность.

И воевода Прозоровский, полный мрачных предчувствий, плохо спал в эту ночь.

И смущаемый лукавыми мыслями митрополит Иосиф.

Спала Настя с радостным замиранием сердца, представлявшая себе перед сном, что вот еще два-три дня и она увидит Ивана. Она будет рассказывать, как им тут пришлось крутиться, он будет хвалить ее и смеяться ее рассказам, а потом вдруг скажет: «Девонька моя!» и обнимет теплыми и крепкими руками.

Спал Али, битком набитый чужими тайнами — присутствие дурковатого азиата никому не мешало распускать языки. Спал он тревожно — через два-три дня он уже не будет слушать чужие тайны, а расскажет Ивану свою. Как атаман на нее отзовется?

Спал Гаврюша, тоже услышавший немало, незаметный, незапоминающийся паренек.

Не спали в эту ночь купцы Евграф Никанорыч и Илья Самосоныч, баснословно дешево распродавшие свои товары и через два часа готовые пуститься в путь к тихой заводи по совету Ивана.

Не спал князь Львов, заснет и сразу же проснется. Он ждал казаков раньше — должна же у них быть разведка. Лазутчики, конечно, есть — в городе все время кто-то мутит народ.

О битве на Денежном острове, задержавшей казаков, он не знал.

Ему чудилось надвигающееся на него войско, какие-то шумы, он вслушивался — нет ничего. Его лазутчик говорил, что видел очень большой отряд казаков вдалеке от проезжей дороги. Кто такие и куда они шли по проселку?

Не спали многие стрельцы, перешептывались: «Перережут нас тут, как баранов». «Перережут, а за что? Мы такие же простые люди, как те, что бегут к Стеньке». «Он, братцы, говорят, против бояр и приказных, но за простой народ». «Уж не задумал ли ты сдаваться?» «К чему такое, я просто сказал». И вдруг насмешливый молодой голос: «А отчего бы нам не сдать? Дворяне воюют — понятно. А нам за что жизнь отдавать?»

В войске Разина никто не спал. Бой решили начать ночью. И сейчас, стараясь не шуметь, пробирались по крутому правому берегу к Черному Яру. Лазутчики бесшумно шли впереди.

«Одолеем, — думал Васька Ус. — Нас вон какая сила. Да еще Ивашко Тихий ударит с тылов. Ночь, они там дрыхнут, а мы как налетим! Да с двух сторон».

И вдруг снова эта дрянь, что в последние недели ему досаждала — тянущая боль и судорога, где-то глубоко в нутре.

Борис думал: «Везет Разину, везет. Ну, как в карты, — вдруг пойдут одни козыри и так всю ночь. Но ни разу ведь не бывало, чтобы при честной игре всегда шли одни козыри. Уменье в игре, конечно, тоже много значит, не одна удача...

Что я за Ваню Тихого вступился третьего дня? А зачем с ним ссориться — врага наживать? Но я не думал о том, что с ним ссориться не стоит. Просто что-то толкнуло, я и сказал. Это тоже, как в картах - есть уменье, есть чутье».

Разин с жадностью вдыхал ночной воздух. Он, как всегда, был весел перед боем и нетерпеливо ждал его. Тихий неплохо придумал насчет засады. Почему он так сердит его? Стенька часто вспыхивает гневом, загорается в один миг. Но Ивашко Тихий, старый товарищ, с которым он все это начинал. И ведь не отступается он от Стеньки, все время сражается рядом.

А вот разинское его знаменитое колдовское чутье так и шепчет: это враг. И все в нем раздражает: пьет мало, какой-то скопец. Да нет, какой скопец — женился на молоденькой красивой девке. Строгий порядок в его отряде, караульные разъезжают по Садовой слободе. Нет в нем казачьей лихости, разгула. Опять не то — уж лихости хоть отбавляй.

Отчаянной смелости казак. И атаман хороший. Но что поделаться с собой — убить его готов.

Иван вглядывался в темноту. Он ждал, когда загорится костер. Все было смутно, тревожно, неясно. Но все это тревожное и неясное будет потом. А сейчас скоро, очень скоро начнется бой, победный бой, в котором его образцовые тысячи сыграют не последнюю роль.

Темный овраг, ночные шорохи, кричат ночные птицы. Не спят казаки, подобранные один к одному, не спят сотники, и старшина, не спит атаман. Пряно пахнет травами, горьковатой полынью. Тихая, теплая, летняя ночь.

И вдруг, словно огромная свеча, с высокого берега взметнулся в небо ослепительно яркий огненный столб.

Нижний Новгород

Вечером прошумел обильный летний дождь, и влажный сад благоухал чудесно. Настя сидела в кресле, поджав ноги, потом, встала, подошла к окну, кутаясь в наброшенную на плечи бархатную телогрею, как кутаются иноземцы в свои мягкие просторные халаты, когда нет гостей или гости совсем уж свои. С недавних пор, сама не зная как, Настя стала совсем уж своей в одном иноземном семействе, занесенном каким-то чудом, а скорее причудливостью российских дорог в Нижний Новгород. Любопытное это было семейство, да и можно ли его семейством назвать? Сэр Чарльз Тэлбот, эсквайр, англичанин, путешествующий для собственного удовольствия, а может быть и по каким-то тайным делам. С ним молоденькая дочка, хорошенькая и веселая Беатриса, а в семейном кругу — просто Трикс. Настя

даже позавидовала — ведь и Лев Акимыч ездил в дальние страны, а ее с собою не брал.

Русской речи отец с дочкой были необучены, впрочем их сопровождал пан Владислав Маринич, польский дворянин, изъяснявшийся по-русски с иноземным говором, но весьма бегло.

Настя вспомнила, что какой-то Маринич был повинен в поединке Миши Каширина с польским князем, и спросила пана Владислава, не встречал ли он Михайлу в Варшаве.

Синие глаза Маринича заискрились радостным смехом.

— Пан Михал! Как не знать? Дуэлянт бардзо искусный. Ранил в плечо противника вдвоем выше его ростом. Вся Варшава восхитилась, правда, осталось неизвестным, что послужило причиной дуэли.

Настя смутно помнила, что причиной были некие клеветы, пущенные самим же развеселым паном, но не стала о том говорить.

Она подошла к окну, вдохнула запах листьев и цветов и слегка поежилась. Август, а уже прохладно. Что подделаешь — Нижний Новгород, север. В Астрахани, небось, и сразу после дождя от жары задохнешься.

Астрахань

Астрахань, Астрахань... Как нетерпеливо бились их сердца во время первой, показавшейся столь долгой разлуки. Больше трех недель! Вот захватят Астрахань и они встретятся, наконец. Она ждала его в Астрахани, где плела свою мудреную сеть, приготавливая город к сдаче. А он шел с боями, приближаясь к ней, тоскуя безмерно, и, как путеводная звезда, светило это слово: Астрахань. Вот захватим Астрахань и вновь я увижу свою ненаглядную.

И свершилось.

Город брали ночью. Обманув воеводу, Стенька пошел на приступ совсем не там, где его ждали. Осажденные сами подавали казакам руки и перетаскивали через стены.

Ранним утром стенькино войско входило в город с двух сторон.

Настя стояла на верхней галерее, а внизу по мостовой неслась конница Васьки Уса, пестрая, нарядная вереница людей.

Дальше проскакал с неведомым ей атаманом бедновато одетый небольшой отряд.

Улица опустела.

И вдруг... Этот, казалось бы, с детства привычный лихой разбойный свист, от которого ей почему-то всегда хотелось пуститься в пляс. И полетели, вихрем понеслись не столь уж пышно, но зато и не столь уж пестро одетые всадники. Все свои — огромный, как гора, лукаво сверкающий карими глазками есаул Голубченков, и белокурый красавец, Петро Хохлов со своей тысячей. И казаки, и десятники, и сотники. Кое-кто узнал ее и махал ей рукой или приветствовал взлетом сверкающей сабли. Птицей пронесся, обгоняя быстрые ряды и глядя вперед, кто-то до боли

знакомый, но просто сказочно красивый — отчего он нынче так красив? — и сердцем комом стало у нее в горле.

Афанасий, улыбаясь, махал ей шапкой. Какие у него чудесные — умные и добрые глаза.

Прошла пехота — у них раньше не было пехоты — мужики; пожалуй, много иноверцев. Дальше обоз и беленькая девочка Маша с нескладным своим отцом. Они ее тоже узнали.

Настя вдруг похолодела и опустила взгляд. В дверь входил Иван. Она глубоко, с усилием вздохнула и побежала по лестнице вниз.

Казалось, разговорам и рассказам конца не будет. В доме женский голос причитал и плакал по покойнику. Чужая боль кольнула страхом и тоской. Кто это все же так убивается? Черная стряпуха? Но у нее ведь нет никого.

А потом вломился Мартын Голубченков. Расцеловался с Настей и весело блестя хитрющими глазами, загремел:

— Атаман! Ты уж не серчай. Нынче с женошкой не отсидишься, потолкуете попозже.

— А что стряслось? — спросил Иван. — Новый город брать пока что рано. Да и нет поблизости.

Есаул загоготал:

— Каждый день что ли по городу брать? Но кое-что тебе взять придется. Да не пугайся. Новую тысячу.

— Как так? — удивился Иван.

— К тебе валом валят мужики и особенно инородцы, — пояснил Мартын. — Многие без лошадей. Ты сам видел, вчера в город с нами входили сотни три пехоты. А сейчас так и прут и все только к Ивану Тихому просят. Придется пехотную тысячу собирать.

— Коней надо раздобыть, — сказал Иван. — Нехорошо это, чтобы казаки все на лошадях, а мужики — одна пехота.

— Да ты сходи, поговори с ними. Стоят, как каменные, ждут тебя. С женой успеешь наговориться.

— Много ты знаешь, что я успею, — сказал Иван. — Настенька прости, дело необходимое, к обеду буду.

Он положил ей руки на плечи и коснулся губами волос. Как тогда, давно-давно, зимней ночью в Аксиньином доме.

Настя пошла в людскую. Ее, сияющую улыбкой, встретили недоуменным взглядом.

Черная стряпуха распухла от слез. Да и у Оли серые глазки слегка покраснели.

— Вот, Груша, уходить от нас хочет, — сказала она. — Говорит: «Все казаки не люди, а звери».

— Да, что случилось? — спросила Настя.

— Князя Прозоровского, воеводу здешнего поранили тяжело, — негромкой скороговоркой стала пояснять Оля. — Его в церковь отнесли. А потом казаки туда ворвались и Разин его с раската сбросил.

— Схватил ручищами своими длинными и вывел на раскат, — охриплым голосом сказала стряпуха, — а он князь, Иван Семеныч, то, стоять не может, в живот ранен, а этот ирод держит его,

горемычного. Спросил что-то, князь покачал головой, и Стенька сразу его вниз столкнул. И еще без счету людей перебили. Полтыщи, говорят.

— Господи! — испуганно вздохнула Настя. — Что же это, Боже милостивый, что творится? Какая страшная бесчеловечность. — «Есть ли у них души?» — вспомнились слова Михаила. Есть, конечно, есть, черные души, полные звериной ярости и злобы. Что он всех швыряет да швыряет? Бросил в реку Тургенева, и эти, еще в Черкасске. Да и княжна... Всех хочет сбросить, всех кидает вниз, словно возвышают его эти повергнутые жертвы. «А ведь я нравилась князю», мелькнула неуместная мысль. Строгие серые глаза на нее всегда глядели мягко с улыбкой.

Она пошла к черному ходу, поникнув головой.

— А твой не сбросил бы? — спросила ей вслед стряпуха.

— Нет! — крикнула Настя. — Нет! У него душа не черная. — И вдруг круто повернулась. — А ты уйди из моего дома сейчас же, ежели думаешь так про хозяина. — Она вдруг бурно разрыдалась. — И без того душа болит, а тут еще в своем же доме ненавистники.

— Что же ты так маешься? — с насмешкой спросила стряпуха. — Ты ведь служишь ему. Все говорят: хозяйка твоя — Разина лазутчица. Я уйду, не бойся, нечего мне делать в этом доме. Только дом этот — не твой. Долго ли пробудешь тут хозяйкой?

Настя вышла на улицу, как побитая. Что ж люди-то так озверели? Им обеим жаль Прозоровского, они обе плачут о нем, и с какой злобой обругала ее эта баба.

«А ведь она права, — подумала вдруг Настя, уже идя по жаркой, шумной улице. — Я лазутчица Разина. Послана им сюда. Ваня даже сам просил, чтобы меня послали. Что-то перепуталось. Мы ведь добра хотели, помочь бедным людям. Так мы и помогаем бедным. Вон как они радуются, бедняки. А на войне без жестокости не бывает. Нет, не то я думаю. Нельзя так. Князь Иван Семеныч, окровавленный, бессильный... Неужели только так и можно — сбросить со стены?»

Улица зашумела, оживилась, все побежали куда-то мимо нее. А вот он, победитель — на коне, со свитой и вроде уже набрался с утра.

— Степан Тимофеевич! Батюшка! Освободитель наш! — кричал какой-то мужичонко. — Вот в этой мастерской — мы скорняки — хозяин бил меня нещадно, обеими руками, измолотил кулачищами.

— Обеими, говоришь? — зловеще переспросил Разин. — А ну тащите его сюда.

Из мастерской, словно хорька из норки, вытащили маленького пожилого человечка с перекошенным от ужаса лицом.

— Этот? — спросил Стенька.

— Он самый, батюшка Степан Тимофеевич. Обеими руками меня изволтузил.

— Яков, — Разин повернулся к широкоплечему круглолицему казаку. — Сделай, братец, по справедливости — отруби ему обе

руки.

— По плечи али по локоть? — деловито осведомился Яков.

— Валяй по плечи, чего мелочиться, — с усмешкой отозвался атаман.

У человечка подкосились ноги. Но его крепко держали те, кто выволок его из мастерской. Яков слез с коня, вынул торчавший за поясом топорик, подошел к облихованному и левой рукой схватил и вытянул его руку. В правой он держал топор.

Настя, остолбенев, смотрела на расправу. Нет, это не Царицын, где она бросилась спасать неведомый ей дом от грабителей. Спасать от Разина приговоренного человека, когда вокруг ликует народ?

— Ваня, Ванечка, что ж мы все терпим? — всхлипывая, шептала она ночью. — Я не могу больше. Я не стану ему служить. Почему ты от него не уходишь? Вся старшина наша дивится. Ведь он звереет с каждым днем. А тебя он просто ненавидит. Чем дальше — тем больше. Приворожил он что ли тебя?

— Еще чего — приворожил! — Иван обнял ее, крепко прижал к себе и, словно маленькую, гладил по головке. — Уйдем. В самые ближние дни уйдем. Мужичков-то новых я за городом оставил.

— Что, правда, тысяча набралась?

— Набралась. — Он, видно, был доволен. — Я сказал Афанасию, он завтра со своею тысячей к ним перейдет, чтоб не напал на них какой шальной отряд. Главное же, лошадей надо добыть побольше, что за тысяча — одна пехота.

— Украдете?

Он рассмеялся.

— Ну, коли где-то без пригляду бродят. А ежели с приглядом, отчего бы не купить? Денег хватает. Так что не отчаивайся, милая. Сам мечтаю от него избавиться. Завтра нам с тобой к нему на пир идти, победу праздновать. Там я ему и скажу. Мол, повоевали вместе, теперь сам по себе буду. — Он вздохнул. — Так мечтал об этой Астрахани, думал, передышка, отдохнем с тобой. Да, видно по всему, не получается — опять в поход. Что ж, в походе да на своей воле оно куда получше, чем глядеть, как он тут бесится. Ты чего молчишь-то? Чем недовольна?

— Что ты вздумал — в ближние дни? Завтра же собраться, на другой день уехать. А еще лучше — завтра уехать. Долго ли казаку собираться?

— Брось, Настенька. Зачем так уж срываю? Уедем тихо и спокойно. На сборы два-три дня. Что ты из-за одного дня спорить будешь?

— Дай Бог, чтоб тихо и спокойно, — хмуро сказала она.

Она проснулась в конце ночи. Иван не спал, сидел у окна. Он увидел, что и она не спит, подошел и сел на край кровати.

— А ты правду сказала, милая. Что-то у меня на сердце тревожно. Он совсем с ума сошел — пьет беспробудно. Казни эти... все новые придумывает. Озверел. Любой бродяга ткнет в кого-то

пальцем, и нет человека. Сходим завтра на это его пиршество, пораньше уйдем, а послезавтра в путь.

Настя почувствовала, как давивший ее тяжелый камень свалился и стало легко. Завтра последний день! А потом они уедут. Господи, помоги, чтобы не случилось чего.

Утром Иван велел казакам собираться, чтобы быть готовым к завтрашнему дню. Настя то же самое сказала домочадцам. Вместо ушедшей стряпухи обязанности ее исполняли стремянные: Сережа и Костя, тоненький красивый паренек, очень исполнительный и быстрый. Невзирая на всю непохожесть, ребята дружили. Что-то все же связывало их, может, возраст. Иван вернулся к полудню и озабоченно сказал Насте:

– На улицу не ходи. Непокойно в городе. Хорошо, что завтра уезжаем.

У Насти шибко колотилось сердце. Она подумала: «Так из плена бегут», Что ж старинная дружба тоже плен, и Ивану понадобилось время, чтобы подготовить побег.

– Сядь ко мне, голубка, – сказал он. – Посидим рядышком. И ты мне расскажешь, что такое ты подумала сейчас.

– А откуда ты знаешь?

– Глаза у тебя улыбнулись.

Он многое угадывал по ее глазам.

Она села и собиралась уже рассказать про дружбу, подобную плену, как вдруг дверь отворилась и вошел Али. Был он нахмурен и зеленоват от волнения.

– Иван Кириллыч у меня к тебе разговор.

– Отложить нельзя?

– Нет. Очень важный. Я давно уже жду, еле вытерпел. Настя, ты прости меня. Поговорить нам надо наедине.

– У тебя давно уже есть какая-то важная тайна, и ты ни слова не сказал мне? – возмутилась Настя.

– Тайна есть, но решать может только Иван Кириллыч. Если разговор наш кончится для меня хорошо, я тебе сразу все расскажу.

– А если – плохо? – спросила Настя.

– Тогда тебе расскажет твой муж. Если захочет.

Настя обиженно пожала плечами и вышла. Странные речи Али так поразили ее, что она не заметила, как оказалась на улице.

Все та же жаркая астраханская улица. Все тот же возбужденный люд. Многие бегут куда-то, все в одну сторону.

Вот в коляске едет ее добрая знакомая Александра Даниловна Торопинина, родная сестра Мельницкого. Настя привезла ей от брата письмо, и в доме Торопининых ее радушно приняли. Настя поклонилась Александре Даниловне. Что такое? Миловидное, всегда приветливое лицо исказилось, в глазах сверкала ненависть.

– Не смей впредь со мной здороваться, мерзавка, – срывающимся голосом вскричала Торопинина. – Ловко же пролезла ты в наш дом! Теперь-то я тебя раскусила. Отважная воительница спасает от шайки грабителей семейство незнакомых ей дворян. Первый шаг комедийного действия! Кто его придумал

— Разин или твой супруг? Знаешь ты, куда бегут эти зеваки? Спешат поглядеть, как бедный Сенечка младший расплачивается за вашу хитроумную затею. Беги с ними, полюбуйся на дело рук твоих.

Настя ничего не поняла, но ее ожгли слова «Сенечка младший». Младший сын Прозоровского, веселый, добрый мальчик, чудное, полное света, дитя — какое отношение он имеет к этим зловещим речам?

Не оглядываясь на Торопинину, она пошла вслед за другими. Людей становилось все больше. Куда же они направляются? Перед городской стеной стояла целая толпа.

Что это? Настя поняла не сразу. Что это висит там, высоко на стене? Его повесили, несчастный мальчик! Но как странно, что они сделали с ним? И вдруг с ужасом уразумела: он подвешен за ноги, вниз головой! Лицо синее, распухшее. Господи, ведь он еще не умер, тело подергивается, ручки, свисающие вниз, тоже дергаются, распухли и посинели.

Когда она шла к дому, ей на каждом шагу казалось: ноги подкосятся, и она упадет.

Дома, в большой горнице сидел сияющий Али.

— Настя, наконец-то! Я ведь тебя поджидаю. Я всегда знал: твой Иван — удивительный человек, мудрый, — он поверил мне, все понял и оставил у себя. Сейчас я расскажу тебе свою тайну. Да что с тобой?

— Какую тайну? Я ничего не могу слушать. Почему ты улыбаешься? Ты что не знаешь, что учинили Семену младшему?

— Ты ходила к стене? — улыбка сползла с лица разведчика. — Я понимаю, тебе сейчас не до рассказов. Жестокая казнь.

Она нахмурилась и отвернулась. Жить не хочу после этого! А он так спокойно: жестокая казнь!

Хлопнула дверь и сразу вслед за этим легкие торопливые шаги в сенях. Вошел Иван. А она думала: он дома.

— Я сказал тебе, не выходи на улицу, — проговорил он хмуро. — Зачем пошла? Я смотрел, как ты домой возвращалась. Ноги, как деревянные, точь-в-точь, как в тот раз, когда я у Аксиньиной калитки еле успел тебя подхватить.

— А сейчас решил: сама дойду? — пошутила она печально.

— Мне сейчас ни к чему было лезть на глаза людям.

— Почему? Все смотрели на мальчика. Он все еще мучается там?

— Нет, уже не мучается.

— Умер?!

— Упал. Веревка оборвалась. Пуля в нее попала. Ну, чего ты испугалась? Я ведь издали стрелял, из-за угла.

— На тебя подумают. Таких стрелков...

— Стрелков хороших много. Мало ли, что я на стрельбах первым был. И другой мог попасть.

— Не в том дело, что мог. Осмелиться надо. Говорю, подумают на тебя.

— Пусть думают, — сказал он равнодушно. — Ты вроде жалела

его, мальчика этого, Прозоровских. — Он внимательно посмотрел на жену. — Чтой-то ты не нравишься мне, Настасья. Аксинья кой-каких лекарствий сунула нам на дорожку.

— Лечилась уже я ее лакарствием, чуть Богу душу не отдала.

— Ничего, теперь мы средство знаем.

Настя, ничего не помнившая, смотрела на него удивленно. Он провозился на кухне со снадобьем не так уж долго и принес склянку с бурой жидкостью. Настя взглянула на нее с отвращением.

— Пей, пей. Так надо. Слушайся умного мужа. Сейчас поспишь, потом нам к Стеньке на пир его чертов идти.

— Фу, горькое какое! Я к Стеньке не пойду. У меня Сеня этот так и стоит перед глазами.

— На пир нельзя нам не идти, голубонька. Ты думаешь, меня очень тянет? Но нам сейчас надо осторожными быть. Стенька так и ждет, к чему прицепиться, чтобы в городе нас удержать. С него станется, затеет и уличный бой. И на кой я ему сдался, не пойму. Он ведь меня сейчас терпеть не может.

После сна Насте стало полегче. Она надела новый шелковый летник красивого цвета, как топленое молоко, причесалась, навесила Стенькин подарок и стала такой хорошенькой, что Иван перестал собираться, залюбовавшись ею.

— Ты что же не румянишься? — спросил он.

— Зачем? И так щеки горят.

Щеки у нее горели, глаза блестели, как в лихорадке. Помогло снадобье, да не совсем.

— Все мальчика забыть не можешь?

Она кивнула.

— Да. И за тебя боюсь.

«Хорошая у меня жена, — подумал он. — Боится за мужа, сильного атамана, а не за себя, дворянку, идущую к Стеньке на пир».

Он все поглядывал на нее за столом — горят, пылают щеки. Еще бы им не гореть. Скверную новость узнали по дороге. Они тихонько переговаривались между собой.

— Он не выживет, — говорила Настя.

— Вот изверг! Не мог уж сразу матери отдать. Высечь приказал, мучитель. Он и так ведь был чуть живой.

— Оклемается. Мальчонка крепкий, — успокаивал ее Иван.

— Да и сечь его сильно не станут. Пожалуют казаки дитя.

А пир гремел хвалебными речами. Одна победа за другой. И в городе уже порядок — жить будут по-казачьи. Всех разобьют на тысячи, сотни, десятки. Так и в Царицыне сделали.

За столом сидело несколько странных пар. Испуганные молодые дворяночки с заплаканными глазами — их мужья погибли при захвате города или были казнены — а рядом новый муж, дюжий, загорелый казачина; вдовушки испуганно поглядывали на неожиданных мужей, да и казакам неловко. Может, кому и нравится новая жена, но как к ней подступиться? А иным она и даром не нужна — окрутили спьяну.

Насте кровь бросилась в лицо, и без того горевшее сухим румянцем. Вспомнилась Торопинина. Ведь права. Опять она Степану помогает. Сперва твердила горожанам, какие душевные люди казаки. Сейчас их с Иваном выставили, словно напоказ. Вот, глядите, люди добрые: казак женился на дворянке и до чего у них все хорошо.

Она вскоре убедилась, что не ошиблась.

Вместе с Иваном они вышли из жаркой палаты на галерею и услышали женские голоса. Княжна Унковская, известная змея, что с некрасивыми часто бывает, и молодая девица из незаметных.

— И особенно противны эти ряженые, — говорила своей спутнице княжна. — Смазливые, красномордые и одеты с такой грубой роскошью. Сидят шушукаются. Будто на ярмарке — подходи, народ, полюбуйся на кукол!

Тут она заметила наконец Настю и Ивана.

— Ах! — вскрикнула княжна. И тут же с вызовом добавила: — Впрочем, я говорила только то, что думаю.

— Мы промолчим, — сказал Иван. — Куклы всегда молчат. — Но глотать обиду ему не хотелось. — Петро! — окликнул он проходящего мимо Хохлова. — Вот княжна пока еще без мужа. Гляди, не прозевай.

Первый красавец во всем Ивановом войске, высокий, белокурый, даже голову не повернул. Зело возможно, впрочем, потому, что княжну уже видел.

— Не нравятся мне эти свадьбы, — брезгливо бросил он. — По Стенькиным бумажкам, без архиерейского благословения.

— Мы тоже без благословения, — заметил Иван.

— Ну, вы! — возразил Петро. — Уводом поженились. Кто уводом по благословию женится? Уводом — только по любви.

Недоброе сердечко княжны уколола — и весьма чувствительно — обида. Ловко он отомстил ей, этот Тихий. Повернул дело так, будто она готова броситься на шею этому красивому дикарю. А он отмахнулся от нее, как от мухи.

— Петро не скоро женится, — сказала Настя, возвращаясь в палату.

— А ты откуда знаешь? — удивился Иван.

— С горничными хороводится. Знать принцессу ждет. Оля для него старовата, но у них затевается что-то. Это так, по-моему, время провести. А Машка от слез опухла.

— Машутка? — изумился Иван. — Да ведь она дитя. Сколько ей? Тринадцать?

— Да уже четырнадцать, — отозвалась Настя. — Лет десять разницы всего. Знала я таких супругов, что и двадцать лет им не препона.

— Что ж ты такая зловредная? — обиделся Иван. — Я думал, ты

меня похвалишь за княжну.

— Умный мой Иван, всех умней, — Настя погладила его по руке.

— Али говорит: мудрый.

— Ну, Али... Ошеломил он меня. Ты его историю еще не знаешь?

— Нет. Не до того было. Постой-ка. Что-то Стенька там такое голосит.

— Вот они верные мои, Васька и Федька! — Степан встал и положил руки на плечи Ваське Усу и Шелудяку. — А ты, Сережка, стало быть, уходишь?

— Я — вольный человек, — важно ответил Сережка, подоспевший как раз к тому часу, когда войско входило в город. — Я иду своим путем.

— А ты, Ивашко? — Повернулся Разин к Тихому.

— Мы с тобой навоевались вдоволь, — сказал Иван. — А теперь я уйду. Сам по себе побуду. Так что этот пир у нас прощальный.

За столом вдруг стало тихо. Все смотрели на Ивана

— Неужто меня бросишь? — жалобно сказал Степан. — А ежели я тебя попрошу не уходить?

— Чудные твои речи, — сухо ответил Иван. — Как тебя можно бросить? Ты не малое дитя. Ты всему казачеству голова, а может, и того больше. Но казачьи отряды ходят сами по себе. На то они и казаки. Так что удачи тебе.

— Тебе тоже, — сквозь зубы сказал Степан. — Ну, гляди.

По столу прошел ропот.

Вскоре стали расходиться. Иван с Настей ушли не из первых, но и не засиделись.

Остались только свои. Так и сидели кучкой, пока прислуга уносила грязную посуду, открывала окна и вообще старалась хоть какой порядок навести.

— Ну, хватит! — гаркнул Стенька и прислуживающих казачков как смыло. Фролка сел к окошку, закурил. Васька Ус остался, Федька Шелудяк. И Борис, конечно, без него невозможно. Вошел не бывший на пиру начальник разведки Данило, пожилой, просто одетый, с проседью в кудрях. Да еще несколько человек, про которых знали, что ребята уж точно свои.

— И чего ж ты, Стенька, хочешь? — спросил Ус.

— Я хочу, чтоб он остался. Пусть будет у меня на глазах.

— Как ты его оставишь, — резонно возразил Федька. — Он вольный казак, атаман. У него две тыщи войска.

— Больше трех, — поправил Данило. — За городом его пехота стоит. И пушкари.

— Уже и пушками обзавелся, — со злостью сказал Степан. — Не выпущу. Пошлю к нему домой своих стражников, пусть приволокут его в застенки. Он мой приказ о казни нарушил. Щенка этого Прозоровских от смерти спас.

— Этого никто не видел, — мягко сказал Борис.

— А больше некому. Бедняки рады. Дворяне не смеют. А казакам все равно. Только у Тихого жена уж больно жалостлива, а он для нее на все готов.

— Ежели мы его захватим, — сказал Васька, — его отряд будет его отбивать. А отряд сильный.

— Наш тоже не слабый, — отрезал Стенька. — У него всего три тысячи, а наших больше десяти. Задавим.

— Не годится между казаками бой затевать, — зевая, проговорил Шелудяк. — Чего ты, право, к нему привязался? Отпусти его.

— Вот, вот, — подхватил Борис. — Я много с ним говорил. У него и в мыслях нет с тобой соперничать.

— Молчи, Борька! Батогов захотел по своей недворянской заднице? Это мы тебе мигом устроим. Что ты на две стороны играешь? Кому служишь — мне или ему?

— Тебе, тебе, — ворчливо ответил Борис. — Потому и спрашиваю его — проверяю твои подозрения.

— И ничего не нащупал?

— Не хочешь, не верь! Ничего!

— Это разговор пустой, — вмешался вдруг молчаливый начальник разведки. — Мои ребята побродили сегодня среди казаков. Иные говорят: «Так и надо княжескому щенку. Перевешать бы все ихнее племя». А многие недовольны. «Казаки, мол, не воюют с детьми. Мы против притеснителей народа. А мальчонка, чем он виноват? Что мы ироды, что ли, детей мучить?» И хвалят того стрелка. Считают, Тихий стрелял, больше некому. Не пойдут они с Иваном сражаться. Твои казаки не пойдут. Уважают его. Вместе с ним сколько сражений выиграла!

Стенька скрипнул зубами и глаза его мрачно сверкнули.

— Да, битая карта, — заметил Борис. — Сыскать бы какой небольшой козырек.

— Небольшой козырек, отчего ж не сыскать, — подал голос от окна Фрол, не участвовавший в споре.

— Фролка, брат! Придумал что-то? — обрадовался Степан.

— Придумать не придумал, а кое-что знаю. Вот как раз небольшой козырек. Иван, может, им пожертвует. Но вряд ли.

Тут уж все встrepенулись: «Выкладывай! Не томи!» Стенькин охотничий азарт захватил наконец атаманов.

* * *

Ночью в двери дома, где стоял атаман Тихий, застучали жесткие кулаки. «Отворяй! — кричали в окна и за дверь. — Стража Разина. Немедля отворить!»

Иван быстро, как кошка, соскочил с кровати, и босиком, в одной

сорочке, прихватив саблю, бросился к дверям.

— Чего надобно? Людям спать не даете! — крикнул он. — Распустили вас.

— У тебя в доме вражеский лазутчик! Выдай нам стремянного и будешь спать.

В сенях уже собрались все домочадцы, охрана и двое разведчиков, которых Иван оставил ночевать. Все растрепанные, полуодетые.

Иван повернулся к Гавриле и тихо спросил:

— У черной двери?..

— Стоят двое, — ответил Гаврюша.

— Сумеешь выбраться незаметно? И созовай сюда наших.

— Попробую суметь, — буркнул лазутчик.

Настя взглянула на Сережу с Костей. Как всегда, они стояли рядом. Оба встревожены, напряжены.

— Нету стремянного, — отозвался Иван. — Днем еще ушел и не вернулся. Загулял, небось, с какой-либо девчонкой. А зачем он вам?

— Он племянник Яковлева, выкормыш его. И ты не дури, сам это знаешь, он ведь твой крестник. Не выдашь крестника, тебя заберем.

— Сроду никого не крестил, на Писании могу поклясться, — сказал Иван. — А ежели я отворю, то тут же всех вас перережу. Я ведь с охраной. И сам на саблях не последний. Не ломитесь так уж в дверь, что спешить себе на погибель?

Он взял за руку Костю и подтолкнул его к Насте.

— Отведи его в спальню, — сказал он тихо. — Переодень в свое. И тут же начинай собираться в дорогу. Вы тоже, — повернулся он к остальным.

В дверь продолжали колотить.

— Господи! — Шепотом вскрикнула Настя. — Да я на голову выше его. Он в подоле запутается.

— Как-нибудь его подвяжешь.

— Я сейчас свою одежду принесу, — вызвалась Оля.

Гаврюша бесшумно приоткрыл черную дверь, поднял с земли камень и бросил в кусты. Наблюдавшие за черным ходом Стенькины стражники бросились на шум веток. Гаврила тем временем был уже у забора, раздвинул две доски, державшиеся кое-как, и выбрался через лаз в соседний сад.

В спальне Настя открывала сундуки, увязывала в узлы вещи. В комнату скользнула Оля, сунула Косте ворох своей одежды.

— Переодевайся, я не смотрю, — сказала Настя. — Ты правда племянник Яковлева?

— Нет, мы дальняя родня.

— А что им в голову пришло, что ты крестник Ивана? Наговор?

— Да не совсем. Кирилл Федорович был мой крестный.
— Кто это — Кирилл Федорович?
— Ты что ж не знаешь, как твоего свекра звать? — изумился Костя.

Настя резко повернула голову. Костя стоял в пестрой юбке и вертел в руках кофту с оборками, не зная, как с ней быть.

— Дай я тебе помогу, — сказала Настя. — Тут пуговики. Так уж вышло, что мы родни друг друга не знаем. Значит отец Ивана — твой крестный отец? Ты говоришь: был. Он умер?

— В прошлом годе.

— Расскажи мне про него. Какой он был? Об Иване говорил когда-нибудь?

— Он наш станишный атаман. Так и скончался атаманом. Строгих правил был, но справедливый, уважали его. А об Иване Кирилловиче он всех проезжих спрашивал. И молился за него.

— Ругал его?

— При мне — нет. Что раньше было, не знаю. Говорят, серчал очень. Года два назад к нему Корнило Яковлев приезжал. Они ведь старые друзья, только виделись редко. Кирилл Федорович сказал ему: «Отмолил я сына. Наша порода сказала. Перебесился, а сейчас достойно себя ведет. Ему бы только со Стенькой развязаться». А незадолго до смерти — болел уже — велел мне сыскать Ивана Кирилловича, передать его благословение, образок, и служить ему.

— И где же ты сыскал его?

— Прошлой осенью в Москве. А ты не знала, что у него отцовский образок?

— Есть какой-то образок. Только он его прячет. И при мне не молился.

— Как эти женские сапоги надевать? Не лезут.

— Они малы тебе. В своих останься. У женщин руки и ноги меньше, чем у мужчин. Ах, Ваня, Ванечка, зачем же ты скрывал все это? — она вздохнула. — А что мать его жива?

— Нет, Анна Петровна давно умерла. Я ее не помню.

Вошел Али. В руках у него была накладка из рыжих женских волос.

— Дай красавец, я ее тебе прилажу.

В женской кофточке, с рыжей кудрявой накладкой черноглазый Костя превратился в прехорошенькую молодую девчонку.

За окнами слышался стук копыт, голоса. Становилось все более шумно.

Голоса раздавались и в доме. С черного хода вошли казаки. Иван отпер дверь.

— Милости просим! Проверяйте.

В спальню вошла Оля помочь Насте собираться, а следом за

нею ввалился Хохлов.

— Какая у тебя красотка-то! — сказал Петро Насте. — Новенькая, что ли?

— О, Господи, ни одну не пропустит! — вздохнула Оля. — Стремянный это, Костя, понял, бабник? Захватить его хотят.

— Этого мы не допустим, — сказал Петро и, подтащив Костю к окну, заслонил его, плечистый, крупный.

Стенькины стражники шарили по горницам. Всюду было полно казаков. Заглянули в спальню.

— Ну, тут одни бабы. Только Хохлов затесался.

— Пошли, братцы, — раздался голос их старшины. — Ну, хозяин, устроил ты нам баню. Не волнуйся, с рук это тебе не сойдет.

И хлопнул дверью.

— Петро, — сказал Иван, — всему отряду мой приказ: собраться у этого дома, как можно скорее, и вон из города! Парнишку возьми с собой, пусть переоденется в мужское.

— Зачем? — сказал Петро. — наших казаков будут провожать девчонки, а иные и совсем уйдут. Такую рыженькую и мне провезти не зазорно. Пошли, краля! — сказал он, небрежно обхватив рукою Костин стан.

Оля в ярости бросила на пол большое блюдо, которое никак не могла уложить. С грохотом посыпались осколки.

— Ну, ты, мать, ревнива, — удивился Иван.

— Да брось ты его, ради Бога, пока не поздно! — крикнула Настя. — Не видишь, что ли? Толку не будет с ним.

Прошло совсем немного времени, — еще и солнце не взошло, а только стало светлее на улицах, — вся часть Иванова отряда, оставшаяся в городе: полторы тысячи казаков, кибитки, обоз, мигом сорвались с места по приказу атамана, и понесся мимо сонных ставень стремительный стальной отряд. Он, как нож, вонзался в тихие улицы. И вот уже ворота впереди, а у ворот какие-то люди, и в стороне конный отряд.

Иван и Настя, ехавшие впереди, первыми и увидели: у ворот стоит Разин и улыбается светлой улыбкой, а рядом Фрол и все остальные.

Иван остановился вплотную у ворот.

— Что еще тебе от меня надо, Степан Тимофеевич?

Стенька улыбался так приветливо, что, казалось, каменное сердце должно растаять.

— Не серчай, ты же Тихий, и мы старые друзья. Не могу я расстаться с тобой насовсем, так, чтоб никакая ниточка не тянулась между нами.

— И какая же ниточка тебе от меня нужна? — настороженно спросил Иван.

— Видишь ли, Ваня, — смущенно улыбаясь, произнес Степан, — месяца не прошло, как ты мне сам же предложил бесценную лазутчицу, твою супругу.

— Что? — с тихой яростью спросил Иван. — Жену тебе отдать, чтоб в лазутчицах у тебя служила? Ну, этого не будет!

— Да ты не кипятись, — Разин бы чарующе миролюбив. — Я же не говорю, чтоб она мне всегда помогала. Но в последний раз... Ты поверь: не могу я с тобой сразу расстаться, уж такой я странный человек, привязчивый. И разведчики нужны позарез, дело очень важное, в такой город...

— Что ж, во всем твоём войске лазутчиков не найдется? Невозможного просишь. Жену не отпущу.

— Настя, ну, блесни ещё разок своим умением. Ты же прирожденная лазутчица, бабьи дела — стряпня да стирка не для тебя.

Настя сидела на Каурке, как врытая, нахмуренная, без улыбки и молчала.

— Я большое дело затеваю, — доверительно рассказывал Степан. — Иду на север, к Москве почти вплотную приблизился. В Саратове у меня разведка есть и в Саранске и даже в Симбирске. А Нижний — такой город! — пусто, ни души.

— У тебя чуть не пятнадцать тысяч войска и ещё больше будет, — холодно проговорил Иван. — Народу тьма, найдешь какие-нибудь души.

Наступила тягостная тишина.

— Я поеду, — вдруг сказала Настя.

Иван взглянул на неё с ужасом. Не сошла ли она с ума? Но на сумасшедшую Настя никак не была похожа. Лицо спокойное, деловитое, без улыбки.

— Мне к кому явиться там? — спросила она. — Письмо какое-нибудь мне дадут или на словах просто?

— Все тебе дадут, — мягко говорил Степан. — И письмо, записочку сейчас напишет Данило. И какой дом искать. Захвати с собой лазутчиков, сколько сможешь. Муж твой сердится, много не даст.

Он не верил своему счастью. Со стремянным провалилось, и вдруг сумел сманить жену! Видно, не подвело его чутьё знаменитое, отыскал в ней чувствительную струну. Она честолюбива, любит лесть. И опасная игра ей по сердцу — это главное.

Иванова старшина с неприязнью смотрела на Настю, которая засовывала в сумку письмо и списки. Иван вообще не смотрел на жену.

Зато Стенькины друзья ликовали. Вот он Тихий, гордый человек, женившийся по пылкой любви на пятнадцатилетней девчонке. Вот она, молодая женушка, как с ним обошлась! Что

греха таить? Все больше или меньше завидовали его счастью. И злорадствовали сейчас.

Ворота отворились. Иван и Настя молча ехали порознь по выжженной жарким солнцем траве.

Иван был в недоумении. Так хотела вырваться из астраханского плена, что на все пошла, даже на новый плен? Нет, это на Настю непохоже, поступок глупый, малодушный, а Настя смела до отчаянности и, уж конечно, не глупа.

Сманил ее Стенька прелестными своими речами, как сманивает целые толпы, и ей захотелось еще раз опасной и дерзкой игры? Это после Астрахани-то? Быть того не может. И кто ее заставит стряпать на кухне и стирать? Свобода от Стеньки, уход из «плена», она хотела этого, ждала, считала дни. Что же на нее нашло так внезапно и неожиданно? Невозможно понять.

Настя пришпорила Каурку и быстро подъехала к мужу.

— Ваня, я должна тебе объяснить.

— Да не мешало бы, — сказал он сквозь зубы.

— Не знаю, как начать, — она растерянно улыбнулась. — Видишь ли, если бы он назвал любой другой город, я бы не поехала.

— Чем же тебя Нижний так прельстил?

— Мысль внезапная пришла. Ты понимаешь, мы очень мало знаем о родне друг друга.

Иван взглянул на нее изумленно.

— А родня тут причем?

— Ну, это надо знать. Мы ведь муж с женою. Мне вот стыдно стало, когда Костя удивился, что я не знаю даже, как звали твоего отца. Я поражена была его рассказом.

— О чем он говорил тебе? — настороженно спросил Иван.

— О том, что твой отец молился за тебя и расспрашивал о тебе всех. И что сказал Корниле Яковлеву: «Я сына отмолил». Он считал, что сказала ваша порода и ты сейчас достойный человек. Осталось лишь уйти от Стеньки. Я даже не знала, что они с Яковлевым старые друзья.

— Много же он тебе нарасказывал, — пробормотал Иван. — Я столько не знаю. Вот что значит, бабью юбку надел. То молчал все, а тут ишь как языком заработал.

— Тебе это неприятно? — обеспокоено спросила Настя.

— Нет, почему? Я отца уважал. Только при чем тут Нижний Новгород, не пойму.

Настя уже не искала слов.

— А при том, что в Нижнем живет самая близкая моя родня. Моя родная тетка, матушкина сестра. Она в Нижнем уважаемая особа, с воеводой в дружбе... Ну, в общем, входит в самый высший

круг. Вот и решила я сослужить в Нижнем службу, только не Стеньке, а тебе.

— Как это?

— Рассказать, какой ты человек — справедливый, уважаешь закон. Про твою воинскую мудрость и отвагу. И про твой отряд, как набирал его по человечку.

Тетя Даша мне поверит, — убеждала Настя, — она умная. Но что рассказ мой — просто слова. Хорошо бы ты письмо какое написал, объяснил про себя.

— Что объяснять и кому?

Настя тронула его за рукав.

— Не сердись. Это, правда, нужно. Напиши, чего ты хочешь и за что воюешь. И про то, что с Разиным разошелся, беспременно напиши.

— И кому я это напишу?

— Им, во-первых, нижегородским сильным людям. А они кому угодно могут передать. Ну, даже государю.

— Я не стану ему писать, — сказал Иван. — Написать царю — это значит от всех целей своих отказаться, пойти под его руку и, волюшка моя, прощай. Да он и не слышал обо мне, что ему какой — то атаман Тихий?

— Ну, напиши в Сысской приказ. Там о тебе слышали.

— Уж там-то слышали! Как волка, обложили, неделю прятался по лесам. Им писать после этого? Доложиться: я, мол, теперь и вправду тихий. А может и покаяться? Прощенья попросить?

— Да, им не надобно. Ну, я не знаю. Ты что, никому не станешь писать?

— Я подумаю. Может, и буду. А что тетушка твоя — дворянка? Помещица богатая? Кто ее муж?

— Мы все дворяне, Ванечка. А тетушка — вдова, живет в городе. Богатая, да. Но в именье не часто ездит. У нее еще есть несколько деревень. Что-то мне, наверное, оставит. Я одна — родная племянница у нее.

— Ты не больно-то засиживайся там, наследница. Как бы тебе в разинскую западню не попасть. Стенька живо разберется, кому ты служишь, особенно когда узнает, чья ты племянница. Так что долго ждать я не буду — страшно мне за тебя, а ты прямо, как дитя. В опасное дело влезла, не шутики. Я в скором времени пришлю за тобой и сразу уезжай. Скажи, голубонька, как тетушку твою в Нижнем сыскать? Именье это, как прозывается?

— Она княгиня Болховская, — ответила Настя. — Дом ее все знают. И именье тоже, от города всего в семи верстах. Никитское.

— Княгиня? Ну, дела! — Иван взглянул на Настю с любопытством. — Что ж ты мужу-то не упомянула ни разу, что у тебя тетка княгиня?

— Случая не было. Мы ведь не говорили про родню. Я тоже не знала, что твой отец станичный атаман.

— Атаман — что за диковина? Я сам атаман.

— Вот тебе в диковину князья, а им — атаманы.

Он усмехнулся.

— Да, пожалуй. Как нас с тобой судьба-то свела! Любушка ты моя, вольная птаха! Улетела от князей к казаку!

Он притянул ее к себе рукой, поцеловал. И те, кто поглядывал на них, подумали: «Помирились, и слава Богу. Наша Настя — верная жена. Небось, придумала какую-то хитрость атаману на пользу. Зря обрадовался Стенька».

* * *

На привал стали вечером, но солнце еще не село и было совсем светло, — жаркий, солнечный, июньский день.

Иван сидел на пне и писал, неторопливо, часто останавливаясь, думая. Настя прохаживалась в стороне, всем своим видом показывая полнейшее безразличие. Но вдруг заметила: он все поглядывает на нее, и спохватилась — ведь я ему мешаю, уйти надо, не мелькать в глазах. Кстати, и дело какое-то было. Вроде, важное... Батюшки, Али!

«Тайна... какая-то тайна его угнетала. «Еле дождался», — сказал он Ване. И ждал меня, такой счастливый, хотел все рассказать, а я отмахнулась. И слова доброго не сказала. Как я могла?»

Лазутчика она отыскала быстро. Он сидел одинокий, грустный. Черные азиатские глаза мрачно взглянули на Настю.

— Я ничего не расскажу тебе, — сказал Али. — Зачем навязывать человеку то, что ему не важно.

— Али, голубчик, не обижайся на меня. Ты же видел: я была сама не своя от всех этих зверских казней.

— Ты очень чувствительна и постоянно скорбишь о погибших, — сказал он. — Живой человек мучился рядом с тобой несколько недель, но тебе он был безразличен, просто потому, что он жив. Как у вас, у христиан, говорится? Пусть мертвые хоронят свои мертвецов. Но ты какая-то другая христианка. Все оплакиваешь мертвых и не думаешь о живых. Русские вообще жалеют только мертвых. Верите ли вы, что есть рай?

Она отошла от него в глубокой задумчивости. Он прав, конечно. Но как не жалеть людей, погибших такой страшной смертью?

Тайну Али рассказал ей поздно вечером Иван. А сейчас, смущенная и притихшая, она вернулась к мужу. Он все еще сидел на пенке.

Как ни медленно трудился над своим посланьем атаман, труды его уже завершились, и он недоуменно поглядывал по сторонам

— искал жену. То все бегала, кружила рядом и исчезла вдруг. А вот она, наконец, только грустная, растерянная какая-то.

— Вот, — он протянул ей лист бумаги, неуверенно глядя снизу вверх на жену.

Настя схватила листок.

— «В Посольский приказ»... — прочла она и растерянно на него взглянула.

— Что ты встрепенулась-то? Мы донские казаки и дела наши ведает Посольский приказ. Вот попадет это письмо к твоему батюшке в руки, а он и не узнает, что его зять писал.

— Как не узнает? Он ведь от тетушки его получит. Я думаю, он поможет нам. А почему ты в свой, Казачий приказ не пишешь?

— Был да сплыл Казачий. Его уж нет 23 года. Государь наш Алексей Михайлович сразу его закрыл, как только престол занял. Небось, Борис Морозов посоветовал. Так что, хошь не хошь, Посольский остаётся. Там сидит бывший казачий сотник, он ведает наши дела.

— Да, я вижу ты к нему пишешь. Но, признаюсь, милый, я про него сроду не слыхала. Ты хоть знаешь его? Что он за человек?

— Я его знаю, и он меня знает, человек не глупый и толковый. Приказ наш уничтожили, но хоть в этом повезло.

— Пожалуй.

Настя снова стала читать.

«Я атаман казачьего отряда... сабель». Сколько сабель, почему не написал?

— Я провожу тебя полдороги. За это время, думаю разрастется отряд.

— Да, в самом деле... «Иван Орехов — Господи, даже прозвание наше с тобой не знаю, «известный также, как Иван Тихий, сообщаю... бывшего друга и союзника... ушел навсегда и соратничать больше не буду... защищать закон и справедливость... — Написал все же «закон» — молодец! — готов на временный союз с казачьим и иным войском в случае согласия... Никогда не стану сражаться против Разина лично и участвовать в деяниях направленных на его убийство либо пленение... С тем остаюсь...» Хорошо написано, достойно. Точки ставишь, а запятые пошто не взлюбил?

— Не взлюбил и все. Нет приязни.

— Ясно. Сердцу не прикажешь.

— Надо старшине нашей и сотникам показать и объяснить, что мы от целей своих не отказались и по-прежнему стоим за народ.

— Объясни, конечно. Они скажут казакам. За народ, мы, я думаю, и правда стоим. Но уже не по-прежнему, Ваня.

— Не понял тебя. Скажи ясно.

— Ванечка, но мы же убедились, что чем сильнее разрастается

бунт, тем больше гибнет людей, льется крови, ожесточаются сердца, а землю никто не пашет и народ живет не лучше, а все хуже. Мы будем стараться, чтобы людям было лучше, но ведь не так, как Разин. Мы же поэтому от него ушли.

— Все так, — сказал Иван, — но казакам об этом говорить не надо. Сделается все само собой.

И она в который раз подумала, что любимый ее муж очень умен, при всей неприязни к знакам препинания.

* * *

Грустная это была неделя. Впереди разлука и, Бог знает, сколь долгая. Ах, не ценили, не ценили они ту казавшуюся им бесконечной дорогу с погонями и перестрелками, когда они были все время вдвоем и ночевали то в лесу, то на чьих-то сеновалах.

А потом пришел конец провожанью. Настя села в возок. Гаврюша взялся за вожжи, Сережа и Али поехали на телеге с вещами, припасами и подарками тете Даше, княгине Болховской. На приставной скамеечке напротив Насти пристроилась Машутка, — Оля захотела остаться с войском, видно, мучитель Хохлов крепко засел в ее сердце. Ее оставили охотно — Олю любили в отряде, да и стряпала она хорошо, но куда ей было до Прошки! Впрочем мордастый искусник повар отошел в область воспоминаний. Прошка остался в Астрахани — его переманил к себе Борис.

Прощались — сердце разрывалось, но старались не показывать виду. Столбик пыли от Настиного «каравана» — возок и телега — быстро таял, удаляясь на север, к тете Даше с ее высшим кругом, к разинским людишкам — все будут за ней следить. А огромная, похожая на грозовую, пыльная туча, которую взбил копытами четырехтысячный отряд, еще долго видна была на дороге, ведущей на юг и восток — в Пензу, в самую гущу мятежа.

Авторы журнала

Биографические справки

КОПЫЧКО (Южно) Юлия Геннадиевна, украинка, родилась 12 января 1958 года в городе Черкассы. Закончила Харьковский институт культуры по специальности «библиотекарь-библиограф» (1979). Член СП России и ТАЛ «Слобожанщина».

Живет в г. Харькове.

КОРОТКОВА Екатерина Васильевна родилась в Киеве. Окончила Харьковский институт иностранных языков (англ. отд.). Профессиональный писатель и переводчик. Член СП России.

Живет в Москве.

МЕЛЬНИЦКАЯ Инна Владимировна (Гаврильченко, урождённая Оскнер) родилась в Харькове. Окончила Харьковский институт иностранных языков (1949) и аспирантуру при нём (1952). Награждена итальянской юбилейной медалью Ass.Naz.Alpini (1943-1993). Лауреат международной премии им. Долгорукова, премии им. Б.Слущкого, юбилейной премии журнала «Радуга». Член НСП Украины, СП России.

Живёт в г. Харькове.

МИРОНЕНКО Анатолий Антонович (25.04.1937-23.08.2009) родился в селе Росава Мироновского р-на на Киевщине. Окончил Горловский государственный пединститут иностранных языков. Лауреат премии им. В.Сосюры Донецкого областного фонда культуры. Член НСЖУ.

САВЕЛЬЕВ Константин Васильевич родился в 1957 году. Учился в техническом ВУЗе и Литинституте, печатался в различных журналах, альманахах, сборниках. Член НСП Украины.

Живет в Харькове.

СМОЛЕНСКАЯ Светлана Алексеевна родилась в г. Харькове. Окончила архитектурный ф-т Харьковского инженерно-строительного института (1977). Кандидат архитектуры (1993), доцент. Член НСЖ Украины, член СП России.

Живет в г. Харькове.

СОДЕРЖАНИЕ

ПОЭЗИЯ

Юлия КОПЫЧКО. «Ты слышишь? Я тебя люблю...»	3
Анатолий МИРОНЕНКО. Моє Святогір'я	11
Инна МЕЛЬНИЦКАЯ. Мелодия для флейты	18
Константин САВЕЛЬЕВ. «И сердце мечется в гортани...»	23
Светлана СМОЛЕНСКАЯ. «Жизнь отбывая меж чужих любовей...»	30

ПРОЗА

Екатерина КОРОТКОВА. Атаманша	38
-------------------------------------	----

АВТОРЫ ЖУРНАЛА

Биографические справки	262
------------------------------	-----

Литературно-художественный журнал

СЛАВЯНИН

№21

Гл. редактор Л.И. Мачулин
Редактор отдела поэзии Р.А. Катаева

Корректор *А.Н. Балабанова*
Художественный редактор *В.В. Вербицкий*
Вёрстка *А.И. Забродин*

Подписано к печати 31.06.2014. Формат 70x108 1/16. Бумага офсет.
Печать офсет. Гарнитура PragmaticaCondСТТ. Усл. печ. л. 14,30. Уч.-изд. л.
14,70. Изд. №2. Зак. №__. Тир. 500 экз.

Учредитель: 000 «Институт Восточно-славянской цивилизации».
61012, Харьков, ул. Полтавский шлях, 9, кв.1, 1А.

Адрес редакции для писем:
а/я 9127, Харьков, 61057, Украина.
е-mail: editor01@list.ru
<http://slvn.org/>

Издатель: Мачулин Л.И.
61057, г. Харьков-57, ул. Рымарская, 17, оф.14.
Свидетельство о госрегистрации: серия ХК №125 от 24.11.2004 г.
ISSN 2221-9331